

КОНСТАНТИН КРАСИЛЬНИКОВ
ЕЛЕНА АПАРЕЕВА

ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В КАМНЕРЕЗНОМ
ИСКУССТВЕ

По материалам
статуарных комплексов
Степного Подонцовья

Казань 2021

УДК956.1024(075.4)56.1024(075.4)

ББК 66.4666

К78

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии
им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

Ответственные редакторы:

Ситдиков А.Г. – член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук

Хузин Ф.Ш. – член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук

Рецензенты:

Винников А.З. – доктор исторических наук, профессор

Кызласов И.Л. – доктор исторических наук

К78 Красильников К.И., Апареева Е.К. Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуарных комплексов Степного Подонцовья / Институт археологии Академии наук Республики Татарстан; (отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин). – Казань: ИА АН РТ, 2021. – 368 с.: илл.

ISBN: 978-5-9690-0949-3

Книга посвящена малоизвестным сюжетам истории юго-восточных степей Восточной Европы и рассматривает проблемы диалога культур, запечатленных в камнерезном искусстве индоевропейских IV–II тыс. до н. э., ираноязычных I тыс. до н.э. и тюркских команно-кыпчакских племен начала II тыс. н. э. Общий хронологический диапазон исследуемых артефактных источников в пределах 5 тысяч лет. Источниковедческую базу составляют более 135 единиц произведений камнерезного искусства, из которых около 80 собраны в парк-музей в г. Луганске. Они и являются непосредственными «участниками» этнокультурных диалогов.

Статуарное искусство представлено антропоморфными стелами, менгировидными идолами эпохи ранних металлов, средневековыми тюркскими (половецкими XI–XIII вв.) изваяниями в виде стел, объемных скульптур, монументальных статуй. Вся серия артефактов археологического происхождения собрана при разведках и раскопках, проводимых с 60-х годов XX ст. в пределах Степного Подонцовья. Содержание книги включает: историю поисков и открытий монументальных произведений искусства, предметные характеристики и иконографические особенности местной камнерезной отрасли, обстоятельства средоточения скульптур в Донецком кряже, композиционной сменяемости статуарных форм в направлении от упрощенных изделий к совершенным классическим постантичным статуям. Отчасти рассмотрены вопросы петрографии, мастерских, технологий изготовления, транспортировки статуарных монолитов.

Отдельно выделены вопросы семантики и сакралитета команно-кыпчаков, решения которых подтверждено раскопками сакральных мест и святилищ, с сохранившимися в них изваяниями. Статистика мужских и женских изваяний, специфическая иконография, гарнитура и аксессуары более всего характерные женским образам, обозначают возрастной и социальный статус женщин в среде кочевников.

Ведущее место в работе отведено поискам и содержанию диалога народов Евразийского пространства в системе культурогенеза этносов средневековья. Материалы статуарной коллекции парка-музея предоставляют наглядно-объективную информацию о культурных взаимодействиях, происходивших в степном юго-востоке Восточной Европы, Поволжье, Центральной и Средней Азии с участием населения тюркской этногруппы.

Документальность первоисточников статуарных артефактов индоевропейских, ираноязычных и тюркоязычных племен подтверждают иллюстрации в тексте, а также альбомы, в которых каждое изобразительное изделие сопровождается информативно-справочным содержанием. По художественной, этнокультурной значимости коллекция достойна статуса национального достояния.

Книга является источником наглядности и предметного познания истории Отечества учителями и студентами, она одинаково полезна искусствоведам, культурологам, творческим работникам, скульпторам, художникам, краеведам, всем интересующимся историей и искусством исчезнувших племен и обществ.

ISBN 978-5-9690-0949-3

УДК956.1024(075.4)56.1024(075.4)

ББК 66.4666

Все права защищены. Эту книгу нельзя воспроизводить в любой форме и никакими способами без предварительного письменного согласия авторов.

© Институт археологии АН РТ

© Красильников К.И., Апареева Е.К.

Введение	5
РАЗДЕЛ I	
Антропоморфные изображения, стелы, идолы, менгиры как артефакты истории и диалога культур населения степей Восточной Европы в древности.....	9
Обзор источников и их интерпретация	10
РАЗДЕЛ II	
Скульптуры ираноязычных племен I тыс. до н. э.....	31
Некоторые фрагменты статуарного искусства населения степей раннего железного века.....	32
РАЗДЕЛ III	
Тюркское статуарное искусство XI–XIII столетий восточноевропейских степей в контексте евразийского культурогенеза	41
Очерк из истории находок и познаний тюркского камнерезного искусства	42
Типология тюркских изваяний Степного Подонцовья	50
Признаки возрастной и социально-сакральной «персонификации» женских статуй	68
Предметы, изображенные на скульптурах	80
Обобщенная портретность или индивидуальность.....	87
Семантизм каменных изваяний	91
Технологии изготовления и транспортировки статуй.....	112
Петрографические данные изваяний	123
Коллекции и вероятное количество тюркских каменных изваяний в степном юго-востоке Восточной Европы	128
Судьбы каменных изваяний в прошлом и настоящем	131
Проблемы сохранения и изучения статуарного наследия	138
Неизвестное об известном.....	143
Половцы в сюжетах истории восточноевропейских степей	147
Заключение	167
Эпилог	170
АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАТАЛОГ ИЗВАЯНИЙ ПАРКА-МУЗЕЯ	
Парк-музей статуарного искусства в Луганске	175
Часть I. Антропоморфные изображения и изваяния индоевропейских и ираноязычных племен.....	184
Часть II. Изваяния коман-кипчаков, половцев XI–XIII вв. степей Донецкого края в парке-музее города Луганска.....	212
Литература и источники.....	358
Список сокращений	367

ИСКАТЕЛЕЙ ИСТИН
СУДЬБА НЕЛЕГКА.
НО ТЕНЬ ИХ ДОСТАНЕТ
В ВЕКАХ ОБЛАКА

Пьер Ферма

Памяти
Светланы Александровны Плетневой,
ученого-исследователя
половецкого статуарного искусства,
посвящаем

*У рода человеческого не возникало
ни одной замечательной мысли,
которую он не запечатлел бы в камне.*
В. Гюго

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга посвящена уникальным творениям человека – монументальным статуарным памятникам в виде антропоморфных стел, идолов и скульптур, выявленным на сравнительно ограниченном, не более 9 тыс. км², массиве, в пространстве нижнедонского правобережья с географическим понятием Степное Подонцовье, точнее в Донецком кряже. Истоки формирования духовности обитателей обозначенных массивов восходят к миниатюрным формам в виде скульптурок и гравировок, относящихся к каменному веку. Их возраст в пределах 25–15 тысяч лет и они представляют искусство финального палеолита. Позднее, спустя тысячелетия, здесь же наблюдаем появление монументальных стеловидных антропоморфных образов, созданных в эпоху ранних металлов индоевропейскими племенами, обитавшими в Доно-Донецких степях около 7–4 тысяч лет тому назад.

Круг вопросов, связанных с изучением монументального камнерезного искусства ушедших обществ, в культурологических концепциях во многом определен. Например, древнейшие статуарные памятники – антропоморфные стелы эпохи ранних металлов V–II тыс. до н. э. являются неоспоримым феноменом индоевропейцев Восточной Европы. Материальные и духовные проявления, сакралитет этого народа, помимо подкурганых погребальных памятников и

бытовых поселений ямного, катакомбного, срубного времени IV–II тыс. до н. э., воплощены в статуарных формах.

По мнению некоторых ученых камнерезное искусство индоевропейцев имеет азиатские корни, но оно получило развитие в ситуации продолжительного пребывания и симбиоза различных этнокультур в степных Доно-Днестровских пространствах.

Следующий этап монументального искусства связан с ираноязычными племенами I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. В пределах Степного Подонцовья классических, достоверно скифо-сарматских скульптур пока не найдено, видимо, донецкие степи все же являлись отдаленной периферией легендарных, по античным преданиям, скифских «Герр» Борисфена. Исключением является менгировидная стела, вошедшая в коллекцию парка-музея г. Луганска в 2013 г., скифскую принадлежность и хронологию которой еще предстоит обосновывать.

В начале II тыс. н. э. степи юга Восточной Европы оказались заполненными тюркоязычными племенами, переселившимися из Средней Азии, Семиречья и Казахстана. Они вписали собственную страницу в историю восточноевропейских степей, в том числе посредством камнерезного искусства. По статуям без труда определяем восточные этнотипы изображенных персонажей, с учетом географии местонахождений статуй, обозначаем

территории расселения комано-кипчаков, познав иконографические особенности скульптур, а тем более, выявив места их сосредоточения, предполагаем возможность присутствия сакральных зон и даже святилищ, из них получаем информацию, касающуюся семантических идей, заложенных в изваяниях.

Сопоставляя изделия статуарного искусства из Доно-Донецкого географического пространства, наблюдаем отсутствие иконографической преемственности между антропоморфными стелами индоевропейцев эпохи ранних металлов, скульптурами индоиранцев раннего железного века, тюркскими средневековыми изваяниями. В этом случае мы вправе констатировать существование в Подонцовье самостоятельных образцов, этапов и центров монументального искусства. Это же замечание касается семантических особенностей каждой отдельно взятой серии скульптур.

Такие наблюдения определяют структурное построение рассматриваемых в книге статуарных форм.

Первый раздел, «Антропоморфные изображения, стелы, столбы, менгиры, как артефакты истории и диалога культуры населения степей Восточной Европы в древности», посвящен анализу статуарного искусства народов эпохи ранних металлов (Альбом иллюстраций. Часть I). Относительно фрагментарно, в основном с целью обозначить системность статуарного творчества, мы привели некоторые данные о скульптурах ранних кочевников, в частности, ираноязычных скифов.

Второй, заметно объемней, раздел книги, включает анализ камнерезного искусства средневековых тюркоязычных племен. Здесь, помимо ознакомительного очерка, касающегося специфики характерных им каменных изваяний, затронуты вопросы происхождения и условий распространения тюркских статуй

в Донском Правобережье, на Северском Донце, но, прежде всего, в степных пространствах Донецкого кряжа. В системе специальных вопросов, касающихся статуй, рассматриваем их типологию, иконографические особенности женских и мужских изображений, технику изготовления, намечаем динамику изменения форм и иконографии в контексте хронологии, приблизительно обозначаем карьеры, из которых происходят заготовки к изваяниям. С вопросами обобщающего и одновременно эксклюзивного характера мы относим: портретность, одежду и амуницию воинов на мужских, аксессуары и гарнитуру – на женских скульптурах.

В числе проблемных и актуальных для историков тем остаются: изваяния и погребения, святилища и сакральные комплексы кочевников. В предлагаемой работе эти темы находят свое место.

Вопросами познавательно-краеведческого характера являются статистика сохранившихся из XI–XIII вв. и до сегодняшних дней статуарных артефактов, сосредоточенных в коллекциях музеев Луганской области и в историко-природных заповедниках Донецкого кряжа. Несомненно, актуальны проблемы сохранения и перспективы дальнейшего изучения памятников камнерезного искусства тюркютов на Евразийском пространстве.

Значительный объем книги занимают иллюстрации (Альбом иллюстраций. Часть II) каждой реально существующей тюркской скульптуры. Они сопровождаются справочными данными и необходимыми комментариями, которые выглядят как каталог и рассчитаны не только на массового читателя, но и специалистов в области искусствоведения, истории, археологии, этнографии. В этой же связи мы приводим необходимую литературу.

В создании книги непосредственное участие принимали соратники и подвижники реализации задуманного издания:

Л. И. Красильникова; А. А. Флетерская и А. Н. Жданов.; Л. Прядко. Иллюстрации отдельных сюжетов взяты из зарисовок П. Н. Швердина, фотодизайн каталога скульптур и фотообраз современного парка-музея выполнены преподавателем Луганского колледжа культуры Л. Суворовой, вся серия графических прорисовок изваяний осуществлена А. Кокиной и И. Танич.

РАЗДЕЛ I

**АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ,
СТЕЛЫ, ИДОЛЫ, МЕНГИРЫ
КАК АРТЕФАКТЫ ИСТОРИИ
И ДИАЛОГА КУЛЬТУР
НАСЕЛЕНИЯ СТЕПЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ДРЕВНОСТИ**

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Рис. 1. Перекрытие погребальной ямы IV тыс. до н.э. плахами

Антропоморфные стелы вошли в научный обиход более 150 лет назад. Первая из них найдена в 1863 г. у села Наталовка на Днепропетровщине. В начале XX ст. их число возросло до десятка. Все они происходили из степных пространств от Северного Кавказа на востоке, до Дуная на западе. В 90-е годы XX ст. стел было уже более 360 экз. Их обнаруживали в насыпях курганов и под ними, ими перекрывали погребальные ямы, прикрывали входы-лазы камер катакомб. В этой связи принято считать, что антропоморфные изображения связаны с ямной, ямно-катакомбной культурно-исторической общностью IV–III тыс. до н. э.

Едины ученые и в вопросе индоевропейской этносреды, в которой возник и развился ими созданный скульптурный феномен, однако в проблеме происхождения стеловидных образов в северопонтийских степях немало разночтений. В частности, в теме, рассматривающей ситуацию появления и распространения древнейших скульптур в Восточной Европе, наметилось три направления. Два из них связаны с миграционными волнами. По мнению одной группы

ученых, из числа приверженцев теории «западной миграции», скульптуры происходят из Центральной Европы, а их появление в степях Причерноморья связано с перемещениями к востоку племен III – начала II тыс. до н. э. в лице древних индоарийцев. Вторая группа ученых определяет противоположное направление миграций – из территорий Передней Азии и Кавказа к западу в хронологическом пространстве IV–III тыс. до н. э. Значительная часть археологов Украины придерживается взглядов, согласно которым статуарное искусство степных племен имеет местные автохтонные корни. К примеру, появление антропоморфных образов связывают с древними, со времен палеолита, традициями, которые, как известно, представлены изделиями «малых форм», изображающими людей и животных.

В дальнейшем, в земледельческо-скотоводческом Триполье (культуре) появились терракотовые женские фигурки, и тогда же у скотоводов, так называемой, «среднестоговской культуры» – каменные монументальные антропоморфные формы. В целом же объемные статуарные изделия, получившие название «стелы», связывают с курганными, доянного периода Михайловского типа степными культурами V тыс. до н. э. Поднепровья, или 7–6 тыс. лет от современного периода [153, с. 5–6] (Альбом иллюстраций. Часть I, 2).

Материалы археологических раскопок курганов Подонцовья показывают, что культурогенез здешнего населения представляет сложное соцветие традиций. Одни из них связаны с племенами, пришедшими в доно-донецкие степи из Поволжья, другие – из Приуралья,

не менее влиятельными для населения степей оказалось воздействие волны «мигрантов» с Северного Кавказа. Этнокультурную поливариантную историю Подонцовья иллюстрируют изученные курганы, в которых расчищены захоронения, выполненные в разнотипных погребальных конструкциях. Одни, в ямах дооформленных бревенчато-плаховыми, длиной 2,5–3,5 м, перекрытиями (рис. 1; 2), другие отстроены в виде погребальных комнат-катакомб (рис. 3), третьи находятся под куполообразными, сооруженными из камня, архитектурными конструкциями, или в «дольменах» в виде каменных ящиков. Входы в погребальные камеры-катакомбы обычно закрыты бревенчатыми плахами-досками (рис. 2), каменными плитами, а иногда стелами с антропоморфными изображениями (рис. 3).

Традиции, связанные с присутствием в захоронениях антропоморфных изображений сохранились и в последующие периоды бронзового века, например, в срубной культуре II тыс. до н. э. (Альбом иллюстраций. Часть I, 8). В чем же причина устойчивости прослеживаемых обрядов? Племена, занимавшиеся пастушеским скотоводством и отчасти земледелием, естественно, были самодостаточными, однако, эти отрасли, в особенности скотоводство, существенно зависели от регрессивного, зачастую мешавшего нормальному хозяйственному ритму, состояния природы, поэтому «нуждались» в покровительствующих оберегах. Реальным посредником между природными факторами и хозяйственными системами, естественно, являлся человек, образ которого был воплощен в камне в виде антропоморфной статуи (рис. 4; 6). Эти же статуи могли фиксировать социальные изменения в укладе ранних скотоводов в направлении превознесения, возникшей в их среде, элиты [141, с. 19; 142,

с. 41]. В нашем представлении, одинаково приемлемы мнения исследователей, согласно которым столбовидные идолы служили степными ориентирами направлений перекочевков стад, ими же высказаны суждения о том, что стелы входили в погребальную атрибуцию степняков.

Наибольшее количество антропоморфных изображений известно в Крыму, в Приазовье, в устье Днепра и Южного Буга, всего же в степной части Восточной Европы на современный период значится около 380 статуарных памятников. Большинство в виде художественно оформленных стел-плит, столбов сопровождают подкурганские погребения IV – начала III тыс. до н. э. [39, с. 14]. Видимо,

Рис. 2. Плахи у входа в погребальную камеру III тыс. до н.э. Курган у с. Преображенное (К. Красильников)

Рис. 3. Антропоморфная стела при входе в катакомбу (с. Пионерское)

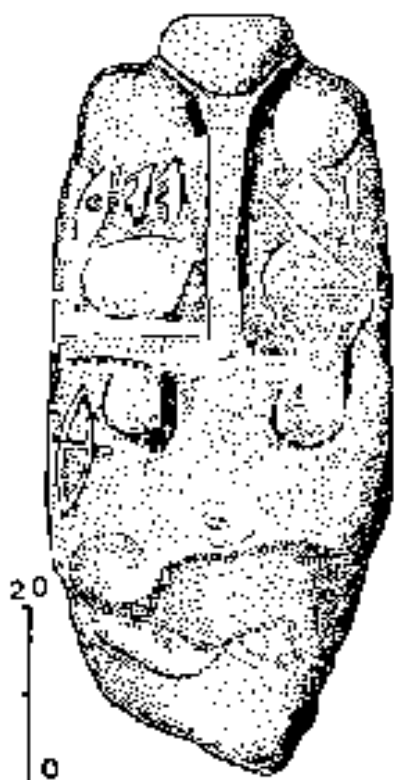

Рис. 4. Стела из кургана у г. Сватово (С. Братченко)

у племен ямной культурно-исторической общности сложились традиции вторичного, после хозяйственной востребованности в доямный период, использования антропоморфных изображений [153, с. 5. рис. 2; 43, с. 27–40, 137–138].

По данным картографирования находок археологи, в бассейнах степных рек, определяют несколько территориально локальных групп стел. Среди них и Северский Донец, материалы из которого вошли в науку в основном с 80-х гг. XX ст. [10, с. 70–81; 76, с. 134–143; 78, с. 88–98; 142, с. 33–38]. Луганщина входит в географический массив степного Среднедонечья. Здесь, к настоящему времени, как уже отмечалось, обнаружено более полутора десятков стел. Часть происходит непосредственно из погребальных комплексов, другая из насыпей курганов, порой перекрытых каменными плитами в виде панцирей. Иногда стелы находятся

на поверхности холмов. В этой связи их, как и столбообразные антропоморфные менгиры-монолиты не следует связывать исключительно с племенами доямной или древнеямной культур, но опять же со скотоводами, погребальные обряды которых датируют второй половиной II тыс. до н. э., что соответствует хронологии финала эпохи бронзы.

По внешнему образу и изобразительной иконографии, выявленные в степном Подонцовье монолиты, с признаками искусственной обработки, или естественной природной «антроповидности», следует подразделить на пять групп [186, с. 21–36] (Альбом иллюстраций. Часть I, 2–8):

- «антропообразные», плоской формы, они же плиты природного происхождения;
- стелы со следами обработки по всей плоскости;
- антропоморфные стелы с изображением головы, отчасти туловища;
- округлые идолообразные, со следами некоторой подработкой, столбы;
- столбовидные природные менгиры округло-квадратного сечения, без очевидных признаков обработки.

Специфическую группу составляют вероятные плиты-жертвенники, на поверхностях которых можно наблюдать линзовидные углубления.

Вся серия рассматриваемых нами статуарных форм изготовлена из песчаников, отчасти мергелей, составляющих основу геологических образований осадочных пород как равнинного Степного Подонцовья, так и плоскогорий Донецкого кряжа. Из местных пород изготовлены стелы, найденные в курганах у городов Сватово (1976 г.), Ровеньки (1985 г.), Лисичанск (2008 г.), Зимогорье (2011 г.), сел Астахово (1975 г.), Пионерское (1987 г.) и др.

Стела у г. Сватово исполнена на прямоугольной плите высотой 0,9 м, шири-

ной 0,35 м (рис. 4). Мастер, с помощью техники обивки и пикетажа, обозначил голову, плечи, на плоских сторонах изобразил лук, стрелы, стопы ног, солярные знаки в виде кругов и линий. Анализ иконографии и семантики прорисовок изложен автором находки С.Н. Братченко [10, с. 70–81]. В данном произведении сюжетами рисунков проиллюстрированы социальные процессы, возникшие в обществе, скотоводов в доямный период.

«Вуалью загадок» покрыта стела высотой 1,3 м, шириной 0,8 м, найденная на кургане у г. Ровеньки. Композиция образа явно антропоидная, на одной из сторон плиты техникой гравировки изображено восемь зигзагообразных змеевидных борозд (рис. 5). Змеевидные линии переходят на боковую сторону, их продолжение могло быть и на противоположной стороне, однако, поверхность в этой части стелы отслоилась. Вверху плиты изображен овал в форме личины с «глазом». Зигзагообразные линии на стеле могли олицетворять идеи воды или земноводных, точнее, змей – символов древнейших земледельцев Востока. Уникальный артефакт находится в экспозиции городского музея г. Свердловска Луганской области [57, с. 60. ЛОКМ А 1700, КП 14428].

К этой же серии изделий следует отнести «идола» из кургана у с. Астахово Свердловского района. Он столбообразного вида, высотой 2,3 м, в верхней части изображена голова с личиной, поэтому, на фоне прочих статуй из IV–III тыс. до н. э., выглядит особенно монументально и выразительно. Такого вида стелы-столбы могли выполнять функции ориентиров направления перегонов скота, определять места выпасов, обозначать «пограничья» общины, быть оберегами степных кормов. На открытых плоскогорных пространствах степей Донецкого края их нельзя было бы не заметить даже на значительном расстоянии.

В конкретном случае скульптуру можно трактовать и как оберег, обеспечивающий «благополучие» хозяйственной отрасли, и как символ-реквизит атрибуции древнего язычества здешнего населения.

Обрядные действия в «участием» антропоморфий выявлены при раскопках курганов у с. Новоникольское Меловского района, города Александровска, с. Говоруха Славяносербского р-на, с. Пионерское Станично-Луганского района, г. Лисичанска и других мест степного Среднедонечья. Приведем ряд конкретных, подтверждающих их функцию, фактов.

Примером использования стелы, с помощью которой был закрыт вход в погребальную камеру-катакомбу, служит курган, раскопанный в окрестностях г. Лисичанска, на, так называемом, «Привольнянском выступе». В нижней части шахты-колодца находилось антропоморфное изображение размером

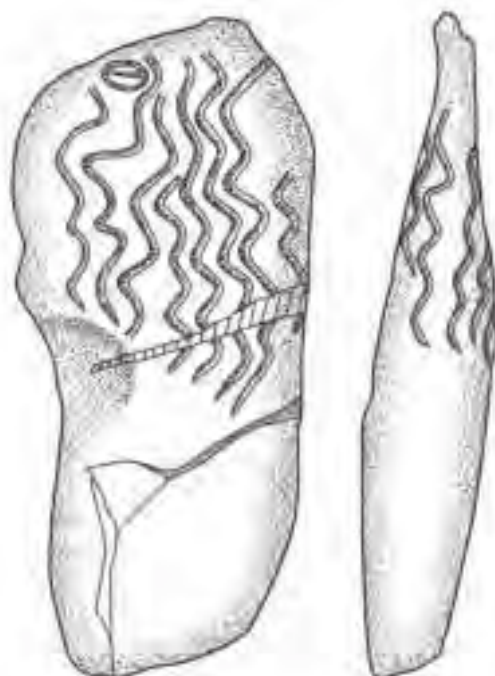

Рис. 5. Стела со змеевидными изображениями из курган у г. Ровеньки (А. Смоляк)

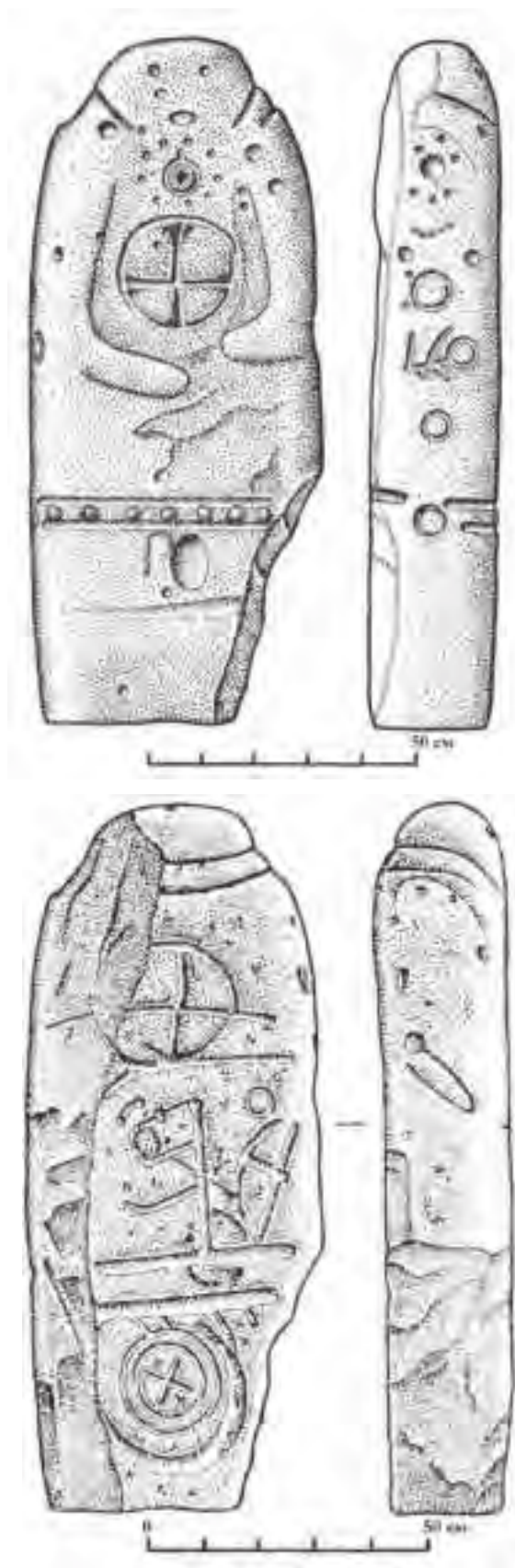

Рис. 6. Стела из кургана у г. Лисичанска
(С. Санжаров)

1,3×0,53×0,23 м. На одной из сторон в барельефе исполнена антропоидная композиция, включающая голову, плечи, сложенные на туловище руки, личину. Здесь же на грудной части тулова изображены круг с крестом в центре, ниже обозначен пояс, украшенный семью бляхами, под поясом фаллический орган. Завершает композицию серия изображений на боковых сторонах стелы, а также на ее тыльной части (рис. 13, 2). Согласно принятой в науке типологической классификации «лисичанскую статую» следует отнести к числу антропоморфных стел столбообразной группы со сложными изображениями, покрывающими всю ее поверхность [70, с. 179; 142, с. 33–34].

Упрощенные в художественном отношении варианты, таких же по функции стел, происходят из погребений катакомбного типа у с. Пионерское Станично-Луганского р-на. Ценность находок из курганного некрополя в комплексности источников, включающих в себя: обряды захоронений, конструкции могил, инвентарные наборы из них, специфическое оформление подстилок внутри погребальных «комнат-катакомб», прослеживаемые фрагменты деталей одежды умерших и другие, редко улавливаемые в процессе раскопок, детали. Применительно к нашей теме рассмотрим погребения, в которых находились статуарные формы: три из них – со следами искусственной подработки, одна – антропоидная плита природного происхождения. Все стелы выполняли общую функцию – закрывали лазы, то есть проходы из шахт-колодцев в камеры катакомб. Две стелы изготовлены из мергеля, породы, которая за истекшие 5 тысяч лет пребывания в специфических условиях, буквально расслоилась; две другие – из кварцитов, – сохранились в первозданном виде. Обе стелы хранятся в экспозиции археолого-этнографического музея университета имени Тараса Шев-

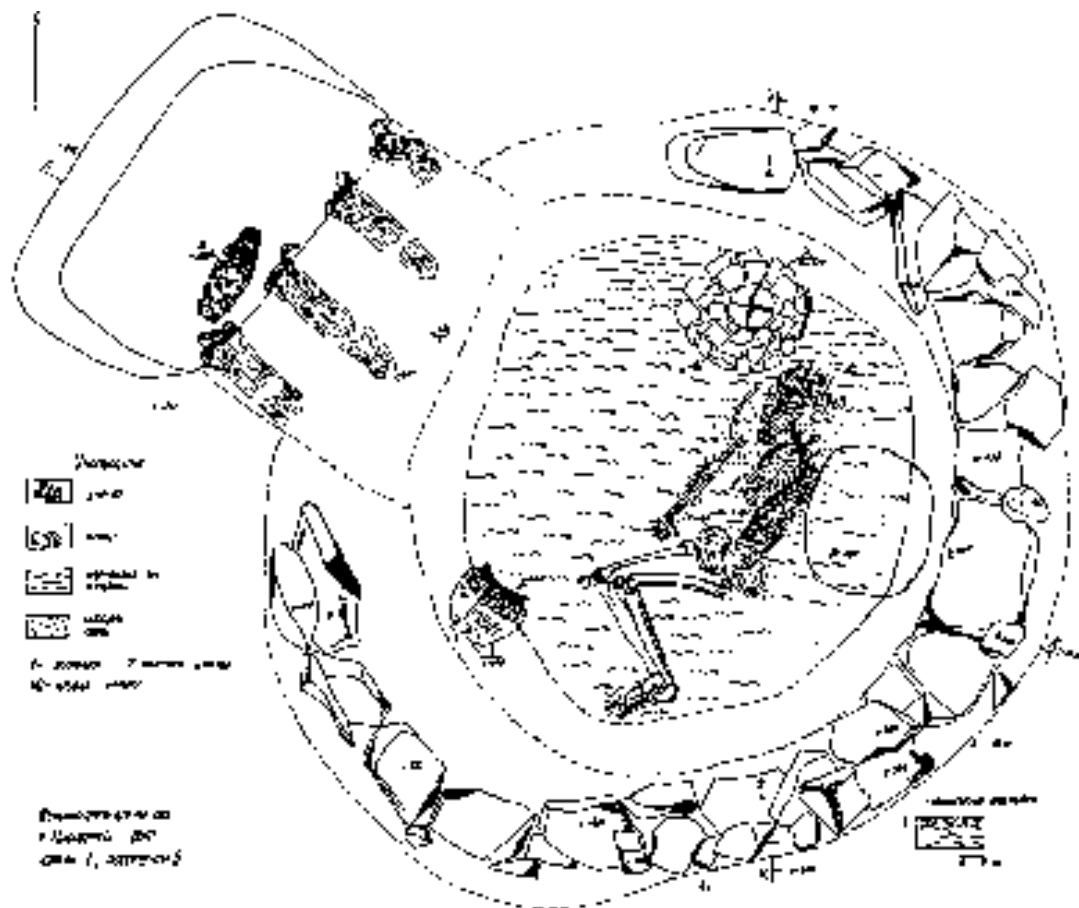

Рис. 7. План погребения с внутрикамерным кромлехом

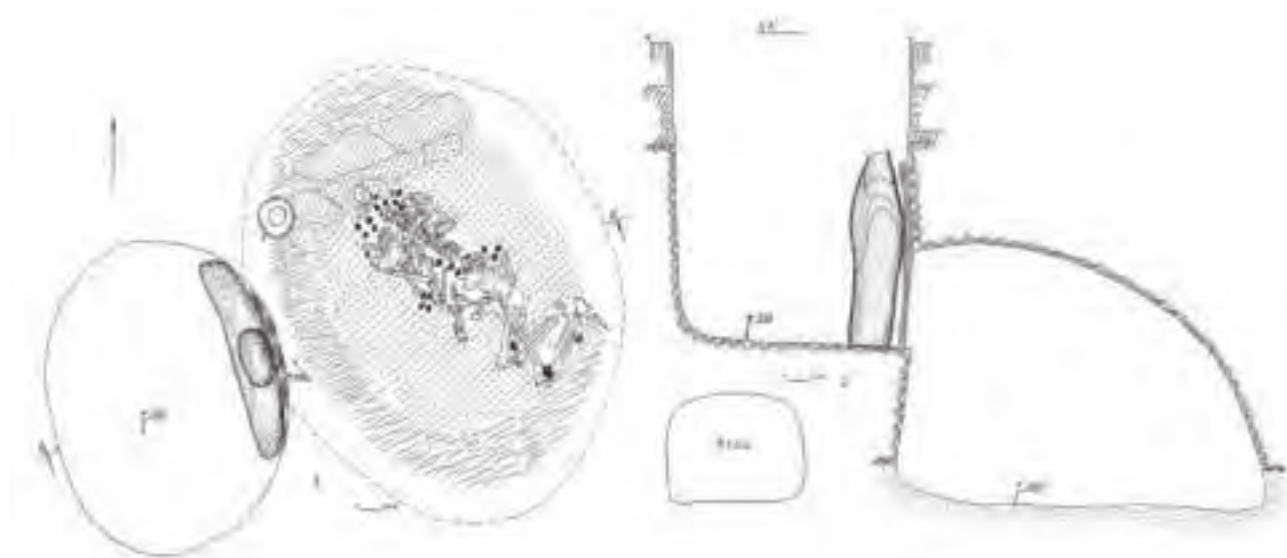
ченко г. Луганска.

Остановимся на некоторых сюжетах, касающихся находок из погребений III тыс. до н. э., выявленных в некрополе у с. Пионерское. Могильник, обустроенный на высоком коренном берегу р. Северский Донец, состоял из девяти курганов с насыпями высотой от 1 до 4 м. В трех курганах (I, VIII, IX) обнаружены антропоморфные стелы-плиты, столбы [84, с. 5–7, 30–31, 34–35].

Погребение 2 в кургане I впущено в древнюю насыпь. Входной колодец прямоугольной формы почти вертикальный. На глубине 4,45 м от верха насыпи, из шахты, посредством лаза обустроен проход в погребальную, с необычно большим пространством (2,7×2,9 м), камеру округлой формы со сводом высотой +2,35 м от ее дна. Нижняя часть камеры почти на 0,5 м вошла и в горизонт древ-

Рис. 8. Горшок реповидной формы из погребения. Материалы кургана III тыс. до н. э. у с. Пионерское.

Рис. 9. План погребального комплекса катакомбной культуры III тыс. до н.э.

нейших сыпучего песка, поэтому с целью предупреждения дальнейшего их оплыва, а, следовательно, обвала стен катакомбы, по ее периметру уложили плиты, создав при этом кольцеобразной формы стену-кромлех (рис. 7).

В камере, на подстилке из камыша, головой на северо-восток, на правом боку, в скорченном, согнутом в тазобедренном и коленном отделах, состоянии, находился скелет взрослой мужской особи. Руки вытянуты вдоль туловища. Кости скелета и подстилка обильно посыпаны мелом и порошковой охрой.

У головы погребенного оставлен крупный реповидный, приземистой формы горшок с диаметром тулова 44 см, высотой 26 см (рис. 8). Он оригинально орнаментирован: вокруг горловины нанесены три ряда вдавленных оттисков палочки, в средней части тулова валик с защипами, внутри, на дне, наклеплен крестовидный солярный знак в виде валиков с защипами. Аналогии сосуду можно найти среди керамики донских памятников манычского типа катакомбной культуры, датируемых первой половиной II тыс. до н. э. Манычская культура названа по находкам на реке Маныч (Калмыкия).

В юго-западной части катакомбы находилась ритуального назначения жаровня из крупного фрагмента стенки горшка. Внутри нее сохранилась древесная зола и угли.

Вход в камеру закрыт плахами высотой более 1 м, но тогда же в колодец, частично засыпанным грунтом, была опущена и установлена над лазом в камеру, стела – небольшая плита плотного кварцевого песчаника темно-оранжевого цвета. Ее высота 0,7 м ширина 0,45 м, толщина 0,20–0,27 м. Боковые стороны плиты обработаны подтеской таким образом, что она приобрела антрополоподобный образ (Альбом иллюстраций. Часть I, 3). Древний скульптор, подбирая заготовку, усмотрел плиту, совершенно ровную с обеих плоских сторон. Затем, дополнительно обработав лишь ее боковые стороны, обозначил «голову», плавно переходящую в «туловище». Вещественный комплекс из рассматриваемой катакомбы датируем рубежом III–II тыс. до н. э.

В кургане 8, в погребении 3 этого же могильника обнаружена стела, посредством которой плотно, буквально герметично, «запечатан» вход в камеру. Курган высотой до 4 м, диаметром 37

м состоял из семи одновременных захоронений. Каждому из них, после интумации, досыпана своя часть грунта, поэтому в стратиграфии насыпи прослежены разнопочвенные напластования. Интересующее нас погребение смещено к западу от центра кургана, и уже по этому признаку его относим к впускному, то есть не к основному – первичному. Овально-круглое пятно входного колодца глубиной более 1,5 м, оказалось заполнено чистым, буквально стерильным, белым песком, который здесь же залегает с глубины –2,5 м. Вход-лаз обустроен в восточном направлении, его прикрывали четыре плахи и, уже затем, плотно приставленная к плахам плита (рис. 9; 10).

Стела – массивная, природная кварцитовая плита с антроповидными очертаниями, напоминающими изображение человека (Альбом иллюстраций. Часть I, 4). Ее размеры: высота 1,1 м, ширина 1 м, толщина 0,2–0,25 м. Глыбу в древности нашли здесь же в склоне р. Северский Донец. Стремясь подправить некоторую, природного характера асимметрию, при которой правая сторона плиты выступала по сравнению с левой, древний мастер, не совсем удачно сколол как бы лишнюю часть выступа, но «уравновесил» стороны и придал стеле более очевидную антроповидность. Сколы замечены и в нижней части плиты, но здесь они в виде глубокой выемки, разъединившей низ на две части, и этим создают образ ног (Альбом иллюстраций. Часть I 4). Остальная поверхность плиты покрыта глубокой желваковой кромкой. Отодвинув плиту, убрав плахи, открыли вход вовнутрь погребальной камеры.

Катакомба, без малейших признаков обрушений свода и стен, в деталях сохранила первоначальный вид (рис. 9). В плане она овальная (1,85×2,4 м), удлинение по линии СЗ–ЮВ, свод, высотой +1,2 м, сферо-купольный. На стенах по-

Рис. 10. Антропоморфная стела при входе в погребальную камеру

Рис. 11. Округлобокий горшок III тыс. до н.э. Материалы из кургана у с. Пионерское (К. Красильников)

всюду видны следы работы копальным инструментом в виде мотыжки. Такими инструментами буквально вырубывали плотный лёсс.

Благодаря исключительно редкой сохранности катакомбы, в ней в деталях удалось проследить то, что обычно практически недоступно исследователям: на лицевой части черепа сохранился кожный покров, на теменной – признаки причёски, на туловище следы тканей одежды. Погребенная, ею оказалась женщина 30–35 лет, пребывая в специфических, исключительно сухих условиях стерильных песков и надежной изоляции от внешней среды, выглядела как бы «му-

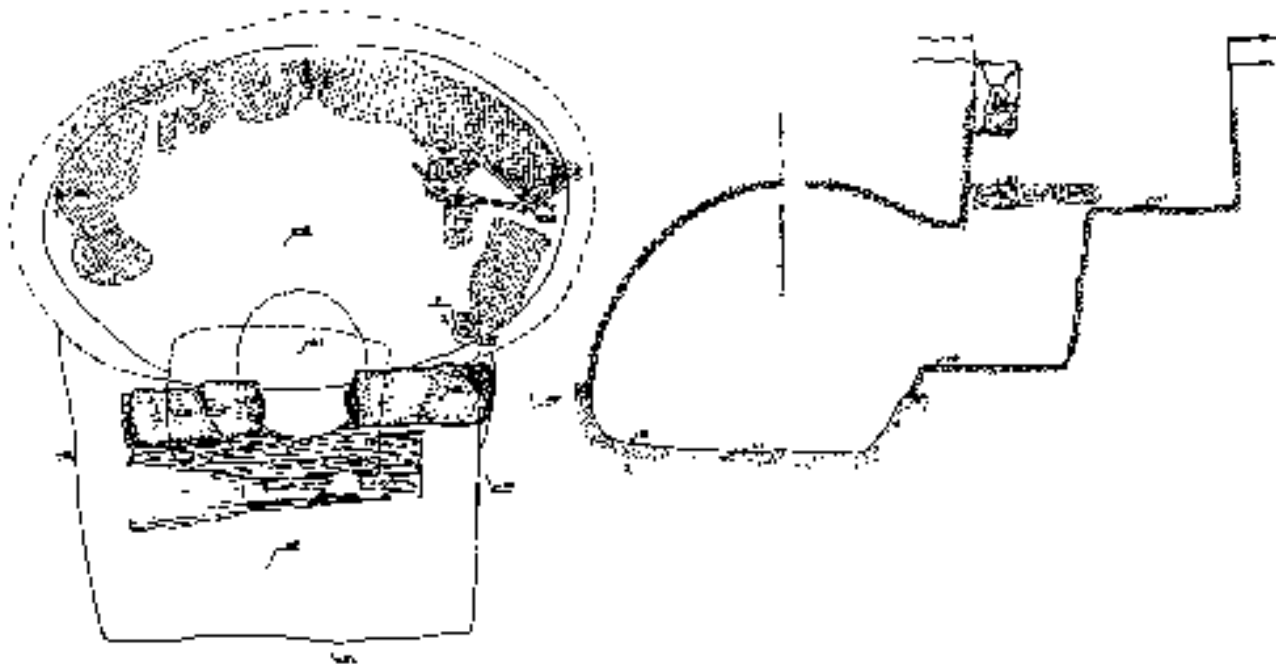

Рис. 12. Погребальная катакомбная конструкция III тыс. до н.э.

мифицированной». Одинаково в деталях сохранилась органика в виде подстилок из шкуры животного, травы и камыша.

Перед лицом, у входа в камеру, оставлен круглый, реповидного типа горшок с диаметром тулова 24,5 см, высотой 27,5 см (рис. 11). Внутри на 1/3 части он заполнен светлой, порошкообразной массой – остатками перетеленной растительной пищи. По венчику горшок орнаментирован валиком и небольшими треугольниками, выполненными оттиском веревочки; ниже, на тулове, два наклепных валика с защипами. Поверхность горшка тщательно заглажена, фактура плотная, обжиг качественный. Ссылаясь на обустройство камеры, сопровождающие захоронение обряды, инвентарь, погребение датируем рубежом III – II тыс. до н. э.

В кургане 9, высота насыпи 1,5 м, диаметр 22 м, раскрыто три погребения: одно из них III тыс. до н. э., два впускных II тыс. до н. э. Основное, выполненное в катакомбе, расположено в центре кургана, здесь же в засыпке шахты находились два столбовидных антропоморфных изо-

бражения, уложенных в горизонтальном положении в направлении голова к голове.

Входной колодец с двумя ступеньками: верхняя –2,67 м, нижняя 3,67 м. Проход в камеру, в северной стенке шахты, был третьей ступенькой с понижением на 0,5 м. Катакомба очень большого размера, овальная: длина 3,3 м, ширина 2,15 м, высота свода камеры +1,5 +1,6 м. Дно могилы устлано шкурой животного, здесь же пятна порошкообразной охры, мела, золы как неперенные компоненты ингумационных ритуалов III тыс. до н. э. (рис. 12). Умершего уложили на спину, головой на запад, ноги подогнуты. Катакомба кем-то прежде подвергалась вскрытию, но вещи при этом не забраны. Более того, *in situ* сохранились изделия из металла, куски охры, жаровня из придонной части горшка, художественно орнаментированная объемная миска, диаметром тулова 24 см, высотой 15 см (рис. 13). Аналогичные формы мисок известны не только в катакомбных погребениях бассейнов рек Северского

Донца, например, пос. Краснореченск, г. Лисичанск, но и на Нижнем и Среднем Дону, в Приазовье. Их относят к посуде рубежа III–II тыс. до н. э. и они, своего рода, маркеры культурогенеза населения средней бронзы юго-востока Восточной Европы.

Наиболее значимыми в определении культурных контактов населения Подонцовья со смежными массивами, в первую очередь, Северным Кавказом, явились находки из изделий из цветных металлов, в частности, двух втульчатых вилок-крючьев длиной 10,5–11 см. Во втулках сохранились древка, закрепленные бронзовыми гвоздиками (рис. 14). Их использовали как приспособления при извлечении мяса из кипящих в горшках бульонов. Отметим тот факт, что крючковых вилок в катакомбных древностях Подонцовья известно мало, гораздо чаще их фиксируют в погребениях Калмыкии, Прикубанья, на Северном Кавказе.

Возвратимся к стелам и обратим внимание на необычность их применения. Во-первых, они представлены парностью, были уложены при входе в камеру горизонтально. Сам же вход прикрыт тремя плахами длиной 1,7–1,75 м. Суммарная ширина плах составила 0,75 м, таким образом, ими полностью был закрыт проход на нижнюю ступеньку.

Во-вторых, скульптуры ориентированы с направлением голова к голове, но на удалении 0,45 м (рис. 12). Они исполнены на мергелевых монолитах 0,8–0,85×0,4–0,45×0,25–0,3 м, на которых, с целью выделить головы, осуществили инструментальную подтеску. Однако сохранить изделия не удалось. Рыхлая и увлажненная мергелевая порода в открытом состоянии вскоре расслоилась до состояния щебня. Рисуночно-графическим способом все же удалось зафиксировать образ столбообразных «идолов» (рис. 15).

Антропоморфные изображения в системе катакомбных древностей известны в подкурганых захоронениях у гор. Лисичанска. Одно из них монументальное (рис. 6), второе (рис. 16), напротив, исполнено на небольшой округлой глыбе. Большая часть ее поверхности со следами обработки, ею обозначена голова, на боковых сторонах канавообразные углубления замысловатой знаковой композиции.

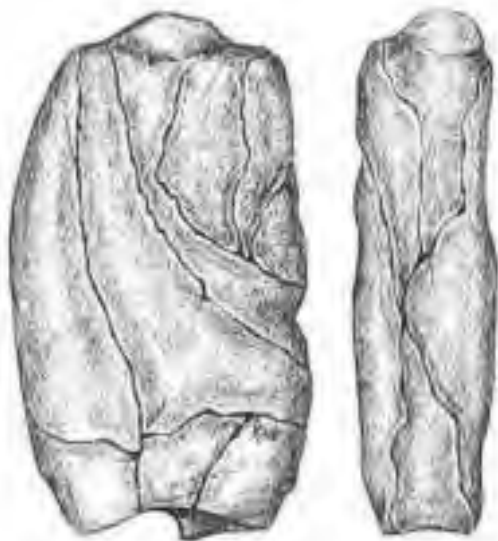
В 2011 г. коллекция антропоморфных стел парка-музея пополнилась изделием, обнаруженным при раскопках кургана у г. Зимогорье [136, с. 33–38, рис. 91, 5]. Археологический памятник из-за подмыва берега р. Луганки оказался под угрозой разрушения и в этой ситуации необходимость проведения спасательных исследовательских раскопок

Рис. 13. Миска и охра из захоронения в катакомбе

Рис. 14. Бронзовые вилки-крючья из захоронений III тыс. до н.э. курганов у с. Пионерское (К. Красильников)

Рис. 15. Столбообразные мергелевые идолы из погребения III тыс. до н.э. кургана у с. Пионерское (К. Красильников)

Рис. 16. Менгировидный идол из кургана у гор. Лисичанска (С. Санжаров)

была совершенно очевидна. Результат их превзошел наши ожидания. Во-первых, под едва заметной каменисто-земляной насыпью находилась древняя архитектурная конструкция – кромлех в виде двух колец из камня, внутренние пространства которых заполнены глыбами, перекрывшими вход в колодец. Здесь же, наверху, оставлена небольшая стела (рис. 17).

Во-вторых, могильник состоял из шести захоронений, три из них выполнены в катакомбах, обустроенных в III тыс. до н. э., то есть более 5 тысяч лет тому назад. Необычность рассматриваемого комплекса еще и в том, что погребальные камеры-катакомбы опущены на четырехметровую глубину, а также в том, что входные колодцы обеих катакомб соединены в общую им шахту. Наконец, колодцы, что наиболее необычно, оказались забутованными глыбами мергеля. Объем, извлеченного при строительстве могил грунта, по нашим расчетам, составил около 14,5 м³, суммарная масса же масса бутового камня более 13 м³.

Из горизонта дна колодцев к югу и западу под углом 90° сооружены камеры-катакомбы с необычно узкими входными лазами высотой до 0,4 м, своды же катакомб не превышали 0,6–0,7 м. Проходы в камеры прикрывали тонкие доски.

Внутри каждой из камер расчищено по одному захоронению. Погребенные уложены скорчено на правый бок, ориентированы головой к востоку, юго-востоку. На дне могил прослеживаются следы подстилок и подсыпок порошковой охрой. В одной из камер оставлен горшок, наполовину заполненный истлевшей растительной пищей.

Несомненный интерес вызвали материалы антропознического характера. По ним удалось установить, что в каждой из катакомб находились останки ингумированных особей, мужчины и женщины преклонного возраста с различными кра-

ниометрическими параметрами черепов. Мужская особь, с черепной коробкой долихокранного (удлиненного) вида, относящейся к переднеазиатскому, индоевропейскому типу, женская – с черепом брахикранного (круглоголового) вида, характерного для племен центрально-азиатской части. Умершие при жизни страдали серьезными недугами, связанными с заболеваниями опорно-двигательной системы. Полное и объективное заключение, касающееся этнического и медико-патологического состояния умерших более 4 тысяч лет тому назад людей, способны предоставить лишь специалисты в соответствующих областях знаний. Характеристика особей из захоронений у гор. Зимогорье составлена специалистами кафедры анатомии и физиологии человека Луганского университета [93, с 132–136].

Наше внимание привлекла стела, установленная вертикально над забутовкой колодцев. Внешне она лишь условно напоминает антропоморфный образ, но факт размещения над могилами, к тому же внутри кромлеха, не вызывает сомнений в ее принадлежности к погребальной обрядности (Альбом иллюстраций. Часть I, 5).

Итак, стелы в захоронениях катакомбного типа Подонцовья, имели отношение к погребальной атрибуции индоевропейцев и выполняли отведенные им функции в практических и магических вариациях [153, с. 8–17]. В одних случаях ими прикрывают вход в камеру (рис. 10), в других, напротив, стелы были опущены на заполнение колодцев и несколько удалены от входов (рис. 7), в третьих, их устанавливали над колодцами почти с вершины кургана (рис. 17). Однако во всех случаях они, вероятно, связаны с функциями «оберегов», призванных как бы «охранять» погребальные камеры и покой умерших. В таком случае стелы, датированные

V–IV тыс. до н. э., одинаково могли быть востребованными в обрядах древнеямной, катакомбной культур III тыс. до н. э. [41, с. 27–35] и даже позднее, в срубное время II тыс. до н. э., что свидетельствует об общности культуригенеза и индоевропейской родственности племен эпохи ранних металлов, или медно-бронзового века. В тоже время погребения со стелами, в особенности те, что относятся к древностям катакомбной культуры, в обрядности проявляют индивидуальные признаки, характерные лишь той группе памятников, в которых находились статуарные изделия. В частности, им свойственны:

1. Достаточно большой внутренний объем входных колодцев и погребальных камер. Порой суммарно они составляют от 7 до 15 м³ вырубленного и вынутого грунта.

2. Значительная глубина захоронений. Камеры опущены в плотный лёсс, а порой уходят в более древние стерильные горизонты.

3. Наличие дополнительных архитектурных сооружений как, например, кромлехов.

4. Все погребения со стелами имеют презентабельный сопроводительный инвентарь, в первую очередь, керамику, и другие изделия, причем, нередко из цветных металлов.

5. Использование в качестве заготовок к стелам антроповидных плит природного происхождения. Петрографические данные материалов указывают на их местное происхождение.

6. Общий анализ катакомбных погребений со стелами позволяет судить: о имевшем место социальном расслоении общества, о мифологизме, проявляемом в языческой религиозно-обрядовой практике, о вариативности культуры, вызванной и взаимообменными процессами, и периодической сменяемостью населения Подонцовья. Последнее, к примеру,

Рис. 17. Антропоморфная стела в кромлехе III тыс. до н.э.

Рис. 18. Погребальный комплекс середины II тыс. до н.э.

наблюдаем в отношении обстоятельств находок стел в насыпях курганов. К примеру, стелы из г. Сватово, Ровеньки (рис. 12, 2), с. Астахово явно докатакомбного периода, видимо, первоначально стояли на холмах-курганах, возведенных в период энеолита V–IV тыс. до н. э. и в свое время могли обозначать и олицетворять сакрально-жертвенные места. Позднее, другие племена, возможно ямного времени IV–III тыс. до н. э., разрушая святилища «иноверцев», свалив и здесь же засыпав чуждых им «идолов», как бы «погребли» обереги племен минувшего времени. Тогда же часть из них могла быть использована пришельцами в системе

оформления собственных могил.

Отдельную группу находок составляют антропоморфообразные столбы, стелы, обнаруженные в случайных ситуациях. Они, вероятно, происходят из разрушенных курганов, и теперь, оказавшись в населенных пунктах, «оберегают» углы современных жилых построек. К таким относим менгирообразную стелу из пос. Бирюково Свердловского района. Она округлая, столбовидная с признаками антропоморфности (рис. 20, 1). Поверхность не обработана, лишь передняя ее часть создает впечатление подтески. Это же замечание касается «головы», выступающей над туловищем. Признаков личины не прослеживаем (Альбом иллюстраций. Часть I, 6).

Такое же столбовидное изделие обнаружено за пределами вышеназванного поселка. Исходной формой для него послужил монолит песчаника. Глыба округлая, все стороны окатаны, очевидные следы обработки прослеживаются лишь в верхней ее части, где выделяются «голова» и округлые «плечи» (Альбом иллюстраций. Часть I, 7).

Петрографический анализ обеих стел свидетельствует о местном характере их происхождения. Материалом стел являются плотные, среднезернистыми песчаниками, которые залегают в верхних горизонтах Донецкого кряжа, в том числе в местности обнаружения стел. Рассматриваемые стелы отчасти повторяют форму и очертания по-настоящему антропоморфной статуи из кургана у с. Астахово. Надо полагать, что «бирюковские» стелы-столбы, подобно «астаховской», в прошлом стояли на курганах, длительное время, находясь под воздействием природных факторов и их поверхности, подвергаясь выветриванию, естественно утратили признаки следов обработки.

Стело- и столбовидные антропоморфии нередко природного происхожде-

ния в виде плит и глыб, находим в погребениях поздней бронзы, датируемых второй половиной II тыс. до н. э. Пример тому – курганный могильник у с. Каменка Лутугинского района. Он расположен на высоком ровном плато урочища «Мечетная гора», состоит из девяти холмов, «выстроенных» в линию с направлением север – юг. Все насыпи перекрыты плитами камней в виде панцирей. Часть курганов задернована, поэтому сохранили древний первозданный вид, другие подорваны так как с их поверхности выбран камень, третьи, со всех сторон подрезаны распашкой, при которой насыпи постепенно разрушались. Именно такие курганы необходимо исследовать в первую очередь. Факты техногенных разрушений здешних курганов привлекли внимание Н. И. Тарасенко – местного жителя, археолога-краеведа, раскопки же части курганов состоялись спустя много лет. В них, помимо серии захоронений бронзового века, обнаружено половецкое святилище кочевников начала II тыс. н. э., о чем сообщим ниже, а пока остановимся на погребениях, относящихся к эпохе бронзы, со стелами, которыми были перекрыты могилы с инвентарем и останками умерших более 3,5 тысяч лет тому назад.

В первом случае (курган 1) яма, облицованная камнем наподобие ящика, перекрыта несколькими плитами песчаников, одна из которых, верхняя, выглядит антропоморфной. Стела небольшая, высотой 0,9 м, шириной 0,33 м, толщина 0,1 м, на ней можно проследить погрудный образ фигуры человека. Антропоморфность усилена посредством дополнительной обработки верхней части плиты. Ею обозначен овал головы, плавный переход в плечи и тулово. Нижняя же часть плиты слегка заужена (Альбом иллюстраций. Часть I, 8). Под плитами находилось захоронение. Ингумация выполнена в малоразмерном каменном ящике, поэто-

Рис. 19. Природный антропоморфий

Рис. 20. Горшок II тыс. до н.э.
Материалы курганов ур. Мечетная гора
(Экспедиция ЛНУ 2005 г.)

му умерший уложен в сильно скорченной позе. Инвентарь ограничен небольшим сосудом банковидной формы, типичным для керамических изделий срубной культуры.

Во втором случае (курган 3) этого же могильника, погребальную яму, «впущен-

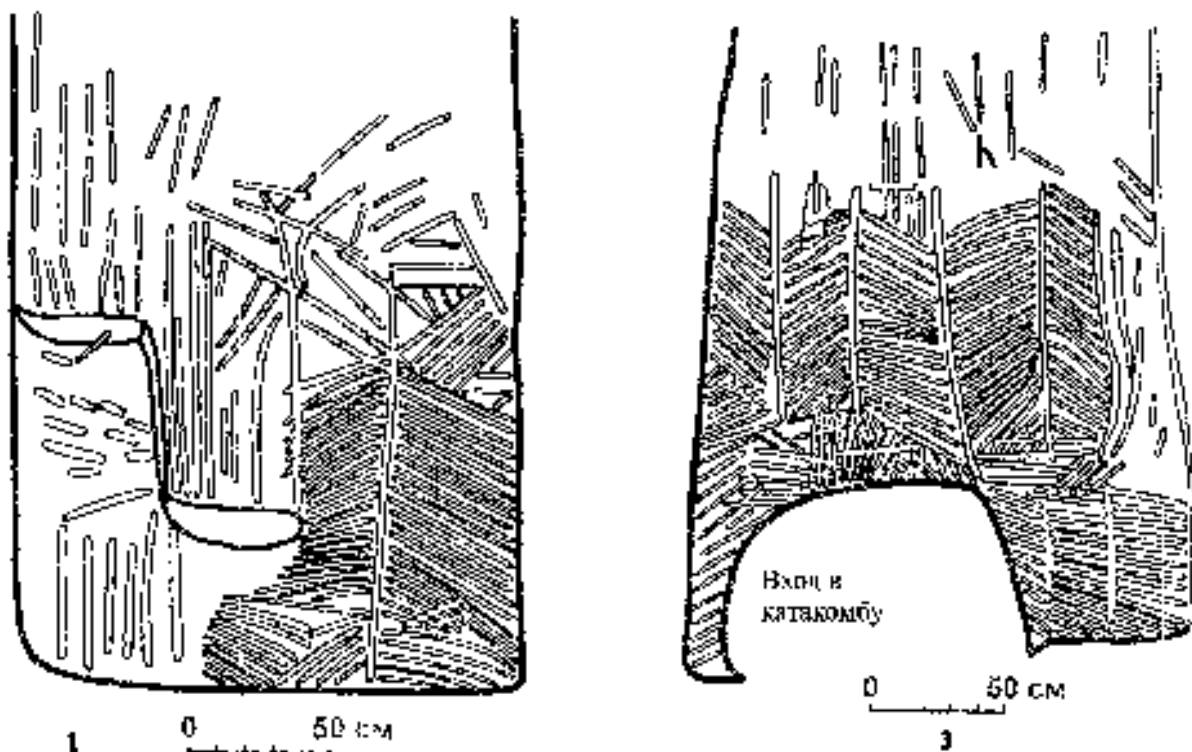

Рис. 21. Паркетно-растительные орнаменты на стенках входной шахты-колодца погребения III тыс. до н.э. кургана у г. Лисичанск, пос. Березовка (С. Санжаров)

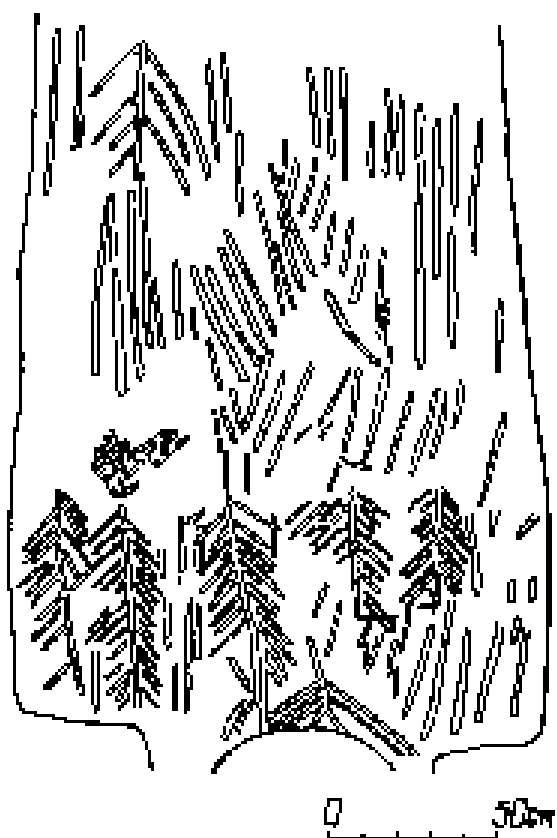

Рис. 22. Растительные сюжеты на стенках шахты-колодца погребения III тыс. до н.э. кургана у гор. Зимогорье (А. Смирнов)

ную» в ранее сформированную насыпь, после обряда захоронения, перекрыли столбообразной глыбой с признаками антропообразности (рис. 18). Выявить следы обработки, посредством которой был создан образ, не удалось (рис. 19), к тому же одна из боковых сторон еще в древности отслоилась, но остальные плоскости как бы обозначают левое плечо, конусовидную «голову». Нижняя часть статуи заметно заужена. Всмотревшись в глыбу, убеждаемся, что люди, оставившие умершему сородичу оберег, обладали образным восприятием формы человеческой фигуры. Из датирующих погребение предметов имелся лишь сосуд, позволивший определить относительную хронологию захоронения серединой – второй половиной II тыс. до н. э. (рис. 20). Заметим, что погребения этого периода приближают наши представления о дольменных, то есть архитектурных конструкциях в виде каменных ящиков.

Итак, обобщим визуальный образ

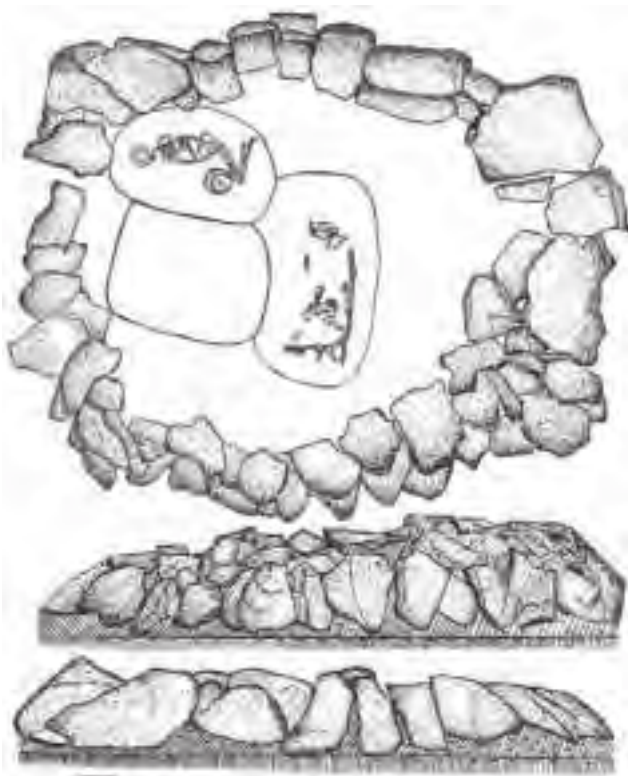

найденных в Подонцовье стел. В зависимости от формы и приемов обработки стелы подразделяются на две группы: стелы-плиты с признаками природной антроповидности и художественно исполненной антропоидностью. Справедливости ради, заметим, что стелы обеих групп парка-музея Луганска лишь отчасти «соответствуют» классическим статуарным антропоморфным произведениям, известным в Северном Причерноморье, Крыму, в Приазовье. Однако статуарии, найденные у городов Сватово, Ровеньки, Лисичанск, в художественном отношении не только дополняют древнейшие скульптурные шедевры из традиционных мест их средоточения Днепро-Бугского, Днестровского, Крымского массивов, но по символизму превосходят прежде известные художественно-статуарные образцы [153, с. 4. Рис. 1; 154, с. 7–29].

Например, в Подонцовье встречаются стелы, на которых различными художественными приемами изображены сюжеты социального и сакрального направлений. В частности, в погребении у с. Березовка близ г. Лисичанска, на стенках входной шахты сохранились орнаментальные рисунки «паркетно-растительного» вида, исполненные в технике графической прочерченности (рис. 21). Здесь же оставлена скульптура. В самой же катакомбе, с умершим находился сопроводительный инвентарь: бронзовые нож и шильце, молоточковидная булава из кости, спиралевидные подвески-серьги, кремневое скребло, абразив, охра. Сосредоточение различных предметов, произведений скульптурного и художественно-графического искусства в системе древностей, так называемого «Привольнянского выступа», над Северским Донцом, по мнению руководителя раскопок С. Н. Санжарова, позволяет отнести данный массив к одному из центров сакралитета III тыс. до н. э. Здешние поселенцы, более 5 тысяч лет тому

назад, создавая святилище, наполнили его различными атрибутами, в первую очередь статуарными изображениями с разнообразными рисуночками, символами и знаками, вероятно, магического значения [178, с. 123–141].

Погребальные конструкции, дооформленные художественными деталями, являются все же редкими находками, поэтому они на особом учете исследований. К тому, что известно из Лисичанских древностей, можно присовокупить материалы еще двух памятников, имеющих отношение к настенным изображениям в тот же период. Например, колодец, украшенный растительным елочного вида орнаментом, расчищен в захоронении катакомбной культуры у г. Зимогорье (рис. 22). Темы растительного орнамента известны в прорисовках и на плитах погребальных каменных ящиков, но наиболее редкими среди древних художественных тем следует назвать изображения личин внутри погребальных камер. В катакомбе кургана у пос. Новотошковка Славяносербского района в 1975 г. Горским отрядом Северско-Донецкой археологической экспедиции (руководители В. А. Сафронов и Н. А. Николаева) обнаружено два изображения личин. Одна из них при входе в камеру, вторая в нише внутри камеры [117, с. 41–43; 118, с. 4–26]. Неординарность находок породили сомнения в их принадлежности к древним произведениям, позднее возникло недоверие относительно подлинности личин, сопровождаемое длительными дискуссиями. В результате было упущено время и одно из изображений, над входом, осыпалось, второе, внутри камеры все же удалось зафиксировать и даже сохранить [11, с. 55]. Единственными документальными свидетельствами первозданности артефакта, являются фотодокументы с места событий. Фотография личины представлен в экспозиции музейного комплек-

Рис. 23. Купольная погребальная архитектура IV тыс. до н.э. (с. Пионерское) (К. Красильников)

са ЛГУ), само же изображение, после специальной обработки, вырезано в виде монолита и направлено в лабораторию спектрального и химического анализа ВЦНИЛКР – Всесоюзной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации (г. Москва). Результаты анализов, снятых с поверхности личин окислов, солей, налетов опубликованы Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым

[119, с 102–103]. О необъяснимой «невостребованности» находки, а тем более о ее, так называемой, «мистифицированности» в суждениях части бронзовиков, к тому же, профессиональных археологов, остается только сожалеть [37, с. 503; 120, с. 184–187].

Искусство монументальных форм, встречаемое в различных условиях местонахождения, естественно, будирует тему использования скульптур и стел в системе существующих в то время укладов. Словом, речь идет о семантике. Общие положения по этому вопросу изложены в работе О. Г. Шапошниковой, В. Н. Фоменко, Н. Д. Довженко, специально рассматривающих статуарные артефакты в системе древностей степной Украины [186]. Скульптуры в ситуации погребений племен доямной и ямной культур здесь пока не выявлены, однако, найденные в курганных насыпях, причем иногда почти на их поверхности, плиты с изображениями и без, свидетельствуют о том, что они одинаково востребованы древними скотоводами. Ситуации обнаружения предполагают реконструкцию их хронологии и предназначения. Говоря о хронологии, отметим, тот факт, что стелы появились в доямное время. Их творцами были племена раннего этапа михайловской археологической культуры IV тыс. до н.э, известной в юго-западном Приазовье, в низовье Днепра и степном Причерноморье, в бассейнах рек Ингула, Ингульца, Южного Буга. В дальнейшем, в раннеямное время первой половины III тыс. до н. э., ареал стел заметно сокращается. Они «продолжаются» лишь в степном Причерноморье на р. Ингул, Ингулец, Южный Буг.

В позднеямное время, вторая половина III тыс. до н. э., на территории выше-названных бассейнов появились племена ямной культуры и тогда же большая часть, так называемых, раннемихайловских святилищ, видимо, была разруше-

на, а стелы из них использованы в качестве плит при облицовке и перекрытиям, что наблюдаем на памятниках кемиобинской культуры в степном Крыму. Такая ситуация получила определение «вторичное использование стел».

Итак, абсолютное большинство стел Причерноморско-Приазовских степей изготовлено в доямное время. Ими обустраивали святилища, обозначали алтари некрополей, позднее стелы использовали при оформлении погребальных ям.

В Степном Подонцовье, вероятно всего, стелы появились в IV тыс. до н. э. Их возводили с учетом естественного высокохолмья, словом, в местах, расположенных не только к погребальности, но и сакральности. Установленные вертикально, они могли выполнять функции поминальных мест и жертвенников, функционирующих, согласно взглядов Н. Д. Довженко, якобы, на период сооружений могил умершим. Естественно, для выполнения работ, включающих выемку 4–6 м³ грунта, заготовку, расщепление и обработку плах из стволов длиной до 5 м, толщиной до 0,7 м, оформления могилы, наконец, отсыпки насыпи, требовалось немало усилий и времени. Тогда же антропоморфные изображения устанавливали непосредственно на эти же курганы, создавая при этом своеобразный художественно-архитектурный мемориал язычников.

Уникальная возможность проследить погребальную конструкцию, даже архитектуру шеститысячелетней давности представилась на древнем некрополе у с. Пионерское. Здесь, в кургане 8 выявлено основное, доямного периода, погребение. Над ним было выстроено каменное, округлой формы – сооружение куполообразного вида (рис. 23). Оно представляло собой конструкцию, возведенную из нескольких десятков удлиненных, установленных вертикально, но под наклоном вовнутрь, плит

кварцита, добытых здесь же в карьере в 300–400 м от места захоронения. Плиты перекрывали небольшую, диаметром до 5 м, древнюю искусственную насыпь высотой 1–1,1 м. Верхняя часть крепида без накрытия, наружный диаметр строения 4,5×5 м, внутренний около 3,8×4 м (рис. 23). Сооружение следует отнести к редким архитектурным конструкциям. Практика строительства «купольной гробницы» в степях явно пришедшая и, вероятнее всего, заимствована от племен так называемой «новоданиловской археологической культуры», известной в Предкавказье. Аналогии купольной архитектуры прослеживаются и в системе материалов «майкопской культуры» на Северном Кавказе. Для погребений ее времени характерны: восточная ориентировка головы, разнонаправленное положение согнутых (скорченных) ног, присутствие горшков, у которых днища выглядят все еще округлыми, тулова конусовидными, венчики плавно отогнутыми наружу, стенки сосудов тщательно заглажены (рис. 25). С умершим оставляли и другие вещи. Например, в нашем случае в погребении обнаружен кремневый наконечник, изготовленный струйчатой ретушью (рис. 24), здесь же на дне прослежено истлевшее древко копья. На вершине крепида сохранились признаки золистости и обожженной почвы, на этом месте в древности, видимо, горел ритуальный костер. Наблюдаемые детали позволяют предположить исполнение языческих обрядов, связанных с огнепоклонством, как одного из направлений зороастрийской практики. Обряды, вероятно, происходили в темное время суток, в условиях ограниченности естественного освещения, когда с помощью огня кострища и каменного идола возникало эффектное зрелище языческих таинств. В качестве реквизита могли быть задействованы, так называемые, «курильницы». Курильницами или жаров-

Рис. 24. Кремневые наконечники

Рис. 25. Керамика IV тыс. до н.э.

нями нередко являлись фрагменты стенок и днищ крупных горшков, а также специально изготовленные для этих целей художественно оформленные, оставленные непосредственно в погребальной камере, чаши. Внутри чаш и жаровен обычно присутствуют древесный уголь и зола, некогда тлевших в них древесины и семян с эфирными маслами и смолами.

Итак, рассмотрев серию древнейших памятников статуарного искусства степей Подонцовья, обозначим им место в диалоге культур племен эпохи ранних металлов не только в системе смежных с юго-востоком Восточной Европы пространствах, но и более отдаленных территорий.

1. Диалог затрагивает тему происхождения художественного феномена V–II тыс. до н. э. Мы на примерах статуарных артефактов, констатируем автохтонность формирования степных культур

в условиях влияния ближневосточных, переднеазиатских цивилизаций, проникающих в Восточную Европу через Кавказ, а также участие древних культур Северного Кавказа.

2. Каменные монументальные скульптуры-стелы с признаками антропоморфности, занимая особое место в культовой, религиозно-погребальной практике древних скотоводов, одновременно являются артефактами к изучению мировосприятий сообществами людей эпохи ранних металлов. В этой области намечались две проблемы: первая, касается принадлежности статуй конкретным племенам и ими созданных скульптур в системе погребений, культов, ритуалов, вторая затрагивает вопросы места монументальных статуй в культурогенезе, этнокультурной преемственности. Словом в диалоге культур степных племен в хронологическом пространстве от доямных энеолитических укладов к ямно-катакомбно-срубным обществам эпохи первых металлов. Предметом диалога также остаются темы первичной и вторичной утилизации стел. Напомним, первичное их назначение, по нашему мнению – это вертикально вкопанные статуарные изображения на языческих капищах-святилищах, датируемых V–IV тыс. до н. э. Вторичное – совпадает с периодом ранней бронзы, ямно-катакомбными племенами IV–III тыс. до н. э., которые могли являться «разрушителями» древнейших сакральных мест доямого периода. Тогда же, при обустройстве собственных могил, стелы могли использовать в качестве «строительного материала».

3. Монументальные формы каменных статуй-стел степных Левобережных скотоводов во времени сосуществуют с миниатюрной скульптурной керопластикой древних земледельцев Правобережья – трипольской культурой. В обеих ситуациях наблюдаются поиски и стремление в сложных художественно-эстети-

ческих формах создать систему оберегов, обеспечивающих устойчивую репродуктивность воспроизводящим хозяйствам. Однако обрядовая сфера степных стел все же шире, так как затрагивает погребальность, в которой они «участвуют» в трех ситуациях. Первая, когда статуя могла находиться на вершине кургана, возле нее, возможно, происходили обрядовые действия огнепоклонения, жертвоприношений, предпогребальное оплакивание умершего. Вторая – погребальная, сопровождаемая ингумацией и тогда же захоронением статуи, в которой, возможно, мог быть воплощен образ самого умершего. О такой последовательности обрядов, кстати, сообщают древнеиндийские и хеттские источники. Нечто подобное имело место и в погребальной практике индоевропейцев восточноевропейских степей. К примеру, умерших в потусторонний мир сопровождают инвентарные комплексы (рис. 29, 2–4), в том числе статуарные формы, опущенные в шахты-колодцы. Ими, как и плахами (рис. 29, 1), закрывали входы в камеры (рис. 10, 3; 16, 2). В данных вариантах, и это, в-третьих, стелы, видимо, выполняли роль

оберегов умерших и их могильных помещений.

4. Нельзя не отметить социальный аспект статуй в системе скотоводческих обществ IV–III тыс. до н. э., которые, к этому времени, вступили на путь формирования патриархального уклада, обозначившего особый статус пастухов-скотоводов [197, с. 162]. И тогда, в сочетании с идеями культа предков, возникали в камне первые нетленные образы вождей. В их иконографии уже не прослеживаются характерные для ранних стел прорисовки растительного характера, земноводных, стоп ног, напротив, теперь преобладают оружие, жезлы, словом, символы власти. В дальнейшем мужской социоавторитет прослеживаем в киммерийских IX–VIII ст. до н. э. столбообразных менгирах, но со всей убедительностью он проявится в монументальном статуарном искусстве VII–IV ст. у скифов. В иконографии скульптур раннего железного века более всего внимания уделено признакам, олицетворяющим прародительство по мужской линии, а также образам воинов, аристократов, царей.

РАЗДЕЛ II

**СКУЛЬПТУРЫ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН
I ТЫС. ДО Н. Э.**

НЕКОТОРЫЕ ФРАГМЕНТЫ СТАТУАРНОГО ИСКУССТВА НАСЕЛЕНИЯ СТЕПЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Следующими по хронологи памятниками статуарного искусства населения степей Восточной Европы принято считать скульптурные формы ираноязычных племен I тыс. до н. э. Их, как ни странно, еще с XIX в. почему-то считают наиболее «узнаваемыми» памятниками художественного монументализма и даже определили им имя «скифские бабы». К таковым были отнесены и половецкие изваяния. Из-за подобного рода оценок складывается впечатление, что кроме скифов в Восточноевропейских степях других народов как бы и не было. Причины ошибочных подходов – в недостатке информации о скифах и других этносах, одинаково преуспевших в камнерезном искусстве, как раннего железного века, так и средневековья. Неосведомленность учителя о культурогенезе более всего пагубно в культурно-образовательных системах. В этой связи даже при отсутствии в коллекциях музеев Луганщины надежных статуарных артефактов I тыс. до н. э. возникает необходимость в обзорном анализе общего содержания искусства скифов.

Антропоморфные каменные изображения раннего железного века следует подразделять на три группы, что соответствует присутствию ведущих этногрупп населения I тыс. до н. э. Северного Причерноморья – киммерийцев, скифов и сарматов. Первую группу составляют исключительно менгировидные глыбы. По этой причине они длительное время оставались незамечаемыми, по крайней мере, до обнаружения загадочной на-

ходки в Болгарии. Здесь при исследовании захоронения вождя киммерийцев в погребальной камере обнаружили боевой изящно инкрустированный кинжал, амуницию, колчан с набором из более 100 единиц бронзовых двулопастных литых стрел, керамические изделия архаической антики и каменный скульптурообразный монолит. Именно он и пробудил интерес к аналогичному артефакту в виде стелы-obelisku длительное время (с 1907 г.) хранящемуся в Одесском археологическом музее. По музейной документации obelisk высотой 1,3 м значился как «причальный столб Ольвийской пристани» В течение более чем полувека загадочную глыбу не раз осматривали, обмеряли и никто не замечал изображений колчана – стрел, обоюдоострого топора и точильного бруска (эти изделия как бы «подвешены на поясе»). Открытие состоялось в 70-х годах XX ст. С этого времени в публикациях А. И. Тереножкина появилось понятие «предскифские каменные стелы» [155, с. 118–119. рис. 72, 73]. Тогда же, уточняя географию распространения изображений «киммерийского типа», обозначили их присутствие в восточном Причерноморье, Приазовье, затем в Прикамье, даже в Азии – в Туве, на Алтае. Во всех случаях в них наблюдались условно-стилистические образы воинов.

Среди всей серии статуарных памятников степного Подонцовья, такие, которые следовало бы рассматривать как киммерийские, пока неизвестны. Однако факт пребывания этого народа в нашем

крае подтвержден подкурганскими захоронениями у городов Зимогорье [44, с. 68–175], Кировска, Свердловска, с. Пионерское [15, с. 410–423], но, в первую очередь, отметим комплекс деталей упряжи, обнаруженной у с. Преображенное на Сватовщине (рис. 26) [125, с. 86–88; 155, с. 147–160; 57, с. 52–53, 68; 54, с. 79–81; 82, с. 89–94].

Вторую группу изделий камнерезного искусства ираноязычных степняков презентуют скифские статуи VII–IV ст. до н. э.

Первые находки, и публикации антропоморфных стело-статуй под названием «скифские каменные бабы», появились в 90-х годах XIX ст. В настоящее время их число превзошло 150 ед. Характерной чертой таких скульптур является убедительная антропоидность, достигаемая проработкой головы, плеч, туловища, рук и уже этим они существенно отличаются от предскифских киммерийских стел-обелисков.

В иконографии скифских скульптур, прежде всего, прослеживаем изображение совершенного человеческого персонажа, что и позволяет выделить в них три композиционно-иконографических группы.

Первая группа, относящаяся к ранним, около VII–VI ст. до н. э., скифским изваяниям, представлена упрощенно-стилизированными антропоидными менгирами-монолитами (рис. 27) (Альбом иллюстраций. Часть I, 9).

Вторую группу составляют варваризированные прототипы античных гермов VI–V ст. до н. э. На изваяниях порой с относительно «портретными» лицами, проработаны реальные антропометрические параметры, вещевые и амуниционные наборы, аксессуары, естественно, оружие, фаллоидный орган (рис. 27). В конечном итоге в V–IV ст. появляются классические скульптурные формы (рис. 28).

На завершающем этапе камнерезно-

Рис. 26. Киммерийские стелы-обелиски.
2. Инвентарь (упряжь) всадников I тыс. до н.э. (с. Преображенное)

го искусства скифов, в позднескифское время, в IV–III вв. до н. э., преобладают грубые скульптурные рельефы, свидетельствующие об общем упадке культуры, вызванном постепенным исчезновением самобытности скифов. Вместе с тем, мы вправе констатировать сохранение собирательного, как бы унифицированного, скульптурного образа воинов, определяемого столбообразностью тулова, объемностью головы, слаборельефным изображением рук, отдельных элементов атрибутов, как, например, ритона, акинака, колчана, пояса.

Что же о статуариях скифов известно из письменных источников?

Прежде всего, обратимся к сведениям Геродота Галикарнасца. Среди заметок, охватывающих многообразные сюжеты материальной и духовной жизни, военной истории, обрядов и быта скифов, в вопросах социосакральности у него имеются сведения не более чем

Рис. 27. Варваризированная иконография статуй VI-V ст. до н.э.

об огромных курганах, возведенных над захоронениями умерших царей. Именно они, в «Великой Скифии» идентифицируют местонахождения четырех сакральных массивов, связанных с погребениями высшей скифской царской аристократии. Прежде всего, Приднепровский, так называемый «Герросы» VI – середина IV вв. до н. э., Северокавказский VII–VI ст. до н. э., Посульский (р. Сула) VI – середина V ст. до н. э. и, естественно, Крымский IV ст. до н. э. Наиболее значимыми являлись Днепровские Герры – реально присутствующий здесь царский некрополь. Но на этой территории нет сколько-нибудь особо значимых статуарных шедевров. Геродот, видимо, не случайно утверждает, что у скифов «...не

принято воздвигать ни изображений, ни алтарей, ни храмов никому из богов...». Лишь в сведениях о скифах в период их среднеазиатского обитания, которое имело место в VII ст., сохранилась легенда о статуе скифской царицы Зарины. После этого фактически единственного упоминания в информационном пространстве, касающемся «скифского монументального искусства», образовался пробел, исчисляемый более чем двумя тысячами лет.

К началу XX в. усилиями историков и археологов сформировались устойчивые научно обоснованные представления о скифах как этносе, их хозяйстве, укладе, культуре быта, военной истории, декоративно-прикладном искусстве, так называемом «зверином стиле». Однако памятники монументального искусства скифов, по-прежнему оставались неизвестными. Этот факт объясняют рядом причин. Во-первых, скифские изваяния, в целом – редкие артефакты в их материальной и духовной области. Во-вторых, археологи прошлых поколений в основном изучали скифскую культуру в лесостепном Поднепровье, к примеру, Мельгуновский курган, и лишь позднее, в XX ст. обратили внимание на степи и тогда же убедились, что изваяния являлись достоянием монументального искусства степных скифов. В-третьих, в отличие от изваяний средневековых кочевников, в которых можно визуально наблюдать тюркский тип изображаемых персонажей, скифские стилизованные менгировидные скульптуры, среди огромного количества камней в курганных насыпях, зачастую рассматривали как обычные закладные каменные глыбы, поэтому они нередко оставались за пределами внимания исследователей. К тому же, единичные, порой невыразительные образцы скифских скульптур, сохранившиеся в коллекциях музеев, как бы «растворялись» среди сотен изваяний, оставленных тюркоязычными народами

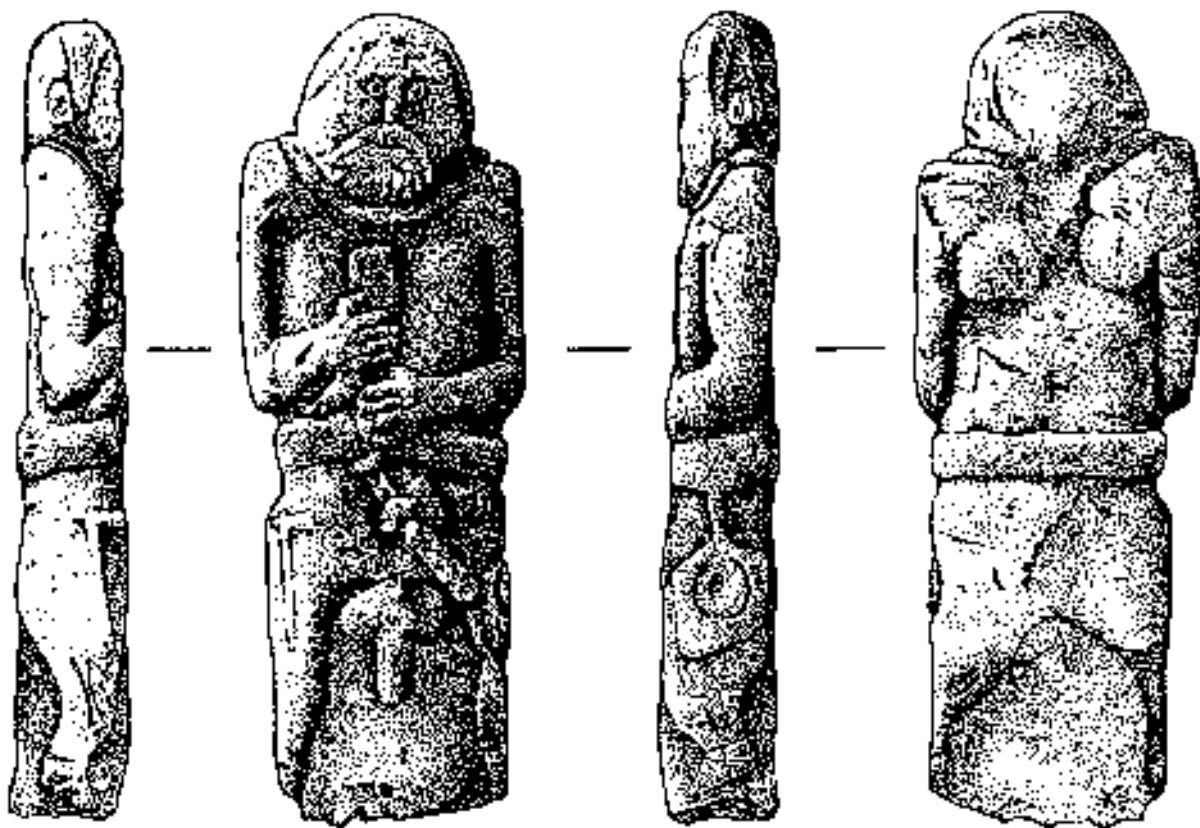

Рис. 28. Персонифицированный образ прародителя скифов (V-IV ст. до н.э.)

Евразии.

Фундаторами изучения скифского камнерезного искусства следует считать скифологов первой половины XX в.: А. А. Миллера, кстати, уроженца г. Луганска, Е. А. Попову, Б. А. Латынина. Позднее проблемами скифских статуй занимались ведущие специалисты-исследователи древнего искусства Н. Л. Членова, А. И. Тереножкин, конечно же, А. А. Формозов и П. Н. Шульц [191, с. 231–237]. По их мнению, идея и практика изображения человека, как и зооморфных мотивов, заимствованы скифами из древневосточной и ионийской художественных традиций, прежде всего, проявившихся в сюжетах, связанных с боевыми темами (рис. 29; 30). Скифские же антропоидные изваяния, являясь статуарными произведениями разного художественного уровня, разработанные в пространстве трехсотлетней истории их создателей, видимо, происходят от античных скульптурных форм, но в варианте вкусов и

запросов варваров. Оба направления формирования искусства соизмеримы с понятием скульптурно-подражательный симбиоз. В этой связи, не лишним будет отметить, что на протяжении всех отведенных скифам столетий, их статуарный монументализм связан исключительно с антропомотивами, которые, как свидетельствуют артефакты, «видоизменялись в соответствии со смысловыми идеями уклада» [191, с. 227–230; 135, с. 110–111].

По мнению П. Н. Шульца, изменения композиционности форм шло от менгиро-антроповидных стел к изваяниям (статуям) через формат «полуфабрикатов», в которых наибольшее внимание уделялось изображению головы [191, с. 236]. Реальным примером начальной стадии художественной эволюции скифских скульптур является менгир – новый экспонат парка-музея в г. Луганске (рис. 31). Найден он в 2013 г. разведками по Донецкому краю в системе курганного

Рис. 29. Художественные образы скифов в античном исполнении

Рис. 30. Наконечники стрел VII-IV ст. до н.э.

могильника, обустроенного на вершине гряды у с. Дьяково, Антрацитовского района. Менгировидная глыба (Альбом иллюстраций. Часть I, 9), разломанная на две почти равных половины, находилась в углублении центрального кургана. Грани излома существенно окатаны, выветрены, видимо, по этой же причине плоскость стороны анфаса без прослеживаемых признаков обработки. Боковые же стороны, причем как бы подчеркивая линию талии, с целью усиления антропообразности, явно подтесаны. Таким же приемом усилен эффект округлости головы со слабо выпуклой личиной. Форма тулова подпрямоугольная, но общая композиционная соразмерность «скульптуры» не выдержана. Так как при высоте 150 см, голова составляет 80×64 см, тулово же 70×60 см, толщина колеблется от 26 до 34 см. Общий вес монолита около 800 кг, ма-

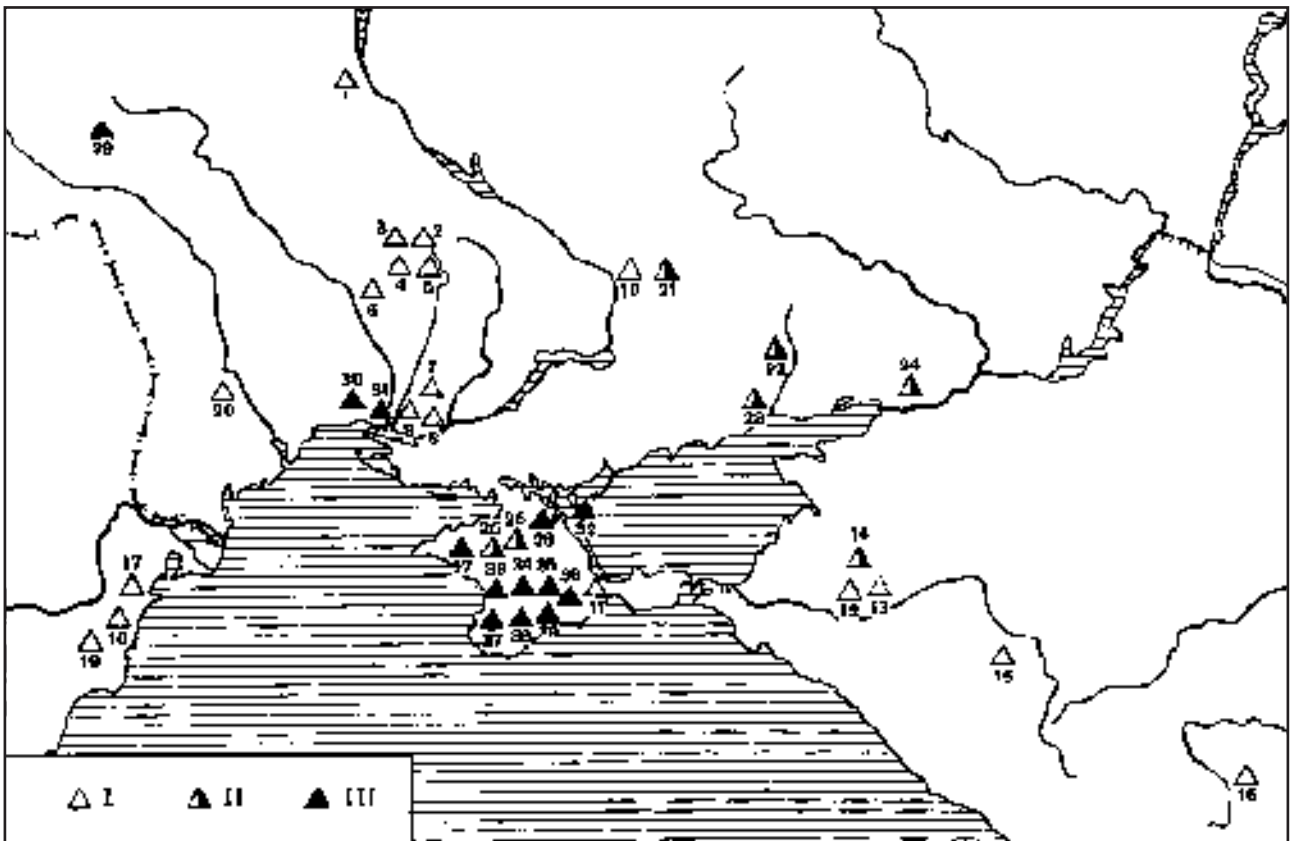
териал – окварцованный плотный песчаник местного происхождения. Таков, по нашему мнению, собирательный образ, определяющий ранний тип скифского идола [135].

Противоположные взгляды, относительно скифского статуарного культурогенеза, предложены Г. Л. Евдокимовым, полагающим, что в степной Скифии в промежутке VI–III ст. до н. э., происходит непрерывная эволюция скифских изваяний в направлении от сложных антропоидных скульптур VI–V ст. до н. э. к заметно упрощенным IV–III ст. до н. э. антроповидным изделиям [47, с. 21].

Нет единства взглядов и в вопросах, касающихся семантики скифских изваяний [138, с. 422–424]. Не вдаваясь по данному вопросу в полемику, обозначим лишь общие направления дискуссий среди ведущих скифологов. Н. Г. Елагина и Б. Н. Граков полагают, что скульптуры посвящены персонам особого статуса, возможно даже, царям и исполнены они с регалиями (атрибутами) «пожалованными» языческим божеством [51, с. 195; 27, с. 81, 103].

Е. А. Попова видит в ранних скифских изваяниях вождей племен. Факт исчезновения их из статуарных образов объясняет заменой власти вождей царской властью [135, с. 121]. Тогда же в изваяниях, якобы, была воплощена элита, она же – героизированный представитель Скифии, в честь которого создавали мемориалы.

Вместе с тем, ряд авторов придерживается исключительно мифологического направления толкования изваяний. Суть их взглядов в том, что в скульптурах воплощены образы персонажей из числа прапредков, ведущих начало от общего прародителя скифов Таргитая [3, с. 79–82]. П. Н. Шульц, стремясь в скифских изваяниях соединить мемориальную и мифологическую трактовки, полагает, что ранние военноатрибутированные

Основные местонахождения изваяний IV-III ст. до н.э. степной Скифии

статуи героев одновременно наделены фаллоидным органом, несущим идею генеалогического родоначала по мужской линии (рис. 38, 1). В перечень же обязательных атрибутов, характерных большинству скифских изображений, П. Н. Шульц включает: акинак, ритон, элементы защиты, другие детали снаряжения и экипировки, как, например, гривну, пояс, колчан, словом все то, что изображено на конкретном скульптурном произведении скифов. Такой набор аксессуаров, видимо, был характерен классическим образам скифских персонажей степей Понта Эвксинского и Меотиды.

Лучшими художественными и иконографическими образцами скульптур, найденных в Донецком массиве назовем изваяния из с. Ольховчик и из с. Шевченко (рис. 38, 3), оба из Донетчины [163, с. 59–61]. По внешнему виду они заметно приблизились к, пока что, единственному шедевру статуарного изобра-

зительного искусства скифов – изваянию из Нововасильевки на р. Ингул (рис. 38, 1), в котором воплощен «образ прародителя» Великой Скифии [13, с. 139–147].

Вместе с тем, скифологи стремятся провести параллели между искусством скифов и монументальными статуарными формами, окружающих их в разное время и степени удаленности, этнокультурами. В частности, принимаются во внимание прародина скифов – Центральная Азия, в частности, южносибирский массив. Здесь «прасколоты» могли наблюдать обычаи племен I тыс. до н. э. тагарской, карасукской культур, которые практикуют монументальные менгиры, художественные столбообразные с рисуночьями монолиты, так называемые, «оленьи камни». Они же, одинаково, известны и на Северном Кавказе [154, с. 37–41].

В дальнейшем, уже в условиях пребывания скифов в восточноевропей-

Рис. 31. Скифский менгир - новый артефакт к истории древнего искусства Подонцовья

ском массиве, в пространстве побережий Понта Эвксинского не без влияния античного художественного наследия, наметились первые контуры эллино-варварского диалога монументального статуарного искусства. Однако, А. М. Хазанов, сетует на то, что скифы столь долго сосуществовая с греками, к искусству последних оказались безразличны. Между тем, продолжает А. М. Хазанов, скифы посещали Северопричерноморские греческие полисы, города, хоры, видели архитектуру их площадей, темеников, оформленных гермами божеств и героев. Одинаково остаются необъяснимыми обстоятельства, почему значительная часть скифов, мигрировавшая из Северного Причерноморья в Переднюю Азию и, «владевшая» 28 лет [21, с. 187] в пространствах, где издревле была известна обработка камня, не привнесли и не внедрили обычай изготавливать и устанавливать статуи своих языческих богов. И в этом случае встречи скотов

в, так называемый, «Героический период» их истории, с восточной школой изваятельного и ваятельного искусства, по мнению скифологов, одинаково явились безрезультатными и невостребованными. В этом направлении диалог культур между племенами «варваров» Восточной Европы с одной стороны и античным миром и древним Востоком с другой, как бы, не состоялся.

У нас на этот счет другие представления, суть которых в том, что в качестве образцов статуарных форм, создаваемых ираноязычными племенами I тыс. до н. э., позднее и тюркоязычным этносом, в условиях его пребывания в этом же массиве, могут являться античные гермы, исполненные в варваризированных вариантах.

Их появление, а затем массовое внедрение в культурный мир степняков Причерноморья, Приазовья, Подонья, видимо, следует связывать с доскифским временем в среде киммерийцев, позднее скифами и сарматами [137, с. 175 и сл.]. В дальнейшем практически всей группе скульптур варварского круга характерны: антропоидность, сопровождаемая исполнением туловища, голова с признаками личины, изображение элементов гарнитуры и аксессуаров, наконец, присущий им монументализм.

Вторым моментом, в значительной мере, определяющим перспективы восточноевропейского статуарного культурогенеза, мы бы назвали тенденции в направлении объемных, круглых форм.

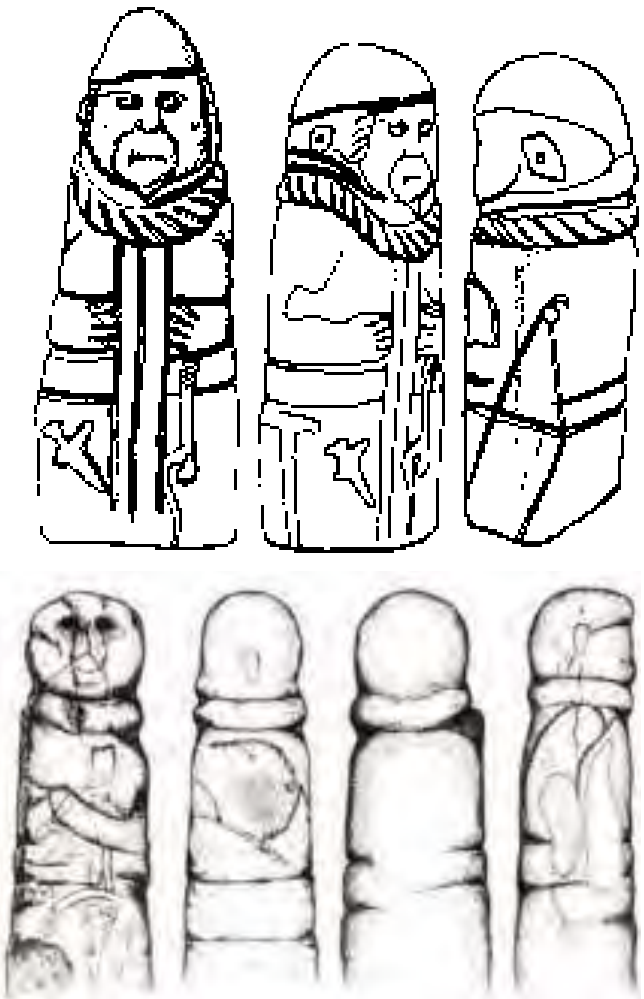
Третью позицию, к обоснованию греко-варварского Северопричерноморского статуарного симбиоза, отводим портретности, которая, к тому же, порой персонифицирована. В целом скульптуры ираноязычных степняков, в абсолютном своем большинстве, все же менгировидные.

Итак, скифское статуарное наследие сформировалось не в пустынных, вне

Рис. 32. Скульптура из села Нововасильевка

античной цивилизации, пространствах – напротив, в исторически состоявшихся хозяйственно-культурных, полиэтнических степных и лесостепных регионах юга Восточной Европы. В этой связи, видимо, необходимо принять во внимание и то положение, что новые направления статуарного дела тюркского этноса на этих же территориях, восходят к изваяниям I тыс. до н. э., и в этом случае половецкое скульптурное наследие так же причастно к статуарной школе древних греков. Средневековым изваяниям одинаково характерны: монументализм, объемность

Рис. 33. Изваяния из с. Ольховчик и с. Шевченко на Донеччине

скульптурных форм, художественность образов. Предметный анализ предполагаемого диалога культур изложим в разделе «Тюркское статуарное искусство XI–XIII столетий Восточноевропейских степей в контексте Евразийского культурогенеза».

Однако, суждения об исключительно скифских статуариях оказались настолько незыблемыми, что все последующие открытия и рассуждения о тюркском пласте камнерезного искусства, до середины XX столетия, оставались практически незамеченными.

РАЗДЕЛ III

**ТЮРКСКОЕ СТАТУАРНОЕ ИСКУССТВО
XI–XIII СТОЛЕТИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА**

ОЧЕРК ИЗ ИСТОРИИ НАХОДОК И ПОЗНАНИЙ ТЮРКСКОГО КАМНЕРЕЗНОГО ИСКУССТВА

*Рис. 34. Мы – народ тюрк,
наша прародина – Азия*

Среди древних каменных скульптур Степного Подонцовья вполне узнаваемы «стоящие» и «сидящие», нередко исполненные в полный рост, антропоморфные статуи. Их появление связывают с расселением в степях юго-востока Восточной Европы племен тюркского происхождения – комано-кипчаков-половцев. Количество таких скульптур, обозначенных понятиями: «каменные изваяния», «каменные бабы», «балбалы», «идолы», «стелы», «статуи» – в пространствах Дешт-и-Кипчак Днепро-Волжского междуречья, в прошлом, видимо, исчислялось несколькими тысячами [14, с. 418; 127, с. 8–9].

К современному периоду их число сократилось примерно до одной тысячи, к тому же из степной экосреды их постепенно «переселили» в города, собрали в коллекции музеев Днепропетровска [95], Харькова, Краснодара, Ростова, Одессы, Мариуполя, Донецка, Крыма и другие центры южного региона. Статуи значатся в средних и северных широтах России, к примеру, в фондах ГИМ г. Москвы на учете 30 изваяний комано-кыпчакского типа [127, с. 9–11, 110–112].

Несомненно, ближе к историческим реалиям находятся скульптуры, сосредоточенные в степных заповедниках Украины: Аскания-Нова [40], Каменная могила [114], Великоанадольское лесничество на Донетчине [127, с. 85–86] и других местах.

В последнее десятилетие, точнее с 70-х годов прошлого столетия и по настоящее время накапливается информа-

ция и формируются коллекции изваяний из числа тех, что выявлены в географическом пространстве среднего Подонцовья, в основном вдоль северного склона Донецкого кряжа. Общее число обнаруженных здесь скульптурных форм превысило 120 ед., из них 103 музеефицированы (рис. 34). Наиболее значимая коллекция сосредоточена в парке-музее-скансене г. Луганска. В ней среди каменных артефактов историко-этнографического содержания значится 75 паспортизированных тюркских каменных изваяния. Реально же экспозиция парка-музея располагает 59 скульптурами (рис. 35), 10 изваяний переданы в государственные, районные и народные музеи, 6 – в основном малоразмерные статуарные формы, похищены в 90-е годы случившегося лихолетья и теперь, по имеющейся информации, находятся в подворьях элитных особняков.

Коллекция изваяний, состоящая из 15 ед., сосредоточена в парковой зоне Свердловского (Луганской области) городского музея [57, с. 70–76], остальные из 103 музеефицированных, в количестве от 1 до 3 единиц, рассредоточены по музеям Луганщины [74, с. 87–88. Табл. 39]. В комплексе статуарные артефакты, помимо наглядно-экспозиционного содержания, наполнены историко-краеведческой, искусствоведческой, научно-познавательной, просветительской информацией о тюркском этносе и его культуре, воплощенной в художественно-монументальном формате.

Более восьми веков прошло от того времени, когда в степях Восточной Европы прервалась нить жизни комано-кипчаков, в результате чего целый народ, его история, искусство, казалось бы, безвозвратно утрачены. Однако, так ли безмолвны события 800-летней давности? Ответ возможен в ситуации знаний о сохранившихся и надежно документированных тюркских каменных изваяниях

из прежних мест их сосредоточений.

Для понимания динамики статуарного культурогенеза восточноевропейского пространства, совершим экскурс в художественный мир древних тюрков (тюрк) Азии. Камнерезное искусство народов Центральной Азии – Тува, Алтай, словом, юга Сибири, – в образе стело-столбовидных монолитов восходит к природным формам, а также упрощенных образов людей, «балбалам», VI–VII ст. н. э. [28; 53, с. 97–103]. Позднее, в VII–X вв. оно, уже в виде художественных антроповидных изваяний, наблюдается в Средней Азии, в Семиречье, Казахстане [189; 179; 182]. С XI по XIII ст., в виде скульптур, присутствует в степном юго-востоке Восточной Европы, прежде всего, в массивах Донецкого кряжа [127; 74]. Таким образом, внешне различные формы, как и территориально-хронологические показатели, в комплексе определяют образ статуарного дела народа, вошедшего в этноисторию под именем «**тюрк**» [104, с. 201].

Основной вклад в изучение половецкой скульптуры восточноевропейских степей внесли А. С. Уваров, Н. И. Веселовский, в наше время Г. А. Федоров-Давыдов и, конечно же, ведущий специалист этой области знаний С. А. Плетнева. Вопросы, рассматриваемые в исследованиях названных авторов, охватывают не только темы статуарно-типологической иконографии канонизированных «представителей» тюркского социума, но и технолого-производственные, аксессуарно-атрибуционные, касающиеся элементов одежды, предметов амуниции, быта, украшений. Несомненно, ведущей темой остаются сакрально-семантические составляющие скульптур в системе верований тюркоязычников.

Изучение тюркских статуй европейских степей началось более чем на столетие раньше исследования изваяний из Южносибирского, Алтайского, Тяньшанского, Иссык-Кульского, Чуйского,

Рис. 35. Парк-музей современный вид

Семиреченского массивов, словом, территорий, которые входили в так называемый Западный тюркский каганат.

В литературе, посвященной камнерезному искусству этого массива и его народов (см. работы А. Д. Грача, Я. А. Шера, Л. А. Евтюховой, А. А. Чарикова, Ф.Х. Арслановой и др.), не найдем отрицания связей азиатских статуй с изваяниями из восточноевропейских степей, напротив, преемственность и сосуществование двух центров монументально-

го искусства тюркютов очевидна. Однако на фоне каменных столбов-«балбалов», или стеловидно-скульптурных плит Азии, восточноевропейские отличаются: монументальность, грациальность, специфические приемы передачи объемов, поз, художественный, иногда портретный реализм образов, разнообразие деталей одежды, атрибутов, аксессуаров. Им же присуща свойственнаяномадам средневекового периода семантика, поздняя, в сравнении с прототипами из азиатского массива, хронология. Все вместе взятое заставляет видеть в скульптурной пластике из степей Восточной Европы самостоятельное звено развития тюркского монументального искусства, которое восходит к «балбалам» VI–VII вв. Южной Сибири и Тянь-Шаня и достигает вершины в XII–XIII вв. в восточноевропейских степях (рис. 36).

Первые упоминания о каменных изваяниях, прослеживаемых в восточноевропейском массиве, оставили современники и очевидцы событий, связанных с обрядовыми действиями с «участием» скульптур. В частности, персидский поэт Низами Гаджеви сообщает о порядке «общения» со статуями и проводимых возле них обрядах. В поэтической форме он описал ритуалы поклонения и дары каменным идолам [116, с. 657].

– «И приходят кипчаков сюда племена,

И пред идолом гнется кипчаков спина.

Пеший путник придет или явится конный,

Покоряет любого кумир их исконный.

Всадник медлит пред ним, и, коня придержав,

Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.

Знает каждый пастух, подгоняющий стадо,

Что оставить овцу перед идолом надо».

Сведения с описаниями событий, в которых «задействованы» каменные статуи, изложены в путевых заметках посла французского короля Людовика IX монаха Гильома де Рубрука. В частности, в труде «Путешествие в Восточные страны», датированном около середины XIII в., автор рассказывает о ритуале захоронения кочевника. «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу» [22, с. 102].

Затем наступили столетия безмолвий о «Дикой степи» [144] и лишь в XVI в. Эрих Лясота при ее посещении, как бы уточняя функции статуй, сообщает об «ориентирующих в степях маяках». В частности в дневнике под 1594 г. отмечено: «Дальше прошли [мы] Семь Маяков, высеченные с камня изображения числом 20, которые стояли на курганах или могилах на татарском берегу Днепра... спустились верхом сквозь незаселенные дикие степи [...] проехавши 5 миль, увидели на одном кургане или могиле маяк, то есть поставленную на нем статую человека» [111, с. 185–186].

В изданном в 1627 г. трактате «Книга Большому Чертежу» появились, обозначенные каменными скульптурами географические привязки. Рассеянные по южным пространствам, они по-прежнему выполняли роль маяков-ориентиров во все еще безлюдном степном мире. К примеру, при описании «Муравского шляха» сообщается: «А на реке на Терновке стоит человек камен, а у него кладут из Белагорода станичники доездная памяти, а другие памяти кладут на Самаре у двух девок каменных, а от каменного человека до Самары верст 30» [61, с. 64]. Аналогичную ситуацию наблюдаем в описании участка «Изюмского шляха»: «А верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных» [61, с. 68]. Как замечаем, составители географических

описаний и текстов, в отношении наблюдаемых ими изваяний, не употребляют понятие «каменные бабы». Этот термин был использован позднее и он, видимо, происходит от тюркского «baba» (предок, отец). На этно-этимологических понятиях статуарных артефактов мы остановимся ниже.

О скоплении каменных статуй в степях Приазовья сообщает немецкий врач Я. Лерхе. Его присутствие в этой местности связано с необходимостью медицинского обслуживания русских войск во время военных походов в южных направлениях.

В дальнейшем интерес к художественным монолитам обрел направление, суть которого не только в их констатации, но и в научной познавательности. Подтверждением тому регулярные сообщения об обнаружении новых экземпляров «каменных баб», их описания, зарисовки, комментарии в историко-краеведческих изданиях. Тогда же появились первые картографические сведения о географии распространения статуй, их типологии. Например, академик А. Гильденштедт упоминает о большом количестве каменных изваяний, прослеживаемых им на степных холмах. Среди скульптур он выделял мужские и женские статуи, параллельно осуществляя их прорисовку.

Аналогичные изыскания проводит академик В. Зуев, им же сделаны зарисовки и детальные описания нескольких каменных изваяний, стоящих на курганах [55, с. 262, 265–266] (рис. 37, 1). Однако, в XVIII в. еще не поднимали вопросы, касающиеся этноисторических интерпретаций скульптурных памятников. Лишь в начале XIX ст. были замечены сходства и этнические корни восточноевропейских статуй с изваяниями из азиатских массивов. В частности, академик П. Паллас, анализируя скульптуры из столь отдаленных территорий, обозначил «им схожесть» (рис. 37, 2). Взгляды П. Пал-

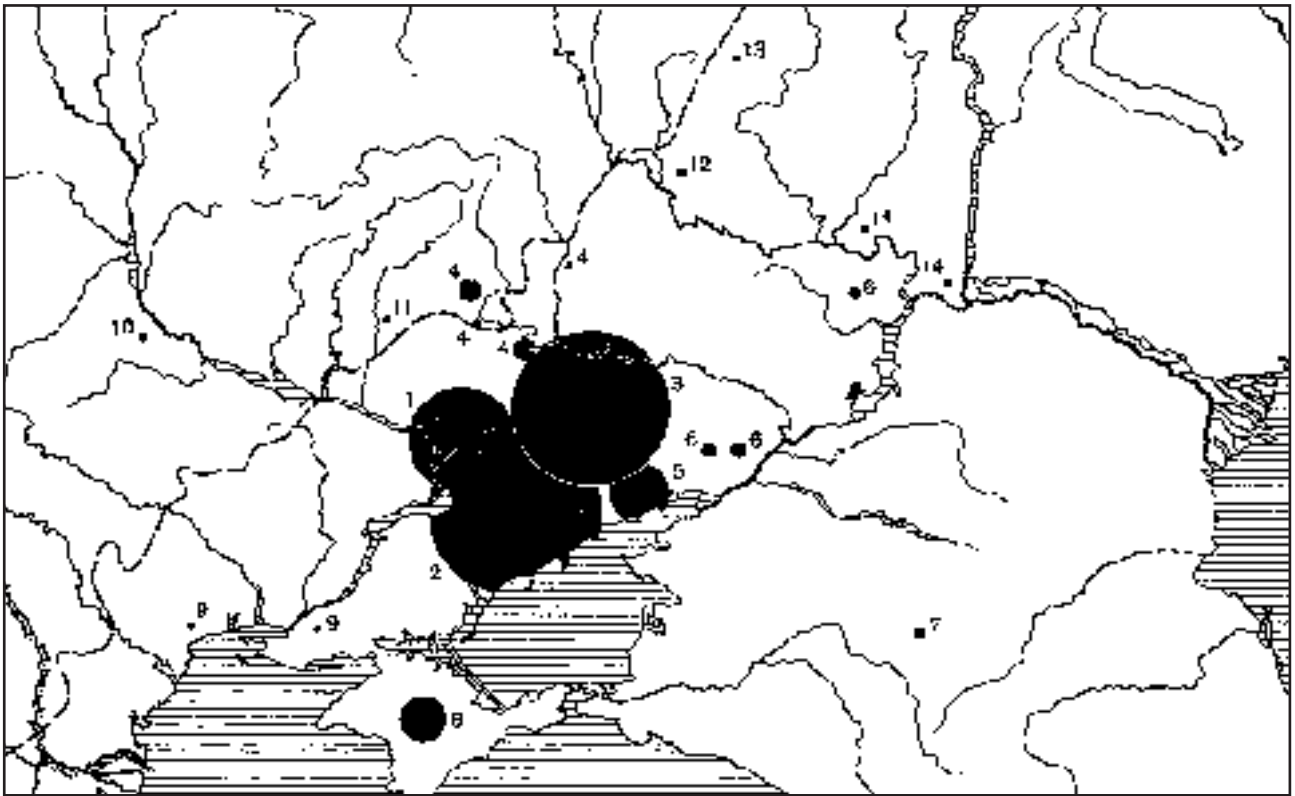

Рис. 36. Карта местонахождений изваяний к середине XIX ст. (С.А. Плетнева)

ласа получили поддержку в публикациях Г. Спасского.

Информативные сведения из XVIII ст., можно было бы продолжить, но, к сожалению, конкретные, с географическими привязками сообщения очевидцев тех лет о местонахождениях «каменных баб», позднее как бы утратили достоверность, ибо «рассеялись» в неоднократно переписываемых в виде копий, или редакций, в так называемых литературных новоделах. А ведь письменные свидетельства первопроходцев могли бы играть такую же роль источников, как и сами скульптурные артефакты уже хотя бы потому, что по их местонахождениям можно было бы предметно восстановить географию размещения и скопления скульптур до начала их массового перемещения и уничтожения в XIX в., отчасти в XX ст. Не по этой ли причине география половецких орд в «стране» под названием Дешт-и-Кипчак продолжает оставаться проблемной темой медиевистов?

Первая, на наш взгляд, наиболее достоверная карта распространения каменных статуй появилась лишь в 1851 г. Ее автор – А. И. Пискарев, будучи чиновником департамента образования, рекомендовал просвещенцам «собирать о статуях все сведения и делать подробные описания и прорисовки каменных скульптур, сохранившихся на Руси» (рис. 37, 3) [123, с. 205–220]. Позже, в 1871 г., А. С. Уваров, воспользовавшись прорисовками свыше 1000 скульптур, осуществил визуальную классификацию «каменных баб». Он выделил типы композиции скульптур: «стоящий», «сидящий» и, как бы, промежуточный, «полусидящий». А. С. Уваров также предположил технико-эволюционный ряд их развития: от грубых плоских стел к объемно-рельефным статуям, при этом обосновал их принадлежность одному народу, но изготовленных «в разные исторические периоды».

Идея полного учета статуй получает развитие в начале XX века. По инициати-

ве П. С. Уваровой, была проведена очередная «перепись» скульптур. Оказалось, что в степях южной России тогда находилось 1133 скульптуры.

Больше других исследователей в анализ половецких изваяний внес Н. И. Веселовский. В опубликованной им в 1915 г. работе под названием «Современное состояние вопроса о каменных бабах, или «балбалах», автор однозначно определил тюркскую принадлежность статуй, «оставленных народностями, откочевавшими из Азии в восточноевропейские степи». Проанализировав гарнитуру женских и мужских статуй, сравнив их с костюмами тюркоязычных народов Центральной Азии, а также, ссылаясь на литературные описания, автор обосновал прежде высказанные им же идеи о том, что изваяния принадлежат половцам-кипчакам. Своими выводами Н. И. Веселовский подтвердил достоверность сообщений Рубрука и согласился с «правдоподобностью наблюдаемых им (Рубруком) обрядов с участием статуй».

Второй вопрос, поднятый Н. И. Веселовским в вышеназванной работе, касался семантики, точнее, связи скульптур с погребениями. Ссылаясь на раскопки курганов с изваяниями, Н. И. Веселовский, а вскоре и В. А. Городцов, археологически подтвердили факты отсутствия скульптур над могилами кочевников [26, с. 249]. Вклад Н. И. Веселовского и В. А. Городцова в изучение половецких скульптур можно определить одной емкой фразой: прежде сложившийся в знаниях о кочевнических статуях «этнический беспорядок», в определенной степени, обрел научную ясность.

Путем, намеченным Н. И. Веселовским., в дальнейшем шли Л. А. Евтюхова, С. А. Плетнева, Г. А. Федоров-Давыдов. Важными в темах, касающихся тюркских статуй, явились исследования, проводимые и обобщенные в работе Л. А. Евтюховой «Каменные изваяния южной Си-

бири и Монголии» [50]. В ней впервые, спустя несколько десятилетий после Н. И. Веселовского, при анализе иконографии статуй, проведен сопоставительный анализ изображенных на скульптурах предметов вооружения и быта, украшений и амуниции, элементов гарнитуры, с археологическими данными из раскопанных кочевнических комплексов, датируемых началом II тыс. н. э. (рис. 38). Соединение двух артефактов – изваяний и инвентаря из могил, – не только усилило позиции идеи о тюркской принадлежности статуй, но тогда же скорректировало их хронологию. Концептуальные же направления и методики изучения половецких древностей обозначились лишь в 60–70 гг. XX столетия.

К примеру, в 1966 г. опубликована работа Г.А. Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» [164], в которой, кроме археологических источников из захоронений номадов, предложена сопоставительная типология каменных изваяний с типологией вещей, изображенных на них, прослежена эволюция камнерезного дела, намечены районы распространения статуй в степях, обозначены критерии, так называемых, «святилищ» [164, с. 166–194]. После выхода в свет такого рода исследования невозможно сомневаться в половецкой принадлежности всей серии восточноевропейских средневековых каменных изваяний.

Однако наиболее последовательный образ знаний о камнерезном искусстве все же обобщен в фундаментальном исследовании – каталоге в формате свода археологических источников С. А. Плетневой «Половецкие каменные изваяния». В этом труде представлены максимально полные сведения о 1323 половецких каменных статуях, зарегистрированных в картотеках к середине XX в. В этом же издании в списочном варианте значатся около 40 из более чем 90 извая-

*Рис. 38. Из исследований
Л.А. Евтюховой*

ний, зафиксированных к тому времени в территориальных границах Луганской области. Таким образом, становится очевидным необходимость продолжения работы не только по дальнейшему сбору сведений о скульптурах, но и необходимость в последующем изучении их художественно-иконографических, типолого-хронологических, функционально-семантических особенностей. Поднятые темы проиллюстрированы материалами статуй, сосредоточенных в парке-музее г. Луганска (рис. 50) и музеях Луганщины.

Половцы как кочевническое объединение восточноевропейских степей присутствуют со второй половины XI до 40 гг. XIII века, что составляет без малого 200 лет. На этом отрезке времени основную часть населения степного Подонья, Подонцовья, Донецкого края составлял тюркский этнос. Инте-

рес к истории и культуре тюркоязычного населения проявился с середины XIX ст. Как тогда, так и теперь, источниковедческий потенциал знаний составляют письменные, вещественные, художественно-статуарные артефакты [126; 134; 164; 31; 32; 8; 139; 176 и др.]. В этой связи не вызывает сомнений факт, что Россия, как и Украина, являясь носителями классической славянологии, одновременно остаются пространствами имеющими отношение к тюркской идентичности. Целенаправленные научные изучения тюркских древностей по захоронениям ведутся с 30-х годов XX ст., однако такое направление как культурогенез в области статуарного искусства, вплоть до 60–70-х годов оставалось приоритетом исследований ученых, опирающихся на материалы из тюркоязычных республик (Евтюхова, Кызласов, Грач, Шер и др.).

Как известно, статуарные памятники тюркютов в Восточной Европе списочно насчитывают более 1320 экз. [127, с. 77–112], из них около 950 реально существующих артефактов [127, с. 15], более 100 ед. сосредоточены в коллекциях музеев Луганщины, следовательно, каждый девятый экземпляр из реальных находок, происходит из Подонцовья, точнее с северного склона средней части Донецкого края [74, с. 87–89. Табл. 39]. Ссылаясь на визуальный образ выявленных здесь скульптур, убеждаемся в том, что процесс художественно-иконографической трансформации у половцев происходил чрезвычайно быстро, одинаково изменялись инструментарий, технические приемы обработки камня, порой и материалы, с которыми работали мастера. Прогресс камнерезного искусства можно проиллюстрировать тем, что за неполные 200 лет оно, из упрощенных, с едва улавливаемым сходством с людьми стел, выросло до высокохудожественных статуй, в которых порой прослеживаются элементы

Рис. 37. 1-3. Зарисовки скульптур исследователями XVIII - XIX вв.

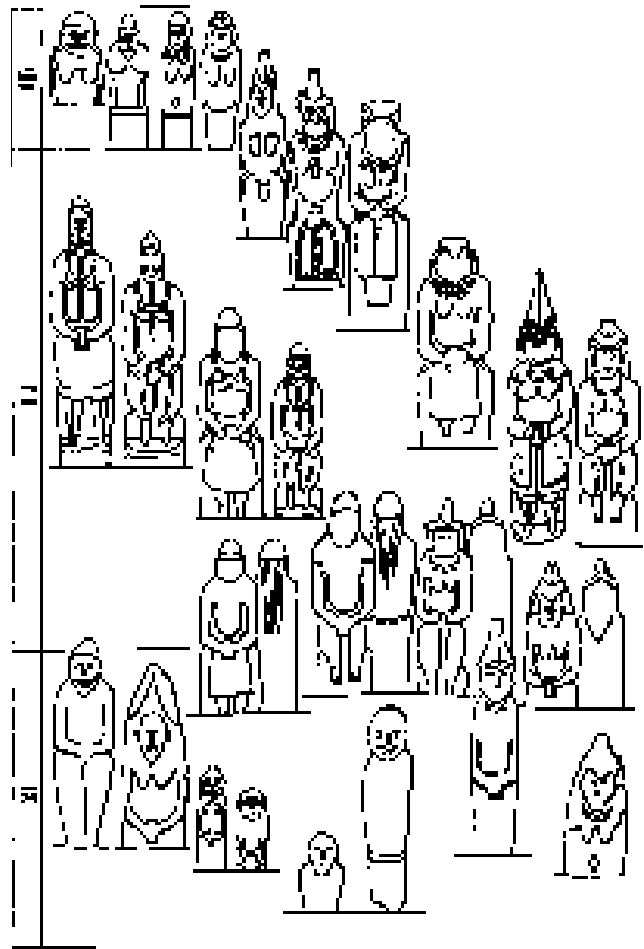

Рис. 39. Типологическая таблица изваяний Евразийских степей предложенная С.А. Плетневой

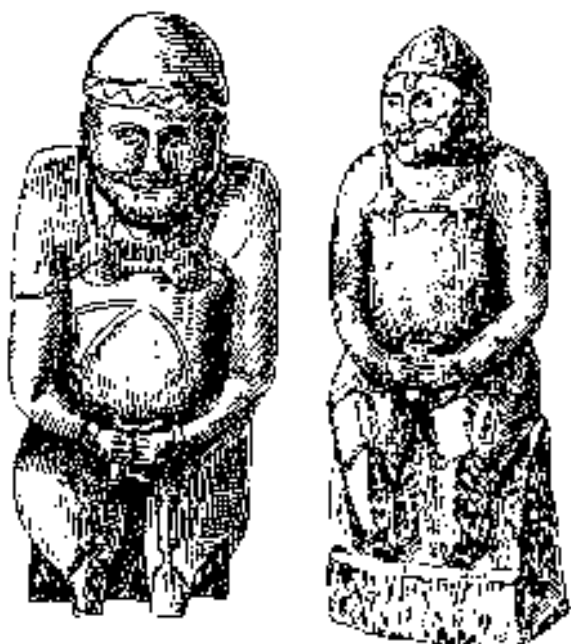
античной статуарной художественной традиции и практики.

Изменения в системе изготовления статуй, их иконографии иллюстрируют скульптурные формы парка-музея. Прежде всего, замечаем, что половцы в период пребывания в восточноевропейских степях неоднократно переформатировали иконографию и композицию статуй в направлении от стеловидных

антропообразных к круглым, объемным реалистичным фигурам, а затем, как бы вновь, к столбовидным антропоидным формам, что засвидетельствовано типологической корреляцией, разработанной С. А. Плетневой (рис. 39). В этой схеме попытаемся не только найти место рассматриваемой нами серии изваяний, но обозначить композиционные формы не учтенные прежней типологией.

ТИПОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЙ СТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ

Прорисовки изваяний в публикациях XIX- начала XX ст.

Ссылаясь на научные наследия А. С. Уварова, Н. И. Веселовского, заметим, что принципы классификации, разработанные ими, не только обозначили типологизирующие признаки, но и создали трансформационную схему прогресса камнерезного искусства Евразийских степей. Нам в этой связи интересна тема классификации статуй, составляющих собрание изваяний Степного Подонцовья.

Как уже отмечалось, «пробный вариант» типологизации половецких изваяний осуществлен А. С. Уваровым [161, с. 512–515]. Тогда же скульптуры по композиции разделены на три группы: «сидящие», «стоящие», «стеловидные» – в каждой из них соответственно выделены мужские и женские особи. Согласно групповой принадлежности статуй, А. С. Уваров обозначил им относительную хронологию: стеловидные – самые ранние, а объемные, круглые, особенно «сидящие» – поздние, изготовленные около IV–V вв. Как видим, в целом интересная типологическая система, предложенная А. С. Уваровым, изначально имела погрешность хронологического содержания, ибо она на несколько веков занижена, то есть удревнена.

Значительно позднее, почти через столетие, вопрос классификации был поднят Г. А. Федоровым-Давыдовым. Он, вслед за А. С. Уваровым, в основу типологии положил позы и определил последовательность их сменяемости по схеме: «стоящие» были прототипами «сидящих» и тем более поздних «стеловидных». Мужские и женские фигуры выделены им в самостоятельные подтипы [164, с. 167–168, 184–186].

С. А. Плетнева первичным признаком классификации статуй считает пол

изваяний, который, по ее мнению, имеет отношение к социальным, религиозным и даже имущественно-политическим составляющим кочевников [127, с. 60]. В этой связи изваяния разделены на два крупных отдела: мужские и женские. Вторым признаком – вид, определяется позой статуй: первый вид – «стоящие», второй – «сидящие», третий – «стеловидные». Количественное соотношение каждого вида статуй, по данным С. А. Плетневой, приблизительно одинаковое. Мы же, классифицируя изваяния Подонцовья по предложенным С. А. Плетнёвой признакам, констатируем явное преобладание «стоящих» и «сидящих» статуй над «стеловидными». Дальнейшие их деления на типы и подтипы осуществлены с учетом иконографо-изобразительных и технических приемов обработки, которые, как считает С.А. Плетнева, влияют на рельефность, а, следовательно, объемность форм. Например, по степени общей композиционной рельефности определены три типа абрисов, то есть три приема посадки головы (рис. 40, 1–3) [127, с. 55]. Заметим, такие же варианты абрисов присущи круглым изваяниям Подонцовья, однако здесь преобладает низкий абрис тип 1.

Определенный вклад в изучение скульптур поздних кочевников внесли исследования Л. С. Гераськовой. Территориальные и хронологические параметры ее работ огромны, охватывают пространства евразийских степей со всеми известными в них разновременными, датированными от VI до XIII вв., статуями. Классификация, разработанная Л. С. Гераськовой, во многом новационная, но перегружена статистикой, таблицами, коррелятивными графиками, перенасыщена «типологической» детализацией, не всегда понятной и удобной при обработке конкретной группы источников [19, с. 34–53]. Сомнения автора в вопросах восточноевропейских статуй сведены к че-

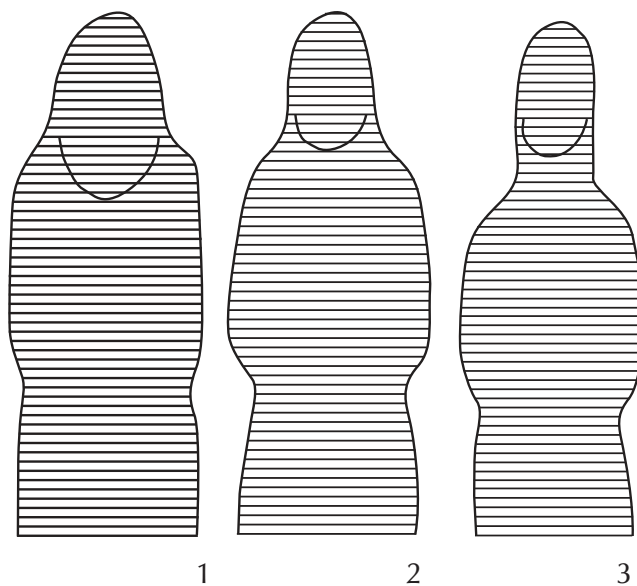

Рис. 40. 1-3. Типы абрисов восточно-европейских скульптур (С.А. Плетнева)

тырем позициям:

1. Невозможно в отрезке времени менее 200 лет одному этносу сформировать столь различные типы статуй.

2. Существующие статуи созданы различными народами из числа тюрков, обладающими собственными традициями этого вида искусства.

3. Отдельные типы европейских статуй близки к скульптурам из азиатских степей, однако они не являются половецкими.

4. Такими этносами могли быть печенеги или торки [19, с. 99].

Мы же считаем, что при отсутствии убедительных статуарных форм, созданных иными, нежели половцы, племенами, с суждениями Л. С. Гераськовой трудно согласиться [19, с. 99].

После краткого обзора типобразующих критериев, возвратимся к материалам, собранным нами артефактов, среди которых, с учетом композиции и иконографии, намечаем шесть статуарных типов (рис. 41, 1–23). Нумерации изваяний соответствуют как описанию и иллюстративным таблицам каталога «Древнее камнерезное

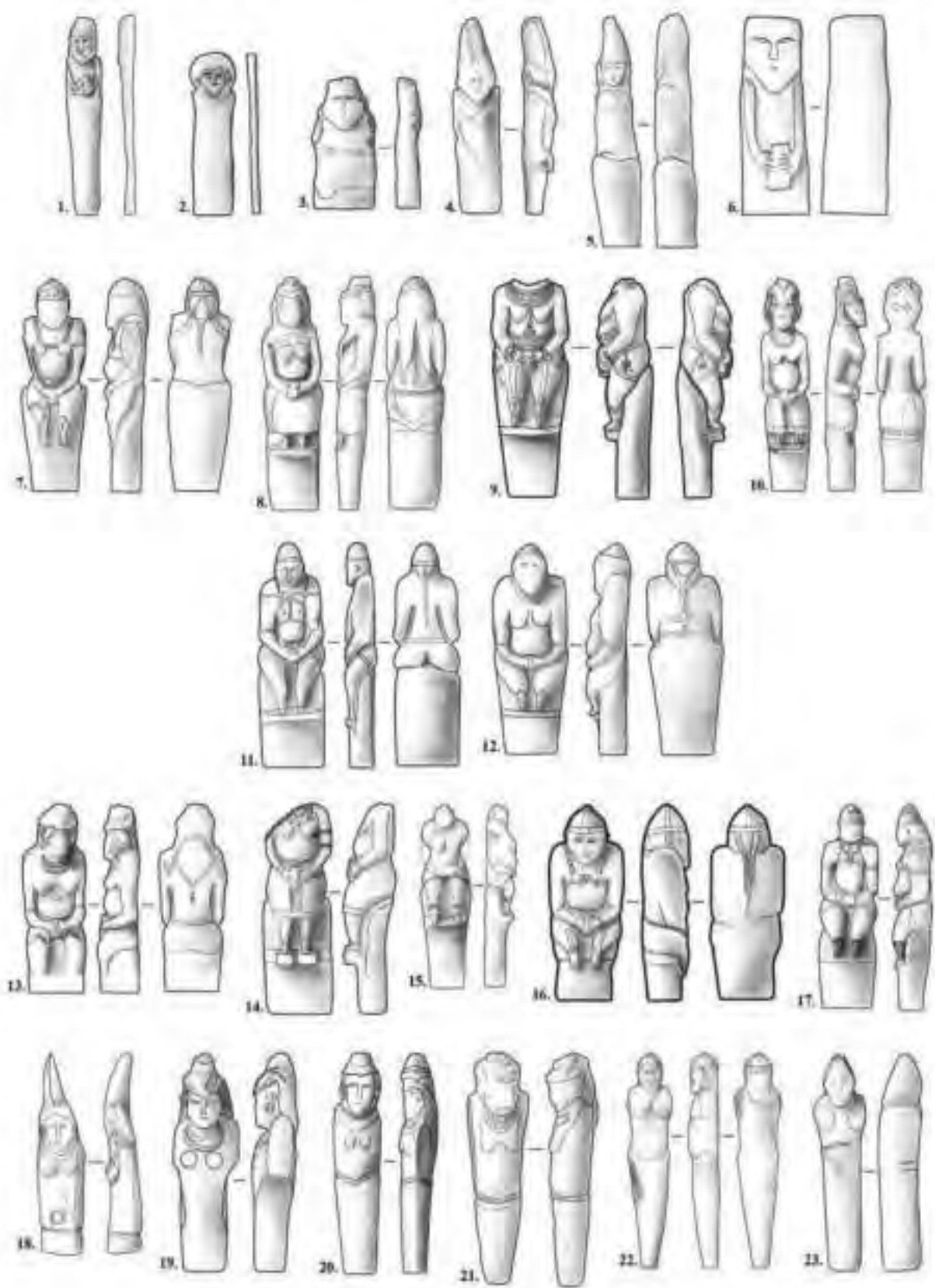

Рис. 41. 1-23. Типология изваяний XI-XIII ст. Степного Подонковья

искусство Луганщины» [74], так и альбому иллюстраций данного издания (см. Альбом часть II).

Тип 1 (рис. 41, 1–3) – плоские скульптуры, почти азиатские антропоморфные стелы, исполненные в технике гравировки и низкого барельефа. Основное внимание при их изготовлении уделяли голове и личине, тулова менее выразительные, хотя на них появляются изображенные руки, стилизованная, в виде окружностей, женская грудь.

Отдельные фигуры из первого типа сопровождаются «сосудами» различных форм, напоминающими кубки, кувшины, близкие к изображенным на каменных стелах из Тувы [28, с. 66–67]. Таким образом, иконография восточноевропейских стеловидных фигур в определенной степени повторяет традиции, характерные азиатским, прежде всего в изображении личин и лиц (рис. 42), отчасти в расположении сосудов (рис. 48, 1–2).

Тип 2 (рис. 41, 4–6) – стело-столбовидные, плоские, выполненные в технике среднего барельефа, с помощью которого мастера добивались реализма в изображении головы, верхней части туловища. Здесь же наметились признаки лица, одежды и остроконечного головного убора (рис. 43), сосуд «опущен» на уровень пояса.

Тип 3 (рис. 41, 7–10) – круглые, «стоящие» статуи, исполненные в технике высокого барельефа. Абрис статуй различный – в одних случаях голова поднята над туловищем, в других, расположена заметно ниже, порой как бы «вросла» в корпус тулова. На голове изображены: прическа, головной убор, украшения (рис. 41, 9–10; 44, 1), на туловище руки, одежда, сосуд, предметы туалета. Грудь на женских скульптурах «обнажена» (рис. 41, 8–9).

Тип 4 (рис. 41, 11–12) – небольшая группа скульптур, основным признаком которых является «полусидящая» поза, на

что, кстати, обратил внимание А. С. Уваров. Угол соотношения ног к туловищу в пределах 130–140°, фигуры как бы «присели» на постаменты (рис. 45). Иконография статуй совершенная, в реалистических художественных пропорциях исполнены лица с признаками монголоидной портретности, одежда, головные уборы, обувь, «посуда», предметы быта и туалета – словом, их отличает многообразие изображаемых предметов.

Тип 5 (рис. 41, 13–17) – «сидящие», круглые, объемные изображения с различной абрисной посадкой головы. Скульптуры данного типа отличаются монументальностью, их высота достигает 2,5–3 м, отдельные экземпляры 3,5 м, при этом поверхности статуй, от постамента до верха головы, тщательно проработаны. Мужские и женские скульптурные образы «усажены» на массивные постаменты, угол изгиба ног, по отношению к туловам, составляет 90–95° (рис. 46,

Рис. 42. Тип I. Плоские стеловидные

Рис. 43. Тип II. Стело-столбовидные

1–2). Статуи этого типа особенно костюмированные, причем варианты одежды и головных уборов нестандартные, во многом эксклюзивные. Говоря о личинах, отметим, мужские с элементами портретности (рис. 41, 16), женские безликие, как бы чадропокрытые (рис. 41, 13, 15). Одежда на мужских и женских статуях также индивидуальна – в первом случае военный доспех, амуниция, предметы быта (рис. 41, 16, 17; 46, 1), во втором – халат, предметы туалета, украшения, аксессуары (рис. 41, 14). При изготовлении «сидящих» статуй, как и других из группы крупных композиций, уделяли внимание изображению обуви, поножей, словом, элементам одежды нижней части туловища и ног.

Тип 6 (рис. 41, 18–23) – круглые статуи, у которых туловища, при отсутствии рук и ног, напоминают антропоидные

столбы. В тоже время совершенная технология обработки и грациальная иконография придают образам вид атлетов в стиле античных традиций (рис. 41, 22; 56, 1). Вместе с тем, в изображении женских фигур из шестого типа и их аксессуаров наблюдается стилизованность (рис. 47, 2). Прежде всего, это касается условно-схематично исполненных сосудов (рис. 41, 18; 56, 3), поясов в виде горизонтальных линий (рис. 41, 20, 21, 23).

В типологию включена не вся серия, сосредоточенных в парке-музее скульптур, 12 изваяний (23, 27, 45, 61, 63, 68, 76, 92, 99, 102, 117, 120) не классифицированы, поскольку существенно повреждены, но, учитывая прослеживаемую в них иконографию, можно предположить, что они относятся к числу круглых статуй. Еще около 25 ед. скульптурных форм из музеев области дополняют информацию по предложенной нами типологии [74; 57]. Не вошли в типологию статуи, сохранившиеся лишь фрагментарно, например, голова воина в шлеме – изв. 64. «Скульптуру-стелу» 49 (см. Альбом иллюстраций. Часть II), видимо, следует рассматривать как эмитацию половецкого искусства.

Совершенно невозможно что-либо сказать о тех скульптурах, от которых сохранились только постаменты, однако присутствие некоторых из них на курганах в ситуации *in situ*, как и найденные в древних карьерах заготовки несостоявшихся статуй, несомненно заслуживают внимания.

Предложенная нами типология статуй, в целом, почти соответствует классической схеме, разработанной С. А. Плетневой. Лишь в отношении «полусидящих» скульптур (тип 4) нет однозначного мнения. К примеру, в типопределяющей схеме С. А. Плетневой, «полусидящая» композиция для нас, как переходная форма, во внимание не принята. Мы же, рассматривая камнерез-

ный промысел в динамике, считаем, что в каждом новом типе изображений сохраняются иконографические признаки прежних статуарных форм и одновременно намечаются протоформы будущих образов. Например, переплетение различных типобразующих черт имеет место при сопоставлениях первого и второго, второго и шестого, четвертого и пятого типов. В этой связи, прослеживаемая «невыкристаллизованность» типов вполне объяснима, поэтому предложим некоторые комментарии, объясняющие содержание культурогенеза тюркского статуарного искусства в условиях восточноевропейского диалога.

Иконография, техника исполнения скульптур первого, и отчасти второго типов, даже в условиях значительного удаления от азиатской прародины, все же сохраняют признаки, характерные иртышским, тувинским стелам VI–VII вв. [28], семиреченским изваяниям, датированным VIII–X вв. [189] (рис. 48: 49). Изваяния 3–6 типов, ведущими признаками которых являются округлая объемность, очевидная композиционность и художественность исполнения, формировались в условиях пребывания тюркских племен в европейском пространстве. Здесь тюрки могли ощутить влияние традиций скульптурного дела иных обществ, возможно даже из систем античных форм (рис. 41, 10, 19, 22). Регулярные и длительные контакты с европейцами не могли не повлиять на общий культурный прогресс степных народов, равно как и варвары влияли на европейцев, что удастся проиллюстрировать как материальными проявлениями, так и появлением монументального статуарного искусства в хронологическом пространстве от I тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э.

Если не принимать во внимание скульптурные формы ранних периодов, обозначенные понятием «антропоморфные стелы» IV–II тыс. до н. э., которые

Рис. 44. 1. Тип III.
Объемные, круглые, «стоящие»

Рис. 45. Тип IV.
Объемные, круглые, «полусидящие»

Рис. 46. Тип V. Объемные, круглые, «сидящие»

имеют свои, композиционно-иконографические, типологические и семантические объяснения [186, с. 22–37], тогда, в нашем представлении, наиболее близкими к статуарным образам, созданным ираноязычными племенами I тыс. до н. э., а позднее и тюркоязычным этносом в условиях его пребывания в восточноевропейском массиве, могут быть варваризированные прототипы античных герм.

В теме о скифских статуях мы уже обозначили тот факт, что варваризированные варианты герм, могли появиться у киммерийцев, позднее скифов и сарматов [137, с. 175 и сл.]. Не случайно же основной группе скульптур евротюркского круга одинаково характерны **антропоморфность**, касающаяся изображений туловища, головы, ног и **монументальность**. В этой связи особенностью статуарного культурогенеза тюрков, в условиях вос-

точноевропейского развития, является появление форм, не имевших аналогий ни среди изваяний Семиреченско-Казахстанской группы, ни, тем более, среди стел Центральной Азии.

Второй тенденцией, определившей перспективы тюркского восточноевропейского статуарного культурогенеза является динамизм в направлении **объемных, круглых форм**. Заметим, что лишь небольшая серия ранних тюркских скульптур (тип I и II) пока еще сохраняет архаичные стеловидные и столбообразные формы характерные кипчакским изваяниям Азии.

Третью позицию, к обоснованию греко-варварского статуарного симбиоза, занимает **портретность**, которая в изваяниях восточноевропейской серии заметно «вышла» за каноны собирательного тюрко-монголоидного этнотипа, создав

при этом не только европеизированные личины, но и персонафицированные образы (рис. 44; 46, 1; 47, 1 и др.).

Таким образом, воплощенные в варваризированном формате античные гермы, изначально обозначились как менгировидные образы скифо-сарматов, позднее, в основном в тюркской среде средневековья, трансформировались в художественные произведения по-настоящему статуарного искусства.

Однако дальнейшее развитие статуарного дела в восточноевропейском массиве было приостановлено, а вскоре событиями 20–40-х гг. XIII ст., безвозвратно прервано, что с достаточной очевидностью констатирует серия столбовидных упрощенных скульптурных форм шестого типа. И хотя в изваяниях этого типа сохранялся монументализм, иногда и портретность, но былые композиционность и художественность низведены до состояния тривиальности, характерной архаичным скульптурам периода варваризированного восприятия и имитации античных герм.

Итак, классические тюркские статуи третьего – пятого типов, датируемые XII – началом XIII вв., формировались в исторически состоявшемся для кочевников хозяйственно-культурном пространстве юга Восточной Европы. В этой связи, видимо, необходимо согласиться с тем положением, что новые направления в искусстве древних тюрков, в условиях их обитания в южнорусских степях, восходят к скифо-сарматским изваяниям, и уже этим, отчасти, являются продолжением статуарной школы древнегреческого искусства. В данном вопросе, в первую очередь следует обозначить монументализм, объемность форм, художественность образов. Видимо, половцы, в период пребывания в Причерноморско-Приазовских землях, могли наблюдать сохранившиеся к тому времени образцы статуарного искусства не

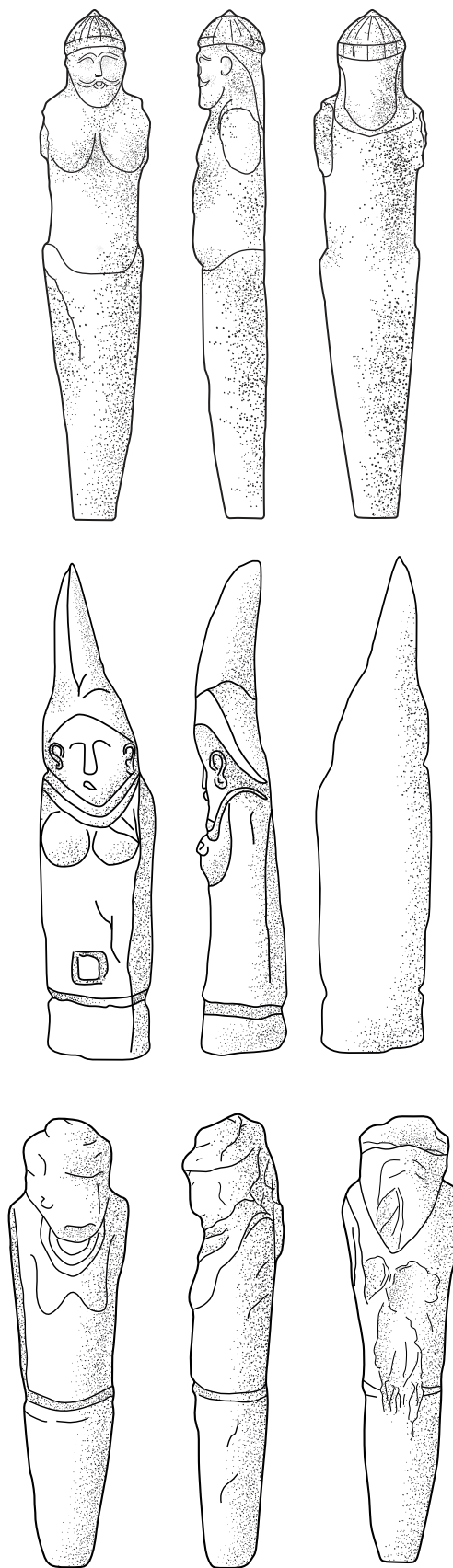

Рис. 47. 1-3. Тип VI.
Столбовидные округлые

Рис. 48. 1-2. Иконографическая идентичность евразийских образов

Рис. 49. Фигурная сердцевидная личина

только ираноязычных племен, но и поздней античности. Достаточно еще раз напомнить, что ранняя тюркская скульптура, из географических пространств Азии, на протяжении более пяти столетий, в VI–XI вв. не выходит за параметры стел, плоскостной иконографии, стандартности исполненных образов. Однако, этот же этнос в невероятно короткий отрезок времени, буквально в одно, в основном XII ст., создал такие варианты скульптур, которые с полным правом могут обозначить собственные грани статуарного искусства в общем прогрессе культурогенеза не только народа «тюрк», но человеческой цивилизации в целом.

Дегресс, сложившегося здесь феномена, был вызван событиями, связанными со вторжением в земли Дешт-и-Кипчак монголов [127, с. 65]. Тогда же, в XIII ст., традиции средневекового тюркского статуарного искусства оказались безвозвратно исчезнувшими.

В этой связи достоинство коллекции парка-музея еще и в том, что в комплексном собрании артефактов удастся проследить путь формирования композиционно-иконографической традиции древнетюркского монументального искусства в направлении от стело-столбовых форм с упрощенными художественно-изобразительными приемами к более совершенным, а затем и сложным, объемным, круглым формам (рис. 41, 1–23). Именно такие направления определяют грани статуарного культурогенеза комано-кипчаков, или европейских половцев в хронологическом промежутке конца XI – начала XIII вв.

Скульпторами статуй, естественно, являлись мастера из половецкой среды. Иконографические направления и варианты их творчества могли меняться под воздействием событий, как-то: военной, социальной, хозяйственной, религиозной ситуаций, возникающих в половецких ордах. Тем не менее, линия стату-

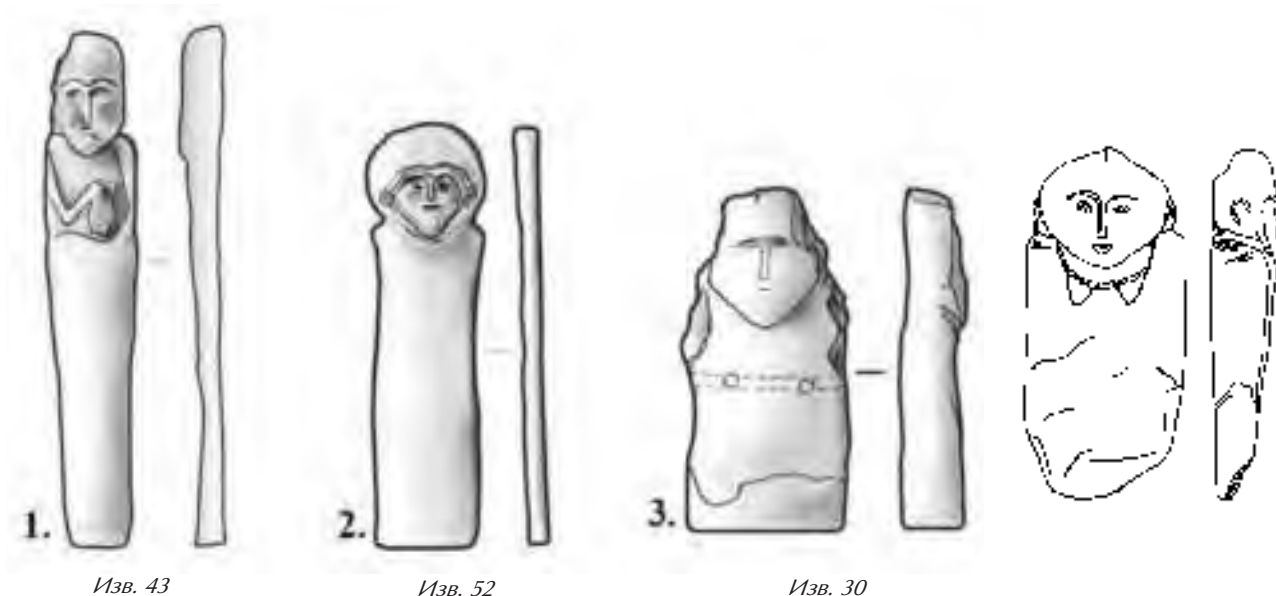

Рис. 50. Статуи наиболее раннего периода

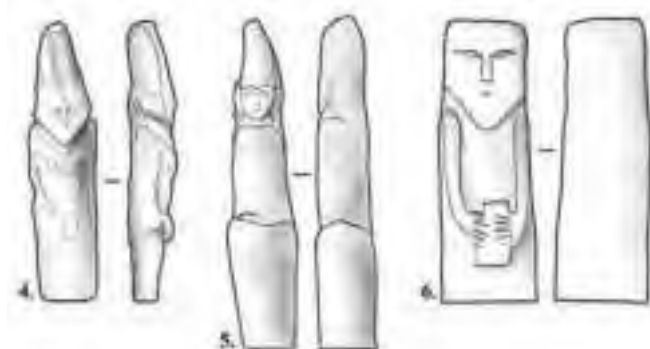

Рис. 51. Изваяния раннего периода

арной отрасли во многом определялась традициями и, конечно же, опытом и мастерством скульпторов. Например, стеловидные скульптуры первого и второго типов по изобразительным приемам лица, груди, головных уборов, аналогичны иртышским (кимакским) [2, с. 220–235; 180, с. 179–190], алтайским, тувинским [28, с. 59–72], но более всего казахстанско-семиреченским изваяниями VII–XI вв. [189, с. 65–69; 179, с. 153–165; 181, с. 87–102; 182, с. 220–223; 183, с. 188–194]. Показательно в этом отношении изваяние 43 стеловидной формы (рис. 48. 1). Некоторые присущие ей иконографические черты, например, несимметрично расположенные руки, форма сосуда-кувшина, конечно же стеловидность, сближают ее с ранними тюркскими

тувинско-семиреченскими стелами VII–VIII вв. [28. изв. 10. рис. 23; изв. 29, рис. 51; изв. 37, рис. 70 и др.].

Редкими среди изваяний Донецкого края являются изображения с сердцевидными лицевыми контурами зафиксированными на изваянии 52 (рис. 49) [74, с. 76. Табл. 23. рис. 2]. Иконографо-художественная аналогия личине известна лишь на одном из изваяний коллекции университета г. Донецка [127, с. 147. Табл. 31, № 276]. Наконец, нельзя не обратить внимание, на портретные сходства здешних образов с этническими признаками-прототипами тюркских народов, изображенных на изваяниях азиатского массива (рис. 48, 1).

Очевидно, статуи первых двух типов, в иконографии которых немало обще-

Рис. 52. Местонахождения статуй тип I и II

го со стеловидными центрально-азиатскими, следует отнести к самым ранним половецким восточноевропейским изваяниям и видеть в них продолжение южносибирских праизваяний - «балбалов» и семиреченских изваяний кимакских образцов [181, с. 223–224]. В нашей местности они обнаружены в степях восточного Донбасса. Этот район, как и нижнее течение Северского Донца и Приазовья, по мнению С. А. Плетневой, был занят и освоен кипчаками в первую очередь (рис. 58, 2). На гористых плоскогорьях в XI в. могли возникнуть зимовья, из которых половцы, «отсидевшись», в холода, весной откочевывали на летние пастбища, отправлялись в военные походы – промыслы. Кстати, в окрестностях заповедной Провальской степи в Свердловском районе находится село под названием Зимовники (Зимник). Здесь же в 1990 г. найдена столбообразная раннего типа статуя (изв. 88) (рис. 50, 3). Она обнаружена в горизонтальном положении, почти на поверхности площадки, сформированной из плит, уложенных в форме круга. Не исключаем, что именно в этом месте могло быть сакральное место кочевников.

При детальном сопоставлении типологических признаков уже среди ранних статуй видны технико-иконографические изменения. Например, статуи второго типа внешне «стеловидные», но с наметившейся «столбовидностью», и уже этим они отличаются от совершенно плоских, стелообразных азиатских, первого типа (рис. 51, 4). Угловые стороны таких изваяний округлены, на туловище в технике гравировки изображена девичья грудь, нагрудные бляхи, ремни, изредка горшки, но пока нет бытовых вещей, оружия. На голове «появилась» шапка, но еще не шляпа или защитный шлем. Видимо, тогда же скульпторы осваивали навыки изображать руки, ноги, косы, на лицах – лица с элементами портретности

Рис. 53. Изваяние XI столетие

(изв. 16, 31, 39). Следовательно, статуи второго типа в иконографии «шагнули» дальше статуй первого типа. Хронологически они, видимо, почти сосуществуют в промежутке между XI и XII вв., но скорее всего, изделия второго типа датируются первой четвертью XII ст., в то время как статуи первого типа, в нашем представлении, не выходят за пределы XI в.

Круглые статуи (рис. 54; 55, 2-9) (типы 3–5), кроме грациальности, существенно отличаются от двух предыдущих техническим, иконографическим совершенством исполнения антропоидных образов, большим набором изображенных предметов: у мужчин обычно из области вооружения, быта, у женщин – гарнитуры, аксессуаров. Мужские статуи (изв. 1, 4, 7, 10, 12, 17, 31, 74) стройные, с боевой амуницией (шлем, доспех, защитные бляхи, ремни) (рис. 55, 2–4). Женские более громоздкие, «тяжелые», тучные (изв. 2, 5, 44 и др.) (рис. 54), но выглядят

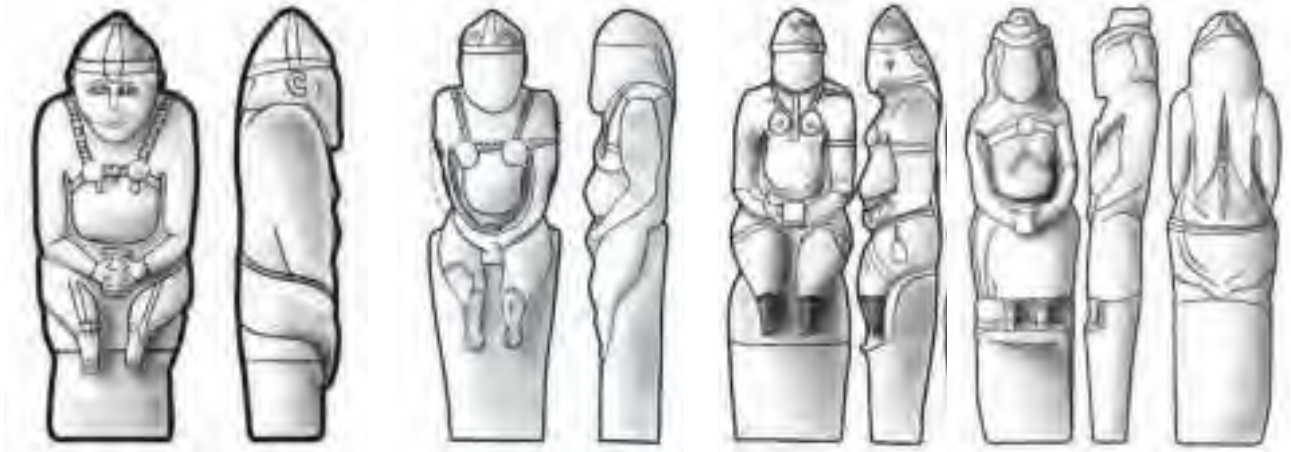

Рис. 54. Изваяние XII столетие

костюмированной (рис. 55, 5–9). В гарнитуры входят халаты (рис. 44; 45), пелерины, накидки (изв. 71), которые нередко «расшиты» или дооформлены орнаментами, накладками, нашивками (изв. 8, 44, 91, 95). На груди и шее – ожерелья, подвески, на висках височные кольца, на туловище талисманы и другая бижутерия (изв. 8, 48, 73, 78 и др.). В нижней части изображены облегающие фигуру шаровары (изв. 2, 73 и др.). Мужские статуи 3–5 типов в большинстве случаев портретизированные (изв. 1, 4, 10, 12, 63, 74, 99 и др.), среди женских, за некоторым исключением (изв. 8, 59, 78), все же преобладает «безликость» (изв. 2, 5, 15, 18, 21, 22, 44, 48, 51, 89, 92 и др.). «Безликость» могла являться следствием двух обстоятельств: во-первых, собирательностью образа женского тюркского прародителя, во-вторых, религиозными мотивами, вызванными влиянием мусульманства, которое еще с IX в. активно проникает

в сакральную систему степных этносов [67; 70; 71; 88]. Состояние портретности или наоборот ее отсутствие, в одинаковой степени, могли определять материалы, из которых изготавливали статуи. Железистые крупнозернистые песчаники обрабатывать сложно, в то время как среднезернистые, тем более мягкие мергелевые породы, позволяли скульпторам в тонкости прорабатывать детали лиц (изв. 63, 69 и др.). Из перечисленных причин, определяющих портретность образов, на наш взгляд, наиболее убедительным представляется религиозный фактор [127, с. 56].

Середина и отчасти вторая половина XII в. были временем развития круглых «стоящих» статуй (тип 3). «Полусидящие» и «сидящие» (типы 4 и 5) по времени соответствуют второй половине XII – началу XIII вв., они же являются показателем реального прогресса тюркского камнерезного искусства, которое совпадает с могуществом, стабильностью и расцветом половецкого общества. Визитной карточкой культурогенеза этого времени можно считать скульптурно-монументальный «классицизм» представленный серией круглобарельефных статуй (изв. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 17, 18, 74, 91 и др.). Следовательно, совершенствование статуарного искусства тюркютов, засвидетельствованное в начале II тыс. н. э., происходит не столько в Азии, сколько в Восточной Европе. Стелообразные статуарные композиции, возникшие в Центральной Азии еще в VI в., здесь в одно столетие преобразуются в принципиально новые формы – объемные статуи евротюркского этнотипа, в образе которых, хотя и сохранился тюркизм, однако тенденции европеизированного направления в искусстве все же очевидны (изв. 1, 78 и др.) (рис. 56, 1–2). В этом случае контакты кипчаков с культурами европейцев, как, например, Византией, признанным наследником ан-

тичной скульптурной пластики, на наш взгляд не были бесследными. Именно в период менее чем 100-летнего пребывания половцев в восточноевропейских степях, посредством творческого диалога культур, сформировалась собственная система исполнения изваяний, до этого периода неведомая иконография. В этой связи мы вправе усматривать возникновение скульптурно-художественных школ, определяющих направления камнерезной отрасли, в которой одновременно с тюркским присутствует европейский статуарный почерк (изв. 1) (рис. 47, 1). Половцы могли его наблюдать в облике скифских статуй, в тот период, видимо, еще сохранявшихся в степях.

К завершающему этапу изготовления изваяний относятся, так называемые, «столбовидные» скульптуры с антропоморфными чертами (тип 6). В них основное внимание уделено изображению головы и груди; руки, ноги, или вообще отсутствуют, или выглядят совершенно условно. Это же касается изображенных предметов. К примеру, сосуды показаны в виде квадрата, ромба, бесформенного выступа (изв. 11, 42, 59), пояса в виде углубленных канавок (изв. 13, 33, 105, 111). Важно отметить, что среди статуй шестого типа, в целом преобладают мужские образы, но на некоторых наблюдаем изображения женской груди (изв. 24, 101) (рис. 57, 1–2). Андрогинность или

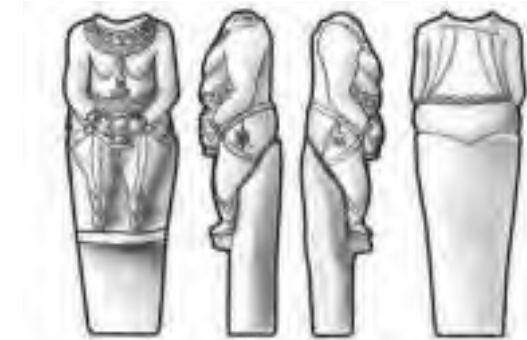

Рис. 55. 2-9. Изваяния развитого периода половецкого искусства

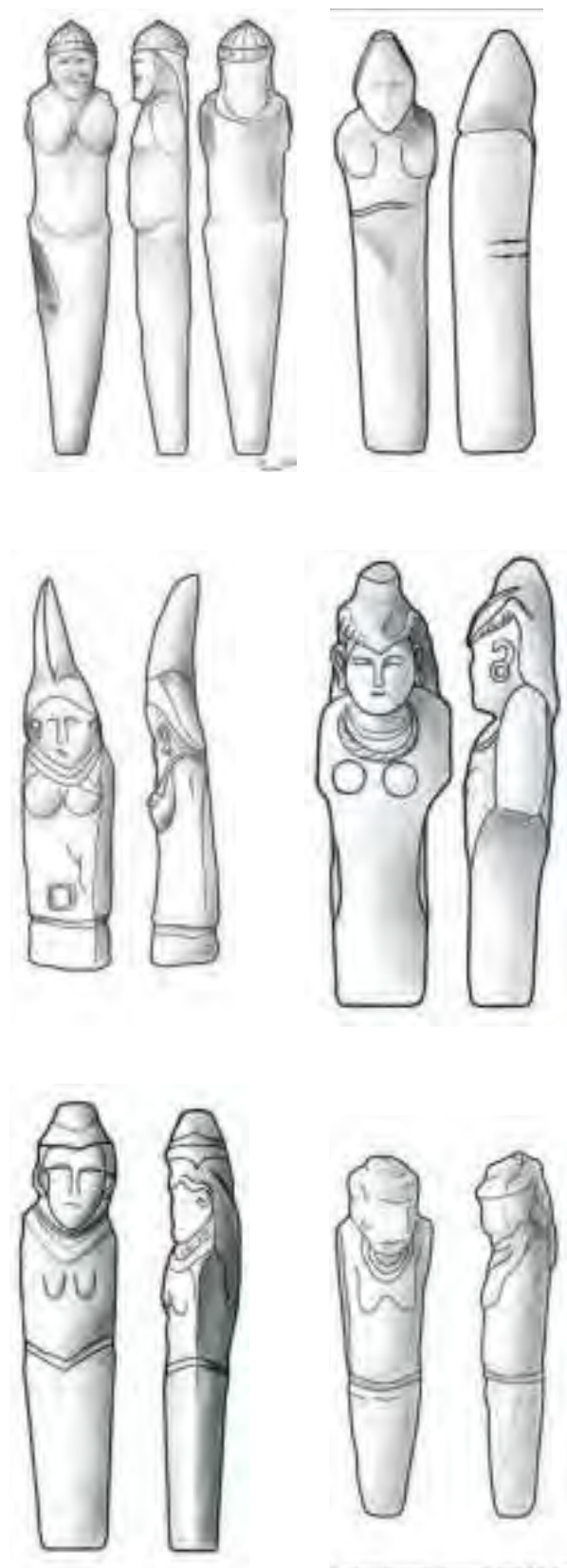

Рис. 56. Изваяния финального периода половецкого камнерезного искусства

обрядовая травестия [147, с. 56–67], по представлениям кочевников, должна была усиливать идеи женского прародительства, ее обережной защитой и непобедимостью. В этой связи воин увенчан шлемом и здесь же изображена женская грудь, являющаяся символом бессмертия и силы. В преданиях тюркского эпоса говорится, что богатырь, испивший «золотистое, густое молоко из материнской груди», становится «непобедимым и неуязвимым перед оружием врага» [127, с. 74]. Вместе с тем, большинство статуй шестого типа, в сравнении с предшествующими, в художественном отношении менее выразительны, что свидетельствует о наметившемся упадке камнерезного дела. Массовость и спешность изготовления скульптур незамедлительно сказались на качестве и изобразительном реализме произведений. Эти изменения, по мнению С. А. Плетневой, являются логическим завершением эволюционно-хронологического ряда в развитии камнерезного искусства в целом, и совпадают с последними этапами пребывания и господства половцев в восточно-европейских степях, определяемыми 40 годами XIII в. Таким образом, причины упадка монументального искусства следует искать не в сложившейся обстановке, в которой оказались половцы в связи с нашествием монголов. Обустройство дополнительных сакральных мест требовало все большего количества оберегов, посредством которых можно было бы в условиях нависшей опасности оказывать воинству идейную и моральную поддержку. В такой обстановке качеству обработки, художественной стороне, иконографической детализации, уделяли заметно меньше внимания, да и времени на воплощение творческих замыслов у скульпторов практически не осталось [176, с. 31–34; 89–90].

Естественно, мы не можем не затронуть вопросы причин композицион-

Рис. 57. 1-2. Андрогинные изваяния

но-иконографических изменений статуй, созданных в мирное для половцев время. Именно в этом состоянии и отрезке времени, исчисляемом менее чем 150 годами, в камнерезном деле, преодолен путь от балбаловидных стело-столбов к совершенным образам индивидуально-портретных представителей верхов социума кочевников Центральноазиатского массива не вышло за рамки стеловидных изображений [50; 101; 28], лишь Семиреченско-Казахстанским округлым изваянием X–XI вв., на наш взгляд, приемлемы определения «скульптурные формы» [189; 2; 179; 182].

Изменения художественно-композиционных стилей, характерные восточноевропейским статуям, С. А. Плетнева объясняет системой жизни кочевников в целом, в том числе половцев, расселившихся в Доно-Днепро-Поволжских степях и Крыму (рис. 56) [127, с. 69–70; 129; 130; 132; 133; 134 и др.]. В представлениях автора исторических закономерностей уклад кочевников средневековья, фактором, определяющим статуарный динамизм, являлся феодализм с его хо-

зяйственно-материальными и имущественными возможностями способствующими появлению новых социальных групп в лице военной и гражданской аристократии. В этих условиях прежняя практика, освещающая сакралитет родовых покровителей по матрилинейности, порой с элементами гинекократии, трансформируется в направлении патрилинейности, при этом превозносятся представители имущественной элиты из числа мужского сообщества [197, с. 160–165]. Источниками накопления богатств являлись скотоводство, войны, геополитическая дипломатия с механизмами подкупов, подачек, «гостинцев», выкупов и других приемов извлечения доходов в пользу ханов и раннефеодальной аристократии [66; 5; 151, с. 138]. Тогда-то представители высших имущественных и

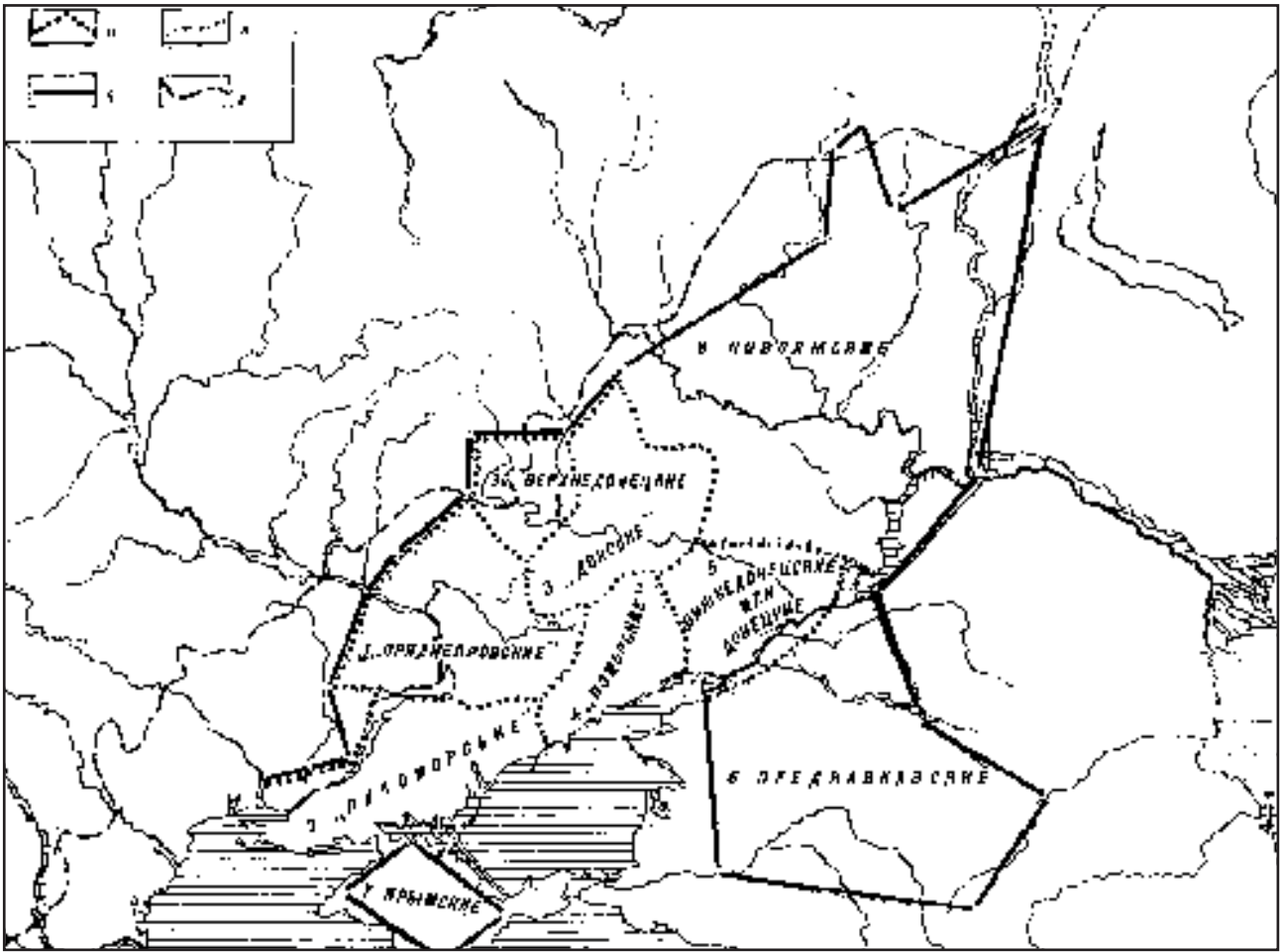

Рис. 58. Карта расселения половецких объединений в Днепро-Поволжском массиве (Плетнева С.А.)

социальных слоев, возможно, и выступали заказчиками, вероятно, даже эксклюзивных статуарных образов.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в традиции восточноевропейских изваяний XI–XIII ст., в отличие от Центральноазиатских VI–X вв. заметны приоритеты исполнения женских персон, нередко презентабельного вида (изв. 2, 5, 8, 15, 18, 22, 44, 48, 51, 73, 78) (рис. 62). В восточных ареалах древнетюркские статуарные памятники представлены преимущественно воинами [97], стеловидные женские изображения известны лишь в западном ареале распространения тюркских скульптур, датируемых IX–XI ст. [189; 179; 180]. Особенность изваяний степного Подонцовья в том, что до 65 % составляют изображе-

ния женщин, которые представлены разновозрастным составом, что фиксируется изображениями вторичного полового признака – женской груди. Женскому образу в статуарном искусстве Подонцовья посвятим нижеследующий материал.

Итак, примерами продолжения азиатских традиций в условиях новой «родины», являются: изваяние 43 с кувшинообразным сосудом, удерживаемом в одной руке (рис. 48, 1), или личины изваяний 35, 52 (рис. 49) сердцевидной формы. В дальнейшем динамика развития половецких статуй вполне логично укладывается в хронологию событий, связанных с расселением половцев в Днепро-Поволжском массиве, в частности, Доно-Донецких степях. Известно что половцы эти степи заняли в первой половине

XI в. [132, с. 34–35]. Тогда же их мастера-каменотёсы приступили к изготовлению изваяний подобных тем, которые тюрки ставили прапредкам на своей прародине. В азиатском варианте статуи изображали только мужчин, но уже в Семиречье появились и женские образы [176, с. 160–162]. Такие изваяния по-прежнему имели стело- и столбовидные очертания, и это не является случайностью, так как в Центральной Азии традиционно, вплоть до X–XI вв., продолжалось изготовление именно таких композиций [2, с. 220–235; 179, с. 153–165; 180, с. 179–184; 181, с. 87–102; 189, с. 61–62]. Во второй половине и к концу XI в. половцы, дойдя до левобережья Днепра, прочно освоили восточноевропейские степи и с этого времени, но особенно в XII в., в статуарном деле наблюдаются заметные изменения в направлении рельефно-округлых форм.

В первой половине XII в. появились круглые объемные, порой портретные скульптуры различной композиционной модификации, которые мастера, видимо, выполняя заказы появившейся аристократизированной военной элиты, стремились довести свои произведения до совершенства.

Как известно, расцвет половецкого общества припадает на середину, вторую половину XII – начало XIII вв. В этот 70–80-летний промежуток времени оно

Рис. 59. 1-3. Персонифицированные женские образы

занимает огромные пространства в Восточной Европе, на ее карте появляется объединение орд под названием Дешт-и-Кипчак, охватывающее пространство около 350 тыс. км², на котором пребывают крупные группы кочевников, во главе с влиятельными и властными ханами [132]. Картографирование статуй в степном Подонцовье предметно обозначило вероятные места временных и постоянных становищ половецких объединений, называемых «Нижнедонецким» и «Донецким» [127, с. 19–23] (рис. 58). Здесь же находились карьеры, мастерские, сакральные места, в которых изваяния обретали семантический смысл.

ПРИЗНАКИ ВОЗРАСТНОЙ И СОЦИАЛЬНО-САКРАЛЬНОЙ «ПЕРСОНИФИКАЦИИ» ЖЕНСКИХ СТАТУЙ

Рис. 60. Классические образы женских персонажей восточноевропейских степей (фото Г.М. Заблоцкого)

Женский образ в тюркском камнерезном искусстве как объект исследования стал актуален с середины прошлого столетия. Прецедентом, повлекшими необходимость его познания, явилось наличие значительного, даже преобладающего числа изваяний, изображающих женские персонажи. К примеру, среди 75 единиц половецких статуарных изображений парка-музея г. Луганска, из 68 полоопределяемых изваяний 44 единицы (64,7 %) посвящены женским персонажам и лишь 24 единицы (35,3 %) мужским. Визуальными маркерами женских образов, помимо присущей им гарнитуры, аксессуаров, головных уборов и, конечно же, физического образа личин и лиц, являются вариативности изображений женской груди. Иконографические приемы исполнения груди позволяют не только определять ранние и последующие этапы женской художественной статуарной пластики, но и скульптурные направления «школ» различных периодов и регионов, от азиатских тюрко-кипчакских до восточноевропейских команно-половецких форм.

В этой связи обозначим индивидуальные, порой «персонафицированные» и общие изобразительные критерии, символизм возрастных особенностей изображенных представительниц, сакральный семантизм и социальный статус женщин в обществе кочевников. Вышеназванные направления находят подтверждения изваяниями, выявленными в территориальном пространстве с географической привязкой северных склонов Донецкого края в пределах Степного Подонцовья.

Как известно, ранние тюркские ста-

туарные памятники VI–VIII ст. Центральной Азии посвящены преимущественно мужчинам-воинам. Женские изображения в статуарном монументализме здесь появляются лишь с IX в., к тому же в основном в западном ареале древнетюркской культурно-исторической области, то есть в Семиречье, Казахстане [189, с. 22], а затем, уже с XI в., они проникают и распространяются в восточно-европейских степях.

Не лишним будет заметить, что женские изваяния центрально-азиатского типа встречаются на территориально ограниченном пространстве, они короткочетны во времени и малочисленны. В композиции женские скульптуры представлены не более чем стело- и столбовидными антропоморфными изображениями с сосудом, размещенным в одной или обеих руках [189, с. 26]. При более детальном рассмотрении удаётся проследить характерные им иконографические особенности личин и лиц, подчеркивающих собирательный монголоидный образ в таких признаках как: зауженность глаз, округлость личин, заостренность подбородков, островерхость головных уборов, в то же время детали одежды неуловимы. Названные признаки в комплексе определяют устойчивый иконографический и стилистический портрет кипчакского этнотипа, запечатленного среднеазиатскими скульпторами VIII–X вв. Здесь же, на статуях, изображающих женщин, нередко исполнена грудь в виде небольших слабовыпуклых окружностей.

За пределами названного массива, к востоку, точнее на Алтае и Иртыше, в традициях древнетюркской скульптуры, изображения обнаженной груди, на изваяниях не имеют место [97, с. 345]. В этой связи вопросы, связанные со стилистикой изображений женской груди и её идейным символизмом, попытаемся обозначить материалами серии изваяний XI–XIII ст., собранных в Степном

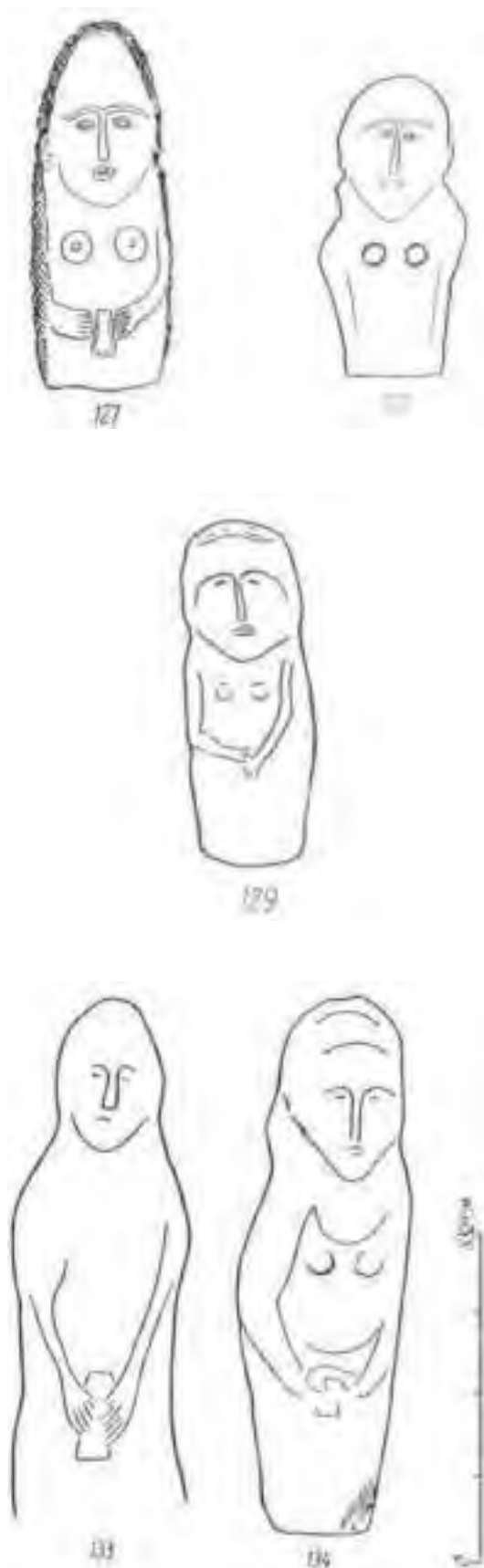

Рис. 61. Наиболее ранние женские образы Семиречья. (Из работы Я. А. Шера, стр.119 табл. XXVI, стр. 121 табл. XXVII)

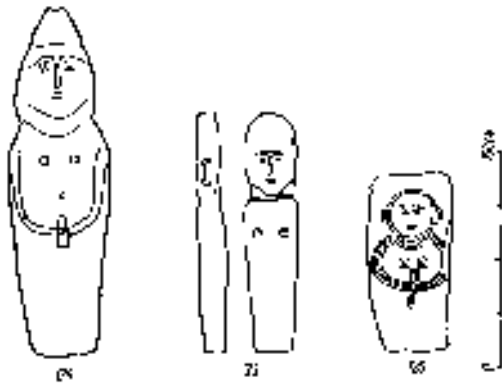

Рис. 62. Ранние изображения женских персонажей в искусстве древних тюрков Средней Азии. (Шер Я. А., стр. 119, табл. XXVI)

Рис. 63. Восточная традиция иконографии женского образа изваяния из Донецкого края. Свердловский, Луганской области, городской музей (ЛОКМ А1610, КП14330).

Подонцовье, в том числе, хранящиеся в вышеназванном парке-музее. Прежде всего, отметим, что изображения груди представлены несколькими стилистическими приемами, что является маркером не только возрастных параметров, исполненных в изваяниях образов, но и социально-сакрального статуса женских персон в социуме номадов.

Наиболее ранние изображения женской груди прослеживаются лишь на тюркских статуях Семиречья. Ею обозначались «канонические персонажи семейно-родовых покровительниц» [189, с. 62, 64]. Практика сакралитета женского семейного культа, воплощаемого в фетише – эмэгэндэре в виде куклы, описана этнографами, изучавшими жизнь оседлых племен алтайцев в недалеком прошлом. К примеру, даже в XIX ст. в сельских домах, как давняя традиция, хранились тряпичные куклы, которые наследовали и передавали по женской линии из поколения в поколение, из семьи в семью. Девушка, выходя замуж, брала «эмэгэндэру» с собой в новую семью, где кукле поклонялась, устраивала специальные сакрального характера обряды, два раза в год кормила. В сущности эмэгэндэры являлись олицетворением родоначалия по женской линии. У древних же тюрков – обитателей Евразийских степей, символом родового предка могли быть как девы, исполненные в статуарных версиях небольших размеров, так и зрелые матери-прародительницы, представленные в виде монументальных изваяний. Однако, сакральность образов, видимо, определялась стилистическими приёмами исполнения разнообъемной, иногда низко свисающей, грудью, либо грудью малых форм, или даже округлостей.

На иконографические отличия исполнения груди женских образов, из различных ареалов обитания номадов, впервые обратил внимание М. П. Грязнов. В частности, сопоставив стилистику ис-

полнения груди на семиреченских и восточноевропейских статуях, он обозначил сущность отличий в том, что на скульптурах из Семиречья «явно изображена девичья грудь, а не грудь женщины-матери, которая изображается совершенно иначе» [28а, с. 155–156]. Объяснения образа девы в сакралитете ранних тюркютов находим в исследованиях Я. А. Шера. В качестве аргументов он приводит легенды о происхождении тюрко-уйгуров [189, с. 64]. Согласно преданиям уйгуры являлись потомками молодой девы и волка. «Потомство от них размножилось, и составилось государство...» [12, с. 215]. В этой легенде, отмечает Я.А. Шер, отображены тотемические представления отдельных тюркских народов об их происхождении от дев по женской линии и тотемов в образе волков по мужской. Отметим, что тотемизм в этнологии характерен для многих тюркских племен Центральной Азии [101, с. 153].

В половецких статуях степей Восточной Европы, которые на ряд столетий моложе древнетюркских из Азии, очевидных тотемных тенденций не наблюдается, более того, иконографический образ женских персонажей в своей сущности олицетворяет реальную женщину-мать. В скульптурном виде она изображена с обнаженной грудью взрослой женщины – матери-прародительницы. Моложавые персоны, как, например, девы, изображены с грудью в виде окружностей.

В обоснование биритуализма образов семейно-родовых покровителей сошлемся на конкретные статуарные артефакты (рис. 64, 1–10). К примеру, стилистическими признаками дев-подростков скульптур парка-музея (изв. 16, 28, 29, 30, 32, 35, 65, 79) являются небольшие, правильной формы нагрудные окружности [74, табл. 17, 18, 19, 25, 31] (рис. 64, 1–4). Среди них исключительно редкий статуарный образ типа девы в состоянии беременности (изв. 48) (рис. 65, 5). Образ

моложавой женщины (матроны) репродуктивного возраста определяет грудь кормящей матери (изв. 8, 18, 22, 36, 38, 72, 91 и др.) (рис. 63, 5–1) [74, табл. 9, 14, 15, 19, 20, 28, 33].

Прототипы пожилых женщин матерей-прародительниц переданы в виде массивных фигур с низко обвисшей грудью (изв. 2, 5, 15, 44, 51, 73) (рис. 64, 8–10) [74, табл. 6, 8, 13, 21, 23, 30]. В большинстве статуарных композиций, несмотря на очевидность одежды, вторичный половой признак, коим является женская грудь, исполнен в обнаженном виде.

Изображения обнаженной груди находят объяснения мифологией древних тюрков, суть которой в том, что материнское молоко олицетворяет символ жизни, силы, бессмертия воинов, как бы жизненность рода. Характерно, пишет С. А. Плетнева, что с женской грудью изображались не только женские персонажи, но отчасти и мужские, что, по ее же мнению являлось следствием нависшей в XIII в. над половцами опасности со стороны монголов, следовательно, команди нуждались в «подпитке» идеей бессмертия в борьбе с врагами [128, с. 145]. В парке-музее таких изображений немного, не больше шести статуй (изв. 9, 24, 26, 33, 99) [74, табл. 10, 16, 17, 18, 34] (рис. 65, 1–4).

Учитывая значимость материнского молока и связанного с ним жизненного смысла, скульпторы стремились передать этот орган не в стилизованном виде, а с максимальным реализмом образа матери вскормившей младенцу. Уникальный пример репродуктивных функций женщин воплощен в скульптурном образе матери и младенцы (рис. 64, 6). Изваяние обнаружено случайно при очередной вспашке небольшого кургана у пос. Чернухино Луганской области [16, с. 256–257]. К сожалению, исследование насыпи не проводилось.

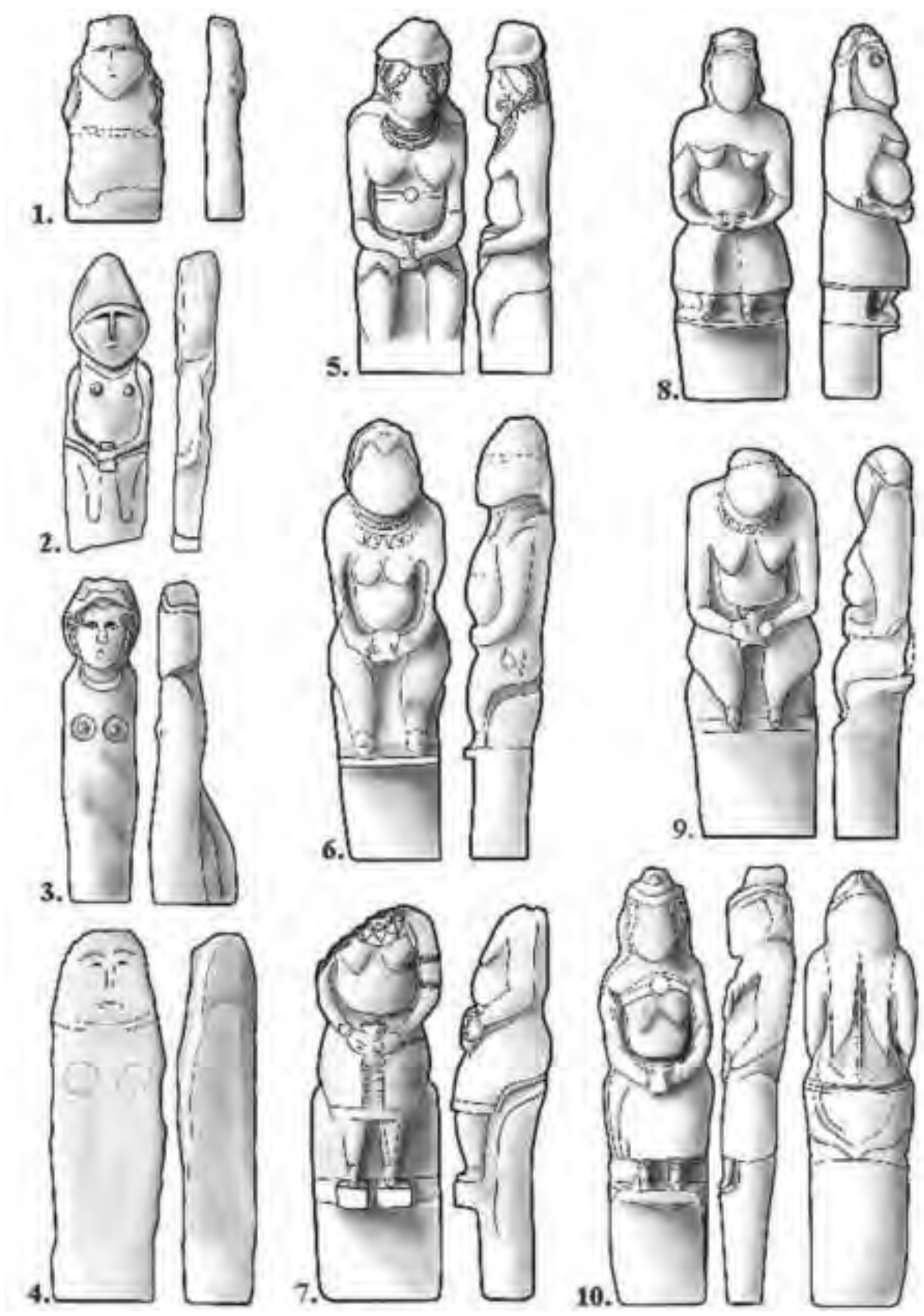

Рис. 64. 1-10. Социовозрастная типология женских образов восточноевропейских скульптур

В научной литературе изваяние получило название – «женская половецкая статуя с ребенком» [127, с. 75; 128, с. 258–260]. В оценках стилистических особенностей исполненных детородных органов и их сакралитета сошлемся на отдельные положения интерпретаций С. А. Плетневой. Например, автор считает очевидным, что статуя с ребенком несет значимую идейную нагрузку, связанную с культом предков [128, с. 259]. Однако с позиции исторической логики приоритеты женщины в социуме, стоящем «... на пороге прямого классовообразования», явление невероятное [126, с. 192–196; 130, с. 145]. И все же, отмечает автор, соотношение образа женщин в искусстве в условиях патриархально-родового и предфеодального строя, в котором это искусство пребывает, характеризуется количественным преобладанием женских изваяний над статуарными изображениями мужчин. В этом несложно убедиться, сославшись на статистику всей серии половецких изваяний из Степного Подонцовья, в которой из полоопределяемых изображений более 63 % передают образы женских и девичьих персонажей, мужских же только около 37 %. Факт численного преобладания женских скульптур по отношению к мужским – свидетельство значимости в укладе жизни и социуме половчанок [133, с. 146–147]. На эту особенность, возникшую в обществах средневековых языческих этносов, обратил внимание С. А. Токарев. Он считал, что в древности культы были представлены тремя идейными позициями: идеей души умершего, определением тотемного «прародителя», признанием и превознесением семейно-родового покровителя [см. Токарев. Ранние формы религии. 1990, с. 265]. Убедительным примером третьей позиции может служить скульптура из Чернухино. Комментируя её художественно-композиционные особенности в системе прочих

Рис. 65. 1-4. Андрогиничные статуарные образы

половецких статуй изображающих женщин, С. А. Плетнева обозначает позиции, определяющие культ женщины и ребенка-девочки, как будущего продолжателя рода. Этот же факт является свидетельством сохранившихся у кочевников тенденций матрилинейного счета родства. В этой связи, С. А. Плетнева акцентирует внимание на изобразительной стилистике женского пола. Взрослая женщина и ребенок-девочка изображены с физиологически реальными детородными первичными органами и акцентом на взрослую женщину-матрону, исполненную с обнаженным вторичным половым признаком – материнской грудью, к которой направлены руки ребенка. Сам же ребенок слит воедино с образом матери.

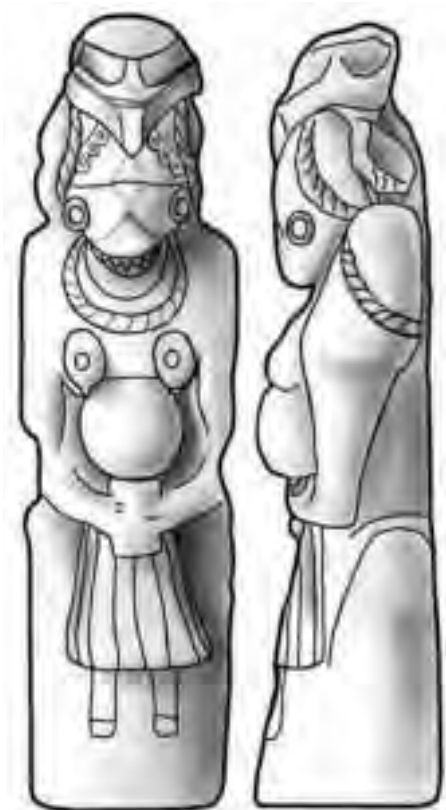

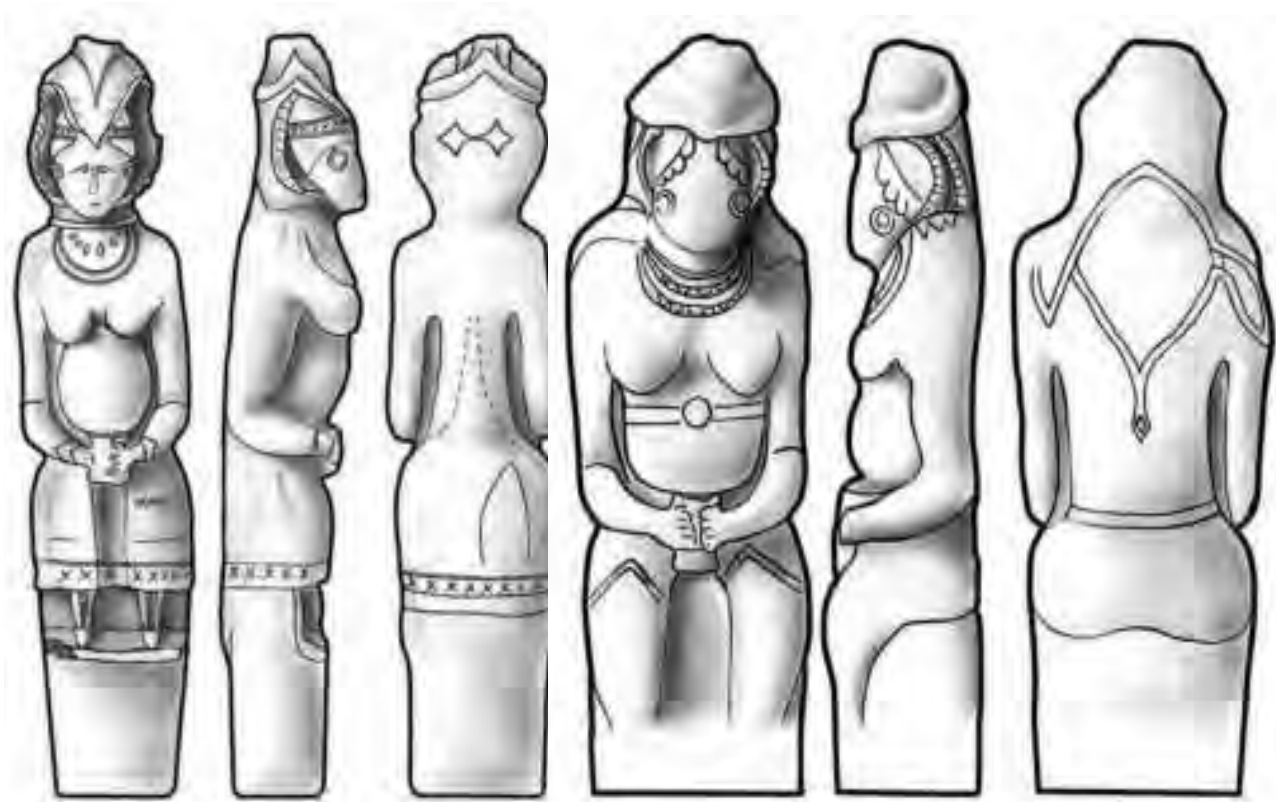
Рис. 66. Скульптурный образ матроны в состоянии беременности (Изв. №48)

Рис. 67. Композиция матери и ребенка. (С.А. Плетнева 1974а, с. 75, рис. 37)

Возможно, именно эта идея, полагает С. А. Плетнева, определила стремление скульптора изобразить признаки пола взрослого и младенческого персонажей [127, с. 74–75]. Композиция, в которой девочка, прижалась к матери, ее груди, усиливает значимость женщины – родопокровительницы, вскармливающей материнским молоком младенца, дающей силы будущей женщине – непосредственной продолжательницы рода. Но не только физиологическими функциями определялся приоритет женщины в кочевых обществах.

В реальной жизни кочевников женщины – фигуранты различных других, например, бытовых и военных деяний. Г. А. Федоров-Давыдов материалами раскопок женских погребений, в которых находились детали сбруи, оружие, «конина», предметы быта и другие артефакты, относящиеся к мужской кочевнической атрибуции, обозначает их место в военном деле [164, с. 116–119]. Известно, что половчанки, порой наравне с мужчи-

нами, участвовали в военных событиях, поэтому их справедливо нарекли именем «амазонки средневековья» [132, с. 529–537].

О фактах участия, как молодых, так и взрослых половчанок в конных контингентах сообщают письменные источники XII–XIII вв.: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины» [22, с. 36–37].

Достоверность сведений нарративного характера подтверждает оставленное коман-кипчаками статуарное наследие. На части скульптур, передающих образ женщин, изредка, но, все же, наблюдаем изображения кинжалов, элементов амуниции в виде ремней, блях (изв. 15, 51, 73, 91) [74, табл. 13, 23, 30, 33].

Высокий социальный статус половчанок, входивших в элитный круг феодализованной части общества, обозначен гарнитурой, головными уборами, художественными аксессуарами (рис. 68, 7–9). На хорошо сохранившихся «костюмированных» статуях, наблюдаем

Рис. 68. 7–9. Матери-матроны репродуктивного возраста

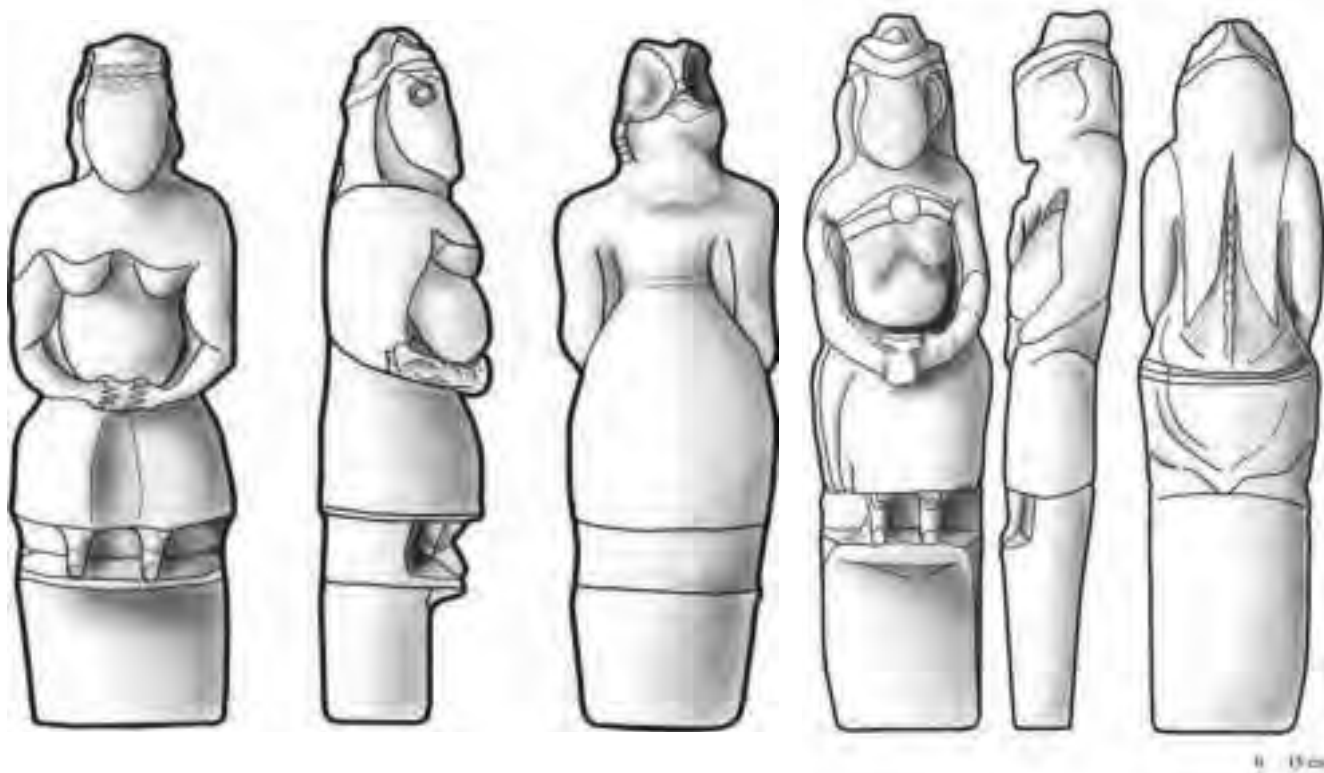

Рис. 69. 10-11. Образы пожилых женщин-покровительниц

расшитые орнаментами халаты, нагрудные стороны дополняет разнообразная бижутерия – планки, гривны, манисты, ожерелья (изв. 2, 8, 19, 22, 36, 38, 48, 73, 78, 91, 95 и другие) [74, табл. 6, 9, 15, 19, 20, 21, 30, 31, 32, 33].

Археологическими данными из раскопок половецких погребальных комплексов предметно обозначен высокий статус женщин из аристократических слоев номадов. Об этом, в частности, свидетельствуют наборы художественно-ювелирных изделий, обнаруженных в могилах знатных половецких [188, с. 193–198; 92, с. 257–262].

В условиях хозяйственно-имущественной трансформации, связанной с наметившимся у кочевников феодализмом, тюркские женские скульптурные образы претерпели художественные изменения в направлении репрезентативности, подчеркивающей особый социальный статус изображенных персон, естественно, из числа богатых аристократок. Такие статуи могли являться даже эксклюзивами, исполненными как индивидуальный за-

каз. В этом случае женские образы могут быть не только «портретными», но с учетом значительных трудозатрат на их изготовление, олицетворением высокого материального положения определенной части членов социума номадов. Их презентуют монументализм, высокое качество обработки, роскошные аксессуарно-гарнитурные убранства, пышные формы фигур, в комплексе олицетворяющие достаток семей феодализованного общества (рис. 68, 7).

Изменения в социосистеме не могли не затронуть семантико-сакральных функций женских представительниц, что иллюстрируют посвященные им статуарные изображения. Прежде всего, следует отметить отсутствие иконографического однообразия изображений женской груди в их формах и размерах, которые, как мы замечаем, обычно соизмеримы с композициями и позами образов, возрастными признаками и внешними параметрами конкретных статуарных персонажей. К примеру, стилизованные признаки девичьей груди в виде малых

окружностей, встречаются в основном на небольших стеловидных статуариях, увеличенные ее размеры непременно совпадают с более крупными, но художественно законченными статуарными прототипами женщин среднего возраста. Наконец, объемные, свисающие формы груди сопровождают исключительно монументальные гипертрофированные фигуры явно пожилых персонажей (рис. 69, 10–11). Были ли эти женщины реально жившими, или умершими и превращенными в мемориальный символ покровительниц семей и родов, определить сложно, однако изображенная на фигуре обнаженная грудь, как символ жизни, склоняет наше мнение в направлении прижизненности семейного оберега.

Здесь же, кстати, стоит обратить внимание на тот факт, что особо малые формы женских скульптур, с размерами 0,5–0,7 м могли являться семейными, домашними оберегами и они, находясь постоянно рядом, например, в юрте, всегда сопровождали перемещающуюся в повозках семью кочевника (рис. 70, 12–15).

Таким образом, наметившаяся иконография в изображении груди в направлении от девичьей формы к несколько обвисшей, характерной молодой женщине-матери-матроне, и совершенно опущенной груди пожилой матери, соответствует не только возрастным физиологическим особенностям женщин, но, видимо, обозначает иерархию семейно-родовых представительниц. Примером данного процесса является все та же композиция – женщина с ребенком, девочкой-младенцем.

Особое место в функциях покровительства, видимо, занимали состарившиеся женщины-матери. Они, в серии статуй парка-музея, изображающих женский образ, составляют около 16 %. Заметно больше, до 60 % скульптур, в предполагаемой нами иерархии, посвящены молодым, репродуктивного воз-

Рис. 70. 12–15. Малые скульптурные формы из серии семейных оберегов

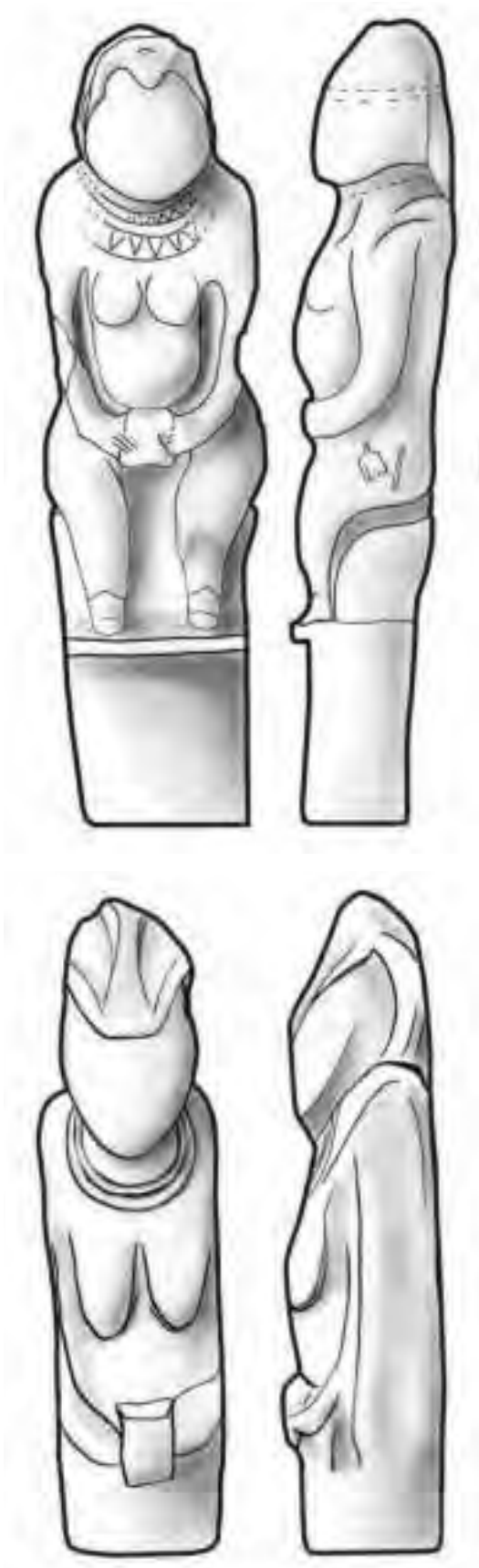

Рис. 71. 16-17. Признаки обряда чадропокрытия женщин зрелого возраста

раста женщинам-матронам, что совершенно естественно. Должное внимание заслуживают образы дев (около 22 %), которым еще предстоит повзрослеть и стать матерями. По-своему уникально, представлен образ первого звена женского сообщества – девочки-младеницы.

Не лишним будет напомнить, о том что статуи, изображающих пожилых женщин, а также значительной части матрон, характерна безликость, которую, видимо, следует объяснять чадропокрытием, вызванным проникновением в половецкую среду, как и в целом Евразийские степи, мусульманства (рис. 71, 16 – 17) (см. работы «Путешествие на реку Итиль» Ибн-Фадлана). Видимо, обряды мусульманских традиций лишь для подросткового возраста не являлись обязательными.

Итак, ведущий женский физиологический орган – грудь, определяет четыре возрастные группы, каждой из которых присуща характерная им иконография вторичного полового признака. Первая, в возрастной градации отведена девочке-младенице, вторая – дорепродуктивного возраста девам-подросткам, третья молодым матерям-матронам, четвертая – пожилым женщинам. В системе анализа 73 ед. полоопределяемых изваяний выявленных в Подонцовье, среди корреляционная ситуация приблизительно аналогичная с показателями статистики парка-музея: 44 (61 %) – женские статуи, возрастные характеристики которых представлены следующими значениями: дев 11 образов 25 %, молодых женщин 26 персонажей 59 %, пожилых женщин 6 особей 13,6 %, младениц 1 – менее 2,4 %.

Позднее, в смутные для половцев годы первых десятилетий XIII ст., идеи женского оберега-покровительства оказались настолько востребованными, что повлияли на исполнительскую иконографию части мужских образов, наделяя их

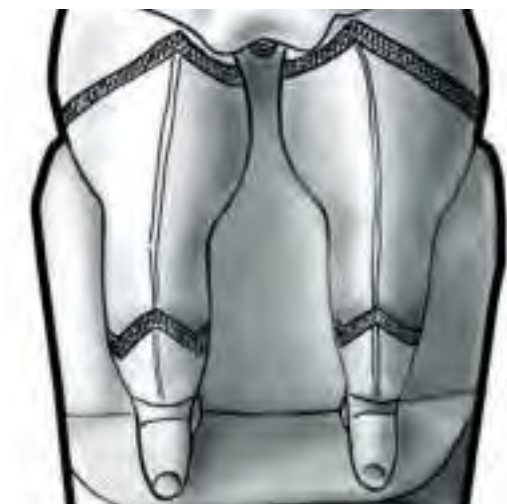
девичьей или женской грудью.

В завершение иконографического анализа изваяний в обзорном виде обобщим сведения об изображенных на них предметах, и посредством новой серии

находок усилим источниковедческий потенциал скульптур из локального пространства Донецкого края, зоны компактного расселения комано-кипчаков в XI-XIII ст.

ПРЕДМЕТЫ, ИЗОБРАЖЕННЫЕ НА СКУЛЬПТУРАХ

Восточноевропейские изваяния характеризует не только очевидная антропoidность, но и изображения одежды, амуниции с элементами вооружения, предметов бытового назначения, головных уборов, дополненных прическами, украшениями и другими деталями из гарнитуры и аксессуаров. Несомненно, мужским и женским изваяниям характерны различные атрибуты, однако гарнитура одежды степняков во многом универсальная. Например, почти одинаково, выглядят: кафтаны, шаровары, поножи, сапожки, но вооружение, амуниция, защитные системы свойственны исключительно мужчинам, и наоборот, женским персонажам – разнообразные головные уборы, многообразие аксессуаров, украшений, изображенных на голове и туловище (изв. 8, 22, 48, 71, 73, 78, 89 и др.) (рис. 66; рис. 67).

Обобщив всю серию изваяний, воссоздадим собирательные статуарные образы военных и гражданских персонажей половецкого общества. Мужские гражданские прототипы наделены кафтанами, брюками-шароварами, рубашками, поясами, поножами, короткими сапогами (рис. 72). На головах шапочки-тюбетейки (изв. 19, 61, 74) (рис. 73). Воины же изображены в разнообразных шлемах (изв. 1, 4, 7, 9, 10, 12, 17, 63 и др.) (рис. 74). Нагрудные части туловища в защитных «кольчугах», дооформленных нагрудными бляхами, закрепленных системой ремней и колец (изв. 4, 7, 9, 10, 12, 17) (рис. 74; рис. 76). «Вооружены» статуи наступательным оружием, на поясах едва уловимые изображения сабель, колчанов, луков, плетей, кинжалов.

Рис. 72. 1-3. Обувь, короткие сапожки

Предметы бытового назначения и каждодневного пользования у мужчин «прикреплены» к поясу. В их число входят: ножи, кресала (огниво), гребни, кошельки (изв. 7, 10, 14 и др.) (рис. 77), редко зеркала. Из, как бы, нехарактерных элементов мужского убранства, но известных у маньчжуров, следует назвать изображение трех кос, нередко сплетенных в одну, ниспадающих из-под головного убора (в основном шлема) на спину, иногда опускаясь почти до пояса (изв. 12, 64, 90 и др.) (рис. 78).

На женских скульптурах наблюдаем разнообразие головных уборов, со-

четающих в одно целое шляпу, прическу, футляр для волос и украшения (изв. 8, 22, 48, 51, 78 и др.) (рис. 66; рис. 67; рис. 79). Особенно изящны так называемые «рога», на которых держались многообразные убранства головного убора (изв. 22, 48 и др.) (рис. 80). Одежда женщин включает кафтан, зачастую изящно украшенный орнаментами халат (изв. 8, 44, 51, 91, 95) (рис. 44, рис. 81), брюки-шаровары, мягкие, короткие сапожки (рис. 67). Украшения представлены гривнами, ожерельями (их шесть видов), подвесками, височными кольцами, браслетами, талисманами, накладками

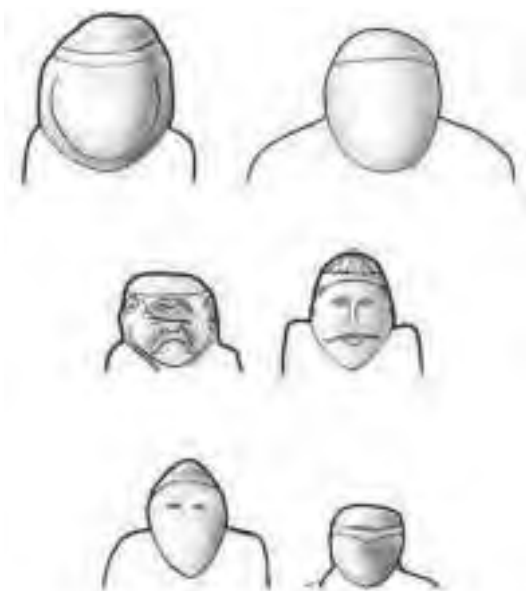

Рис. 73. Обычные головные уборы мужских персонажей (шапочки, тюбетейки)

Рис. 74. Защитные шлемы воинов

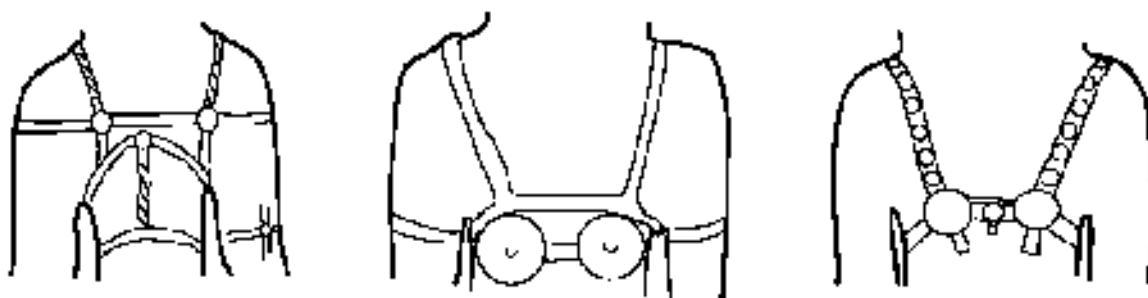

Рис. 75. Нагрудная часть амуниции – ремни, бляхи

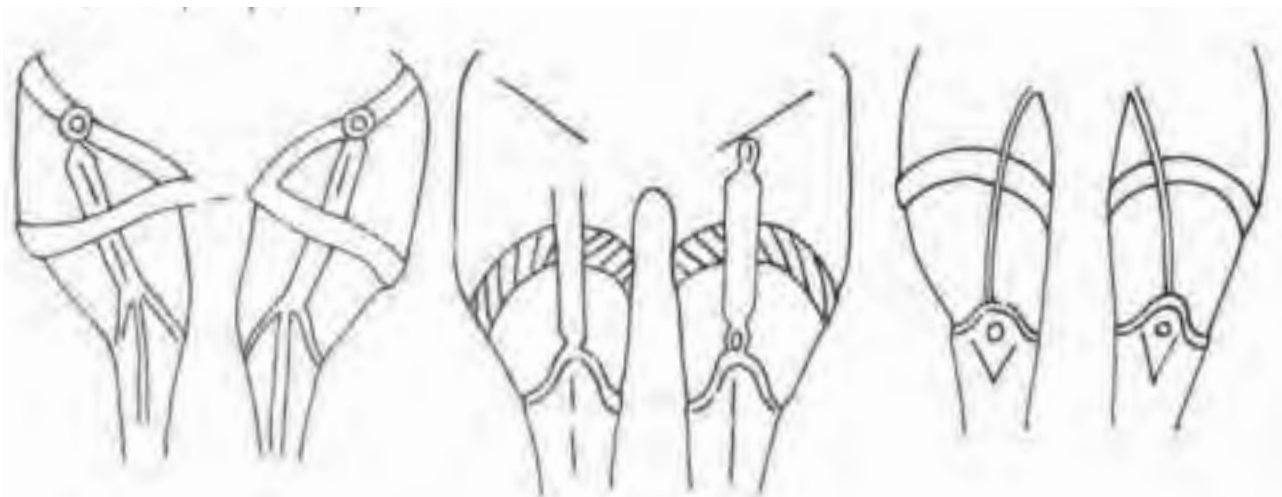

Рис. 76. Нижняя часть амуниции – ремни, кольца, поножи (127, рис. 10)

и другой бижутерией. На поясах половчанки подвешивали ножи, кресала, кошельки, гребни, зеркала, щетки и другое, из области бытовых, туалетных и хозяйственных предметов (рис. 83).

Среди признаков, определяющих тюркскую идентичность изваяний, назовем изображенные на них сосуды. Подобные предметы в виде кубков, чаш, пиал, расположенных в одной, обычно согнутой в локте правой руке, исполнены на большинстве изваяний VII–IX ст. Центральной и Средней Азии [28; 189]. Сосуды в виде горшков, прослеживаемые практически на всех изваяниях восточно-европейского массива, «удерживаются» в обеих руках на уровне живота (рис. 84). Сосуды на скульптурах не только обычные бытовые предметы, в них скрыты обрядовые символы, значение которых до сих пор не имеет единого объяснения, как нет и единой для всех изображений формы горшков. С. А. Плетнева различает виды сосудов: простые (цилиндрические), округлобокие, цилиндрические с валиками и без них, конусовидные, бокаловидные, «псевдоемкости» с конусным дном [127, с. 50. рис. 23, 1–10] (рис. 85). Разноформатную посуду в литературе называют кубками, горшками, чашами, однако, суть проблемы не в терминах

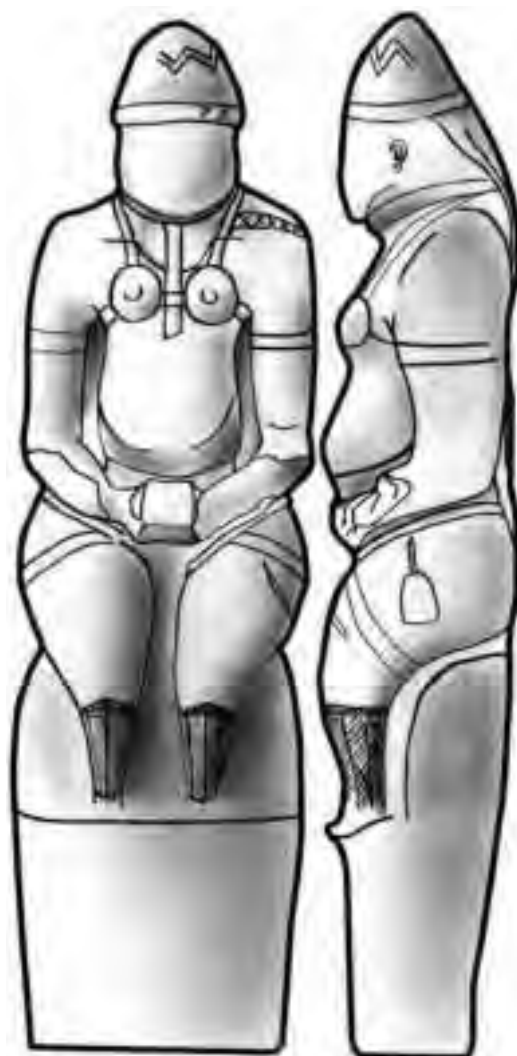

Рис. 77. Предметы быта на мужских статуях

и формах, а в ее предназначении. Одни ученые считают, что сосуд – символическое изображение емкости, в которой «находится напиток» того же «бессмер-

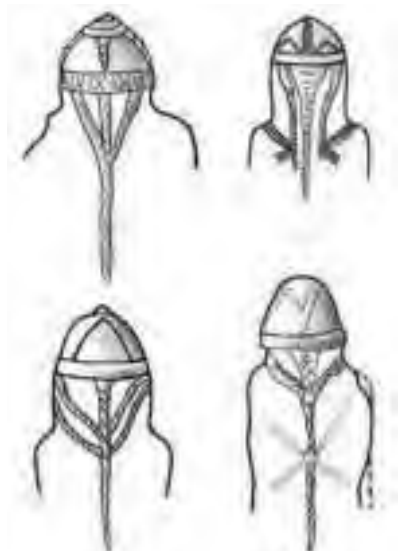

Рис. 78. Косоплетение половецких воинов

Рис. 79. Головные уборы половецких женщин

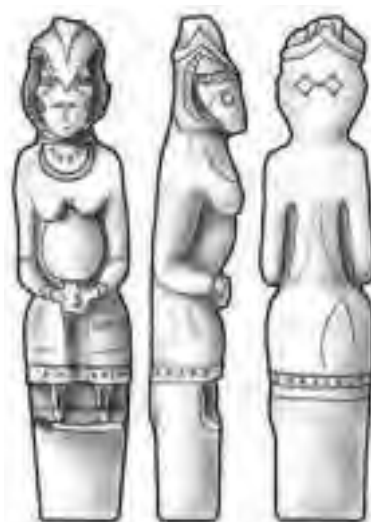

Рис. 80. «Рога», элементы женского убранства, символизируют достаток, богатство, знатность персоны

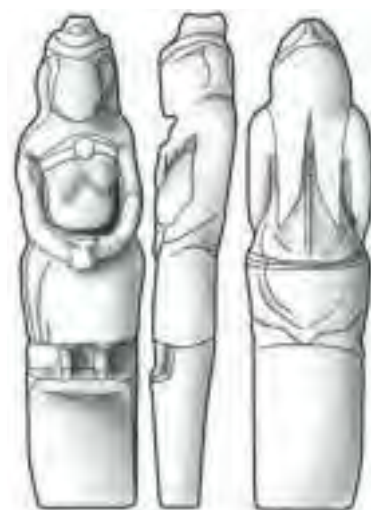

Рис. 81. Верхняя одежда половецких женщин

Рис. 81. Сосуды в руках

тия», другие предполагают, что сосуд – это урна с пеплом из семейного очага, третьи полагают, что сосуд является атрибутом тризны. Этнограф-археолог А. Н. Бернштам, например, объясняет: «Сложенные руки на животе обозначают покорность и подчинение образу предков, а чаша в руках – символическое приношение даров, особенно напитков, обычай, который у кочевников сохранился до сих пор». Он же сообщает и о том, что в VII–X вв., на изваяниях изображали в одной руке либо сосуд, либо птицу, являющуюся символическим образом «крылатой души умершего». Позднее, в христианской символике, ее отождествляли с образом ангелов. Отсюда, все статуи с птицами, по мнению А. Н. Бернштама, нужно считать «символами душ умерших». Однако скульптур с «птицами» среди восточноевропейских статуй пока не выявлено, следовательно, принимая во внимание изложенные мнения, обозначим иные взгляды по вопросу предназначения сосудов. Л. Р. Кызласов, например, убежден, что сосуды нужны

Рис. 82. Предметы на поясе

были для того, чтобы в них «вкладывать» пищу, или «вливать» напитки, которые поедали и выпивали живые сородичи при поминках умершего. «Но так как душа, – продолжает автор, – и каменный образ умершего в виде статуи «были на этих же поминках», то они одинаково с сородичами участвуют в обряде. Причем родственники не только «кормили» душу умершего, но и «разговаривали» с его (умершего) каменным воплощением,

«окуривая дымом», как бы изгоняли «злого духа», согревали «душу» огнем костра, приносили к ногам (постаменту) жертвы».

Неоднозначность подходов к назначению изображенных на статуях сосудов возникает еще и оттого, что в погребениях кочевников XII–XIII вв. керамика является редким атрибутом. Из находок

Рис. 84. Керамические изделия кочевников

Рис. 85. Формы горшков на изваяниях (127, рис. 23)

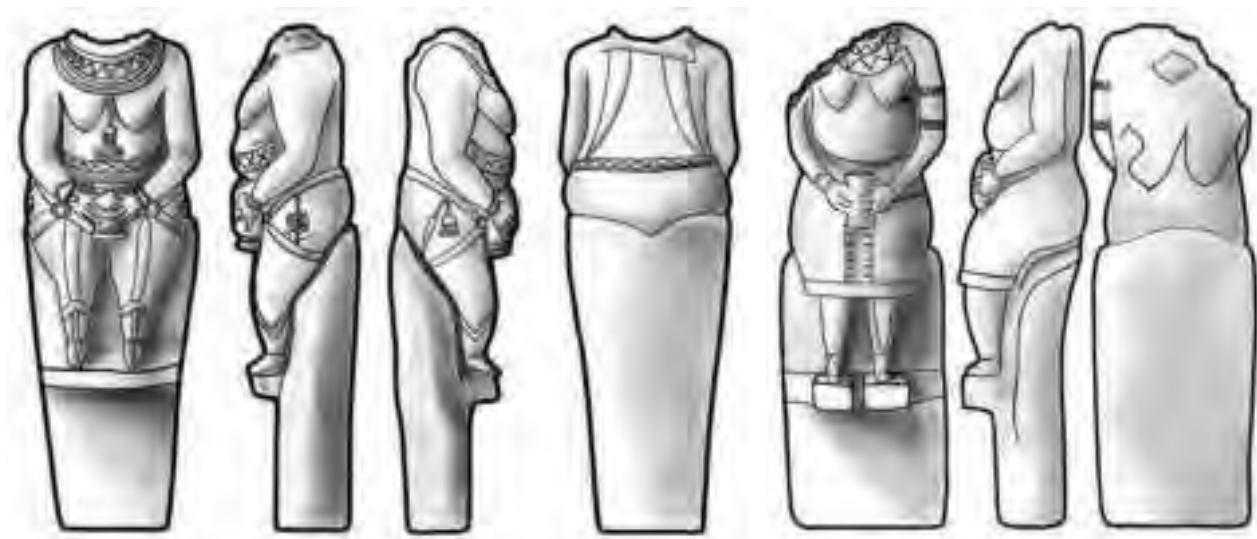
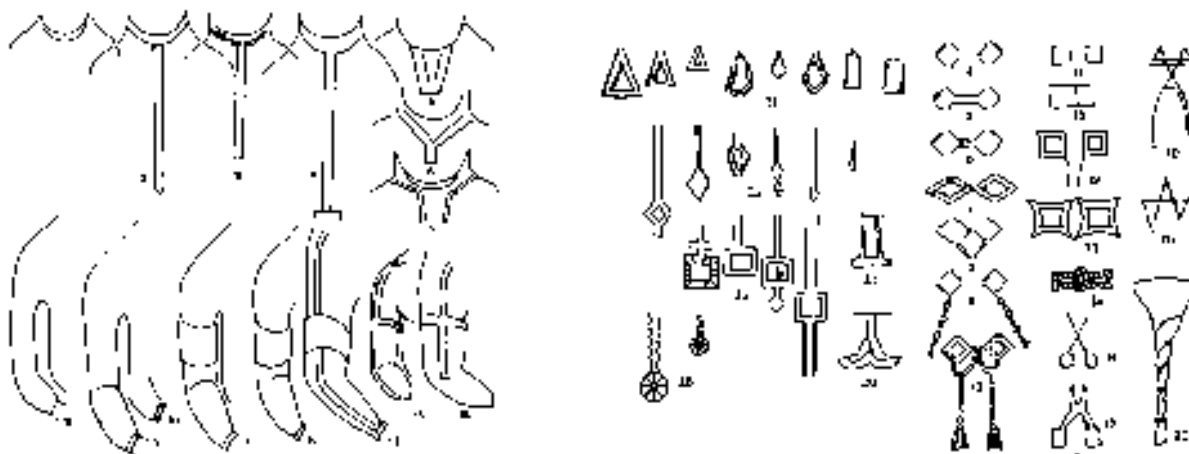

Рис. 86. Предметы, изображенные на скульптурах

Детали мужской одежды и женских аксессуаров (127, рис. 12, 16)

целых форм известно, что горшки номадов в основном упрощенные, банковидные, цилиндрические со слабо отогнутыми наружу венчиками, фактура теста рыхлая, грубая, с добавлением травы (рис. 84). На каменных же статуях видны формы сосудов, аналогии которым в археологических материалах половцев почти не известны, видимо, на изваяниях изображены емкости специального ритуально-обрядового назначения (рис. 85), поэтому они не соответствуют формам посуды, используемой в быту. В некоторых случаях вместо «объемных» сосудов

на скульптурах начертаны их контуры, или для этих целей использовали естественные выступы, а, иногда, наблюдаем сложные удлиненные биконические формы с раструбовидными венчиками и поддонами (изв. 12, 15, 71, 74, 101 и др.) (рис. 86). Вопросы о причинах разнообразия форм посуды, изображенной на статуях, или ее неидентичности с той, что из погребений, еще предстоит осмыслить, пока же попытаемся объяснить происхождение индивидуальных и собирательных образов тюркских персонажей запечатленных в камне.

ОБОБЩЕННАЯ ПОРТРЕТНОСТЬ ИЛИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Входило ли в намерения создателей каменных скульптур передать индивидуальные черты изображаемых людей, сказать сложно. В науке также нет однозначного ответа на этот вопрос. Большинство считают, что достичь исполнения конкретного образа удавалось в редких случаях, ибо далеко не каждый кочевник, он же скотовод, отчасти ремесленник, отчасти воин, был художником, освоившим камнерезную отрасль. К тому же скульпторы работали с прочными материалами, в основном песчаниками, используя при этом орудия типа зубил. Лишь в том случае, когда талант скульптора сочетался с петрографо-морфологическими знаниями поделочных материалов, пригодных к обработке, к каким более всего приемлем мергель, возможны появления эксклюзивно-индивидуальных портретов (рис. 87, 1–3). Примерами могут служить изображения лиц скульптур из святилища у с. Каменка (Палиев) урочища Мечетная гора в Лутугинском рай-

Рис. 87. 1–3. Скульптурные образы тюрок Степного Подонцовья

оне. Из цельных глыб мергеля, как бы копируя свой профессионализм, мастер вырезал две скульптуры. Лица молодых людей с монголоидными чертами, выглядят выразительно, почти портретно (рис. 88). С. А. Плетнева, рассматривая подобные «персонафицированные» произведения, порой высказывала

Рис. 88. Статуя из святилища ур. Мечетная гора

Рис. 89. 1-2. Классические тюркские этнотипы Азии

Рис. 90. Иконографический эталон тюркюта восточноевропейских степей

мысль об имевшей место необъяснимой несовместимости тщательной отделки лиц и грубой небрежной проработки других участков скульптур. Создается впечатление, заключала С. А. Плетнева, что мастер специально изваял только лица, все остальное было изготовлено как бы без его участия, скажем, подмастерьем. Применительно к названным статуарным формам такая формулировка вряд ли приемлема. Примером являются головы статуй, исполненные из разноплотных мергелей, хранящиеся в экспозициях музеев области. Прежде всего, речь идет о мужском персонаже из Луганского краеведческого музея (рис. 87, 1), портретный образ которого усилен раскрасочной палитрой. Скульптура найдена в карьере у с. Причепиловка Славяносербского района [125, с. 126]. Лицо выглядит как своеобразная маска, дооформленная рисуночьем (изв. 69) (рис. 87, 1). Черной краской подведены брови, нарисованы зрачки и ресницы, тонкие усы, красная краска сохранилась на губах. Необычность образа в полихромной раскрашенности всей личины. Краски местами осыпались, сохранность же покрытия, можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, материал (мергель), на который они нанесены, достаточно глубоко впитал цветной пигмент, во-вторых, условиями «хранения» артефакта, как бы в «законсервированном», под слоем плотного песка, состоянии. Исключительно редкий экспонат значим не только для понимания эстетических проявлений народа, но, что более важно, как полагает С. А. Плетнева, таким эксприемом могли подрисовывать многие другие статуи. Но прорисовки со временем выветрились. Кстати, художественные оформления красками скульптур известны в античной традиции.

Мергелевые портретные изображения хранятся в фондах Луганского об-

ластного (рис. 87, 3), Свердловского краеведческих музеев (рис. 87, 2), а также экспозиции археологического музея Луганского университета (рис. 88). Во всех случаях, работая с мягкой породой, художники детально прорабатывают лица, в которых нетрудно видеть характерные черты тюркского этноса.

Итак, обозначим образ лиц, изображенных на половецких изваяниях Подонцовья. Они, естественно, с определенной выраженной монголоидностью, которая проявляется в таких признаках, как: овал личин с широкими и приподнятыми скулами, массивными тяжелыми подбородоками, небольшим носом, некоторой раскосостью глаз и полнотой губ. Если говорить об индивидуальных чертах мужских и женских лиц, то в этом случае возникают следующие образы. Мужские лица – скуластые, округлые, подбородок несколько заострен, брови и прямой нос сочетаются Т-образно (рис. 87, 2–3). На лицах видны надбровья и овальной формы глазные впадины, но признаков «бороды», как это имеет место в иконографии части скульптур Азии, нигде нет. Особое место на мужском лице отводилось изображению усов, с прямыми или слегка изогнутыми, как бы скобовидными, «крыльями» (рис. 89; 90; 91).

Портретность лиц мужских статуй проявилась не на всех изваяниях, что, видимо, зависит от общего состояния «сохранности» скульптур (изв. 9, 17 и др.), но и среди качественных экземпляров часть (до 10 %) совершенно безликих (изв. 7, 18, 61, 120).

Иная ситуация в отношении «лиц» женских статуй. Прежде всего, следует отметить, что большинство (до 75 %) безликие (рис. 63, 5, 6, 8, 9, 10 и др.), однако, замечено, что такой порядок, прежде всего, имеет отношение к скульптурам 3–6 типов. Ранние же изваяния, типы 1 и 2, сохраняют иконо-

Рис. 91. Портретные этнотипы населения Дешт и Кипчак

графические традиции тюрков Азии, и в этом случае на их личинах прослеживаем, как обобщенные, так и близкие к индивидуальности образы (изв. 30, 31, 35, 39, 43, 52, 88) (рис. 53; 57).

Принято считать, что половчанки, под влиянием проникшего в степи мусульманства, прибежали к сокрытию лиц чадрой. Религиозный запрет изображать лица, как, впрочем, и образ самого человека, в определенной степени затронул и мужские статуи. По отношению к ним «безликость», ранее художественно «полноценных» изваянных фигур, могла быть осуществлена механическим путем, включающим преднамеренное скалывание рельефных деталей лица, с последующим затиранием его поверхности абразивом. В этом случае личины выглядят удивительно плоскими. Но половецкое общество, как и его обряды, оставалось политеистическим и мастера – приверженцы язычества, даже в условиях религиозного ортодоксализма, выполняя заказы половецкой знати, изготавливали статуи с традиционной иконографией образа предков. Контуры личин большинства статуй, по-прежнему, представлены тремя вариантами: округло-плоские, овально-рельефные и удлиненные с полными щеками, зауженным подбородком, небольшим ртом, овальными глазницами, Т-образным носом. Все эти признаки характеризуют и

собирательность, и индивидуальность образов, воспетых прозаической поэзией (рис. 91).

От зноя травы сухи и мертвы.

Степь без границ, но даль синее слабо.

Вот остов лошадиной головы.

Вот снова – Каменная баба.

Как сонны эти плоские черты!

Как первобытно – грубо её тело!

Но я стою, боюсь тебя... А ты

Мне улыбаешься несмело.

М. Зирко

Мы обозначили лишь общие признаки лиц половецких статуй, которые, в своих чертах, сближают, скрытых зановом времени кипчаков, с такими современными народами, как узбеки, татары, таджики, тувинцы и даже турки, у которых и сейчас еще присутствуют едва заметные элементы образа тюркютов. Акцентируя внимание на портретной индивидуальности изображений, трудно не согласиться с теми авторами, которые считают, что в «каменных бабах» все же преобладают идеи типизации лиц этноса «тюрк» Центральной Азии, откуда и происходят турки-кипчаки, они же команы, куманы, киманы, кимаки, половцы, наиболее полно воплощенные в статуарно-художественных образах восточноевропейских степей.

СЕМАНТИЗМ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

Это понятие поможет разобраться в существующих взглядах и концепциях, касающихся смысловой нагрузки скульптур. В этом вопросе сошлемся на исследования и трактовку выявленных вещей.

Все ученые, занимавшиеся изваяниями поздних кочевников, в той или иной степени затрагивают два традиционных вопроса: первый – кому они предназначались: убитым врагам или, напротив, своим, умершим героизированным воинам, либо прародителям, второй – место статуариев в сакрально-погребальных обрядах. Мы не намерены повторять основные позиции историков-тюрковедов по этим вопросам. Нас интересует археологическая информация, касающаяся присутствия скульптур в системе сакралитета.

С. А. Плетнева, принимая во внимание неоднозначность решения вопросов семантики, прежде всего обозначила идею, что половцы обычно придерживались принципа, чтобы статуи, по возможности, были видны на самых отдаленных расстояниях, и поэтому устанавливали их на гористых грядах, возвышенностях, которыми часто являлись курганы эпохи бронзы.

На рубеже XIX – начала XX вв., по поводу местонахождения статуй, преобладали убеждения, что «каменные бабы» имеют отношение к создателям этих же курганов. Для установления истины в 1901 г. Харьковский комитет по подготовке XII Археологического съезда поручил археологам заняться учетом курганов, на которых сохранились скульптуры и частично раскопать их. Всего к 1914 г. было раскрыто около пятидесяти таких местонахождений. Выводы ученых оказались прямо противоположными

Рис. 92. 1-2. Реконструкции костюмов по материалам половецких захоронений (из публикаций)

Рис. 93. 1-3 Костюмированные женские образы

прежде существовавшим суждениям, касающимся связи статуй с захоронениями кочевников. Например, Е. П. Трефилев в двух курганах с «каменными бабами» на их вершинах, кроме погребений эпохи бронзы, обнаружил заурядные впускные могилы кочевников X – начала XI вв. В. А. Городцов, раскрыв восемь курганов, на которых находились изваяния, вообще не обнаружил присутствия кочевников. Продолжавшийся, как тогда писали, «безрезультатный поиск связи половец-

ких погребений и каменных изваяний» окончательно убедил Н. И. Веселовского в том, что между скульптурами и погребениями параллелей не существует. Единственное, что мог предположить исследователь в защиту сообщения Рубрика, относительно половецкой принадлежности статуй и холмов, на которых они устанавливались – это сопоставление фрагментарно сохранившейся в погребениях одежды – «костюмов» (рис. 92) с гарнитурой, изображенной на хорошо сохранившихся статуях (изв. 8, 22, 44, 51, 73, 91, 122) (рис. 93, 1–3). Поэтому и теперь, как и на протяжении всего XX в., тема «погребения и статуи» не утрачивает актуальности. Подводя промежуточный итог дискуссиям, С. А. Плетнева отметила, что наука осведомлена о более 950 захоронениях половцев, расположенных под курганами, однако ни одно из них не сопровождается каменным изваянием (рис. 94). Этот факт, заключает С. А. Плетнева, свидетельствует о том, что у половцев изваяния не связаны с мемориалами. Данное замечание в одинаковой степени имеет отношение к каменным изваяниям и курганам Степного Подонцовья. Например, курган у пос. Новотошковка Славяносербского района, в насыпи которого находилось статуарное художественное произведение (изв. 73)

(рис. 95), ничего общего с кочевническими древностями не имел. Напротив, исследованная в Провальской степи серия курганов и даже могильники кочевников – без каменных статуй. Заметим, что среди рядовых захоронений кочевников, здесь же в Провалье, раскрыты погребения половецкой знати.

Другое дело с каменными оградами. В той же Провальской степи зафиксированы вымостки, оградки, напоминающие площадки и, так называемые, кромлехи, в которых обнаружены обломки скульптур, исполненных из местных песчаников. И теперь еще в заповедном крае можно встретить курганы, на которых сохранились фрагменты каменных изваяний. В целом же изучение памятников природо-экологического заповедника «Провальская степь» позволяет заключить, что этот район Донецкого края наиболее насыщен половецкими древностями, в том числе каменными статуями [57, с. 58–60]. Здесь вблизи урочища «Королевские скалы» могли находиться каменоломни и мастерские по изготовлению скульптур, отсюда, из Провальской степи, они либо «разъезжались» по сакральным местам окрестных донецких плоскогорий, либо «входили» в местные пантеоны. Таким образом, здешние просторы не только природный заповедник, но, в нашем представлении, историко-археологический скансен, музей в степи, созданный кочевниками сакрально-энергетический центр (рис. 90).

Подтверждение тому не только значительное количество выявленных в Провальской степи изваяний [57], среди которых преобладают скульптуры малых и средних размеров, но и археологические исследования, проводимые в 1970–80-х годах Северско-Донецкой экспедицией, раскрывшие кочевнические архитектурно-сакральные комплексы [20а].

Итак, кому же предназначались изображенные в камне образы: погибшим

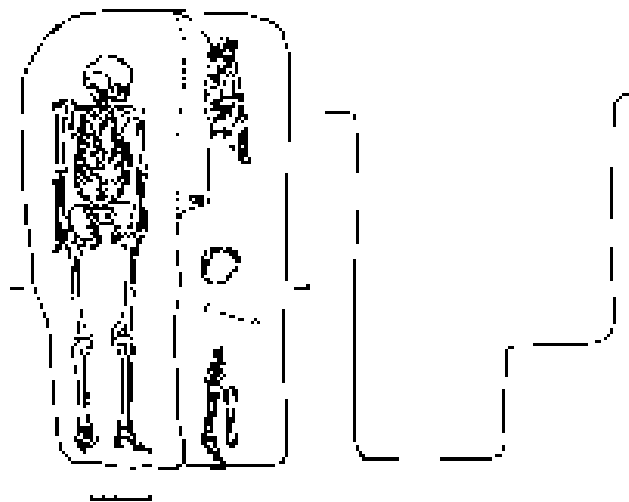

Рис. 94. Традиционное захоронение кочевника степей Подонцовья

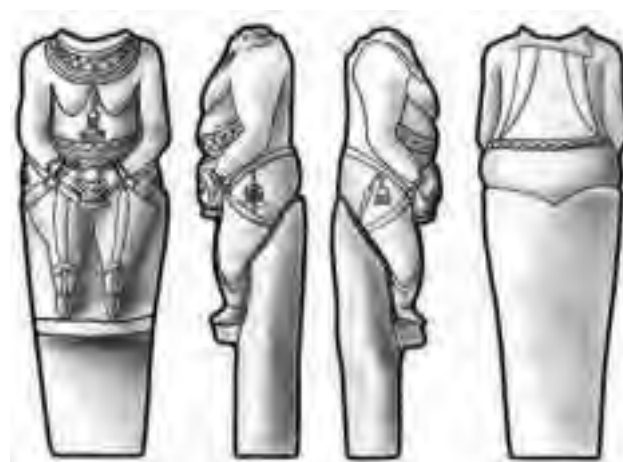
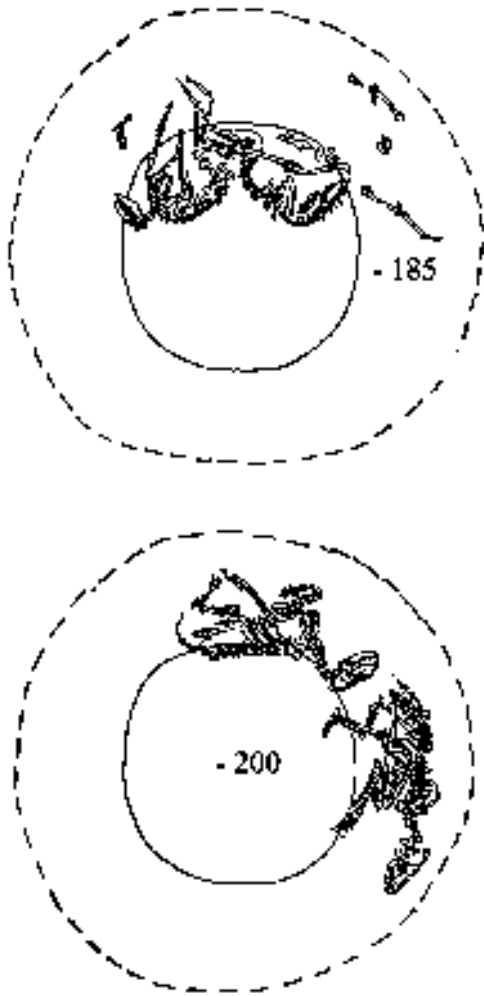

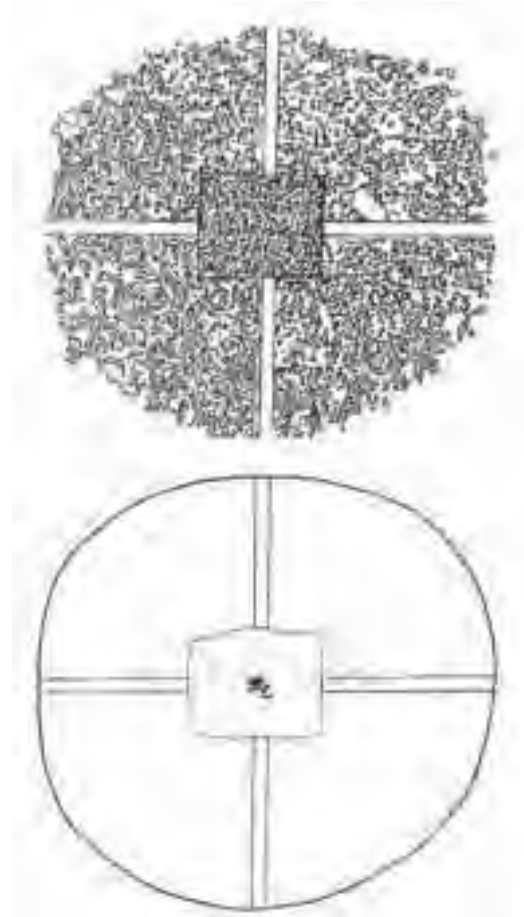
Рис. 95. Изваяние №73 из насыпи кургана у пос. Новотошковка

Рис. 96. Сакральное место в реконструкции П. Шевердина

Рис. 97. Жертвоприношения в хозяйственных ямах колоколовидных форм

Рис. 98. 1-2. Местонахождение клада

воинам, врагам, прародителям или аристократам?

Мы уже отмечали, что возникшие с середины XIX в. вопросы о том, кого изображают «каменные бабы» – умерших в тот момент, или их предков, а возможно, врагов, так и не были решены. Позднее появились мнения, что статуи являются собирательным образом военной и гражданской аристократии половецкого общества и, в этой связи, «посвящены» элите из числа знати и их женам. Элитой считались те представители половцев, которые выделались из общей массы по военным и материальным приоритетам. Ясно, что родственникам умерших из числа рядовых половцев были бы не под силу расходы по изготовлению и

транспортировке многотонных статуй, как и оплата работы скульптурам, обрабатывавшим каменные глыбы, доводя их до произведений искусства. И хотя, как иногда считают, эта работа сводилась к «копированию и как бы размножению форм», изготовление каждой статуи все же требовало значительных физических усилий, времени и художественного мастерства. По вопросу, во имя каких персон осуществлялись подобные затраты, в науке определились два противоположных мнения. В пользу того, что «каменные идолы» изображают умерших сородичей из числа знатных половцев, приводятся аргументы, что, мол, многие элементы роскошной одежды, изображенной на «каменных бабах», порой соответствуют

ее остаткам, сохранившимся в погребениях именитых половцев [188, с. 93–97; 52, с. 80–82; 121, с. 19–24, 32].

Приверженцы тезиса, что скульптуры изображают врагов, ссылаются на этнографо-нарративные сведения, касающиеся древних традиций народов Центральной Азии. К примеру, монгольские племена «тукю» над могилами устанавливали камни, видимо «балбалы», являвшиеся олицетворением их врагов, которые вечно будут «служить умершим».

В тувинском героическом эпосе на этот счет свои свидетельства. В преданиях, описывающих свадебные обычаи, важное место уделяется «умерщвлению врага». Добываясь расположения невесты, жених должен стать героем, то есть убить самого могущественного из своих врагов и после этого установить ему большой камень или каменную фигуру, которая должна была оставаться для будущих поколений свидетельством совершенного подвига. Таким же образом, по свидетельству арабского автора Ибн-Фадлана, поступали живущие к западу от Южной Сибири этносы, возможно население Поволжских и Прикаспийских степей [63].

Казалось бы, в преданиях, оставленных различными этносами, заложены «истины» в отношении функций скульптур, но продолжает озадачивать факт, что среди всей серии изваяний до 68 % статуй посвящены женским образам. Неужели это и есть «могущественные враги!», восклицает С. А. Плетнева? Ответ сформулирован ею же в следующем направлении. В раннем средневековье человеческие жертвоприношения, в основном, были прекращены, и теперь после смерти мужа его захоронение сопровождалось установкой над могилой скульптуры, изображавшей женщину-жену, которая должна постоянно быть рядом с умершим. Версия заупокойного, как бы «мемориального» предназначения

Рис. 99. 1-2. Сакральные объекты сопровождаемые каменными конструкциями

женского образа, в определенной мере и теперь еще имеет место в системе погребальных традиций тюркских этносов Южной Сибири и Семиречья.

Для воссоздания событий, происходивших в степях более 800 лет назад, еще раз возвратимся к наблюдениям В. Рубрика: «Команы насыпают большой холм над своим усопшим и ставят ему статую» (рис. 96). С. А. Плетнева обращает внимание на такую деталь из текста: «ему», а не «его» статую! Следовательно, речь идет о собирательном мемориальном образе, в руках которого изображен сосуд. Но могли умерший «воспользоваться» этой посудой, атрибутом, предназначенным для обрядовых и бытовых целей язычников? С помощью участников тризны, символически, разумеется, да.

В отношении скульптурных персона-

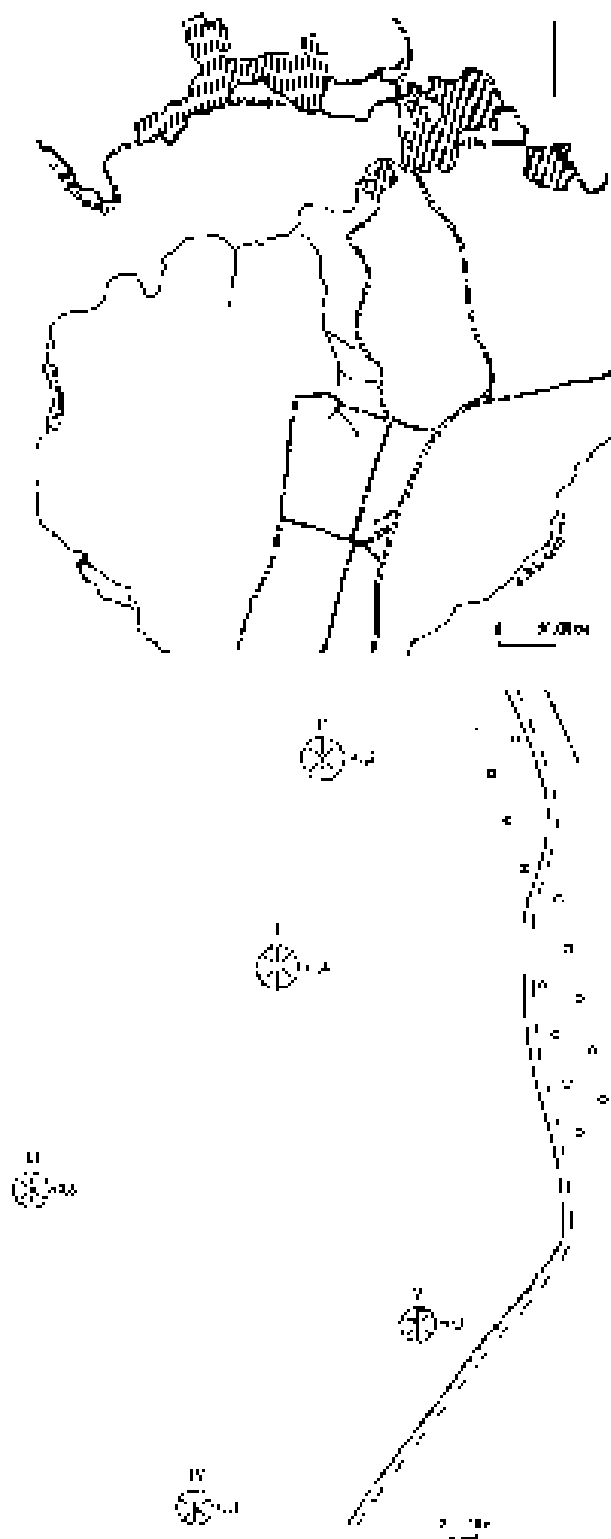

Рис. 100. Ситуационный план и схема расположения курганов святилища «Мечетная гора»

жей имеют место и компромиссные варианты решения. В действительности, считает С. А. Плетнева, и приверженцы теории «своих умерших» и сторонники

теории «образов врагов», не в состоянии представить обоснованные аргументы, которые убедили бы нас в истинности одного или другого тезиса, но не учитывать их вообще было бы исторической несправедливостью. На наш взгляд, в этих оценках следует видеть динамику погребальных обычаев тюркских народов, которая соответствует двум периодам уклада жизни кочевников. В раннем периоде, времени героизированных тюркютов, «каменные изваяния», они же «балбалы» в виде природных стел, столбов или блоков с едва выраженными антроповидными чертами, могли обозначать поверженных врагов. Позднее, в период, припадающий на время продвижения тюркских племен с азиатских территорий к западу, к европейским степям, с последующим расселением их на пространствах «восточноевропейской родины» (К.К., Е.К.), в условиях складывающейся здесь феодализации, наметились новые социологизированные религиозно-культурные тенденции. В новых социально-имущественных ситуациях «каменные бабы», считает С. А. Плетнева, обрели образы представителей появляющейся элиты. Видимо, тогда же формируется собирательный художественный этнотип комано-кипчако-половецкой генерации иконографически обобщенной в восточноевропейских изваяниях XII – начала XIII ст. В ситуации применения мягких материалов в сочетании с талантом скульптора, возникала художественная индивидуальность, портретность образов, но и в этих случаях мастера придерживались канонических направлений на сохранение тюркской идентичности.

Конечно же, в статуйном динамизме нельзя не принимать во внимание исторические ситуации и события, происходившие в период обитания половцев в восточноевропейских степях. Здесь им в одинаковой степени суждено было

праздновать победы и познать горечь погромов и поражений (рис. 93). Не оттого ли камнерезное искусство Подонцовья отличают импульсивная динамика, ускоренная эволюция в направлении от ранних форм к классическим произведениям, сформировавшимся в промежутке менее двух столетий? В этой связи для темы, одинаково связанной с культурогенезом и исторической наукой, важнейшим является артефактная доказательность вопроса о предназначении статуй.

Мы уже сообщали, что вначале XX в. российские археологи, по поручению Археологической комиссии, раскопали до 50 курганов, на которых в то время находились каменные изваяния. Большинство курганов относились к эпохе бронзы, лишь изредка в них попадались впускные погребения поздних кочевников – печенегов, торков, половцев. Эти исследования полностью опровергли предположения о том, что половцы воздвигали статуи на могилах умерших предков, чем и обосновали ошибочность тезиса, что статуя – это изображение самого усопшего. В таком случае в теме, касающейся функциональности изваяний, логично принять во внимание сакральный мотив. К этому добавим, что с целью возможно большей привлекательности, скульптуры устанавливали на холмах, зачастую используя искусственные курганные насыпи, сформированные в древности на наиболее высоких в степях возвышенностях. В этом комплексе признаков идеи сакральности участка, как и стоящих здесь же изваяний, обретают логическую, реальность (рис. 94). Вместе с тем, считает С. А. Плетнева, половцы стремились воздвигать статуи в наиболее оживленных, как бы обжитых ими массивах. Здесь статуи, видимо, могли находиться как поодиночно, так и группами от двух и более фигур. Кстати, скопление «каменных идолов» имело место в недалеком прошлом, что

Рис. 101. 1-2. Образы воинов из святилища «Мечетная гора»

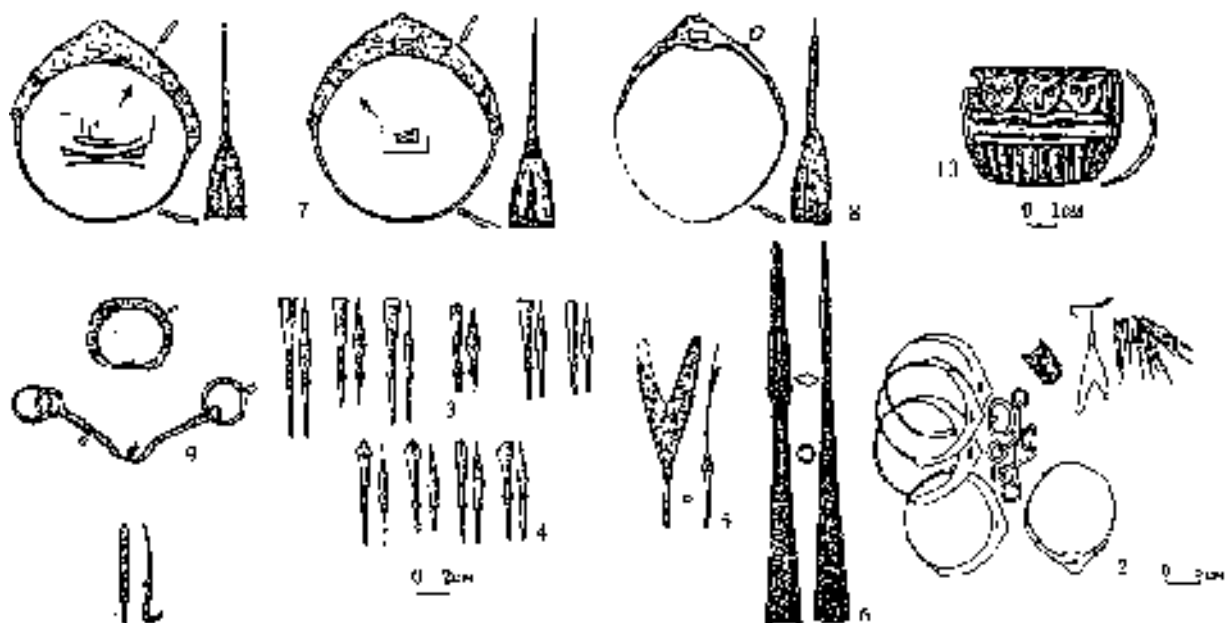

Рис. 102. 3–10. Оружейный и упряжний инвентарь кургана 2 святилища ур. «Мечетная гора»

документировано в историко-географических сведениях XVII ст. [61]. Спустя более двух веков, в конце XIX в., В. А. Городцов, собрав и обобщив эти и другие известные ему данные о «балбалах», пришел к заключению, что для восточноевропейских кочевников характерно сосредотачивать статуи на сравнительно ограниченных пространствах. Позднее Г. А. Федоров-Давыдов место скопления статуй назвал «святилищем». Этим определением был заложен новый подход к вопросу о назначении каменных изваяний. В качестве доказательств автор приводит археологические материалы раскрытых им же жертвоприношений, рядом с которыми обнаружены статуи [164, с. 191–192]. Жертвенными животными, они же тотемы, были кони, быки, овцы, собаки (рис. 95). В этой связи становится очевидным, почему половцы, как и все тюркские народы, личные имена и названия племен нередко отождествляли с именами из мира животных. Об этом, в частности сообщают легенды о происхождении уйгуров [12, с. 215], в которых действующими персонажами являются представители дикой фауны. Словом, речь идет об особой роли со-

братьев меньших в религиозно-культурном пантеоне язычников (рис. 97).

Практика обустройства пантеонов-сакральных мест возникла в Азии, а затем, вместе с тюрками, появилась и в Европе. В Центральной и Средней Азии в VI–VIII ст. сооружались оградки из камней, своеобразные храмики. Внутри как бы замкнутого пространства находились «балбалы», здесь же возле них совершались обряды жертвоприношений. Этот же обычай прослежен в традициях у «семиреченских» кипчако-кимаков IX–X вв., у «европейских» комано-половцев XI–XIII вв. Таким образом, нам представляется очевидным, что каменные изваяния находились в отдалении от могил, на высоких, хорошо обозримых, как бы специально обустроенных под сакралитет мест. К ним приносили жертвы, о чем писал Низами, им поклонялись, просили о помощи, а воины для побед в борьбе с врагами «черпали» силы и «идеи бессмертия» (рис. 96).

На территориях правобережного Подонья и массивов Донецкого кряжа, в том числе в пределах Степного Подонья, раскопана серия, так называемых, «святилищ», отличающихся и размерами,

и архитектурно-конструктивными деталями и ритуально-обрядовым реквизитом [30, с. 72–82; 36, с. 103–113; 34, с. 100–109; 29, с. 126–128; 45, с. 214–224; 187, с. 199–209 и др.]. Самыми простейшими могилами были «святилища» с одной статуей, обращенной лицом к востоку, что и теперь еще наблюдаем на одном из курганов в Провальской степи. Ее установили на гряде с древней насыпью без видимых архитектурных дополнений. Здесь же в 1988–89-х годах доисследован частично разрушенный позднекипчакский могильник конца XIII – начала XIV вв. [77, с. 214–224].

Второй вид – «святилища» с каменными покрытиями в виде вымосток вокруг нескольких изваяний. В центре каменной вымостки находилось подквадратное или округлое углубление, место для обрядовых кострищ и жертвоприношений (рис. 98, 1-2).

К третьему виду относим «святилища» с каменными оградками округлой или прямоугольной формы. В центре таких оградок и находились изваяния, а по их углам – жертвенники и кострища (рис. 99, 2).

Известны сакральные места-«святилища» с более сложными архитектурными решениями. Например, внутри основной округлой ограды сооружены оградки подквадратной формы, их стены, сориентированные по сторонам света, и уже внутри могли находиться каменные идола, возле которых устраивали кострища, жертвенные площадки. Разные архитектурные варианты сакральных мест определяются статусом тех социоструктур, которым предназначались конкретные объекты. В данных случаях следует иметь в виду семейный, родоплеменной, военный и гражданско-аристократический их статус. Изученные раскопками сакральные центры половцев в Подонцове, точнее пространстве его кряжа, известны в районе с. Астахово [49; 187,

с. 199–209] и с. Уткино [45, с. 214–224]. В Астахово «святилище» обустроено на кургане эпохи бронзы, половцы же до оформили древнюю насыпь каменной выкладкой в форме круга-кольца, диаметром 16 м. В центре, тогда же, видимо, находились три статуи, от которых теперь сохранились лишь постаменты и многочисленные обломки. Скульптуры изображали воинов в позе «сидя», головы «защищены» сферическими шлемами. Примерно также обустроено «святилище» у с. Уткино. Однако, наиболее полную и в деталях реконструируемую картину событий и обрядов, происходивших в сакральных местах, получили при раскопках святилища в урочище «Мечетная гора» (рис. 100).

В 2007–2008 гг. экспедицией истфака ЛГУ изучен сакральный объект, состоящий из серии курганов. В трех, расположенных в 60 и 85 м друг от друга курганах, выявлены признаки обрядов сакрального содержания. Каждый из курганов сверху, еще в древности, был «накрыт» панцирем из плит песчаника. Под ними, как оказалось, находились захоронения поздней бронзы II тыс. до н. э. Всего же могильник включал 9 насыпей, обустроенных на высоком кряжном плоскогорье правого берега р. Большая Каменка, в 3,5 км к юго-востоку от с. Каменка или в 2,5 км к югу от хутора Палиева Лутугинского р-на [90, с. 181–184; 91, с. 226–250].

Прецедентом к исследованию послужил факт, имевший место много десятилетий тому назад, когда местный житель хутора Николай Тарасенко на одном из курганов, в его центре, обнаружил нарушение плит панциря и углубление, в котором находились обломки мергеля со следами обработки. Средние и крупные фрагменты оказались сброшенными в яму, мелкие, в основном в виде щебня, прослеживались здесь же на поверхности. Как выяснилось, куски мергеля оказа-

лись фрагментами двух статуй. Крупные обломки тогда же, Николаем Ивановичем – автором находок, вынесены из зоны распахки, остальные, что помельче, оставались и в заполнении, и на задернованном холме.

В процессе раскрытия всей площади кургана (диаметр 15×16 м, высота около 0,9 м) удалось выяснить, что яма, в которую сброшены обломки статуй, частично заполнена золой, углями, костями животных, часть из которых кальцинирована. Стены и дно ямы с признаками прокала почвы, как свидетельства тому, что в ней происходили ритуально-обрядовые действия, вероятно, огнепоклоннического характера. В такой ситуации необходимость изучения всего кургана совершенно очевидна. Обломки скульптур были собраны до единого фрагмента, одна скульптура отреставрирована, вторая частично воссоздана в основном графической реконструкцией. И в первом и во втором случаях, удалось восстановить общую морфологию, иконографию, детали костюмов, атрибутов, проследить технические приемы, с помощью которых скульптуры исполнены. Статуи, по всей вероятности, изваяны одним мастером из глыб мергеля, из карьера удаленного не менее чем на 30–35 км от места утилизации скульптур.

Геологические горизонты кальцитов (мергелей) в основном характерны левобережью Северского Донца, однако в названном регионе степного Подонцовья ни одной статуи поздних кочевников в состоянии *in situ* вообще не обнаружено.

Обе скульптуры изображают молодых, аристократизированных воинов, с почти однообразными портретами лиц, тщательно проработанными деталями военной амуниции: шлемами, панцирями, ремнями, элементами одежды и экипировки (рис. 101, 1–2). Отсутствие нижних частей статуй, и их постамен-

тов, затрудняют определение размеров скульптур. В данном случае высота туловища одной из воссозданных скульптур около 130 см, ширина грудной части 45 см, высота головы, облаченной в шлем, 48 см. Вторая статуя внешне соответствует первой, но она явно крупнее. Статуи относятся к типу мужских, круглых, объемных форм. Овальные, скуластые, безбородые лица с округлыми подбородками, Т-образным сочетанием прямого носа и едва изогнутыми бровями, за счет суженных глазниц со зрачками, придают им тюркообразный вид. Их головы защищены высокими, сферической формы, шлемами, составленными из четырех частей, соединительные швы, в местах стыковок, оформлены «лентами» с орнаментами резных косых линий в виде елочного узорочья. Из-под шлемов на спины свисают по три отдельно сплетенные косы, из которых средние длиннее и толще двух боковых. Грудные части туловищ прикрыты «панцирем», здесь же изображены ремни, закинутае через плечи и продетые под руки, в местах их пересечения выпуклые бляхи, которые, как и ремни, оформлены орнаментами. Одежда – кафтаны, на которых от пояса книзу обозначены ремни и кольца поножей. На полах кафтанов, в технике контурной прочерченности, фрагментарно сохранились изображения предметов, применяемых в быту.

Важной деталью скульптур являются цилиндроконической формы сосуды. Среди серии горшков, традиционно изображаемых на половецких статуях, такие формы встречаются редко и занимают в количественном отношении предпоследнюю, четвертую позицию из пяти известных по статистике форм [127, с. 51–52. Рис. 23, 1–10].

Качественную проработку деталей скульптур определил материал. Мергель – сравнительно более мягкая, нежели песчаник, порода, что позволило в пол-

ном объеме воспользоваться многими техническими приемами обработки и этим создать соразмерность форм, барельефы, художественную резьбу, пророченность рисунков, заглаженность и полировку поверхностей.

Ссылаясь на типологические признаки, скульптуры относим к разряду «стоящих», низкоабрисных, объемных статуй, датируемых в пределах второй половины XII–начала XIII вв., то есть временем стабильности половецкого общества и расцвета камнерезного искусства. Однако, оба произведения подверглись полному разрушению. Такого рода действия по отношению к изваяниям в Подонцове имели неоднократные прецеденты [130; 36; 45; 187]. Ситуация преднамеренного уничтожения скульптур в урочища Мечетная гора могла развиваться по такому «сценарию». Обе статуи еще в половецкое время были свалены и посредством сильных ударов, следы которых фиксируются на поверхности крупных обломков, разломаны на части и расколоты на более мелкие, даже до состояния щебня, фракции, разлетавшиеся в радиусе 2–3 м от места крошения. Объяснений умышленному разрушению скульптур может быть несколько: междоусобная борьба враждующих орд половцев, завоевание степей монголами, которые, как известно, громили не только войско, но прежде всего начальствующий его состав, при этом, одновременно, уничтожали покровительствующих им идолов [176, с. 32–40]. В то же время нельзя не учитывать посмертные ритуально-обрядовые действия по отношению к каменным образам военной и гражданской элиты, в честь которой, при их жизни, были изготовлены и воздвигнуты скульптуры.

На территории Нижнего Подонья, Донецком кряже неоднократно встречались комплексы, так называемых, «святилищ», в которых засвидетельствованы факты преднамеренных разрушений

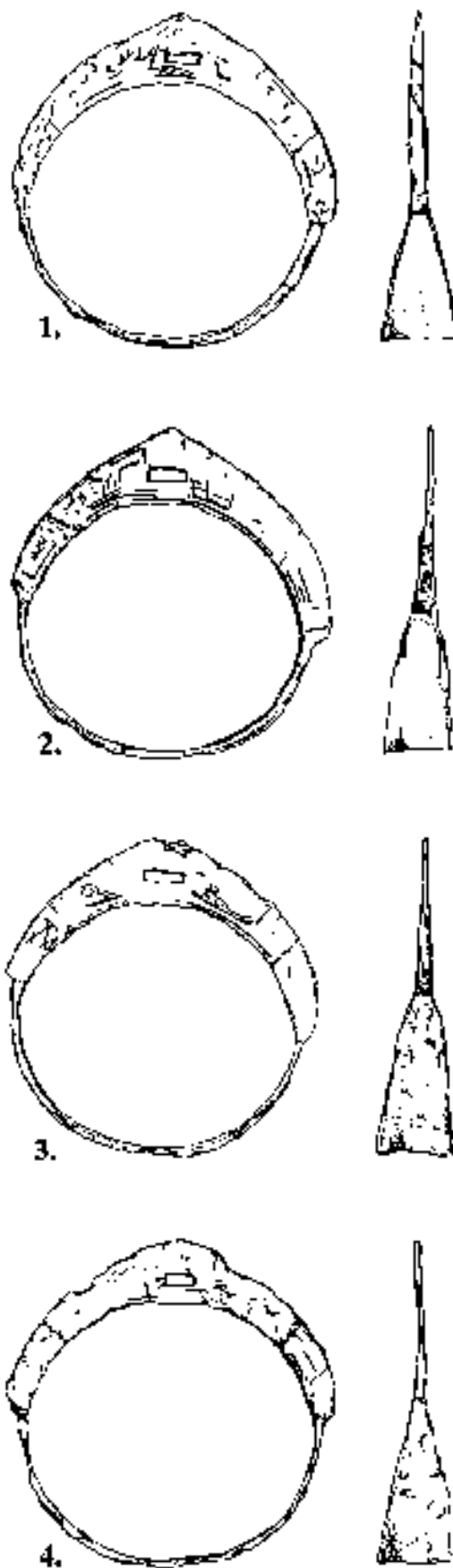

Рис. 103. 1–4. Стремена с рисуночьями из кургана 2

статуй [30; 105]. Правда, не все авторы, столкнувшиеся с обрядом «умерщвления» статуй, по данному вопросу занимают единую позицию [29, с. 80–82]. Одна из причин тому – отсутствие источников, отображающих содержание обрядов кочевников. В данном случае, для уточнения событий происшедших на Мечетновском святилище, обратимся к материалам из курганов 2 и 3 этого же могильника, которые предоставляют информацию о действиях языческого характера, практикуемых тюркским этносом.

Курган 2 в 60 м к ССВ от кургана 1. В центральной его части находилась углубленная площадка в виде квадрата со сторонами 3,8×4,2 м (16 м²), заполненная песчаником, расщепленным под воздействием высокой температуры до состояния щебня (рис. 101, 1). Высокотемпературное горение подтверждают и красно-бурая окраска железистых пород и кальцинированные фрагменты костей жертвенных животных.

В процессе расчистки пятна в его центре прослежено углубление, в котором на отметке –0,45 м от горизонта кострища находились плоские плиты, на которые компактно сложены изделия из черного металла, оружие (стрелы, копье), детали экипировки всадника (стремена, удила, кольцо, пряжка), предметы амуниции (крючья, накладка) (рис. 101, 2). Признаков, свидетельствующих о пребывании их в огне, не замечено, напротив, они, в виде ритуального инвентаря, или клада (рис. 101, 3–10) заведомо, до проведения обряда, связанного с огнепоклонством, были, как бы изолированы, перекрыты плитами. Аналогичные по форме и назначению каменные площадки в углублениях, названных «тайниками», находили и раньше, например, в курганах кипчаков Южной Сибири, Приуралья [102, с. 142. Рис. 6].

По артефактам из клада определим

этноисторические и хронологические параметры находок, обозначим аналогии к ним.

Оружие (рис. 102, 3–6). Стрелы (11 экз.) черенковые, изготовленные техникойковки, из них десять боеголовковых. По характеру острия все они боевые, двух типов и предназначались для поражения противника на расстоянии. Здесь же в комплекте стрел одиночный экземпляр плоской двурогой стрелы. Аналогии ей найдены в кипчакских курганах Южного Урала, причем такие наконечники, обычно, связывают с охотничьим промыслом, однако одинаково могли использовать для поражения конницы противника.

К вооружению относим втульчатый (длиной 30 см) наконечник копья (рис. 102, 6). Аналогии копьё прослеживаем в погребениях XII – начала XIII ст. у кипчаков Южного Урала. Они, зачастую, входят в наборы упряжного снаряжения вместе с удилами и стременами такого же вида, как и из Мечетки.

Упряжь. Прежде всего, стремяна – арочных форм, двух типов (рис. 102, 7–8). Особенность стремян в том, что лицевые наружные стороны арок оформлены орнаментами в стиле серебряной плакировки, напоминающей технику художественно-декоративной скани [99, с. 221. рис. 11]. Ее нити (0,5–0,6 мм) вставлены и закреплены (вклепаны) кузнечным способом в специально проделанные бороздки рисуночно-растительного вида (рис. 103). К сожалению, из-за разрушения металла, рисунки значительно повреждены. Стремяна таких типов распространены в системе упряжной амуниции кочевников XII–XIII вв. Не случайно с ними здесь же находились удила и пряжка (рис. 102, 9).

К числу редких вещей относим биметаллическую (сплав серебра и олова), дуговидную, литую пластину с четырьмя небольшими отверстиями (рис. 104,

Рис. 104. 1-3. Пластина запястья

1–2). Ею, посредством подшивки, могли оформлять рукава как обычного костюма, так и боевого доспеха (рис. 104, 3).

Пластина, с наружной выпуклой стороны, с рисунками в технике барельефа, помещенными в рамку, обрамляющую ее поле. Верхний ярус с изображением в фас трех морд медведей, средний ярус в горизонтальной проекции двух прямых и одной волнообразной линий, нижний ярус – орнамент из десяти вертикально направленных линий-гирлянд (рис. 104, 1). Прямые аналогии художественно оформленной пластине нам не известны, но отдельные элементы сходства с искусством племен Южной Сибири имеют место.

Прежде всего, привлекают внимание изображения медведей, могучих представителей дикой лесной фауны. Скульптурный вариант медведя, выпол-

ненный в мергеле, якобы найден на «святых местах» у г. Донецка [187, с. 208. рис. 2]. В этом случае пластина с изображениями – еще одно свидетельство того, что и в сакралитете, и в искусстве восточноевропейских тюрко-кочевников, находят отражение обычаи и традиции этносов Урало-Сибирских массивов, где культ медведя, как тотема, с древности распространен довольно широко [149, с. 63–67]. Скобовидная пластина удобно накладывается на запястье руки и вполне убедительно может рассматриваться как часть аксессуара половецкого костюма XII – начала XIII вв. (изв. 8, 73, 91, 122 и др.) (рис. 93, 1; рис. 104, 3). Ее края завальцеваны, плоские стороны, в результате длительного пользования, заглажены, даже заполированы. Заметим, что на некоторых скульптурах Подонцовья (изв. 8, 12, 73, 91, 122 и др.) на запястьях изо-

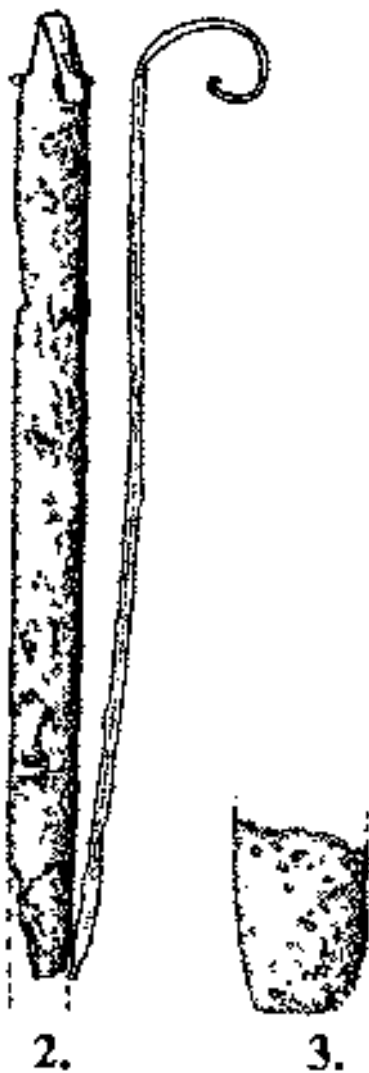
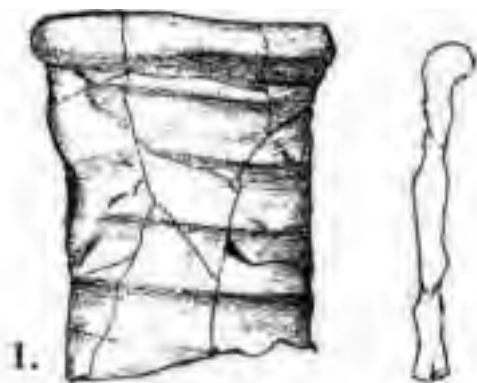

Рис. 105. 1-3. Инвентарь из кургана 3
святилища ур. «Мечетная гора»

бражены как узкие, так и широкие нашивки (рис. 93 и др.).

В третьем кургане, что в 85 м к севе-

ру от кургана 2, под таким же каменным панцирем обнаружены предметы, имевшие отношение к ритуалу кочевников (рис. 105, 1-3). Здесь, на горизонтально уложенной плите оставлен жертвенник, состоящий из части туши жеребенка (конечности и череп), рядом находилась горловина с гофрированной поверхностью от красноглиняного кувшина, а, возможно и небольшой амфоры (рис. 105, 1). Подобная посуда изготовлена гончарами постантичных центров и тогда же, в X-XIII ст., как предмет обмена, могла оказаться в степях Подонцовья. Более точную дату в данном случае установить сложно, но из археологических наблюдений известно, что примерно к XI в. импорт округлодонных амфор из Крыма, в направлении степей Подонья, заметно сокращается и, наоборот, плоскодонные красноглиняные кувшины и плоскобокие фляги в тюрко-кочевнической среде оказались более востребованными, поскольку шаровидные амфоры неудобны в быту кочующих этносов.

Одинаково сложно определить абсолютную хронологию найденных в этом же горизонте насыпи кургана предметов из черного металла, например, воткнутого острием в грунт палаша, или нашивной пластины от подвижного доспеха ламеллярного типа (рис. 105, 3) [24, с. 75].

Длина сохранившейся части коротколезвийного клинка 45 см, ширина 3,5 см, толщина в сечении 0,6 см. При переходе клинка в рукоять – слабо выраженное перекрестие. Хвостовик рукояти, длиной 14,5 см, конусообразный, его особенностью является то, что он умышленно изогнут в виде кольца (рис. 104, 2). Основным определяющим признаком палаша следует считать степень изогнутости клинка, которая не должна превышать 0,6 см ко всей его длине. Абсолютных аналогий этого вида оружия в южно-русских степях, а тем более в половецких древностях, найти более чем сложно.

Вероятно «саблевидные» палаши не входили в боевую экипировку «ополченцев» орды, и они, очевидно, представляли оружие типа кортика, привилегированной «офицерской» группы военачальников [112, с. 141–142]. В этой связи, видимо, неслучаен тот факт, что пока удалось выявить лишь единичный экземпляр аналогичного палаша [58, с. 159–160], однако есть возможность сослаться на находки из Прииртышья и Хакассии [102, с. 143. Рис.7; 103, с. 72–99]. В святилище урочища Мечетная гора, по отношению к этому виду оружия, исполнен обряд символического «умерщвления» с последующим «захоронением». Факты «умерщвления» оружия путем поломки или сильной деформации клинка, рукояти, словом, посредством их искривления, следовательно, выведения из боевого состояния, известны не только среди тюркских народов Южной Сибири, как, например, хакасов. Аналогичные действия по отношению к оружию совершали древние индоиранцы – аланы, которые, в VIII–X ст., наряду с праболгарами, входили в этнический конгломерат Хазарского каганата, под названием салтово-маяцкая культура [113, с. С. 131–168]. В нашем представлении «умерщвление», видимо осуществляли в том случае, когда его хозяин «уходил» в мир мертвых [112, с. 145. Рис. 3; 103, с. 85–86. Рис. 10, 11].

Итак, попытаемся воссоздать образ святилища в целом. Примеры использования древних курганов средневековыми кочевниками для обустройства сакральных мест, известны очень широко. Важным условием их использования следует считать высокую топографию месторасположения и каменные перекрытия, в том числе созданные или дооформленные племенами тюркского этноса. В этой связи, мы имеем основания полагать, что и другие здесь же почти в створе расположенные курганы, за пределами зоны распашки, одинаково покрытые панци-

рями, могли быть использованы в религиозно-обрядовых действиях половцев.

В конкретном же случае на одном из курганов находились статуи; два других кургана имеют отношение к обрядам в направлении огнепоклонства и ритуальным приношением вещей из военной атрибутики. В данном случае, видимо, следует говорить об особом статусе сакрального памятника. Комплекс находок, включающий статуи, представляющие иконографический образ аристократизированных воинов, в сочетании с набором оружия наступательного характера, указывает на далеко не рядовой ранг изображенных в камне персон, следовательно, на необычный социально-культурный статус святилища, связанного с почитанием военной аристократии. Обнаруженные в курганах материалы, позволяют в общих контурах воссоздать ход событий, происходивших в данном месте. Во-первых, здесь были исполнены обряды «умерщвления» статуй, рядом (курган 2) совершены жертвоприношения животных с огнепоклонством, при котором сожжены значительные объемы древесины, возможно даже, заведомо выстроенная конструкция.

Во-вторых, исполнено «захоронение» оружия в виде клада, упряжей всадников, принадлежавших, судя по инкрустированным серебром стремянам, знати из числа военной группы половцев. В этой связи есть основание отнести комплекс не к обыденному сакральному месту, имевшему отношение к гражданским, родовым, тем более семейным, структурам половецкого общества, но не менее чем военного аристократического уровня, святилищу. О святилищах с различными статусами сообщают многие археологи, материалы комплекса урочища Мечетная гора – еще одно тому подтверждение [50, с. 116–118].

Хронология рассматриваемого памятника построена на сопоставлении

находок с аналогичными изделиями из разных регионов обитания номадов Евразии, поэтому она относительная и в основном согласуется с классификацией вещей из ранее раскрытых кочевнических комплексов, датируемых XII–XIII вв. В данном случае индикаторами относительной хронологии являются: арочные стремяна, удила с перегибом, стрелы, а также датировка половецких статуй [127, с. 69–70].

Этническую интерпретацию комплекса нельзя рассматривать вне синхронного во времени и сакральной обрядности тюркоязычного комано-кипчако-половецкого культурного мира. В этой связи Мечетненское святилище не только уточняет этнические корни населения Донецких степей в домонгольский период, но и реконструирует ритуально-обрядовые действия, сложившегося здесь социума. В целом подобные памятники в восточноевропейских степях имеют сходства с погребально-сакральными традициями населения Южной Сибири, в первую очередь, из Минусинской котловины [101, с. 88–121].

Относительно объектов у сел Астахово, Уткино, Калиново, или одиночных постаментов, которые теперь еще находятся на курганах и кряжных грядах (с. Черемшино, рис. 89), а также в отношении преднамеренно погребенных в средневековом прошлом изваяний, при отсутствии здесь же каких-либо свидетельств, имеющих отношение к обрядам, во всех случаях такие местонахождения, вряд ли, следует соотносить с понятием «святилище». В этом вопросе наши подходы определяем следующими позициями. Одиночные, или, состоящие в группе изваяния, установленные, по определению С. А. Плетневой, в наиболее оживленных, связанных с перемещениями воинов, скотоводов и путников местах, к тому же на высотах и холмах, зачастую совпадающих с древними курганами, яв-

лялись не более чем объектами сакралитета, а следовательно и массовых посещений (рис. 96). Видимо, о таких местах сообщает Низами, очевидец обрядов, исполняемых кипчаками ритуалов, при этом называет жертвенных животных, преподносимых в виде даров «каменным идолам» [116, с. 315 и сл.]. О почитании кочевниками своих статуй сообщают Плато Карпини и Гильом де Рубрук [22, с. 94, 150–151, 166, 176]. Современники пребывания тюркского этноса в восточноевропейском пространстве, не сомневаются в том, что статуи установлены в честь прапредков, воинов, «вождей» и «императоров» войска. Естественно, в каждом случае исполняемые обряды имели различное содержание [22, с. 28–29].

Итак, принимая во внимание художественно-иконографические особенности изваяний, специфику сопровождающих их инвентарных наборов, как и обрядовых действий, связанных со скульптурами, считаем возможным обозначить двойственный характер объектов сакралитета комано-кипчаков с присутствием в них ими же изготовленных статуй. В ситуациях, когда изваяния находятся в режиме визуальной и физической доступности, но очевидных признаков обрядности, кроме разрушений скульптур не прослеживаем, нет и предметов сопровождающих культ, такие объекты могут быть отнесены к числу сакральных центров – мест массовых посещений и поклонений прапредкам.

В случаях комплексности признаков, включающих: специфическую планиграфию объекта, наличие в нем элементов архитектуры, обрядовых действий с использованием разнообразного инвентаря, в том числе из области вооружения, жертвенников, следов огнепоклонничества, но, кроме всего, художественно-композиционную изысканность здесь же оставленных статуй, тогда, в нашем понимании, допустимы определения

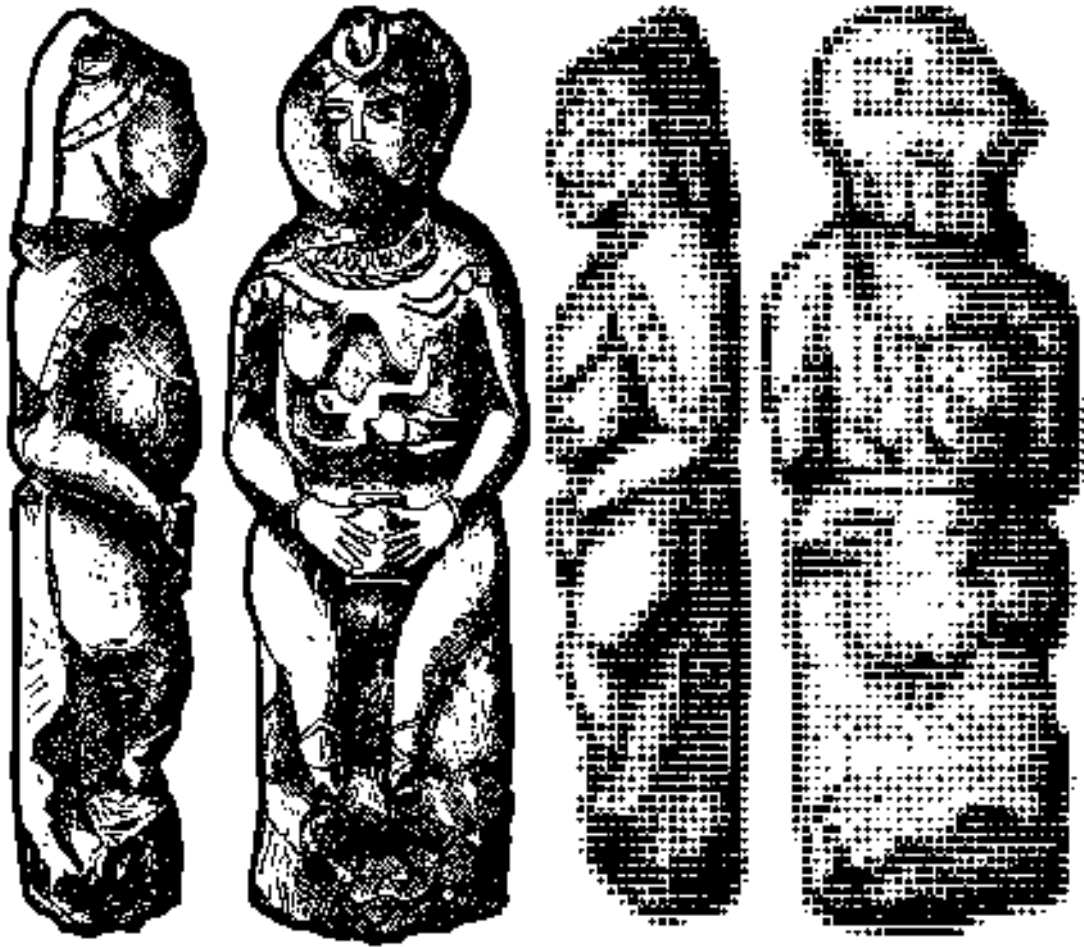
Рис. 106. Методика исследования курганов с каменными панцирями

святилища, которые, видимо, предполагают несколько направлений: семейные, родовые, военные и гражданские, аристократические.

Сложнее объяснить ситуации обнаружения мужских и женских образов в одном общем им комплексе. Заметим, что нам пока неизвестны сакральные места, а тем более святилища, которые были бы связаны исключительно с женскими персонажами, хотя ориентиры в этом направлении все же имеются. Например, оригинальная статуарная композиция в пос. Чернухино (изв. 71. рис. 107) [16, с. 256–257; 128 258–261]. В большинстве случаев все же наблюдаем парность образов.

Парность изображений, в системе погребальных мемориалов народа «тюрк», не редкость, но «образ супруги», исполненный в «скульптурном» виде на

памятнике захороненному мужчине, рассматривают не более чем факт ее ритуального присутствия [104, с. 202]. При этом заметим, что ни уйгурам, ни хакасам – классическим представителям древнего этноса «тюрк» Центральной Азии, практика изготовления женских статуарных фигур не характерна, однако, чем западнее перемещаются тюркские племена, например, кыпчаки Средней Азии и Казахстана, тем очевидней скульптурный гендерный дуализм. Среди скульптурных форм X–XI ст. Средней Азии парность уже почти уравновешена, в восточноевропейских степях наблюдаем значительное преобладание женских образов. Здесь же, среди поздних вариантов, в одном и том же изваянии, порой «воплощен» образ воина, наделенного женской грудью (изв. 24; 101 и другие) (рис. 57, 1–2).

Рис. 107. Женское изображение с ребенком, пос. Чернухино. Хранится в краеведческом музее г. Луганска (Плетнева, 1974а, рис. 37)

Итак, мы не располагаем памятниками сакрального содержания, по которым с определенной ясностью можно было бы воссоздать святилище с присутствием исключительно женских статуарных форм. Вместе с тем, как уже отмечалось, следует обратить внимание на тот факт, что в иконографии скульптур, отображавших женские образы, наблюдается дифференцированность, проявляемая как в возрастных, так и физиологических признаках, а также иконографических приемах исполнения личин, аксессуаров, гарнитуры, но в первую очередь вторичного полового признака – женской груди.

В данном случае речь может идти не только о значении материнского молока вскормившего богатыря, что олицетворено в обнаженной женской груди, но и акцентах при которых художественны-

ми приемами проиллюстрированы возрастные критерии дорепродуктивной, репродуктивной и пострепродуктивной функции женской половины социума nomadov. В этой связи изваяния несут не только художественную, но и идейно-сакральную нагрузку [128, с. 258–261]. К примеру, изваяние с изображением матери и ребенка. К груди матери приникла младеница-девочка, будущий продолжатель рода. Она, видимо, пока еще во внутриутробном состоянии, но обе ее руки направлены к груди матери (рис. 105). Во всех деталях иконографии, статуя не только символизирует, но и обобщает образы персонажей, являющихся продолжательницами жизни человечества, при этом указывая и на сохраняемую матрилинейность и даже прежнюю матриархальность. Об этом же свидетель-

ствует общая статистика соотношений мужских и женских образов, как в системе парка-музея, так и в общем наборе статуй, выявленных в пространстве Степного Подонцовья. Напомним, что среди 66 единиц полоопределяемых изваяний парка-музея, 42 ед. (63,6 %) посвящены представительницам женского социума, мужского же не более 24 ед. (36,4 %). Эти же показатели в общей статистике 72 полоопределяемых рассматриваемых нами скульптурных изображений: 44 ед. (61 %) являются женскими образами, соответственно 28 ед., что менее 39 %, мужскими. По возрастным параметрам женские персонажи парка-музея коррелируются следующими показателями: образы дев-подростков (рис. 108, 1–3) – 9 ед., что около 22 %, 25 ед. – 60 % изображений взрослых матерей-матрон репродуктивного возраста (рис. 108, 4–6), пожилых женщин 8 ед. до 19 % (рис. 108, 7–9).

В системе всей известной нам серии изваяний рассматриваемого региона возрастная статистика принципиально не отличается, более того она уточняющая. К примеру, из 44 изваяний женского вида 11 ед. (25 %) передают образ дев-подростков, 26 ед. (59 %) взрослых, но молодых женщин-матрон, 6 ед. (13,6 %) пожилых женщин, 1 ед. (2,3 %) девочка-младенца (рис. 107). Вышеназванные возрастные параметры, прежде не обозначаемые в литературе, касающейся типологических признаков тюркских скульптур, были выявлены путем наблюдений каждого отдельно взятого изваяния, передающего женский образ. Тогда же в них, помимо одежды, головных уборов, аксессуаров, других характерных женским изображениям деталей, в том числе исполнении личин (лиц), приняты во внимание, во-первых, иконографические варианты передачи женской груди, во-вторых, общие композиционные параметры фигур и изображения детородных орга-

Рис. 108. 1-9. Возрастная типология женских скульптурных изображений

нов. Из трех нами названных признаков, сопровождающих образ женских персонажей, прежде всего, обращаем внимание на иконографическую вариантность в исполнении груди, вид которой соответствует возрастному критерию скульптурного образа. В этой связи еще раз подчеркнем, что стилистическими признаками дев-подростков являются небольшие, правильной формы окружности (рис. 108, 1–3). Образ молодых жен-

№62

№32

№51

Рис. 109. Статуарное воплощение возрастной иерархии женских персонажей: дева (изв. 32), матрона (изв. 62), прародитель (изв. 51)

щин-матерей (матрон) определяет вполне реальная грудь кормящей матери (рис. 108, 4–6). Прототипы пожилых женщин матерей-прародительниц передан в виде тучных фигур с низко обвисшей грудью (рис. 108, 7–9). Опять же заметим, что в абсолютном большинстве случаев, несмотря на очевидность «присутствия одежды», вторичный половой признак одинаково исполнен в обнаженном виде. Были ли эти женщины реально жившими, или умершими и превращенными в мемориальный символ покровительниц семей и родов, определить сложно, однако повторно, что разнообразно изображенная обнаженная грудь, как символ жизни, склоняет наше мнение в направлении прижизненности женского семейного оберега.

Таким образом, по нашему мнению, наметившаяся иконография в изображении груди в направлении от девичьей формы к груди пожилой женщины-матери, соответствует не только возрастным физиологическим особенностям реальных женщин, но, видимо, обозначает иерархию семейно-родового покровительства, состоящую из четырех возрастных групп. Первая группа, девочка-младенца, вторая группа – дорепродуктивного возраста девы-подростки, третью группу составляют молодые матери-матроны, четвертую группу – пожилые женщины.

В контексте общетюркского культурогенеза, продолжение которого наблюдаем в женских изваяниях восточноевропейских степей, убеждаемся в том, что ближайшим массивом, из которого кыпчаки перемещались в западном направлении к Восточной Европе, являлся Среднеазиатский. Именно в этом пространстве на изваяниях датированных IX–X вв. зафиксированы изображения женской груди. Активная фаза миграции кыпчаков могла иметь место в середине XI ст., она сопровождалась не только переселениями тюркского этноса, но в

одинаковой степени распространением его культурного наследия, в том числе, в виде скульптурного дела, которое, в свою очередь, около VIII–IX вв. из Центральноазиатского массива переместилось в Среднеазиатский, а затем с XI ст. в восточноевропейский. Примером, воссоздающим образ единства этнокультур из трех, казалось бы, географически отдаленных пространств, также являются скульптуры малых стело- и столбовидных форм. Они вполне транспортабельные и могли находиться либо внутри жилых юрт, в которых пребывали семьи кочевников. Выполняя функции домашнего оберега, либо погруженными на повозки, сопровождали семьи в степных миграциях [22, с. 94, 150–151]. Но все же основная серия изваяний стационарного предназначения и поэтому представлена значительными размерами, порой многотонными монолитами.

ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ТРАНСПОРТИРОВКИ СТАТУЙ

Рис. 110. Скальные обнажения Донецкого кряжа

В этом разделе осветим некоторые технические вопросы, как-то: поиск и отбор глыб-заготовок в карьерах-каменоломнях, способы и приемы первичной обработки монолитов, технологическую последовательность изготовления статуи, инструментарий мастеров-камнетесов, транспортировку изваяний, монтаж экспозиции музейного комплекса.

В камнерезном искусстве существует прямая зависимость типа статуй не только от идеи и времени их изготовления, но и от материалов инструментария, навыков мастера и технических приемов обработки. В комплексе они определяют качество исполнения каждой отдельно взятой скульптуры, иконографическую выразительность образа. Первичным фактором, влияющим на художественность статуй, можно считать состояние природных материалов. Как известно, с учетом физико-минералогических составляющих изваяния восточноевропейского массива делятся на две большие группы: первая – скульптуры, исполненные из твердых вулканических пород, вторая – из более мягких, осадочных. В подавляющем большинстве скульптуры степного Подонцовья изготовлены из мягких осадочных пород, среди них: до 80 % из песчаников, около 2 % илосодержащих ракушечников, 14 % из известняков и 4 % из кварцита. Статуй из минералов вулканического происхождения – гранита, базальта – здесь не выявлено.

Процесс изготовления, технология и инструменты, видимо, были одинаковыми для всех мастеровых Половецкой земли. Если же вникнуть в художественные составляющие композиции, детали

узорочья статуй, наблюдаем прямую зависимость не столько от инструментария и мастерства, сколько от твердости (структурности) пород песчаников и других материалов, из которых они изваяны. По этому поводу Н. И. Веселовский писал, что «бабы», изготовленные из более твердых пород, отличаются грубой обработкой.

Первая стадия работы заключалась в том, чтобы выбрать глыбу-заготовку будущей скульптуры. Ее, естественно, подбирали в обнажениях природного происхождения (рис. 110). Трудность состояла в механизме отделения глыбы от скалы с таким расчетом, чтобы она, хотя бы контурно, соответствовала задуманному размеру и форме будущей статуи. Вряд ли мастера, подбирая заготовки, использовали естественно отколовшиеся глыбы, так как они, как правило, изначально имели глубокие и даже сквозные трещины, расслоения, следовательно, исходный материал утрачивал необходимую целостность и прочность. Процесс скалывания глыбы сам по себе трудоемкий, к тому же следует учитывать, что размеры половецких скульптур внушительные, в среднем 1,6–1,8 м высотой, отдельные экземпляры достигают 3–3,5 м. Огромные размеры статуй дают основание предполагать наличие у половцев специальных карьеров-каменоломен с вертикальной системой залегания слоев песчаников, известняков и ракушечников. Геолого-археологические разведки, связанные с поисками древних карьеров, показали, что среди множества выходов песчаников в Донецком кряже, все же сложно найти горизонты с залеганиями, предрасположенными к извлечению необходимых заготовок, к тому же учитывались и принимались во внимание влажность, свищеватость пород и только тогда приступали к отделению глыбы от скалы.

Известно, что отделять глыбу резуль-

тативнее всего путем забивания в трещины деревянных или металлических из мягких металлов (медь, бронза) кольев. В этом случае опасность непредсказуемого скола заготовки заметно уменьшается. Откалывать глыбу от скалы, как, впрочем, первично обрабатывать ее, удобнее и легче в том состоянии, когда песчаник увлажнен, то есть, как бы, «размягчен», поэтому не исключено, что весной мастера заготавливали глыбы, тогда же болванку подвергали первичной обработке, а в летне-осенний периоды работали над художественной частью скульптур (рис. 111). В зимний период степь покрывалась снегом и в этой ситуации статуи могли транспортировать, как бы развозить, на санях-лафетах к местам установки.

Вернемся в карьеры. После скола глыбы заготовку тщательно осматривали, внимательно выстукивали с целью установления, нет ли в ней трещин, пустот, и только после этого начиналась ее обработка, точнее подгонка под антропометрию фигуре. Прежде всего, необходимо было разметить, как бы рассчитать, пропорции задуманного изваяния. Нам, визуальным прикоснувшимся к классической античной скульптуре, кажутся странными «просчеты» от якобы «недостаточной квалификации» мастеров половецких статуй, у которых нижние части изваяний заметно укорочены по сравнению к их верху. В композиции половецких объемных скульптур такие «нарушения», отмечает С. А. Плетнева, повторяются на всех, даже самых художественно совершенных изваяниях (рис. 109). Наблюдаемая несоразмерность оказывается преднамеренной. Дело в том, что статуи не только имели высокие постаменты, но их еще и устанавливали на возвышенностях, обычно на холмах, курганах. Подходя к изваянию со стороны ровного поля, «зритель», как замечает С. А. Плетнева, естественно, взглядом охватывает весь образ, поэтому в случае изо-

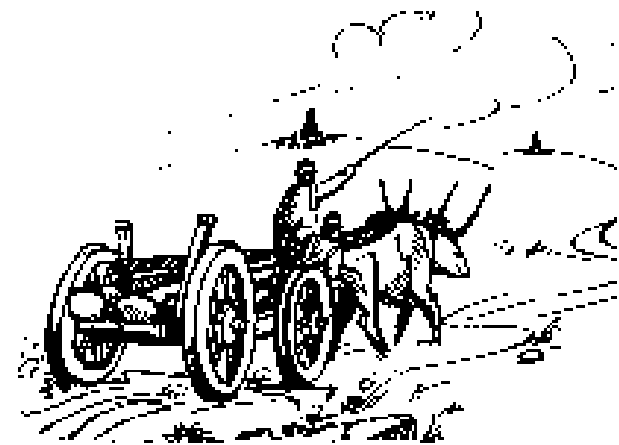

Рис. 111. 1-2. Реконструкции изготовления и транспортировки статуй (П. Шевердин)

бражения ног в естественном виде, они вместе с нижней частью туловища на фоне всей скульптуры будут выглядеть как бы «уродливыми», несоразмерными по отношению к верхней части фигуры (рис. 110). Половецкие мастера решили проблему зрительного восприятия и антропометрической соразмерности частей скульптуры путем преднамеренного уменьшения нижних пропорций фигур. Практика «уравнивания» форм издревле

широко применялась в архитектурных, композиционно-художественных решениях античных храмов: колонны в нижней части специально утончались с тем, чтобы их верх по отношению к низу был бы зрительно соразмерным. Но особое мастерство требовалось при изображении головы, и, если она удавалась, тогда наблюдаем статуарную грациальность, дополненную проработанным лицом, в котором замечаем стремление не только к собирательной «портретности» тюркского образа, но и попытки изображения индивидуальных черт, свойственных конкретному персонажу.

Итак, технологический цикл изготовления скульптур, видимо, осуществляли в следующей последовательности. Вначале, непосредственно в карьере, выполняли черновую оббивку глыбы, и только затем монолит могли извлекать из карьера. Установив вертикально, посредством обработки его постепенно превращали в скульптуру со всеми композиционными деталями. Без вертикальной позиции

очень сложно, а порой и невозможно соблюсти антропометрическую соразмерность образа человека, тем более дооформить его одеждой, атрибутами, аксессуарами.

Учитывая, что выше поясной части статуи имеют почти правильные пропорции тела, мастера перед началом черновой обивки, видимо, делали разметку и определяли, какой будет посадка (абрис) головы, форма и размер постамента, на какой высоте туловища изобразить кисти рук, сосуд. Обрабатывать заготовку начинали с самых высоких, выступающих частей. Мастер уже на первом этапе изготовления намечал точки наиболее выпуклых и вогнутых участков: головы, груди, спины, живота, пояса, рук, коленей, сосуда.

Последовательность изготовления изваяний в теории отчасти изложена С. А. Плетневой [127, с. 53–55], нам же, в свою очередь, удалось «пронаблюдать» и уточнить этот процесс благодаря находкам «полуфабрикатов» статуй в разной степени готовности. Найдены они в карьерах-каменоломнях у пос. Шевиревка и Новоалександровка Краснодонского р-на, у с. Волнухино Лутугинского р-на, у с. Астахово Свердловского р-на, у п. Фащевка Перевальского р-на, но больше всего их в карьере у с. Калиново Попаснянского р-на.

Не вызывает сомнений, что процесс изготовления статуй предусматривал применение нескольких видов инструментов: долота, тесла, зубила. Инструменты непременно железные, основным приемом воздействия на камень был удар, поэтому от силы и направленности удара уже на этапе грубой обивки, зависело немало, не говоря уже о тонкой доработке. Удар наносили молотком, но не сталистым, а скорее всего медным, бронзовым, свинцовым или, как минимум, из мягкого железа. Экспериментально замечено, что удары по инстру-

менту стальным молотком приводят к тому, что камень не скалывают, «состругивают» – ваяют, а рвут, образуя при этом глубокие, бесформенные раковины. К сожалению, у нас нет образцов инструментов мастеров-камнетесов XI–XIII вв., поэтому к пониманию самого процесса можем в одном случае подходить эмпирическим путем, а в другом, что более точно, посредством трасологических исследований обработанных участков поверхностей статуй.

Объективную информацию о технологиях сохраняют постаменты, которые находились в почве и столетиями были защищены от выветривания, разнообразных механических повреждений. Однако, изучая постаменты, мы должны понимать, что их обрабатывали грубее, нежели сам корпус скульптуры, поэтому они, обычно фиксируют все же черновую стадию техпроцесса. В вопросах всей технологической цепи изготовления, ориентироваться на состояние «подземной» части статуи, как оказывается, не всегда уместно. О чем же говорят следы на постаментах? Сила удара небольшая, снимаемый слой камня за одно действие составлял 2–3 мм вглубь и 10–25 мм в длину, ширина лезвия орудия от 15 до 20 мм. Изучение линии сколов показало, что мастера пользовались зубилами с различной шириной рабочей кромки и углом заточки лезвий (рис. 112, 1). Кстати, углы заточек рабочих кромок инструментов неодинаковые и зависели от структурной породы камня и технологического этапа изготовления статуй, профессиональных навыков мастеров. Каждый из них, видимо, пользовался своим, индивидуально изготовленным инструментарием.

Для тонкой работы, к примеру, при исполнении орнаментов, заплетенных кос, предметов на поясе, на туловище, украшений головы, шеи и тому подобных деталей, мастера применяли специ-

Рис. 112. 1. Следы обработок техникой скалывания

альные, узколезвийные инструменты: зубильца, шпунты, скартели. Их следы более всего наблюдаем на, так называемых, «круглых» статуях. На многих скульптурах практически не видно следов первичной обработки (ударов, сколов), следовательно, после оббивок поверхность заглаживали, даже полировали (рис. 112, 2). Полировка, как технологический прием, освоена половецкими мастерами, вероятно, со второй половины XII в. и ее обычно наблюдаем на статуях, относящимся к типам 3–6. Зачистку поверхности осуществляли не только для того, чтобы довести экстерьер скульптуры до художественного совершенства, но еще и для лучшей сохранности поверхности от разрушительных природно-климатических воздействий. Одинаково хорошо выглядят статуи, извлеченные из насыпей, в которых они в изолированном состоянии пролежали многие столетия (изв. 8, 71, 73 и др.). Заглаживание осуществляли рашпилями, напильниками, полировку – крупно-

мелкозернистыми абразивами из таких же песчаников, но с применением воды и сырого песка. Следы линий рашпиля, напильника с крупной насечкой обычно прослеживаем на статуях из известняков (мергеля). Возможно, после завершения обработки всей поверхности, скульптуру могли расписывать и раскрашивать красками, разведенными на жиросодержащей темпере. В этом случае и статуи, в целом, и их лица могли бы выглядеть живописно и, безусловно, производить впечатление на созерцателей. Практика художественного дооформления скульптур опять же могла возникнуть из опыта позднеантичных полихромных статуарных изображений.

Итак, мы рассмотрели предполагаемую технологическую последовательность обработки песчаниковых и известняковых изваяний, причем ряд суждений построены не только из внешних созерцаний, но из экспериментов, проводимых в области древних технологий, связанных с изготовлением изделий искусства,

Рис. 112. 2. Обработка поверхностей посредством полировки

сакралитета. Опираясь на опыт наблюдений, убеждаемся, что принципы исполнения скульптур из здешних материалов, в основном песчаников, могли быть примерно одинаковыми, то есть вначале подбиралась глыба, затем осуществляли черновую оббивку – «оболванивание», – с выделением общих контуров будущих статуй, далее стадия общей композиционной обработки, художественной проработки деталей и, наконец, зачистка поверхности.

Однако, на всем протяжении изготовления скульптуры мастер постоянно находился в состоянии тревоги, как бы не нарушить монолит глыбы, тем более готовой статуи. Вот почему ее исполнение начиналось с головы, так как область шеи, на предмет излома, считалась наиболее уязвимым местом, особенно для скульптур с высокой посадкой головы – абрисом тип III (рис. 114, 3).

Скульптурные полуфабрикаты и сломанные статуи, найденные в карьерах, говорят о том, что случаи раскола моно-

литов в процессе работы все же имели место. Это могло случиться на любом этапе технологической цепи изготовления, например, в процессе обработки при воздействии ударами, но очевиднее всего при перемещении статуи из котлована карьера к мастерской, в результате случайного падения, в том числе при транспортировке. «Брошенными» скульптуры могли оказаться и по другим причинам. Например, мастер почему-то отказался от воплощения своей идеи, или завершить задуманное ему помешали непредвиденные обстоятельства, и, наконец, он мог просто погибнуть (умереть), и тогда начатую им работу, видимо, из суеверия, никто не решался завершить.

Принято считать, что самой ответственной операцией в изготовлении статуй является исполнение головы со всеми ее атрибутами: шлем, шапка, шляпа, прическа и другое. Опасность откола головы в области шеи, как наиболее тонком участке статуи или разлом в талии, всегда подстерегали мастера. Учи-

Рис. 113. Композиции с абрисом первого типа

Рис. 114. 1-3. Абрисы второго и третьего типов

таявая такие обстоятельства, половецкие мастера не только с целью соблюдения художественной гармонии, но и в качестве гарантии целостности формы, практиковали различные абрисные варианты исполняемых ими фигур. Например, как уже отмечали, к первому варианту относятся приземистые, тяжелые, массивные фигуры с как бы «вросшей» в туловище головой. Между туловищем и головой шея не выделена. Такие фигуры в абсолютном большинстве (рис. 113).

Ко второму варианту причисляем фигуры более стройных очертаний. Подбородки у них на уровне плеч, между головой и туловищем намечается шея (рис. 114, 1).

К третьему – статуи, выполненные с высокой шеей, которая придает скульптуре грациозность и стройную облегченность (рис. 114, 2–3).

Говоря о соотношении каждого варианта статуй, следует отметить, что скульптур с абрисом третьего типа заметно меньше первых двух. В чем тут дело? Вероятно, секрет заключается не столько в мастерстве скульптора, сколько в породах камня Донецкого края. Из «мягкого» мелкозернистого песчаника можно было извлекать художественно стройные формы статуй, и, наоборот, из твердого крупнозернистого, кварцево-кремневого с галечником и конкрециями бурого ожелезистого песчаника, изготовить скульптуру грациальной осанки гораздо труднее, даже практически невозможно.

На статуях из относительно «мягких» песчаников переданы разнообразия убранства, причесок, кистей рук, украшений, амуниции, предметов быта, орнаментальности одежды (изв. 8, 73, 91, 95). Высоким барельефом изображены лица, руки, сосуды, грудь, головные уборы (изв.8) (рис. 114, 2). К горельефу следует отнести характерную для многих статуй, подножную приступку или подставку. Такие детали в большей степени

исполнены на постаментах, ноги скульптур четвертого (полусидящего) и пятого (сидящего) типов обычно «упираются» в ступеньку (изв. 2, 4, 7, 10 и др.) (рис. 115, 1). Та часть «пьедестала», которая ниже приступки, закапывалась в землю, а что выше нее, было обозреваемо. Но часть скульптур не имеют опорных ступенек, в этом случае, видимо, их помещали в грунт с таким расчетом, чтобы создать впечатление опоры ног о землю (изв. 9, 17, 18 и др.) (рис. 116, 2).

Заметное внимание, в особенности при исполнении «сидящих» скульптур, уделяли обратной стороне фигуры – спине. Внизу линия спины раздваивалась на два полукружия, изображающих ягодичы (изв. 6, 10, 14, 16 и др.). На статуях мужчин на спине видны ремни амуниции и свисающие косы (изв. 12, 14, 64 и др.), со стороны груди, вероятно, «цельно-панцирный» из толстой кожи доспех. У женщин прическа спрятана в роговые оплетки, либо в две лопасти футляра, здесь же такая деталь головного убора и одновременно одежды, как пелерина (изв. 8, 19, 44, 48, 73 и др.). Несомненно, важна любая информация, даже из едва сохранившихся прорисовок, об изделиях бытового и туалетного назначения (рис. 117). Таков, далеко не полный, перечень возможностей работы с мягкими породами материалов.

Особое место в теме изготовления статуй занимают проблемы их транспортировок. Напомним, многие скульптурные монументы достигают массы 3–3,5 тонн (изв. 1, 3, 12, 14, 15 и др.). Наиболее тяжеловесными, с массой до 5 тонн, являются изв. 2, 4, 44, 51, 73 (рис. 118). В литературе находим высказывания о том, что скульптуры везли оттуда, откуда шли половцы, то есть, чуть ли не из Азии. Эти мнения по своей идее, мягко говоря, сомнительны, точнее, даже абсурдны. С. А. Плетнева интуитивно подметила тот факт,

Рис. 115. Постамент с опорной ступенькой

Рис. 116. Постамент без ступеньки

Рис. 117. Прорисовки изображенных на изваяниях предметов быта, туалета, зеркал, расчесок, плетей, кошельков (Плетнева 1974а, Рис. 10)

Рис. 118. 1-2. Статуарные исполины XII-XIII ст. в парке-музее г. Луганска

что огромное число статуй, стоящих в древности в степи на видных издалека местах, является главным и надежным свидетельством тому, что их производство, в тех же массивах, было поставлено достаточно массово и широко, транспортировать же тяжелые глыбы-заготовки

на далекие расстояния, вовсе нерационально.

Надежным обоснованием местного производства практически всей серии известных в Степном Подонцове изваяний, являются петрографические данные пород камня статуй и песчаников из

Рис. 121. Транспортная система номадов (Рубрук, 1957. С. 93)

известных на кряже карьеров [17, с. 161; 18, с. 126–127; 20, с. 416–417]. Петрографо-геологические данные о них изложим ниже, но, разумеется, статуи везли туда, где пребывала элита общества их заказавшая, где находились ее святилища, туда, где обустроивали сакральные места, словом, к местам активной жизни номадов. Вот почему среди скульптур Подонцовья, кроме изготовленных из кряжных песчаников, имеют место статуи из ракушечника Приазовья, кварцита и мергеля Левобережного Подонцовья. Словом, какая-то часть изваяний выполнена из как бы нетрадиционных для кряжа материалов, но совершенно отсутствуют изделия из вулканических пород, например, гранитов Поднепровья.

Транспортировка скульптур на различные расстояния вызвана идеей сбора статуй в так называемые сакральные центры в виде «пантеонов тюркских идолов». Такого рода «святилища» были не везде, а лишь в особо значимых местах, обычно там, где сосредотачивалось военное ядро орды, ее элита, где была ставка хана и, конечно же, там, где природный ландшафт пробуждал в народе память о плоскогорьях далекой азиатской прародины. К сакральным местам – пантеонам могли свозить статуи от каждого рода, племе-

ни, большой орды, и поэтому не сложно представить, как в их числе оказались статуи разного художественного уровня, к тому же изготовленные из разнодисперсных песчаников, встречающихся в пространствах Донецкого массива.

Опыт транспортировки тяжестей у кочевников был достаточный, ведь половцы, передвигаясь по степям, постоянно возили грузы. Мы же, занявшись такого же рода работой, видимо, повторяли навыки номадов. Для этого половцы в летний период использовали колесные повозки, зимой сани и лафеты, в которые впрягали тягловых животных: быков, волов и таким способом, даже в условиях сложного рельефа, преодолевали значительные пространства, о чем, сообщает Рубрук [22, с. 93] (рис. 119). Для перевозки статуй наиболее благоприятным временем года могла быть зима, особенно первый ее период – ноябрь–декабрь. Снежный покров был еще невысоким, а чередующиеся оттепели и морозцы создавали ледяную корку, по которой легко скользил даже груженный санный лафет.

Вопросы дальности перемещений половецких изваяний следует решать, не столько воссоздавая виртуальный образ их транспортировки, сколько хотя бы по

визуальным геоморфологическим наблюдениям пород из которых они изготовлены.

Определенный опыт изучения петрографии серии скульптур заповедника Аскания-Нова изложен в публикации Я. Р. Дашкевича, Э. Трыярки [40, с. 170–175]. Однако по целому ряду параметров, прежде всего касающихся методики и отбора образцов материалов, из которых изготовлены изваяния, а также достоверности привязки изваяний к местам их обнаружения, возникает не-

мало вопросов. В настоящее время археологом-медиевистом Донецкого университета А. В. Евлевским, совместно с геологами Днепропетровска, рассматриваются петрографические характеристики практически всей серии статуй восточноевропейских степей и смежных с ними территорий, в которые включены и изваяния парка-музея Луганска. Публикации по вышеназванным направлениям исследований, пока отсутствуют. Но что же о петрографии статуй сказали геологи Луганского университета?

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИЗВАЯНИЙ

Материалы, из которых сделаны скульптуры, далеко не всегда являлись предметом исследования, хотя это единственно объективный признак определения регионов и даже конкретных мест (карьеров) их изготовления. В этом же контексте уточняем расстояние транспортировки статуй от вероятного карьера-мастерской к местам их установки. Прежде некоторые авторы связывали «перемещение» изваяний с движением тюрков чуть ли не из Центральной Азии. «Изваяния привозили издалека, так как их находят в местах, где в окружности 100 миль не встречается камень того рода, из которого они изваяны», – сообщали о статуях в XIX в. Позднее, когда часть скульптур была подвергнута петрографическому анализу, пришли к заключению, что их изготовляли из пород камня той местности, в которой в тот период пребывали половцы, и откуда могли развозить их на разноудаленные расстояния.

В этой связи утвердилась мысль, что заготовки для изготовления скульптур извлекали из определенных карьеров. Тогда же предпринимались попытки обозначить «более или менее точные их места», как и мастерских по изготовлению статуй. Например, появились суждения о том, что «фабрика этих баб, якобы, была около Черкаска, где они производились из тамошнего раковистого известняка, а в Бахмуте для них употреблялся кварцевый пудинг, или тамошний плотный известняк...» [40, с. 162 и сл.].

В этом же издании читаем, что И. Ф. Леваковский, геолог Харьковского университета, усматривал причину «изобилия каменных баб в Бахмутском уезде», в том, что этому, «очевидно, благоприятствовало развитие здесь каменноугольной формации, служившей, насколько-

1.

2.

Рис. 120. 1. Илосодержащий ракушечник
2. Слоистый песчаник

ко известно, главным материалом для изготовления каменных истуканов. В других местах для этой же цели употребляли третичный песчаник, и затем я не встретил никакого другого материала, из которого делались бы каменные бабы» [107, с. 131].

В. А. Городцов, детально изучивший древности Бахмутского уезда, считал, что «баб» могли изготавливать в карьерах, расположенных недалеко от места, где р. Бахмут впадает в Северский Донец. Следуя маршрутами В. А. Городцова, мы, в поисках материалов, приблизились к массивам Донецкого кряжа [26, с. 255] (рис. 122).

Петрографические исследования горных пород, из которых изготовлены скульптуры музейной коллекции г. Луганска, были проведены, профессиональными геологами ЛГУ П. И. Луцким, О. П. Фисуненко, Н. И. Удовиченко. Визуально рассмотрев каждую статую, представленную в парке-музее, геологи отметили, что использованные для их изготовления песчаники не являются однородными, хотя и происходят из здешних мест. Они, по мнению специалистов, различаются по цвету (преобладают серые оттенки), плотности (составу цементирующего вещества), содержанию включений. В состав песчаников входят разной величины зерна кварца, полевого шпата, железистых и других вкраплений, сцементированных кремнистыми или карбонатными веществами. Половецкие мастера отдавали предпочтение относительно мягким разновидностям пород, с мелко- и крупнозернистыми структурами.

Скульпторы XI–XIII вв. работали также с глинистыми песчаниками, использовали ракушечник, мергель, но мастера, видимо, понимали, что сакральные образы из этих материалов ломкие, недолговечные, подвержены разрушениям от влаги и выветриваний. В то же

время они учитывали, что на фигурах из очень прочных карбоновых пород не осуществить исполнение многих деталей и в этой ситуации скульптор мог добиваться лишь общей, свойственной нормам его времени, иконографической традиции. Стало быть, художественная изысканность соизмерима со знаниями минералов. Как заметил профессор О. П. Фисуненко: «ваятели были хороши-ми геологами-эмпириками, они работали преимущественно с породами карбона, устойчивыми к природным и временным факторам воздействия». В нашем представлении, возможно уже тогда утверждались идеи вечности и бессмертия прапредков, воплощенных в достаточно прочном камне.

Работа с песчаником осложнялась тем, что в большинстве своем это слоистая, хрупкая, разрушающаяся от ударов порода. В таком материале трудно делать между отдельными частями туловища скульптуры выборки, поэтому статуи зачастую выглядели тяжело, монолитно, в основном с низкими абрисами, без сквозных просветов. Возможным исключением является изв. №2 (Альбом, часть 2, рис. 2)

Другое дело карбонатные породы мелового периода, прочность которых различна, но в целом это прекрасный, мягкий художественно-поделочный материал. В процессе его обработки мастер мог добиться максимальной моделировки, тонкостей деталей фигуры человека и его одежды, а порой портретности образа.

Карбонатных пород в Донецком крае достаточно много; практически все коренные берега рек левобережья и низовьев рек правобережья Северского Донца сложены из мергелей, однако в качестве материалов широкого применения они не находят.

Очень редко встречаются статуи, исполненные из илосодержащего ракушеч-

Таблица 1.

Название №	Порода камня	Ориентировочное местонахождение карьеров
3,14,20,21,26,28,36,37,72,114,115,122	Песчаник кварцевый с кремнистым цементом, среднезернистый	Северный склон северной окраины Донецкого кряжа по линии Лутугино-Дебальцево. Карьеры вероятны в р-не г. Лутугино, Попасное, Кировск, Калиново
5,7,9,12,27,29,30,39,45,48,49,61,64,68,73,92,99,101,102	Песчаник кварцевый, серый, среднезернистый и мелкозернистый	Северная часть Донецкого кряжа в зонах обнаженного палеозоя. Карьеры вероятны в районе с. Волнухино, Первомайовка, Ребриховка, Маведоновка, Каменка, Пашева, Провалье
1,8,13,24,25,33,34,44,59,95	Песчаник кварцитоидный, слоистый, крупнозернистый с включениями конкреций гальки бурого железняка, «Рубежанский» пласт	Северная окраина Донецкого кряжа с западом в центральной части до бассейна р. Большая Каменка. Карьеры могли быть там, где обнажен палеозой, с.Новоалександровка, Провалье, Шевыревка, г. Брянка
11,35,51,97	Песчаник кварцевый, слоистый, с кремнистым цементом морского происхождения, со следами селективного выветривания	Северная окраина Донецкого кряжа, но ближе к его центральной части. Карьеры вероятны в Лутугинском районе
16,19,78,91	Песчаник кварцевый, серый, среднезернистый, обогащенный гидроокислами железа	Средняя часть Донецкого кряжа южнее г. Лутугино, с. Каменка. Карьеры возможны в районе с. Шедловые Протоки, Красное Поле, Маведоновка
10,18	Песчаник кварцитоидный, серый с редко рассеянным гравием	Северо-западная часть Донецкого кряжа. Карьеры возможны в районе с. Городище, п. Чернухино, Фашевка
2,32	Песчаник кварцевый, плотный, палеогенового возраста (40-50 млн. лет)	Самая северная окраина Донецкого кряжа при выходе его в долину р. Сев. Донец. Карьеры могли быть в бассейне р. Теплая, Дергул и Айдар по линии с. Алексеевка, Крепи
23,88,89,112	Песчаник кварцевый с включениями гальки и щебня	Северная часть склона Донецкого кряжа, районы г. Золотое, Горска
6,15,66,83,116	Песчаник кварцевый мелкозернистый, охристый, морского происхождения	Центральная часть Донецкого кряжа, район г. Красного Луча, Антрацита, Свердловска
4	Песчаный ракушечник с алевролитовым цементом, с включениями глинистого сланца и многочисленными ходами янтарей	Северная окраина Донецкого кряжа по линии Краснодон-Горек. Карьеры известны вблизи с. Придорожное, г.Лутугино, п.Лотиково, Сентяновка, в Северном Приазовье
17,22,31,38,79,111	Песчаник кварцевый, крупнозернистый, серый со следами селективного выветривания	Средняя часть Донецкого кряжа, но ближе к южной зоне, Свердловский, Антрацитовский районы
63,117	Меловый мелового периода 100-70 млн. лет	Меловые выходы и обнаженные карьеры по бассейнам рек Лутинка, Белой, Сев. Донца, Айдара, Дергула и др. рек Подонцовья

ника Приазовья (рис. 120, 1), хотя его выходы зафиксированы по северному склону кряжа.

Итак, петрографические наблюдения пород, из которых изготовлены статуи, позволяют заключить, что древние мастера в основном использовали карбоновые песчаники, возраст которых около 300–350 млн. лет. Они структурно неоднородны: среди них выделяются породы с мелкозернистыми, среднезернистыми и крупнозернистыми фракциями, выраженной (рис. 120, 2) или, наоборот, слабой слоистостью. Оказывается слоистость материала существенно влияет на «продолжительность жизни» изделия. Замечено, что поверхность части статуи, из относительно мягких песчаников, со следами средней и сильной степени «шелушения», выветренности и в этом случае они как бы «сыплются». Другие, их большинство, напротив, за истекшее без малого тысячелетие практически сохранили первозданный, почти без изменений, иконографический образ (рис. 121, 1–2).

Изваяния, характеристики горных пород, из которых они изготовлены,

Рис. 121. Изваяния из прочных окварцеванных песчаников

местонахождения аналогичных геологических горизонтов в среднем массиве Донецкого кряжа и вероятная привязка карьеров, приведены в таблице I.

Тотальные геолого-поисковые разведки по кряжу на предмет выявления древних разработок-карьеров обозначили несколько мест обнажений песчаников, которые вполне пригодны в скульптурном деле. Их адреса: пос. Шевыревка и Новоалександровка (Краснодонский район), пос. Успенка, Волнухино, Македоновка (Лутугинский район), с. Астахово, Грибоваха, Провалье (Свердловский район). По реке Миус в Антрацитовском районе, у г. Антрацит, вблизи г. Первомайск и Кировск, у с. Михайловка, Городище (Перевальский район) и в других местах. Особенно значимыми являлись карьеры у пос. Калиново Попаснянского

района. Здесь же краеведами 90-х годов XX ст. О. В. Башкатовым и Г. М. Заблоцким обнаружено около 10 статуарных артефактов, часть из которых либо в виде заготовок, либо в состоянии технологического брака. В перспективе задача состоит в том, чтобы детально осмотреть карьерные разработки, выяснить, нет ли в их осыпях поломанных статуй, болванок с различной степенью искусственной подработки или просто антроповидных глыб. Мы же убедились, что только с помощью геологического, квалифицированного петрографического анализа горных пород, археологических разведок и находок, возможно формирование объективных данных о местах камнерезной отрасли кочевников средневековья вообще и половцев Подонцовья в частности [18; 20].

КОЛЛЕКЦИИ И ВЕРОЯТНОЕ КОЛИЧЕСТВО ТЮРКСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ В СТЕПНОМ ЮГО-ВОСТОКЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Своеобразные «переписи» каменных изваяний в географическом пространстве восточноевропейского юга устраивались, как минимум, трижды, но только в работе С. А. Плетневой учет статуй сопровождается иллюстративными подтверждениями и их описаниями [127, с. 77–112]. Тема о возможном количестве статуй в историческом прошлом всерьез не рассматривалась, да и решить этот вопрос как прежде, так, тем более, в наше время нереально. Однако, ориентировочные данные об их численности на начало XXI столетия все же существуют, это возможно если прибегнуть к статистике известных статуарных коллекций музеев [127, с. 9–11].

Напомним, первая «перепись» статуй была проведена в соответствии с правительственным циркуляром от 23 декабря 1843 г. Результаты ее обнародованы А. И. Пискаревым в 1851 г. По его сведениям на территории юга России значилось 645 статуй [122; 123, с. 205–220].

В 1903–1905 гг. по поручению Московского археологического общества проводилась вторая «перепись» статуй. Информация о ней обобщена П. С. Уваровой и оказалось, что на рубеже веков было около 1115 скульптур (рис. 126). В результате дальнейших поисков их число возросло до 1300 изваяний, но на год издания Свода источников (1974 г.), удалось подтвердить только 2/3 от названного количества. По картотекам музеев, различной давности источникам, порой

непроверенным сведениям о действительном наличии изваяний, количество статуй в восточноевропейских степях якобы должно составлять более 1320 ед., но реально, опять же, можно говорить не более чем о 913 экз. [127, с. 13]. Из них более 80 изваяний тогда же значились в парке-музее Луганска и в музеях Луганской области, то есть, как бы, состоящие на учете.

С. А. Плетнева, при каталогизации всей серии «каменных баб», обнаруженных на 70-е годы XX ст. в южных степях, отмечает, что количество таковых когда-то исчислялось тысячами. Ведь только в одной Екатеринославской губернии, по архивным сведениям в XIX в., значилось 428 статуи, в Таврической губернии более 200, а в степях Причерноморско-Приазовского края 649 статуй. На территории Войска Донского в 1905 г. В. А. Харламовым учтено 443 скульптуры [174], а в Харьковской губернии, по сведениям Д. И. Багалея, их 140 экз.[4]. О необыкновенном изобилии «баб» в Бахмутском уезде сообщал в 1879 г. И. Ф. Леваковский [107], но особенно много «каменных баб» им отмечено в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии, что в пределах Степного Подонцовья.

Попытки определить количество скульптур тюркского типа всегда выглядели не более чем гипотезами. А. В. Терещенко, например, писал, что «в Бахмутском и Славяносербском уездах

сохранилась лишь некоторая часть статуй». В его словах звучит обоснованное сожаление по утрате исторического наследия, «вызванном хозяйственной деятельностью, установкой изваяний на дорогах и почтовых трактах, своза в помещичьи усадьбы и крестьянские дворы, а также в результате других причин, в том числе связанных с селитроварением, кладоискательством, суевением» [156, с. 3–37]. Он же считает, что число скульптур, в сравнении с половецким временем, особенно в XVIII–XIX ст., уменьшилось примерно в 20 раз. Следовательно, упомянутая им цифра 730 экз. сохранившихся к середине XIX в. при увеличении в 20 раз определяется в 14 тыс. скульптур. Другие авторы полагают, что количество статуй следует определять как минимум в 30–40 тысячч. Арифметические предположения дают представление о масштабах камнерезного искусства половцев, уничтоженного в последние два столетия.

Где же теперь хранятся реально существующие, учтенные С. А. Плетневой, скульптуры? Они находятся почти в каждом областном историко-краеведческом музее степной Украины, немало их и в музеях юга России (рис. 123). Естественно, оптимальный вариант их местонахождения в том случае, когда скульптуры сосредоточены в заповедниках, в парках, парках-музеях, но, к сожалению, нередко их можно наблюдать в местах и ситуациях далеких от исторического предназначения – как, например, в увеселительно-развлекательных заведениях, офисах, элитных подворьях. Обеднел, обезличился нынче, даже в сравнении с 30-ми гг. XX ст. поэтический образ наших степей, в которых курганы и «каменные бабы» тогда еще являлись неотъемлемой деталью степного ландшафта [175]. Замечено, что там, где дольше во времени сохранялись первозданные степи (рис. 128), языческие идолы про-

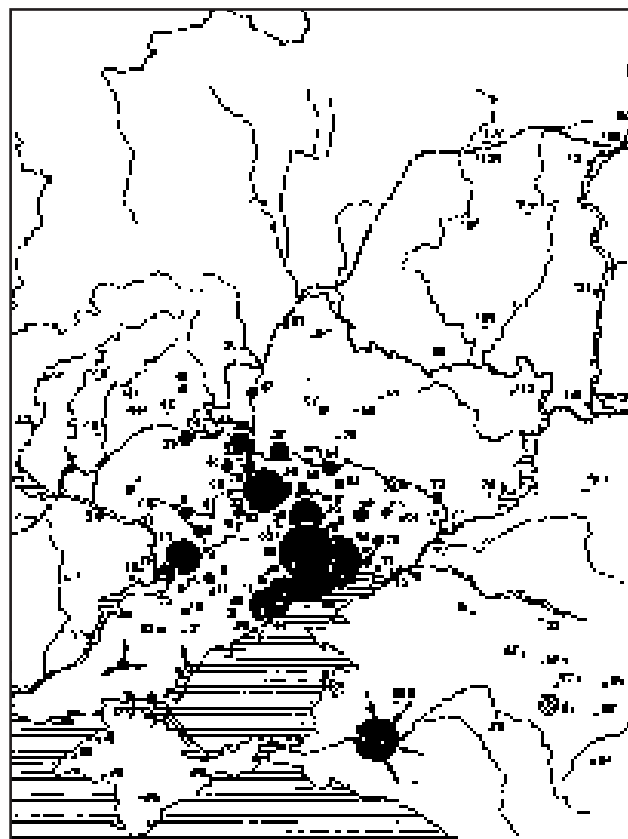

Рис. 122. Местонахождения статуй на рубеже XIX–XX ст. (127, рис. 3)

должали придавать им исторический образ. Современные обнаружения статуй в Подонцовье позволяют заключить, что на его просторах в прошлом находились скульптуры, «украшая в древности практически каждое видное издалека место здешней степи» [126, с. 180].

В настоящее время наиболее многочисленными являются коллекции: в Днепропетровске, здесь к 1975 г. их 60 экз. [95, с. 27; 127, с. 77–80], в Одессе – 35 экз., в Мариуполе – 34 экз., в Донецке – 27 экз., в Харькове – 26 экз., в Бердянске – 14 экз., в Краснодаре – 53 экз., в Новочеркасске и в Таганроге их по 18 экз. и так далее. Много половецких статуй за пределами их исторического местоположения. Например, только в музеях г. Москвы 38 экз., из них 33 в ГИМе, есть они и в других местах ближнего «зарубежья».

Непосредственно в парке-музее ЛГУ

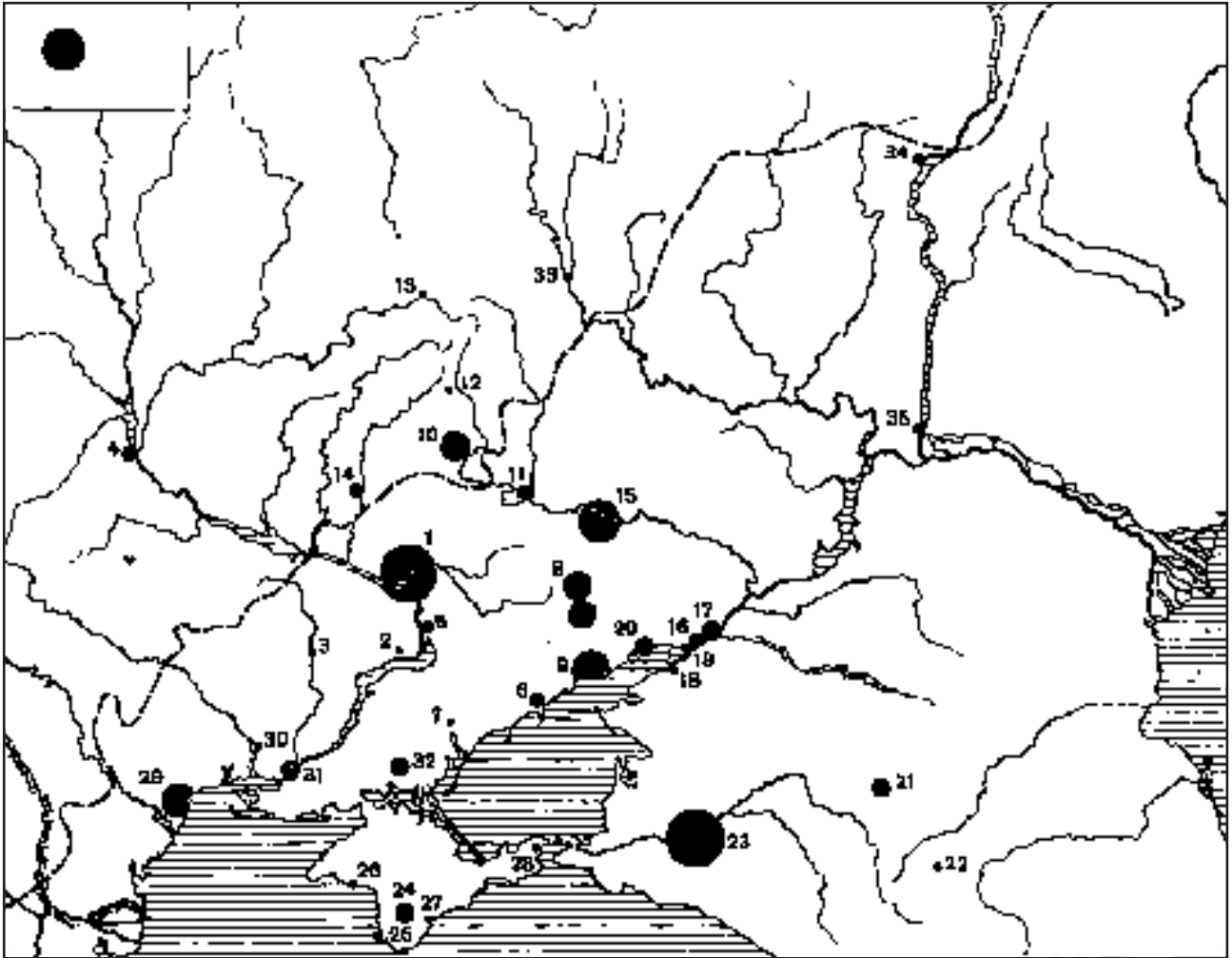

Рис. 123. Современные местонахождения коллекций половецких изваяний
15 - Луганск (127, рис. 2)

к 2015 г. хранится 59 (из 75 состоящих на его учете) половецких каменных изваяний XI–XIII ст., здесь же 13 stel IV–I тыс. до н. э., более 20 каменных монументальных изделий этнографического и культового назначения. Однако значимость собранных артефактов, как в целом музейного комплекса, не столько в количестве, сколько в их исторической первозданности, так как все они, во-первых, происходят из, так называемого, «закрытого географического пространства» – одного общего им массива Донецкого кряжа. Во-вторых, им характерна типолого-иконографическая идентичность без включений пришлых из других, даже близ рас-

положенных географических массивов, какими являются: степные территории Восточного и Западного Донбасса, Приазовья, Поднепровья, Причерноморья. Наконец, коллекция состоит из комплекса изваяний общего периода изготовления, но типологически разнообразного художественно-композиционного уровня, нестандартных внешних форм, размеров и других, внутри нее, статуарных индивидуальностей. Словом, мы фиксировали артефакты, среди которых немало образцов без признаков внешней эффектной зрелищности, но воспринимаемые нами как реальные для здешних степей исторические свидетельства.

СУДЬБЫ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Вряд ли подлежат сомнению факты преднамеренного уничтожения каменных скульптур еще в период их сакральности, что, прежде всего, было связано с вторжением в европейские степи монголов. К примеру, изваяния, обнаруженные в насыпях курганов, наводят на мысль, что либо сами половцы, стремясь сохранить своих покровителей, прятали их в земле, либо, неприемлемые для завоевателей половецкие обереги, стремились убирать с поля зрения. И первое, и второе предположения правомерны. В результате основная часть так называемых «умерщвленных» и «погребенных» статуй вследствие регулярного, организованного уничтожения скульптур завоевателями и иноверцами. В одних случаях их разбивали на куски; в других, – переламывали на две, три части, или же, если материал был очень прочным, сбивали лишь головы. Находки, как бы, «обезглавленных» статуй известны, прежде всего, в так называемых, «сакральных местах». Но и после «обезглавливания» статую нередко сваливали и закапывали, как бы «погребали». Примерами таких «обрядов» являются находки у с. Платоновка Свердловского р-на, с. Рубашкино Попаснянского р-на, пос. Чернухино Перевальского р-на, пос. Новотошковка Славяносербского р-на. Естественно, завоеватели, истребляя половецкое войско, его военачальников, непокорную часть населения, уничтожали и созданные ими обереги.

Одинаково известны ситуации, когда статуи без признаков физического воздействия свалены ничком в специально

вырытую рядом яму, а затем засыпаны. В мотивации этих действий вероятно версия о начавшемся межконфессиональном противостоянии между проникшим в Восточную Европу мусульманством и язычеством, сохранявшимся в среде кочевников. В степном Подонцовье симптомы мусульманства наблюдаются еще в хазарское время в укладе жизни и захоронениях населения салтово-маяцкой культуры IX–X вв. [67, с. 52–71; 70, с. 153–186; 88, с. 214–215], а затем и у номадов XI–XII ст. С XIII–XIV вв. и в дальнейшем религия Востока в полном объеме проникает в европейские степи теперь уже с монголами и татарами. Здесь же они столкнулись со множеством идолов, несовместимых с их верой и обрядами. Метод борьбы мог быть один: убрать их из поля зрения. Надо сказать, что и христианство в идейном противостоянии одинаково не щадило культуру язычников, порой умышленно искажая образы идолов (рис. 134, 3). В этом тюркские изваяния повторили участь античной скульптуры первых столетий нашей эры.

Итак, уже с 40-х годов XIII в. половецкие статуи «ощутили» на себе удары судеб: их разрушали завоеватели, они оказались на водоразделе религиозного противостояния, однако многие, в первую очередь так называемые «погребенные» статуи, все же уцелели не только от существенных повреждений природного характера, но и от преднамеренных разрушений.

В дальнейшем, после драматических событий XIII–XIV вв., уцелевшие «камен-

ные бабы» в христианизированном славянском населении продолжали утрачивать ореол языческого оберегства. В XVI–XVII вв. их снимают с курганов и холмов, развозят и переустанавливают там, где нужно было указать направление «шляхов», переправ, бродов – словом, используют в качестве ориентиров в степных пространствах. В этой связи не лишним будет напомнить о «Тьмутарканском блъване», упомянутом в «Слове о полку Игореве» [140, с. 57], и о спорах, относительно его достоверности и хронологии [115; 68. С. 25–29; 158, с. 193–199].

Период XVIII–XIX вв. – время наиболее массового перемещения скульптур и использования их в качестве строительного материала в «безлесной» степи. Апогей исчезновения изваяний приходится на последнюю четверть XVIII в., когда степные тюркоязычники были вытеснены из пространств, называемых в литературе «Диким полем». В свидетельствах 90-х гг. XVIII в. упомянуты факты своза «баб» с целью «очищения степи от татарских идолов». Порой такого рода действия заканчивались массовым истреблением статуй. В. Пассек, например, сообщает, что на землях имения Шидловских в Харьковской губернии было истреблено 30 «каменных баб», но особо художественные статуи «доставляли» в усадьбу. Аналогичная ситуация выявлена в помещичьей усадьбе XIX ст. Елин Бор, что в черте современного города Брянка на Луганщине. Здесь, по воспоминаниям очевидцев, по велению ее хозяина, вокруг искусственного водоема, установили около 15 статуй. Некоторые, якобы по сей день, лежат в илистых отложениях давно заброшенного пруда. Одна из них (рис. 56, 1), обнаруженная нами в 1970 г., перевезена в парк-музей г. Луганска. Известно, что «каменные бабы» украшали барские дворы в с. Веселая Гора, Селезневка – имение Циховских, в пос. Бирюково, тогда

же из степи две статуи были доставлены на Государственный Деркульский конезавод с. Даниловка Беловодского района. К сожалению, одна из этих скульптур бесследно исчезла, вторая (рис. 92, 2) отрезаврирована и находится в охраняемой зоне парка-музея Луганска.

«Приложили руку» к скульптурам и казаки. В XVII–XVIII вв. многие курганные некрополи были ими превращены в казацкие майданы, а «каменные бабы», особенно те, что из мергеля, употреблены в производстве селитры, иные оказались востребованными в «хозяйственных нуждах и строительстве» [185, с. 12].

Не менее губительным для половецких древностей являлось кладоискательство. По материалам В. А. Городцова, «каменные бабы служили сигналами и ориентирами этой преступной деятельности, так как многие курганы, где сохранились остатки каменных баб, или память о нахождении на них последних, оказались разрытыми». Кладоискательство порой, как и теперь, доходило до массового психоза, когда в поисках «ценностей», скрытых будто бы внутри скульптур, их разбивали. «Эта позорная деятельность, к стыду старой русской цивилизации, – писал В. А. Городцов, – одно время имела даже правительственную и религиозную поддержку».

Церковь, выступая против идолопоклонства, реликты которого сохранились в степях, однозначно одобряла уничтожение статуй. Обоснованием таких действий являлось распространявшееся мнение о том, что статуи – это образ «грешников», превращенных в камень, поэтому «нужно каменных истуканов громить». Если же простолюдины «одаривали каменных баб уважением» и относились к ним с суеверным страхом, то статуи, сообщает В. А. Городцов, «чтобы предупредить идолопоклонство», порой уничтожались по указанию местного

церковного руководства. К сожалению, и в наше время подобные действия имеют место.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась новыми массовыми исчезновениями статуй. Но теперь, уже «преодолев страх перед идолами», их «стягивали с могил» и других мест и «употребляли в дело: из них делали подпоры погребов и заборов, стен домов, их заделывали в пороги в виде ступенек, в садах и огородах использовали как пугало». Для крестьян они служили заготовками при изготовлении корыт или кормушек для животных, в полях их применяли как межевые знаки, точильные камни, наковальни для отбивки кос. На пастбище «каменные бабы» являлись местом, у которого пастухи устраивали ночлег, жгли костры. Известны случаи использования статуй в качестве свай и опор мостов, например, изв. 2 (рис. 63, 1) в пос. Фашевка, фиксации и закрепления ветряных мельниц, в маслобойнях – в качестве прессов. Порой каменные скульптуры становились мишенями для метания камней, копий, стрел, а позднее стрельбы из огнестрельного оружия; их даже «превращали в позорные столбы», к которым привязывали воров и конокрадов.

В связи с продолжающейся «модой» подражания помещичьим усадьбам, большое количество статуй свозилось зажиточными крестьянами в свои дворы, где, как и в наше время, их содержали как «диловины», или в значении «каменных сторожей». В дальнейшем, в основной своей массе они оказались заброшенными, порой изуродованными при попытках изменить облик статуи «скульпторами-самоделами» (рис. 124, 1-2). Количество каменных изваяний, уничтоженных «народной инициативой», теперь определить невозможно, но, если считать, что на протяжении последних двух столетий погибла не одна тысяча, – это не будет преувеличением.

Рис. 124. 1-4. Обезобразенные образы

Как и прежде, в XIX в. особой «сферой применения» статуй являлось использование «каменных баб» в качестве почтово-верстовых столбов. Если учитывать, что русская верста составляла 1067 м, то можно полагать, что именно на таком удалении друг от друга были перерасставлены изваяния, покрывая расстояния, «исчисляемые тысячами верст почтовых трактов южной России».

Как известно, идея об употреблении «каменных баб в качестве дорожных знаков-указателей» возникла в XVII ст. При этом подчеркивалось, что «бабы особенно полезны (в смысле просматриваемы) в зимнее время на покрытых снегами просторах степей». Источники сообщают, что спустя десятилетия такой «службы», не без участия человека, статуи превратились в жалкие столбовидные остатки. «Без рук, без головы, а были и такие раздробленные на части, которые лежали на земле, обвиняя человеческую злобу – злобу, которая все губит и уничтожает». Печальное зрелище дополнено тем, что все они при лунном свете «кажутся страшными приведениями, наводя ужас на путешественников» (рис. 124, 3).

По-видимому, не меньшее количество каменных баб «погибло» и «погибает» теперь просто из-за легкомыслия, или страсти к разрушению, уничтожению. Безобидными «забавами» считалась окраска, измазывание их грязью. Этим «увеселением» занимались не только в XIX в., и наши современники, особенно в первые годы обустройства парка-музея. Распространенной в недавнем прошлом формой «развлечений» подростков и даже студентов являлись сваливания изваяний, а иногда и умышленное их разрушение.

В размышлениях, касающихся судеб каменных статуй последних двух столетий, картины выглядят мрачными и удручающими. Это реально осознавала образованная часть российского общества,

но оно оказывалось бессильным что-либо предпринять для их сохранения. По существу удавалось лишь обличительно декларировать то, что этой «позорной деятельностью, невежеством и предрассудками уже многое истреблено». К защите и сохранению скульптурного наследия истории призывали В. В. Пасек, А. В. Терещенко, Г. С. Чириков, Д. Я. Самоквасов, Д. И. Эворницкий, Н. Е. Бранденбург, А. И. Пискарев, А. С. Уваров, Н. И. Веселовский, В. А. Городцов и многие другие свидетели трагической судьбы статуарного искусства восточноевропейских номадов. Некоторые попытки сохранить памятники имели порой противоположные результаты. Например, Императорской Академией наук был составлен и разослан циркуляр, предписывающий «объявить скульптуры неприкасаемыми и провести их перепись». Но документ оказал обратное действие. В некоторых местах низшие чины, чтобы не озадачивать себя, распорядились убирать и даже уничтожать изваяния с тем, чтобы донести начальству об их отсутствии в «оной местности».

Были действия иного направления. Д. И. Эворницкий сообщает о том, как исправник Новомосковского уезда Екатеринославской губернии использовал циркуляр, касающийся «каменных баб», в собственных интересах. Чтобы накопить «стройматериал», он разослал поручение, суть которого состояла в том, что «все жители, у кого найдутся «каменные бабы», должны доставить их в Петербург». Естественно, крестьяне обратились к исправнику с прошениями, чтобы «их благородие» упростило высшее начальство об отмене распоряжения «вести баб в такую даль – аж в столицу». Исправник «внял» мольбам просителей и велел свезти «каменных баб» в свое подворье, где и употребил в дело.

Но в российском обществе всегда имело место культурное подвижничес-

Рис. 125. Днепропетровский музей в 70-х годах XX ст.

ство, энтузиасты, которые по собственной инициативе собирали и создавали коллекции из статуарных художественных «бесхозных» артефактов. Благодаря их деятельности, тогда же в природо-экологический заповедник Аскания-Нова свезено 17 каменных статуй, в Великоанадольское лесничество 27, в Екатеринбург (Днепропетровск) – 68 [95]

(рис. 125). Так возникали первые музейные парковые комплексы – скансены каменных скульптур. Параллельно многие музеи Малороссии и России стали наполняться статуями тюркского искусства. Но, даже находясь в фондах и как бы под охраной, каменные творения продолжали исчезать и «погибать». В годы войн, скульптуры порой превращали в

Рис. 126. Реставрация изваяний в лаборатории ЛНУ (2010 г.)

мишени, поэтому на многих из них, в том числе тех, что в коллекции парка-музея, видны выщерблины, выбоины от пуль. В послевоенный период, из-за дефицита строительного материала, скульптуры, как и сто лет назад, вновь используют в строительстве. И хотя в наше время отношение к памятникам камнерезного искусства меняется к лучшему, однако наметились новые проблемы – коммерческого характера, тенденции превращения статуй в реквизиты личных усадеб, об-

устройства питейных и развлекательных заведений, включения изваяний в «собственность» состоятельных представителей современного общества, теперь они и объекты купли-продажи.

В наше время процесс исчезновения статуй заметно приостановлен, абсолютное большинство их собрано в государственные коллекции, но прогнозы С. А. Плетневой, в отношении даже музейноэффицированных скульптур, остаются неутешительными. Суть не только в том,

чтобы собрать изваяния, но и сохранить, создав для этих целей «специальные закрытые павильоны», в другом состоянии, считает С. А. Плетнева, через 50–100 лет они вообще исчезнут. Такие замечания в первую очередь касаются тех коллекций, которые пребывают в экологически агрессивных, загрязненных средах. Мы не преследуем цель анализировать роль человеческого фактора в разрушении, а порой гибели скульптурного наследия – об этом, и прежде, и теперь, сказано достаточно много – задача заключается в поисках путей сохранения полученного наследия (рис. 139). В этом нас убеждают три истины:

1. Количество каменных изваяний в прошлом, то есть с момента прекращения их изготовления, было в десятки раз больше того количества, которое зафиксировано в источниках XIX–XX ст. и обозначено реальной статистикой к XXI в.

2. Ареал первоначального распространения памятников статуарного искусства, вследствие многовекового истребления и перемещения, значительно изменился. Отсутствие каменных изваяний в определенных местах Степного Подонцовья не является обоснованием того, что раньше их там не было. К таковым, например, относим левобережье Северского Донца,

где статуи практически не значатся.

3. Картографированные нами местонахождения статуй – вполне реальные массивы обитания половецких веж и их сакральных центров, в которых протекала жизнь тюркского населения.

В заключение темы о судьбах изваяний хотелось бы ответить авторам статей и заметок, в которых звучит «озабоченность» и «сострадание» по поводу статуй, якобы «снятых с курганов» и свезенных из степей с «вольными ветрами» в «городское заточение». Картины трагедии памятников камнерезного искусства давно воссозданы мыслящими соотечественниками. Их масштабы, даже в ситуации фрагментарных сведений, очевидны. К сожалению, культурный диалог народов в постполовецкие столетия на рассматриваемом пространстве более чем не состоялся; напротив, невежество и теперь имеет место. Задача – уберечь то, что имеем, что удалось собрать, поэтому «берущимся за перо» критиканам, в ситуации ответственности печатного слова перед непосвященным, но интересующимся историей края читателем, необходима элементарная осведомленность о художественно-статуарных традициях древнего тюркского этноса.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СТАТУАРНОГО НАСЛЕДИЯ

Рис. 127. Профилактика надежности

Рис. 128. Консервация изваяния

Сотни лет «окаменевшим» взором глядели статуи в степную даль. Веками, как тени от пребывания тюрко-язычных кочевников, стояли они и в нашем крае. Ни ветры, ни дожди, ни морозы, ни солнечный зной существенно не поколебали стойкость каменных исполинов. Кажалось, они превратились в нерушимую вечность, которую боится время. Но последние (XX-XXI) столетия уготовили «каменным бабам» более суровые испытания, нежели все вместе взятые беды прежних веков.

Замечено, что поверхности отдельной серии статуй из песчаников интенсивно «шелушатся», в виде корочек отслаиваются, а затем и осыпаются, другие, изготовленные из известняков, хорошо поддающихся обработке, по-своему нестойки к природно-экологическим средам. Правда, скульптур из такого материала мало, не более 7 экз., причем все они теперь хранятся в фондах и помещениях музеев. Абсолютное же большинство статуй, исполненных из песчаников разной степени плотности, столетиями находятся под воздействием атмосферных сред и, естественно, подвергаются процессу выветривания. Что же в этом смысле с ними происходит? Песчаники в своей структуре на 94–96% состоят из мелкозернистых кварцевых конкреций, сцементированных кремнистым цементом с примесью кальцита. Но здесь же, в поверхностном слое изваяний обнаружено аномально высокое содержание гипса. Откуда же появился гипс и какова его роль в разрушении статуй? Оказывается, структура песчаников, под воздействием загрязненности атмосферы сернистыми газами, существенно меняется.

Сернистый газ в присутствии окислов азота превращается в серный ангидрид. Ангидрид, растворенный во влаге тумана или дождя, создает аэрозоль – слабый раствор серной кислоты, которым и «орошаются» каменные изваяния, где бы они не находились – в степи или в городе.

Камень – пористый и поглощающий материал (в известняках от 3 до 15 % влаги, в песчаниках от 6 до 8 %) впитывает этот раствор и кальцит, который входит в структуры осадочных пород, замещается гипсом. Кристаллики гипса имеют больший объем, нежели кристаллы кальцита, к тому же они активнее впускают в себя сернисто-кислотную воду. Процесс нарушения структуры песчаников ускоряет фактор влаги, которая зимой замерзает, а в оттепели оттаивает, затем снова замерзает. При таком неоднократном ежесезонном, а порой даже ежедневном температурном колебании, структура камня «расшатывается», и поверхность скульптур разрушается, как бы «осыпается». Таким образом, наиболее разрушительные силы для скульптур таятся в температурных колебаниях, которые сопровождают их уже несколько столетий. Итак, диагноз поставлен. Но как бороться с морозобойным выветриванием? Есть традиционный способ защиты камня от внешней среды – плотно забеливать скульптуры известью, но тогда теряется естественный, не говоря уже о художественности, облик произведения, к тому же побелкой можно лишь временно прикрыть, точнее, замедлить сернисто-кислотную агрессию. Надежнее применять специальные водоотталкивающие, бесцветные пропитывающие песчаники смолы, но при этом необходимо найти способ выведения влаги из материала, из которого изготовлена статуя. В ином случае промерзание, и, следовательно, размораживание по-прежнему неизбежны. Техпроцесс консервации

Рис. 129. Профилактические работы

включает: предварительную очистку поверхностей, в особенности участков пораженных мхами, длительную естественную просушку камня, и уже затем осуществляется первичное и вторичное покрытие, точнее пропитка, водоотталкивающими, влагостойкими смолами (рис. 127; рис. 128).

Третий способ сохранить статуи предлагает С. А. Плетнева. Суть его в том, что разместив под навесом, скульптуры можно уберечь от конденсата влаги и дождей. Но в этом случае художественная сторона коллекции будет совершенно непривлекательной, угрюмой, запыленной, да и сами статуи окажутся как бы в вольере.

Нельзя считать, что все статуи нашей коллекции, «вдыхая» городской воздух, от него «болеют». Многие скульптуры, привезенные из деревень, сел и поселков, уже подвергнуты существенным разрушениям природного характера. Причины опять же в содержании исходных материалов. Более «выносливыми» оказались скульптуры, сработанные из

Рис. 130. 1-3. Парк-музей сегодня

неслоистых мелкозернистых песчаников, в структуру которых входят кварц, первичные окислы железа, гравелит. Такой камень достаточно стойкий к «агрессии» со стороны современных экоусловий и,

наоборот, крупно- и грубозернистые со слоистостью песчаники, с вкраплениями полевого шпата, выветриваются интенсивнее.

В этой ситуации процессы консервации, то есть закрепления пород всей серии каменных изваяний, находящихся как в коллекции парка-музея, так и в прочих открытых условиях хранения, необходимо активизировать (рис. 129).

В контексте же изучения восточноевропейского тюркского статуарного культурогенеза рекомендуем сосредоточиться по следующим направлениям:

Во-первых, на детальной проработке археологических данных и письменных сведений из X–XIV вв. с целью изучения этнической ситуации и состояния материальной культуры населения Степного Подонцовья. Особое внимание надлежит уделить знаниям из области этнографии древних тюркютов, их одежде, прическе, аксессуарам, предметам быта, амуниции и экипировке воинов и всадников, словом этнокультурным индикаторам одинаково присутствующим в статуарном искусстве донецких половцев.

Во-вторых, продолжить поиск общих и специфических признаков развития монументальной скульптуры Донецких степей, заложенных в ней художественно-сакральных идей. Это необходимо и для того, чтобы проследить во времени эволюцию камнерезного искусства и, при необходимости, уточнить ее дати-

ровку. Такие направления известны в науке, но они расширены до огромных по территориальным и хронологическим параметрам Евразийских пространств [19].

В-третьих, аргументировано с помощью спектральных данных, определить петрографическую индивидуальность каждой стелы и статуи. В результате можно было бы получить сведения не только о регионах их изготовления, но и конкретных местах находений древних карьеров и мастерских. Исследования петрографии статуй должны явиться приоритетными направлениями изучения камнерезного дела тюркских народов в условиях восточноевропейских степей. К осуществлению такого проекта приступили археологи Донецка совместно с геологами Днепропетровска.

В-четвертых, на основании устойчивых типобразующих признаков, деталей иконографии, приемов изготовления обобщить группы статуй, которые могли бы происходить не только из одного времени, но и, возможно, из одних общих мастерских и даже мастеров скульпторов. В этой связи обозначить устойчивые направления и сложившиеся школы статуарного искусства.

В-пятых, издать адресный каталог и альбом иллюстраций всех сохранившихся каменных стел и изваяний с детализированными прорисовками и описаниями имеющихся на них изображений. Иллюстративный раздел данного издания – лишь продолжение первого опыта реализации наших замыслов [74].

В-шестых, вопреки бытующим взглядам, относящих «идолов» к низшему рангу искусства, обосновать позицию, согласно которой каменные изваяния не только неотъемлемые артефакты монументального творчества степных народов, зрелости их художественных поисков, но и выразители идеи языческой сакральности в контексте мировых религий.

Рис. 131. 1-3. Монументальные произведения искусства XII-XIII ст. Степного Подонцовья

К сожалению, несмотря на историческую значимость этого вида искусства, в Луганске статуи долгое время не могли обрести право «постоянного жительства». Их несколько раз перемещали, и хотя это были небольшие расстояния в пределах зеленой зоны тогда еще Луганского пединститута, такие действия имели негативные последствия.

Печальным примером и предостережением от дальнейших «миграций» в поисках мест хранения статуй могут послужить события, связанные с открытием в областном центре памятника автору «Слова о полку Игореве» осенью 1995 года. В рекламных целях этого мероприятия из парка-музея несколько изваяний были перевезены к месту сценарного шоу, «установлены» без должной гарантии устойчивости, в результате одна из уникальнейших в художественном отношении статуй (изв. 8) упала и разбилась

на три части. Реставрировав собственными усилиями изваяние, мы вернули ей первоначальный вид и прежнее местонахождение.

В деле сохранения для потомков и науки исторического наследия перед нами стоят задачи – путем соблюдения соответствующих нормативов музеефикации, обеспечить условия хранения скульптур, провести реставрационно-консервирующие работы по закреплению структуры песчаников от природно-климатических, химических и физических воздействий. В отношении последнего момента парк-музей выглядит наиболее безупречно: территория в отдалении от экологически вредных газотранспортных артерий, приведена в надлежащий порядок, обеспечена её охрана (рис. 130; рис. 131). В таких условиях сегодня пребывают фонды статуарного искусства, являющегося достоянием Отечества.

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

В современной литературе, связанной с проблемой взаимодействия природы и человека, все чаще говорят о неведомых факторах, влияющих на людей. Суть вопроса в том, что энергопоток присутствуют не только в природе, но и в рукотворных вещах из древности, естественно, созданных из природных материалов. В этой связи имеет смысл поговорить о так называемых «энергетических потенциалах» каменных изваяний, общение с которыми заставляет задуматься и убедиться в определенной доле истины таких суждений. Нас, в частности, подтолкнули к размышлениям два обстоятельства. Первое – чисто познавательная сторона: действительно ли у каменных исполинов существуют энергетические поля, воздействующие на нас, людей? Второе – наблюдения за поведением и действиями людей, которые входят на территорию парка-музея и какое-то время находятся в окружении древних статуй. В данном пространстве состояние посетителей музея отличается заметным спокойствием, кротостью, уравновешенностью, сосредоточенностью. Здесь взрослые замедляют шаг, останавливаются, умолкают, прикасаются, порой буквально припадают к изваяниям, приносят дары, с ними происходит примерно то же, что наблюдал Низами:

«Всадник медлит пред ним,
И коня придержав,
Он стрелу, наклонясь,
Вонзает меж трав».

Среди статуй даже дети заметно притихают, а взрослые, по их словам, наполняются «живительной силой». Что же в окружении древностей может ощущать

Рис. 132. Природные и рукотворные источники позитивной энергии

Рис. 133. Персонажи истории тюркютов в восточноевропейских степях

современный человек? Разумеется, перед ним непонятные образы незнакомого искусства исчезнувшего народа, и он пытается всмотреться, понять кто этот народ и что за произведения им созданы? В этом естественная потребность, поиск контактности, смысла диалога прошлых и современных субъектов социума (рис. 143).

Но, видимо, состояние посетителей определяет и нечто другое, незримое, о чем мы, возможно, не подозреваем, и это «нечто другое» способно оказывать воздействие на нас индивидуально, так как все мы разные.

С механизмом и факторами воздействия на людей со стороны каменных монолитов мы познакомились в одной из работ под названием «Прелесть тайны» [171], посвященной проблемам энергетических свойств минералов. Итак, в чем суть идей авторов книги, отдельные

положения которой можно увязать с изваяниями парка-музея (рис. 144).

Петрографические наблюдения свидетельствуют о том, что абсолютное большинство скульптур выполнены из пород определенного минералогического состава, а именно: песчаников, содержащих значительное количество кварца. Факт использования кварцсодержащих пород, видимо, не случаен, не только потому, что Донбасс сформирован из этих материалов, хотя в нашем крае несколько не меньше кальцитов (мергеля) и кварцитов, к тому же мергель весьма удобен в обработке, но еще и оттого, что песчаники имеют особые свойства, которые, видимо, были известны и приняты во внимание изготовителями статуй.

Авторы считают, что при подборке материалов, одним из критериев для скульпторов было присутствие в песчаниках кварца, который нам вполне удастся про-

слеживать визуально. Кварц, по мнению геофизиков – это минерал, обладающий свойствами генерировать электрический ток (пьезоэффект), а также поддерживать постоянную частоту колебания волн, так называемая стабилизация частоты. Под воздействием электрического потока, возникающего из солнечной тепловой энергии, кристаллы кварца издают ультразвук, то есть кристаллы излучают радиоволны. Замеры ультразвуковых излучений, зафиксированные в разные периоды суток, показали, что на рассвете, перед восходом солнца, импульсы ультразвука сильнее ночных, в дневное время они особенно активны, но к вечеру ослабевают, ночью же практически затихают. Выявлено также, что ультразвуковые излучения наиболее интенсивны и длительны во время сезонных равноденствий (март, сентябрь), но минимальны во время крайне низкого зимнего (декабрь) и крайне высокого летнего (июнь) солнцестояний.

Конечно, излучаемая энергия каждой отдельной статуи невелика, но если говорить об их комплексности, да к тому же познать направление энергетических импульсов и в соответствии с этим расположить статуи, то можно создать «ощутимый» для человека энергетический поток. В связи с этим возникает ряд вопросов: что же такое святилища, сакральные места – религиозно-культурные пространства или энергогенерирующие центры? Почему сакральные объекты или участки дополнительно ограждены, устланы плитами? Как внутри них в прошлом были расставлены статуи, в случайном или заведомо продуманном энергонаправленном порядке?

Будь в нашем распоряжении картографические данные об энергетически активных зонах Донецкого кряжа, в них несколько изученных святилищ и сакральных мест, можно было бы не только попытаться объяснить связь двух

явлений – природного и человеческого, но и наметить методику поиска еще неизвестных сакральных объектов, которые, как мы полагаем, должны быть связаны с энергетически активными зонами природного происхождения. С целью обоснования энергопотока с участием изваяний, желательно было бы опробовать схемы различного расположения статуй, и уже по этим данным определить возможные закономерности их размещения, проверить идею энергетических потоков в системе как индивидуальных, так и комплексных наборов скульптур.

Наконец, для выяснения уровня энергетических свойств песчаников, из которых изготовлены статуи, желательно изучить в химико-минералогические составляющие песчаников, в первую очередь, энергогенерирующего кварца и других элементов.

Немаловажными явились бы исследования в контексте проверки гипотезы о том, что в процессе пребывания статуй в степи, в них, при воздействии сильных электромагнитных импульсов, например разрядов молнии, минералы, входящие в структуру песчаников, способны регенерировать, то есть перестраивать форму зерен и «очищаться» от вредных, разрушающих структуру монолита, примесей. Не оттого ли одни статуи, от времени, как бы непривлекательные, выветренные, с осыпями, а другие, той же хронологии, напротив, выглядят презентабельно, незыблемыми вечными монолитами (рис. 145).

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении научные данные из области физики и минералогии в сочетании со статуарными артефактами в том числе из сакральных мест, позволяют предполагать, что команно-кипчакские культовые центры одновременно являлись своего рода технологическими устройствами, в которых совместно с природными энергетическими потоками возникали и

действовали электроимпульсы различной интенсивности, излучаемые разно-размерными статуарными монолитами. В таком случае система изваяний могла превращаться в генератор акустических и электромагнитных волн. Поэтому, чем значимей были сакральные места или святилища, в которых находились группы монументальных каменных исполинов, тем очевидней был энергетический эффект воздействия на пребывающих в них людей. Парк-музей, в некотором отношении, тому подтверждение. Не по этим ли критериям сакральные места классифицируются на семейные, родовые, племенные, военные, аристократические?

Все, что сказано выше, пока не более чем теоретические гипотезы, которые

нуждаются в серьезной проверке системой научных исследований и в этой связи мы не вправе подменять сакральные идеи тюркоязычных народов предположениями и моделями нашего времени.

Далеко не все известно и разгадано о степной стране Дешт-и-Кипчак и ее обитателях [134, с. 152–163; 139, с. 112–156], не на все вопросы пока мы можем дать ответы. Быть может, последующие поколения исследователей смогут достичь большего, но для этого мы обязаны выполнить свой, нам отмерянный временем, долг перед Историей и Отечеством – сохранить каменных посланцев прошлого, во имя будущего, воспитывать уважительное, адекватное отношение к ним, что, отчасти, и является целью и задачей данного издания.

ПОЛОВЦЫ В СЮЖЕТАХ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ*

Многие столетия восточноевропейские степи, с их пастбищными угодьями, являлись средой обитания кочевников. Необозримые просторы с речными долинами воспеты и Н.В. Гоголем: «Степь чем далее тем становилась прекраснее... Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытапывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном ...» [Н.В. Гоголь. Собр. Соч. в 8 томах. – Т.1. – С.44].

Из азиатских ветрознойных полупустынь, попадая в царство изобилия разнотравий, предоставляющих безграничные возможности для содержания скота, кочевники старались закрепиться на этих землях. По словам ал-Джуджани, автора XIII в., монголы, увидев степи Кипчакской земли, вдохнув их воздух, испив воды, с восторгом сообщали, «во всем мире не знают земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих, и они решили, что нужно остаться в этих степях, сделав их своим новым домом» [139, с. 156 – 157, 167–171, 185–194].

Известно, что климатическая среда степей определяет не только направления движений кочевников, но и видовой состав их стад. Восточноевропейские степи позволяли содержать стада, в которые входили все виды доместичированных животных, в круглогодичном режиме. О составе половецких стад мы можем судить не только из находок остеологического содержания (костным останкам жертвенников), но и упомина-

ний об этой отрасли в письменных источниках, в том числе при обстоятельствах, связанных с войнами. Летописцы, перечисляя содержание захваченной во время походов добычи, непременно упоминают скот: «взяша бо тогда скоты и овцы, и кони и вельблуды». Естественно, самой ценной добычей, отмечает С. А. Плетнева, всегда были кони – основная боевая, транспортная и рабочая сила не только у кочевого, но и населения оседлого земледельческого уклада. Кони упомянуты практически во всех сведениях, сообщающих о войнах, торгово-обменных делах, транспорте, имуществе, состоятельности и богатстве персонажей. Они своеобразные индикаторы социального статуса и хозяйственной специфики населения.

Кипчаки, кимаки, куманы, команы, они же половцы, расселившись с XI ст. в восточноевропейских степях и разделив между собой зоны кочевания, первоначально, подобно кочевникам типа гуннских орд с экстенсивным хозяйством, «... придя на изобилующие травой места, располагают в виде круга свои кибитки, но, истребив весь корм для скота, снова везут свои города на повозках, гоня перед собой упряжных животных и стада...» (рис. 120). В так называемом, традиционном для кочевников, «таборном кочевании», многие из орд порой пребывали постоянно. Однако, в условиях трансгрессивного климата XI–XIV вв. степь стала настолько богата травами [98, с. 6–130], что вскоре необходимость в поиске пастбищ отпала и ее «передель» на мелкие территории, типа курени, айлы, перестали быть правилом. Появились более крупные военно-хозяй-

* В этом разделе отчасти использованы материалы статьи С.А. Плетнёвой [133]

Рис. 134. Северский Донец - основная река «донецкой Комании» (фото Бернацкого Н.П.)

ственные объединения под названием орды. Во главе орд находились могущественные и влиятельные ханы – каганы, к примеру, в Подонцовье, из рода Кончаков. Основная геостратегия орд – захват новых и новых земель, следовательно, максимальное овладение территориями, которые сполна бы обеспечивали кормами стада. В этой ситуации возникла полуоседлость. Но и тогда основой хозяйственной стратегии являлся рационализм в использовании пастбищ в направлении круглогодичного содержания скота на подножном корме. Суть организации такого хозяйства в строгой регламентации мест выпасов в летний и зимний периоды. Так возникли сезонные перекочевки. Вдоль маршрутов передвижений к местам зимних и летних становищ, как и при длительных остановках, могли появляться сакральные центры, а иногда и святилища (рис. 98). Умерших же сородичей, из числа членов орды, половцы традиционно погребали в древних, насыпанных в прошлые эпохи, курганах. Такие погребения называют впускными. Богатым же, знатным представителям обустроивали отдельные насыпи, помещая в могилы соответствующие статусу кочевника и его близких родственников инвентарные наборы [121; 188, с. 14–36].

Возвращаясь к вопросу о кочевнических ордах, отметим, что в степях, от Поволжья на востоке, до Поднепровья на западе, по мнению С. А. Плетневой, могло быть не менее 12–13 крупных половецких объединений. Естественно, и по территории, и по количественному составу население орды не было одинаковым. Возможный демографический показатель в них колеблется от 20 до 40 тысяч человек, причем, как отмечает С. А. Плетнева, крупные орды с 40-тысячным населением, якобы, даже преобладали. Это значит, что общее количество тюркско-половецкого этноса юго-востока Восточной Европы могло составить

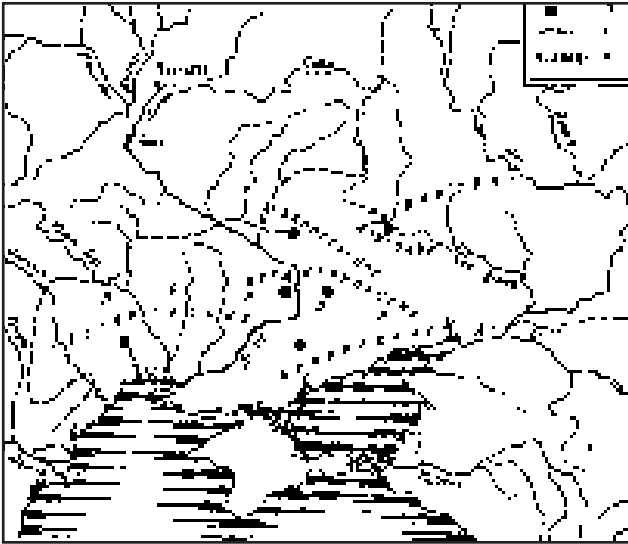

500–550 тысяч, словом, до полумиллиона человек и они занимали пространства около 300–350 тыс. км². В приведенной статистике социума и территории хотя бы относительно удастся определить количество животных в отдельно взятой орде. Если учесть, что в среднем в малой семье из пяти человек для обеспечения мясомолочными продуктами, необходимо иметь как минимум 1 лошадь, до 5 голов крупного рогатого скота и 5–8 мелкого, тогда можно предположить, что орда – это же и огромное стадо, состоящее из нескольких тысяч коней и десятков тысяч голов прочих животных в первую очередь неприхотливых к степным условиям, овец [22, с. 28]. Естественно, столь многочисленные поголовья требовали новых и новых пастбищ, и тогда возникали проблемы их приобретения, как, кстати, и защиты. В конечном итоге, половцы с помощью войн сообща «создали» пространственное объединение под названием «Дешт-и-Кипчак», простирающееся от Поднепровья на западе, до Поволжья на востоке, от Предкавказья и Крыма на юге, до верхнего Подонцовья, среднего Подонья и Приднепровья на севере [22, с. 70]. Неслучайно все пространство Половецкой земли автору (?) «Слова о полку Игореве» не было известно, поэтому он упоминает о «землях незнаемых» и «недоступных Руси». К числу, как будто бы, близких, но в тоже время недостижимых русичам земель, следует отнести территории обитания Донецких половцев (рис. 149). Из этого массива, считает С. А. Плетнева, в XII в. намечается расселение половцев на запад к Поднепровью, видимо, так же, как и из Азии, унося в новые края опыт технологии и практику изготовления статуй.

О преобладании западной экспансии половцев свидетельствует и тот факт, что в нижнем и среднем Поволжье, которое какое-то время входило в страну под названием Дешт-и-Хазар, в среде пра-

Рис. 135. Природа «нового дома» команно-кипчаков

Рис. 136. Территория расселения половецких орд (С.А. Плетнева)

болгар – населения бывшего иудейского Хазарского каганата, позднее мусульманизированных «болгар», кипчакская практика изготавливать и ставить статуи, устраивать сакральные места, святилища с каменными изваяниями, не прижилась.

По собственному сценарию развивались события Донецких половцев. В процессе раздела территории Дешт-и-Кипчак, они обрели жизненные пространства в пределах Степного Подонцовья и плоскогорий Донецкого кряжа и здешние пастбищные угодья могли быть распределены между группами населения в системе кочевий. На них возникли летние стойбища и зимники, из которых скотоводы осуществляли регулярные меридиональные перемещения по маршрутам протяженностью в 250–300 км от южных склонов Донецкого кряжа на север вдоль степных рек бассейна Северского Донца, зачастую достигая лесостепных славянских территорий.

Зимние становища, вероятнее всего, возникали в средней части этих маршрутов по берегам небольших, по низким у воды террасам, рек, или укрытым от зимних степных ветров, лесистым байрачным балкам. Их называли «вежами». Об этой системе обитания половцев уз-

наем из «Слова о полку Игореве» и описаний предшествующих походов Игоря [139, с. 162–169]. По представлениям очевидцев, вежи выглядели наподобие временных «укреплений» из повозок, поставленных в круг. На таких повозках или рядом с ними, как и внутри круга, размещали юрты. Гильом де Рубрук и Плано Карпини лаконично, но совершенно предметно, рассказывают о жилищах и быте наблюдаемых ими населений. «Ставки (жилища) у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что внутри у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются, и чинятся, и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре и даже больше, сообразно с величиной повозки...» [22, с. 27–28].

Из литературных источников следует, что половцы пользовались двумя типами юрт: одни перевозные на телегах-лафетах, другие – стационарные, отстроенные на земле. Естественно, чем долговременнее зимние становища, тем больше строений наземных, стационарных юрт (рис. 137, 1–2). Видимо, юрты-временки находились даже в становище хана Кончака, куда и был доставлен взятый в плен князь Игорь Святославич. Предпринимая побег, он «подоима стену и лезе вон», то есть Игорь находился в юрте, установленной на землю, без дна, но с войлочными стенами. Летописец сообщает о бегстве князя «сквозь вежа» – через все обширное степное пространство, тянув-

шееся по обоим берегам Тора до берега Донца «и потече къ лугу Донца».

Исторический портрет быта кочевников окажется не полным, если не сошлемся на погребения, оставленные ими. Они, как уже отмечалось, обычно, подкурганные, зачастую впускные в ранее насыпанные холмы, однако имеют место и захоронения в грунтовых могильниках, например, раскопанный могильник у с. Передельск на р. Айдар [72, с. 300–317].

В большинстве случаев в захоронениях мужчин оставляли: конечности и голову коня; инвентарь из систем упряжи – удила, стремяна, подпружные пряжки, оружие – наконечники стрел, иногда сабельные клинки, предметы быта – кресало, ножи (рис. 138) [73, с. 262–264; 77, с. 214–224].

Помимо изделий из железа, в половецких погребениях находим признаки одежды, посуду, в том числе латунные, бронзовые котлы (рис. 152). Здесь же остатки берестяных и кожаных колчанов, сумок, костяные накладки луков, амулеты и другие изделия, порой не имеющие непосредственного отношения к военному укладу. Многие предметы отличаются высоким качеством и художественностью. Их изготовлением, видимо, занимались в зимние периоды – благоприятное время осуществления различных прикладных промыслов. Конечно, сбрую для собственного коня мог изготовить любой кочевник, но тогда к ней у кузнецов необходимо было приобрести металлические детали: кольца, стремяна, удила, пряжки, из боевой экипировки, копье и стрелы, саблю, боевой топор и защиту.

Презентабельно, с красочной орнаментальностью, выглядела сбруя упряжи коней, принадлежавших аристократизированной части половецкого общества. Их изготовление поручалось мастерам художественных дел, даже ювелирам, овладевшим технологиями работы с бла-

Рис. 137. 1-2. Наземные юртообразные постройки (реконструкция).
Музей-заповедник «Дивногорье»

городными металлами [90, с. 186–187]. В этом нас убеждают находки инкрустированных серебром стремян из святилища «Мечетная гора» (рис. 103, 1–4).

Ювелирное дело кочевников презентуют материалы из захоронений знатных половчанок. Естественно, часть изделий, в основном украшения – серьги, подвески, бусы, гривны – следует отнести к числу тех, которые изготавливались местными мастерами, другие – в основном ювелирные изделия – производились в Византии, либо поступали из Передней Азии, Крыма. В этой связи, мы вправе говорить о контактах, сложившихся в среде степных мастеров-ювелиров, с ювелирами переднеазиатского и постантичного миров [92, с. 257–262].

Нередким предметом туалетного назначения половчанок являлись отлитые

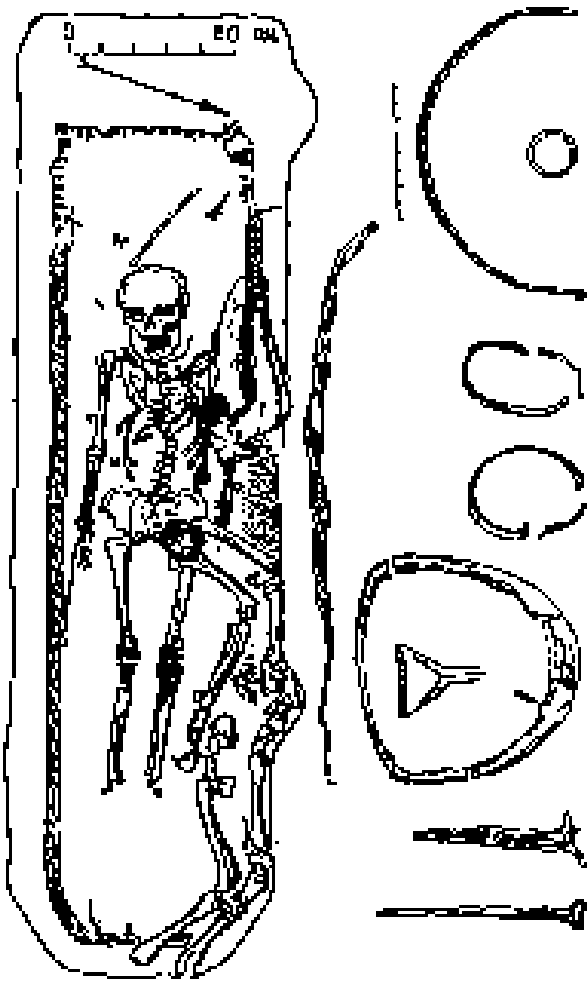

Рис. 138. Захоронение половецкого времени

из бронзы, серебра, или их сплавов, зеркала. С лицевой стороны они отшлифованны до состояния отражения, оборот обычно заполнен орнаментальными сюжетами растений и животных. Зеркала в виде выгравированных кругов, нередко с рисуночьями, расположены на левых бедренных частях статуй (изв. 73, рис. 117). В погребениях они также находились с левой стороны, к тому же их помещали в кожаную или матерчатую сумочку. Известно, что зеркала – изделия восточного происхождения, на Руси, как предмет туалета, их не знали и ими, видимо, не пользовались. В средневековый быт номадов – степных народов Евразии – зеркала «пришли» от иранских племен, еще раньше известны в Китае. Кочевники южнорусских степей зеркала унаследо-

вали, вероятнее всего, от хазар. В Хазарском каганате производство литых художественных зеркал, кроме внутреннего потребления, было ориентировано и на сбыт. Не исключено, считает С. А. Плетнева, что потомки хазарских литейщиков, оставшиеся в степях Подонцовья, в среде тюркских пришельцев, также продолжали отливать бронзовые, серебряные или из сплавов, типа «электра», подобия восточных зеркал. Зеркала, как упрощенного, так и сложного художественного оформления, одинаково убеждают нас в том, что в скотоводческо-кочевнических вежах пребывали ремесленники, специалисты, работавшие с цветными металлами. С. А. Плетнева допускает присутствие среди номадов бродячих мастеров, перемещающихся из вежи в вежу в поисках заказов. Заказы, как вид занятости ремесленников, могли быть различными, в том числе, на изготовление монументальных статуарных произведений, каменных изваяний, предназначенных для оформления и наполнения «персонажами» сакральных мест и святилищ.

Естественно, оформления святилищ, как и сакральных объектов, требовали определенных физических затрат и прежде всего связанных с изготовлением каменных изваяний, выставляемых в них. Выбрав, соответствующее сакральному предназначению место, его, с помощью плит или обычных камней, оконтуривали в виде круга или квадрата. Во внутреннем пространстве таких строений, либо площадках, во время происходивших там обрядов, разжигали костры, оставляли жертвы, фигурки домашних животных: коней, баранов и других животных, в том числе из мира дикой фауны.

Присутствие образов животных не следует связывать с особыми тотемическими культами, характерными для ранних форм религии, поэтому ваялись они небрежно, видимо, считалось достаточным, чтобы вид животного хотя бы был

узнаваемым или же угадываемым [46]. Фигурки могли изготавливать и из дерева, однако, плохая сохранность материала позволяет лишь предполагать их существование. В монументальной же скульптурной практике, статуи, изготовленные из дерева, все же имели место [127, с. 59. Рис. 29; 34, с. 100–109].

Естественно, в каждом сакральном объекте, прежде всего святилище, должны находиться антропоморфные скульптуры, так как без величественного образа покровителя, либо прародителя, обрядовая практика, происходившая в таких местах, не имела смысла. С. А. Плетнева считает, что святилищам допустимы скульптурные изделия малых форм – деревянные статуи, возможно и миниатюрные каменные скульптурки идолов (рис. 141, 1–2). Ясно, что они дошли до нас в единичных экземплярах, к тому же, видимо, датируются поздним средневековьем. На поверхности отдельных образцов скульптур из дерева фиксируются краски, с помощью цветовой палитры, идолу пытались придать особый зрелищно-эмоциональный смысл. Каменные контуры, обрамляющие святилища, могли дооформляться красочной орнаментальностью. Есть вероятность того, что «стены» святилищ сооружали не только из камня, но и в виде частокола. Об этом, в частности, свидетельствуют ямки от вбитых по кругу кольев. Характер, оконтуривающих объект «стен», как бы уточняет статус сакрального места, того сообщества, в чьей собственности находились территории и пастбища. Таковыми в половецком обществе являлись феодалы и, естественно, военное руководство, трансформирующееся в направлении ханов-аристократов (рис. 142).

Изменения в общественном укладе обозначили и социосакральную дифференциацию. В одних случаях сакральные места в открытом, доступном к посеще-

Рис. 139. 1-2. Бронзовые, латунные котлы

ниям и исполнениям обрядов любимыми представителями орды, в других – это «архитектурно» обустроенные, инвентарно наполненные, возможно, не всеми посещаемые объекты. По нашему мнению, они и являлись святилищами, имеющими отношение к аристократизированным представителям кочевого сообщества. Сосуществование двух сакральных структур совпадает с классообразованием, тогда еще покрытым «патриархальной вуалью» (С. А. Плетнева).

Рис. 140. Артефакты восточных культур в находках Степного Подонцовья

Патриархальность, очевиднее всего проявляемая в практике почитания семейно-родового предка, фактически продолжала быть духовной основой половецкого общества. Носителями культа предков в одинаковой степени могли быть мужчины и женщины, именно в память о них возникали сакральные места, в них устанавливали каменные статуи, преимущественно в двух канонических позах: «стоящими» и «сидящими». Характерно, что мужские «стоящие» скульпту-

ры обычно изображали в боевой амуниции, такие же, но «сидящие», ее не имеют. Различия, по мнению С. А. Плетневой, следует объяснять неравнозначным авторитетом «прародителя» при его жизни. Изображенный персонаж в позе «стоя», по мнению С.А. Плетневой, мог быть воином, возможно даже павшим в битве; «сидящий» же олицетворял богатого соотечественника, «выбывшего» из статуса воина и, вероятнее всего, умершего по старости.

Заметную роль в социальной стратификации половцев занимали женщины, что мы неоднократно констатировали. Женщины одинаково изображались «стоящими» и «сидящими»; причем «стоящие» фигуры, как правило, в роскошных одеяниях, сопровождалась большим количеством вещей из области быта, бижутерии, аксессуаров, что, безусловно, подчеркивает их значимое положение в обществе, и аристократизм [56, а, с. 4–12] (рис. 143, 1–3). Не исключено, что в случае гибели мужей, или на период длительных отлучек, вызванных военными походами, их жены становились главами веж. Женщин в статусе глав веж могли изображать в «стоящих» позах, обычных же партикулярных аристократок «сидящими». В обоих случаях женские скульптурные образы «лишены» оружия. С. А. Плетнева лишь однажды упоминает об образе женщины-амазонки: «стоящая фигура воительницы с изображением сабли, колчана, лука» [127, с. 47. Табл. 70, статуя 1205]. Вместе с тем письменные свидетельства о причастности женской части населения к военному делу, сообщают, что девушки и женщины у половцев, наравне с мужчинами, носят оружие, колчаны и луки, «... ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины, долго и упорно» [22, с. 36–37].

О статусе женщины у половцев, можно судить, по уже известной читателю уникальной статуе женщины с ребенком

Рис. 141. 1-2. Язычески идолы (дерево, песчаник)

(изв. 71, рис. 107). В этой связи, будет не лишним еще раз обратиться к комментариям С. А. Плетневой – «женщина изображена с подчеркнутыми признаками пола, к ее груди приник ребенок, вовсе не мальчик, как следовало бы ожидать в обществе развитого патриархата, а девочка с четко обозначенной половой принадлежностью, что, вероятно, является символом продолжателей рода. Обнаженная грудь и прильнувший к ней ребенок, к тому же соединенный с матерью пуповиной, символизируют единение женщины-матери, дающей силы девочке как непосредственной продолжательнице рода» [128, с. 259–261]. В этом случае можно считать реальной ситуацию соблюдения в половецких родах и семьях устоев матрилинейности. Об этом порядке сообщают различные источники, неоднократно упоминая об обычае так называемого «левирата», при котором брачные отношения регулируют женщины, при этом им предоставляется право как бы «впускать» в свой род «новых» людей [133, с. 146].

Естественно, считает С.А. Плетнева, в половецком обществе помимо «высших имущественных слоев», были низшие ступени социума. Ими являлись рядо-

вые воины, они же и пастухи, обладавшие лишь некоторой собственностью в виде скота. Нередко низшие слои оказывались во временной зависимости от аристократов и тогда богачи «предоставляли» (поручали) им скот «на дальний выпас» с условием сохранения и полного возврата стада и его приплода. В благоприятные (трансгрессивные) годы пастухи в достатке обеспечивали свои семьи и возмещали долги, но в случае регрессивности климата, засухи, эпизоотии скота, эпидемий, они разорялись и оказывались в совершенно зависимом положении. Вчерашние скотоводы вынуждены были менять традиционный род деятельности, становиться ремесленниками и кормиться земледелием. Но в основном, хозяйственные разорения и обнищания заканчивались закабалением соотечественников, превращением их в «черную челядь», привлекаемую к обслуживанию зажиточных семей [22, с. 94]. В число челяди входили и женщины-служанки, их называли «чаги». В самом низу социума половец находились «колодники», взятые в плен. Они, по-существу, являлись домашними рабами патриархального типа или товаром на рынках (рис. 157). Тяжкая участь рабов неоднократно опи-

Рис. 142. Образ половецкого хана (реконструкция)

Рис. 143. 1-2. Половецкие аристократки (127, С. 198. Табл. 82)

сана в древнерусских летописях и других источниках. Во время успешных походов русичей из половецких веж освобождались «и колодники, и чаги, и дети их, и челядь... хрестьяны же отполонивше пустиша на свободу». Следовательно, они – никто иные, как русские «поломники», по-существу рабы, получавшие свободу только в ситуации разгрома половецкой вежи. Но далеко не всегда удавалось одолеть орду, ведь половецкие ханы, буквально поголовно «мобилизуя» всех в военные команды-«ватаги», располагали значительными силами. В условиях сохраняющейся у кочевников системы «военной демократии», все кто имел и владел оружием, даже женщины, участвовали в военных действиях. Число таких могло достигать 20 и более тысяч вооруженных всадников (рис. 145; 146). Однако, победы половцев определялись не столько количеством временно «военизированных», и, как следствие, недостаточно опытных воинов, сколько опытом профессионалов – участников систематических войн, в сочетании с отработанной ими тактикой ведения боевых действий. Хорошо подготовленных, с высокой боевой выучкой воинов-«кощеев», каждый из которых в бою имел «подводного» запасного коня и «челядинца» – военного слугу, у ханов было не более 300–500 человек. Успех в бою обеспечивали действия команд в 50–100 человек, задача которых состояла в том, чтобы разрушить строй противника, обстрелять его на расстоянии, загнать в направлении укрывшейся засады, различного рода препятствий и неудобств. Подобная тактика являлась обычным приемом кочевников, которым, как известно, владели скифы, навязывая персам, так называемые «непрямые военные действия». Цель заключалась в том, чтобы, разрушив строй противника, вселить страх и принудить к бегству [183а, С. 13, 18–20, 26–32]. Половцы в полном объ-

еме использовали проверенные опытом номадоветоды войны в событиях похода Игоря Святославича в степь (май 1185 г.) и вскоре «праздновали победу над воинством Игоря...» [140, с. 256 и сл.].

Следует заметить, что каждое половецкое военное подразделение имело свой атрибут – стяг-знамя. По стягу, развернутому перед боем, можно понять, кто в данной ситуации является противником воинству. По рисуночным же миниатюрам, из литературных источников с изображением боевых полотнищ несложно определить финал сражения. Например, перед боем и в случае победы стяги изображены в вертикальном положении, при поражении их прорисовывали, как бы приспущенными.

У половцев хорошо была отлажена система подготовки будущих воинов, как и военного дела в целом. Плано Карпини наблюдал, что уже двух-трехлетних детей «сажают в седла», учат «пускать стрелы из малых луков, изготовленных специально для них, при этом целясь в мелких степных зверьков». Предбоевая же методика обучения лучников связана с охотой, которая, как писал Гильом де Рубрук «...обеспечивала значительную часть пропитания, при этом будущие воины продолжали совершенствоваться в военном деле». Совместная облавная охота – своеобразная тренировка слаженных действий, в ней же совершенствовались искусство стрельбы, навыки верховой езды, отрабатывали зоркость, выявляли удачливых, умелых предводителей. Таким образом, охота выполняла важную функцию, направленную на подготовку и обучение военному делу всех, кто войдет в конные подвижные контингенты половцев в различных, от ханов до рядовых воинов и даже «челядинцев», рангах.

По сведениям Гильом де Рубрика и Плано Карпини, половцы не менее успешно занимались домашними делами,

которые порой требовали технических, ремесленно-производственных навыков. Отдельные сюжеты такой деятельности с участием женской части зафиксированы Рубруком: «Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут (видимо, сыр), готовить (вычинивать) шкуры и сшивать их, а сшивают они ниткой из жил. Они шьют также сандалии, башмаки и платье. Они делают также войлок и покрывают им дома. Овец и коз они караулят сообща, и доят иногда мужчины, иногда женщины». Плано Карпини к этому добавляет: «Жены их делают всё: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи». Однако, в записях авторов можно встретить противоречия, например, в сведениях Плано Карпини значится: «Мужчины ничего вовсе не делают за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах, но они, в основном, охотятся и упражняются в стрельбе» [22, с. 36–37]. Вильгельм Рубрук напротив, предметно обозначает место мужчин в укладе кочевников: «Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремяна и уздечки, делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут кумыс..., делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их». Мужчины также связаны с железо-производящим ремеслом, естественно, такая отрасль была под силу ремесленникам-«металлоделам» и кузнецам [22, с. 101]. Как видим, в делах и обязанностях по дому между мужчинами и женщинами нет строго обозначенного разделения труда, но можно предположить, что, в целом, женщины оказывались более занятыми, нежели мужчины.

Особого внимания заслуживают сюжеты, имеющие отношение к религии тюркютов – язычеству, проявлявшемуся, как и у ираноязычных скифов, в пси-

*Рис. 144. Скульптурный образ
пожилой аристократки*

хо-фанатических действиях с участием шаманов «камов». Однако, в отличие от других народов, у половцев языческие представления не затрагивают космос, силы природы и в большей степени касаются реальных жизненных ситуаций в условиях созданного ими социума, что более всего проявляется в погребальной обрядности, скульптурном деле, культурах предков, правождей, прародителей. В этой связи в большинстве случаев погребения, равно как и обряды, происходившие в сакральных местах, в святилищах, сопровождаются тризной, жертвоприношениями в виде туши или частей жи-

вотного (рис. 138). Нередко конь, в захоронении его хозяина, взнуздан и как бы «оседлан», а сам умерший воин вооружен и погребен с атрибутами, символизирующими его статус и, как бы, готовность к сражению. Здесь мы имеем в виду инвентарь, прежде всего, оружие, элементы боевой амуниции [121]. Примером могут служить погребальные комплексы кочевников из курганов Провальской степи у с. Черемшино Свердловского и с. Лимаревка Беловодского районов [77, с. 214–224; 60, с. 88. Рис. 8]. Они почти соответствуют описаниям очевидцев захоронений XIII в. Например, Вильгельм Рубрук подробно описал наблюдаемый им обряд: «Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира, и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен» (видимо христианин). Команы традиционно насыпали большой холм над усопшим. Прослеживаемые действия половцев соответствуют их представлениям о душе умершего, суть которых: во-первых, у каждого человека есть душа, и о ней родственникам необходимо заботиться, прежде всего, кормить; во-вторых, посмертный, потусторонний мир человека является продолжением реально существующего земного, поэтому душе необходимо определенное место обитания в виде «замкнутого» пространства; в-третьих, душа умершего предка обладает силой способной помогать людям, приносящим ей жертвы, или, наоборот, при забвении, оказывать вредоносное действие.

Содержания же ритуалов определялись социозначимостью «душеносителей» – персонажей, в честь которых обустроивали сакральные места или святилища определенного статуса, где устанавливали разной величины и монументальности изваяния и с их «участием»

Рис. 145. Экипированный всадник

Рис. 146. Лучник (из публикаций)

исполняли обряды. Низшие слои населения создавали упрощенные образы прапредков, используя при этом подручные материалы, например, ткани, кожу, войлок. Их хранили в юртах. О «домашних идолах» сообщает Гильом де Рубрук: «Над головою господина, хозяина юрты, бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина, другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи. Эти изображения прибиты к стене, а выше ... находится еще одно изображение, являющееся сторожем всего дома» [22, с. 94].

В нашем случае к оберегам семей относим серию скульптур, которые отличаются малые формы до 1 метра высотой и весом 40-50 кг, но не более 80-90 кг. Они вполне транспортабельны и вместе с имуществом семьи кочевника без труда перевозились в повозках. При длительных же остановках,

они могли находиться внутри юрт, занимая при этом незначительные пространства. О прорицателях и идолах, находящихся в доме, сообщает Гильом де Рубрук [22, с. 151].

Отсутствие каменных монументальных статуй на значительной части территории Степного Подонцовья, удаленном от гористых массивов Донецкого кряжа, вполне объяснимо. Здесь находились пастбища и население, естественно, составляли пастухи, очевидно, изготавливающие обереги из войлока или из дерева, которые не сохранились. Лишь единственный из местного кварцита экземпляр стеловидной формы, найден на левобережье Северского Донца в долине р. Деркул, что в 60 км к северу от начала кряжной гряды.

Постоянным же местом обитания половцев в поселениях-вежах, видимо, являлись плоскогорья кряжа, протянувшиеся вдоль правобережья Северского

Рис. 147. Амазонки XII и XXI столетий

Донца. В этих же массивах выявлены сакральные центры, в которых в ознаменование прапредков, героизированных воинов-аристократов, феодальной знати и их жен устанавливали разноразмерные композиционно-художественные каменные статуи, перед которыми было принято сходить с коня, поклоняться, приносить жертвы, о чем, кстати, сообщает Низами.

«И перед идолом гнется кипчаков спина

...Знает каждый пастух..., что оставить

Овцу перед идолом надо» [116, с. 315–316].

С. А. Плетнева, ссылаясь на редкие находки у подножия статуй частей человеческого (детского) скелета, полагает, что жертвоприношения включали в себя не только животных. К этому доба-

вим сведения из языческих преданий, о том, что чтобы «расколдовать каменного идола» и вернуть образ человека, следует окропить его детской кровью. Данные события неоднократно фиксируются в действиях, не только связанных с языческой обрядностью, но и средневековыми орденно-рыцарскими и масонскими организациями.

Комплексы археологических материалов из половецких сакральных мест, святилищ, и более всего из погребений, свидетельствуют о культурных контактах здешних племен с соседями [6, с. 241–248; 7, с. 92–98]. Речь может идти не только о Руси, но в большей степени Византии и арабском Востоке. Предметными артефактами таких контактов могут служить изделия искусства в кочевнических комплексах XII–XIV вв., в частности, наборы вещей из захоронений у с. Пионерское Станично-Луганского р-на, у с. Черемшино (Провалье) Свердловского р-на, с. Каменка Лутугинского р-на и других мест Степного Подонковья.

Комплекс вещей из 15 ед. (рис. 148, 1–11), обнаруженный в кургане у с. Пионерское, представлен тремя видами изделий: фрагментами ткани, женской ювелирной гарнитурой и серебряной посудой [92, с. 257–259].

К числу хорошо сохранившихся изделий относим составные височные подвески-серьги, изготовленные из благородного металла (рис. 149, 2). Они были распространены в золотоордынское время, поэтому встречаются как в кочевнических могилах степняков, так и в городах Золотой Орды. Подобные украшения известны в погребениях Южной Сибири, на Северном Кавказе, в памятниках Волжской Болгарии, в средневековых комплексах Мордовии, в городских слоях Великого Новгорода, в лесном Прикамье, Ижорских курганах, в курганах степей Северного Причерноморья. Во всех пространствах серьги аналогич-

Рис. 148. 1-11. Комплекс вещей из захоронения половчанки (с. Пионерское)

ного типа входят в археологические комплексы XIII–XV вв. [165, с. 38–39. Рис. 6; 150, с. 216–217].

К деталям женского головного убора, возможно диадемы, относим наборы изделий двух видов, выполненных на пластинах из благородного металла.

Вид 1 – основой узора служит пластина квадратной формы, на которую напаяны нити скани, обрамляющие ее по периметру в виде спиралевидного узора из сученой тонкой проволоки в стиле веревочно-елочного орнамента (рис. 150, 3).

Внутри сканевой композиции напаяны четыре круглых миниатюрных касты, также обрамленные сканевой веревочкой. Центр пластины украшает жуковина таблитчатой огранки квадратной формы из горного хрусталя сероватого оттенка. Она помещена в рамку и закреплена с

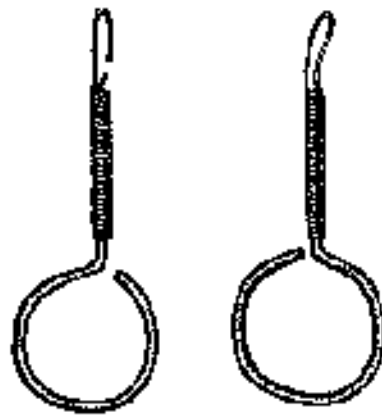

Рис. 149. 1-2. Серьги

помощью четырех скобовидных пластин. Между кастами расположены цветы, исполненные витой сканью, состоящие из пяти лепестков в форме спиральных завитков. Детали, посаженные на пластину, закреплены так, что припой почти не заметен, явно, мастер при их монтаже применил ртутный амальгам. Сама же пластина видимо закреплялась на кожаную основу, на что указывают небольшие дырочки, расположенные симметрично по две на каждой из ее сторон.

Вид 2 – три отдельные пластины (рис. 151, 1–4), каждая из которых увенчана стилизованным четырехлиственным изображением «цветка», внутри которого вставлена жуковина, закрепленная с четырех сторон с помощью миниатюрных скоб. Прозрачные вставки выпукло-овальной формы изготовлены из горного хрусталя и, на фоне желто-оранжевого

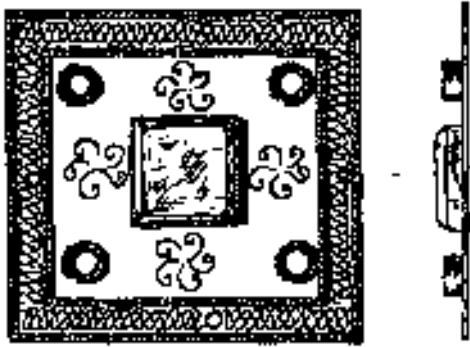

Рис. 150. 3. Пластина

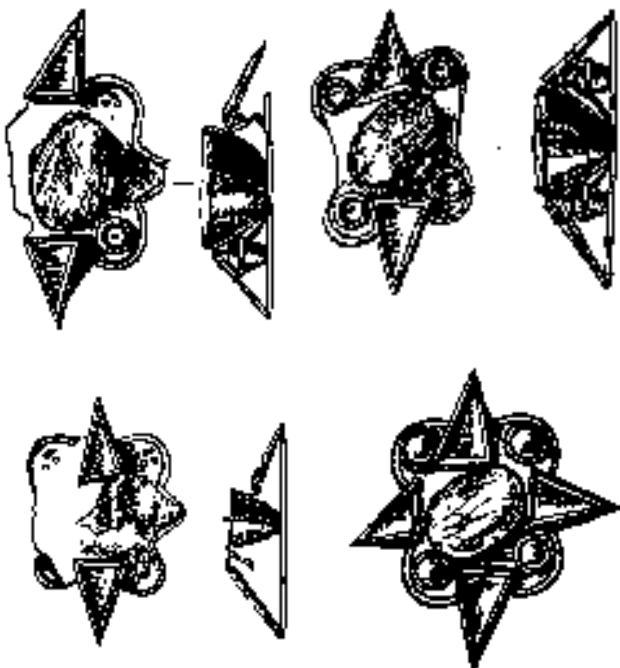

Рис. 151. 1-4. Детали диадемы

цвета металла, выглядят «позолотой».

На каждой из пластин по овальным углам напаяны биконические касты, в виде двух состыкованных усеченных конусов. Внутри их миниатюрные круглые жуковины, выполненные из того же прозрачного поделочного минерала. Между кастами, в четырех направлениях, в виде треугольных стилизованных лепестков, опирающихся на проволочные лапки, острыми углами наружу, посажены четыре пластины. Видимо, эти изделия также предназначены для оформления головного убора [165, с. 37]. Аналогии композиционным наполнениям пластин можно

наблюдать в окладах христианских книг второй половины XI в., в частности, Евангелия в Лавре Св. Афанасия, однако в это же время в ювелирном деле Византии скань еще не получила широко распространения, и лишь с XII в. в художественную филигрань начинает проникать узор из сученой проволоки, главным образом, в форме спиральных завитков. Орнаменты напаявались на листовую плоскость, создавая так называемое сканевое фоновое поле.

Более широко скань представлена в художественных изделиях второй пол. XIII в., а с XIV ст. и особенно, в XV в. «сканное дело», преимущественно в монастырских мастерских на Афоне, достигает расцвета. Жуковины, применяемые в изделиях византийского прикладного искусства, как правило, размещали в овальных, круглых или квадратных кастах, обрамленных сканными «веревочками». Прямых аналогий изделиям из погребения у с. Пионерское нами не найдено, но, судя по технике изготовления и художественному оформлению, их можно датировать XII–XIV вв.

В качестве поделочного материала в изготовлении ювелирных изделий часто использовали горный хрусталь или так называемый «богемский алмаз». Среди самоцветов его отличают высокой твердостью, прозрачностью, светопреломляемостью, поэтому минерал был одинаково востребован ювелирами Востока с древних времен [65, с. 204].

Розетки, 2 экз. (рис. 152, 1) – миниатюрные выпуклые пластины, выполненные в виде цветков с отверстием в центре. Для них характерны четкий геометризм, соразмерность, умеренный художественный ритм, что и сближает их со средневековым искусством Востока.

К импортным изделиям следует отнести серебряные пиалы (рис. 152, 2). На одном из фрагментов дна просматриваются три буквы греческого алфавита:

Рис. 152. 1. Розетки

Рис. 152. 3. Граффити

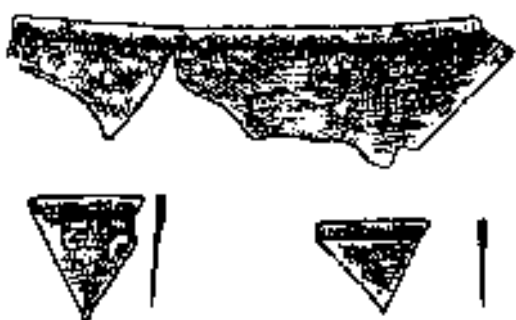

Рис. 152. 2. Фрагменты пиалы

Рис. 152. 4. Ткани и их рисунки

«каппа», «гамма», «йота», что свидетельствует о балкано-малоазийском, византийском происхождении этого изделия (рис. 152, 3). Данное буквосочетание не является началом какого-либо слова, но его принадлежность к монограммам вполне допустима. Чаши изготовлены кузнечным способом, выбивкой из листового серебра, венчики, с валиками жесткости, отогнуты наружу. Это неглубокие (до 5 см) емкости, диаметром 9–10 см, с плавно закругленными стенками и плоским дном. Аналогии чашам известны в курганных комплексах XII–XIII вв. кочевников Причерноморских степей и чаще всего связаны с захоронениями женщин [64, с. 383,387. Рис. 50, 58], о чем свидетельствуют найденные здесь же фрагменты зеркала из серебра.

Особого внимания заслуживает импортная парчовая ткань, сохранившаяся в виде фрагментов одежды. Следует отметить, что в погребениях 800–900-лет-

ней давности сохранность тканей – явление редкое, к тому же абсолютной массе населения дорогое импортное шитье вряд ли было доступно, оно приемлемо лишь богатой аристократической прослойке номадов. Ткань дополнена битью из шелковой и серебряной с позолотой нитями в стиле растительного орнамента (рис. 152, 4).

Таким образом, среди находок из захоронения у с. Пионерское преобладают вещи, которые можно отнести к византийскому импорту. Они могли оказаться у половцев Подонцовья в результате войны, обмена, подкупных «гостинцев», практикуемых в системе вознаграждений за военные услуги. Такие вещи присваивало военное руководство, оно же аристократическая элита половцев [126, с. 189].

Остановимся еще на одном художественно-декоративном изделии – чаше-пиале, найденной в подкурганном

захоронении в Провальской степи [77, с. 216. Рис. 4]. Сопровождавший умершего инвентарь: наконечники стрел, кинжал, кресало, конская сбруя, пряжки, кожаная сумка и другие предметы, как впрочем, и ингумация, свидетельствуют о прямых аналогиях с погребальными комплексами кипчаков из курганов Южного Урала, Приуралья и половцев южноевропейских степей [75, с. 214–224]. Чаша неглубокая, плоскодонная, переход к стенкам округлый, стенки невысокие, по краю венчика выступающий ободок, являющийся ребром жесткости. Размеры изделия: высота 4,1 см, диаметр венчика 13,7 см, дна 9 см; она изготовлена с помощью выколотки из тонкого (до 0,5 мм) листа серебра (рис. 153, 1–3). Заслуживает внимания растительный орнамент, выполненный в технике гравировки. Под венчиком изображен рисунок ботанического содержания, в виде выгравированных волнообразных растительных побегов. От них отходят боковые отростки с круглыми завитками, на которых, кроме листьев, изображены плоды. Сами же листья продолговатые, с остро загнутыми концами. Заметим, мотивы волнообразно изогнутых растительных побегов получили распространение с XIII в., и их связывают с искусством мусульманского Востока, в частности с росписями дворцовых комплексов XIII–XIV вв.

Внутри чаши, в круглом медальоне с двойным контуром окружностей, прорисованных циркулем, изображены два стилизованных цветка в виде тюльпана. Некоторую ассиметрию рисунку придают плавно изогнутый растительный побег и трилистник. Создается впечатление, что растениям «тесно» в отведенных им границах и они стремятся «вырваться» за пределы малого круга.

Изображения тюльпанов соответствуют художественному почерку персидских мотивов, хотя встречаются и во фресковых росписях дворцовых ком-

плексов золотоордынского Сарая.

Чаша из Провальской степи, по художественно-декоративной, технологической и орнаментальной специфике, соответствует таким же изделиям, найденным как на Южном Урале, так и южных евразийских степях [165, с. 84–103]. Абсолютная же аналогия чаши из Провалья известна в подкурганном захоронении степной Украины, в Николаевской области у с. Ковалевка [64, с. 379. Рис.39, 2; с. 383. Рис. 50].

К числу редких находок из области художественной гарнитуры относим, упомянутую выше, биметаллическую дугообразную литую пластину, обнаруженную в комплексе вещей святилища урочища «Мечетная гора» [90, с. 188. Рис. 4, 12].

Пластина с наружной стороны оформлена рисунками в технике барельефа (рис. 104, 1). Наше внимание привлекли изображения медведей, которые указывают на сходство находки с искусством Южной Сибири, в частности изображений медведей – представителей дикой лесной фауны [149, с. 6–67]. Артефакт является дополнительным свидетельством того, что в среде восточноевропейских кочевников обычаи и традиции Сибирской прародины продолжают присутствовать. Пластины закреплялись на запястьях и являлись деталью половецкого костюма. На изваяниях Степного Подонцовья, среди хорошо сохранившихся «костюмированных» скульптур, на рукавах предплечий и запястий видны как узкие, так и широкие нашивки (изв. 71, 73, 91 и др.) (рис. 107) [128, с. 259; 74, с. 12–125].

Презентабельность прикладных художественных изделий в сочетании с такого же уровня памятниками каменнорезного искусства – свидетельства того, что термин «Дикое поле» [98; 108; 144], возникший по отношению к средневековой здешних массивов, в рассматри-

ваемое время, не более чем литературный псевдоним, не соответствующий исторической действительности даже в постполовецкое время. Причем в погребениях XIII–XIV вв. заметно чаще, нежели в таковых же, из XI–XII вв., присутствуют предметы иноземного производства. Они могли попасть в степь в результате торговли, обмена, грабежа, военных соглашений. Однако, каковы бы ни были пути притока импортных вещей, их присутствие – свидетельство-факт установившихся контактов между государствами Передней Азии, Анатолии, Балкании и народами степей юго-восточной части Восточной Европы. О дорогих тканях, украшениях сообщается в «Слове о полку Игореве» – «помчаша красивыя девки половецкыя, а с ними злато, и поволокы, и драгыя оксамиты». Естественно, дорогие ювелирные изделия составляли предметы роскоши аристократической прослойки номадов, неслучайно, фрагменты шелковых и парчовых тканей обнаружены исключительно в захоронениях богатой части населения [52; 121; 188].

Нельзя не заметить ситуации влияния половцев на соседей. Например, половецкие халаты, возможно, тогда же вошли в обиход вельмож Европы. Из системы вооружения Русь и Византия от кочевников заимствовали: сабли, большие и малые луки, различных форм шлемы, стрелы, стремена. Общение славянских и тюркских этносов способствовало взаимообогащению языков и теперь еще в нашей речи широко представлен тюркизм. Контакты славянского и тюркского языков делятся более тысячи лет, поэтому лексика восточных этносов, еще до событий, воспетых в «Слове о полку Игореве», вошла в славянский обиход со времен Древней Руси, но особенно ярко она звучит в «Слове». Здесь тюркская терминология представлена наиболее колоритно [6, с. 241–247; 7, с. 92–106].

Рис. 153. 1-3. Пиала в художественной первозданности

В этой связи нельзя не затронуть тему тюрко-славянской этимологии, касающейся каменных изваяний. В старину на Руси их называли «болванами». В «Слове о полку Игореве», например, упомянут «тмутараканский болван» [140, с. 57; 68, с. 25–29; 158, с. 193]. В источниках тюркско-орхонского содержания каменные столбы у могил называют «балбалами», что означает «камень с надписью или рисунком», но не антропостатуя, однако «балбал» мог быть объяснен и как «богатырь», «воин», «герой». В литературе относительно терминологии каменных статуй есть и такое объ-

яснение: «каменная баба» происходит от древнетюркского слова «бава», что означает «предок». Возникшие различия позднее, в XIX ст., все же привели к креативному терминологическому, по существу бытовому «компромиссу», суть которого – каменные изваяния называть общим понятием «каменные бабы», причем всех встречаемых, как в центрально-азиатских, южно-сибирских, казахстанских, так и других, в том числе южно-европейских степях. Однако, тюркологи считают, что в понятиях «баба», «балбал», «болван» и «бава» существует древняя этно-этимологическая родственность. Что касается обычной «народной терминологии», то понятие «баба» доступно и понятно славяноязычному этносу, еще и потому, что определенная их часть изображает полных, туч-

ных женщин явно преклонного возраста (рис. 63, 1–2) (см.: в Альбоме иллюстраций, раздел III, изв. 2, 5, 15, 44, 51, 73).

Итак, культурный диалог разноязычных этносов сосредоточенных в восточноевропейских степях можно считать состоявшимся, в результате чего тюрко-славянское население становится более билингвистическим. Такие тенденции в первую очередь затронули южные княжества Древней Руси, ближе других граничащих со степью. Здесь же в период раздробленности, а затем и позднее, в XIV–XV ст., появляются первые поселки русских бродников, у которых разноязычие и поликультурие и теперь еще норма бытового уклада, чем засвидетельствован факт продолжения исторического диалога между веками сосуществующими этносами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У племен, населявших наши степи в прежние эпохи, покровительствующие им статуарные обереги представлены не только антропоморфиями, но и реальными человеческими образами. В зависимости от содержания культа стелы опускали в могилы. Скульптуры, напротив, устанавливали на вершинах курганов и холмов вне могил. Здесь перед ними совершались обряды, «обеспечивающие» силу и бессмертие персонажам общества кочевников, осуществлялись ритуалы, связанные с огнепоклонством и жертвоприношением.

В соответствии с языческими верованиями, антропоморфным стелам придавалось лишь некоторое сходство с человеком, прорисовки, исполненные на них, видимо, акцентированы на социальный статус образа воплощенного в камне. В этой связи, произведения камнерезного искусства древних обществ – не только памятники материального и этнокультурного содержания, но одновременно олицетворение социальной стратификации и идеи, связанной с ними, сакральности.

История Степного Подонцовья, как и всей южной части Восточной Европы на рубеже I–II тыс. н. э., немыслима без участия тюркоязычного этноса, который из южносибирской Азии на протяжении более 250 лет, с X и до середины XIII вв., волнами вторгался в Европу. Интерес к истории средневековых кочевников степных пространств Восточной Европы,

вызван рядом причин.

Во-первых, об этой территории, после долгого, фактически со скифского Геродотова времени, молчания, благодаряномадам, вновь заговорили письменные источники, в том числе национальные древнерусские летописи и прежде всего сюжеты, воспеты поэтической формой «Слово о полку Игореве».

Во-вторых, кочевники, являясь участниками средневековых геополитических событий, в определенной степени влияли на судьбы европейских государств, что особенно ощутимо проявлялось во взаимоотношениях кочевой степи Византии и Руси [32]. Естественно, степные народы, находясь в ближайшем соседстве с восточнославянским миром, нередко определяли реалии истории Древней Руси.

В-третьих, кочевники многообразием вещей из области военного снаряжения, материальной и духовной культуры, среди которых особое место занимает монументальное камнерезное искусство, корректировали направление средневекового культурогенеза. В этом явлении, признанным историей феноменом, является их статуарное дело.

Разумеется, народы, которые основную часть жизни проводили в седлах и в повозках, в передвижных юртах, не могли оставить после себя городов, замков, храмов, поэтому основное внимание, прежде и теперь, археологическая наука уделяет изучению погребений и всему

тому, что находится в них. В настоящее время в степях от Волги до Дуная раскопано более двух тысяч кочевнических захоронений, значительная часть которых принадлежит половцам. Несмотря на большое количество находок из могил (оружие, амуниция, бытовые предметы, украшения, иногда одежда, клады и другое) – многое в истории этого народа оставалось бы невыясненным без изучения каменных изваяний. Они же единственно достоверные образы представителей исчезнувшей формации и ее этноса.

Еще в XVIII ст. изваяния стояли на возвышенностях – курганах, холмах, грядах. Но уже в XIX и особенно в XX вв., их уничтожение было столь ощутимым, что из многих тысяч статуй, «обитавших» когда-то в восточноевропейских степях, до нас дошли сотни, да и то благодаря тому, что с XIX в. ученые, российская интеллигенция, краеведы, осознав важность для собственной истории этих источников, сумели собрать изваяния в музеи и коллекции и уже этим отчасти обеспечили сохранность произведений тюркского искусства. В 70–90-е годы прошлого столетия аналогичная коллекция статуй появилась и в Луганске, в системе парка-музея-скансена каменных изваяний (рис. 164). Половецкая принадлежность статуй не вызывает сомнений, к их изучению побуждают материалы и информация артефактных из захоронений и отчасти письменных источников [139, с. 112–130, 156–197]. Из них же узнаем об укладе жизни, верованиях, судьбах кочевнических обществ [176, с. 31–36, 88–91, 94]. Без сомнения, статуи не являлись мемориальными памятниками, они устанавливались в специально оборудованных, оформленных для сакрально-ритуальных действий местах и святилищах. Таким образом, половецкие скульптуры не только свидетели, но и «участники» обрядов и верований, связанных с куль-

том предков.

Познавательная ценность половецких изваяний складывается из разных элементов, в том числе из того, что на них изображено. К примеру, инвентарь, предметы быта, детали костюмов, амуниции, украшения, прически, головные уборы, обувь и другой из гарнитуры не были бы известны вообще, не будь всего этого на статуях.

Половецкие изваяния в иконографии далеко не однообразные, и наличие разных типов скульптур вполне объяснимо. За более чем полтора столетия пребывания половцев в восточноевропейских степях в их хозяйстве и обществе произошли заметные изменения: во-первых, здесь они, обрели относительную оседлость, во-вторых, в их обществе возник феодализм, укреплялась и централизовывалась власть, изменялся сакралитет, его обрядовая практика. Эти и другие новации, происходившие в кочевническом укладе, нашли отображение в камнерезном искусстве, в частности, в композиционно-художественном совершенстве. Типологическая характеристика статуй Подонцовья является также иллюстративным подтверждением исторического пути комано-кипчако-половцев в таких проявлениях как: миграции из Азии, хозяйственном подъеме, расцвете культуры в степном юго-востоке Восточной Европы и упадке, в результате которого классические статуарные произведения как бы «деградировали» в направлении столбовидности, порой лишь символизирующей человеческую фигуру.

В предложенной нами типологической классификации, на наш взгляд, нашлось место всем известным на современнейший период средневековым скульптурам поздних евразийских кочевников. При этом мы придерживаемся взглядов об исторических истоках и связях восточноевропейских статуй со статуями прииртышской, алтайской

VI–IX вв., затем семиреченско-казахстанской кипчакской группы X–XI ст. и не склонны поддерживать идею о существовании скульптур, оставленных другими народами, как, например, болгарами, печенегами или торками, хотя известно, что и они могли создавать некие антропоморфные формы. Выводы по вопросам этнотерриториальной принадлежности и хронологии всей серии скульптур из Степного Подонцовья совершенно конкретные: статуи изготовлены половецкими мастерами для половцев, и они датируются от середины XI до середины XIII вв.

Первичные исследования материалов (песчаников), из которых изготовлены статуи и визуальный петрографический анализ осадочных пород кряжа, надежно связывают скульптуры Подонцовья, с географическими районами Донецкого кряжа, на территории которых и теперь видны древние карьеры, откуда скульпторы могли извлекать заготовки для своих произведений. Таким образом, удастся подтвердить идею, что изваяния рассматриваемого региона изготовляли и использовали те племена или объединения, которые проживали или пребывали в этой местности.

Картографирование изваяний [74, с. 50–53, 87–88. Табл. 39], воссоздает картину расселения половцев на одном из участков восточноевропейского массива [139, с. 156–157, 167–168, 187–189]. Оно убеждает нас и в том, что степи Подонцовья и плоскогорья Донецкого кряжа в XI–XIII вв. были заняты «донецкими

половцами». Возможно, из этой земли шло расселение на другие территории, сам же кряж, вероятно, оставался одним из центров страны Дешт-и-Кипчак.

В научной литературе половцы Подонцовья обозначены определением «нижнедонское и донецкое объединения», входившие в пространства так называемой Черной Кумании. По географическим параметрам, намеченным Б. А. Рыбаковым, а затем С. А. Плетневой, Черная Кумания охватывала Приазовье, и даже восточную часть Причерноморских степей [129, с. 260–300; 130; 132; 134]. Дальше, на западе, находилось второе, крупное, Приднепровское объединение под названием Белая Кумания. Донецкие половцы, составляя ядро «чернокуманского» объединения, в союзе с «белокуманией» представляли грозную силу. Ханом-объединителем мог быть вполне реальный персонаж того времени – Кончак. Но события истории порой непредсказуемы, недавние грозные и амбициозные «владельцы» степей, нарушители спокойствия на пограничьях и в землях Руси, вскоре на себе ощутили трагедию нашествий и погромов [176, с. 31–37, 40]. В результате дальнейший процесс камнерезного искусства, как и социально-хозяйственная, военная история половцев, были навсегда прерваны волнами монгольских вторжений, а народ, создававший скульптурные творения, постепенно растворился и исчез с исторической арены. Но он был, и были мысли, верования, культура, о чем теперь могут поведать якобы «безмолвные» образы.

ЭПИЛОГ

Степное Подонцовье, как и Донецкий кряж, являясь частью восточноевропейских степей, издревле обрело образ коридора движения народов, по которому не только перемещались этносы Евразийских пространств, но и частично задерживались на различное, отведенное им историей, время. Сохраняя свои культурные традиции, они одновременно приносили их в жизнь прежде обитавших здесь племен и народов, и, в форме художественного диалога, совместно обеспечивали обоюдозначимый культурогенез, артефакты которого с достаточной убедительностью прослеживаем спустя столетия и даже тысячелетия от времени их создания.

Примером раннего этапа статуарного искусства восточноевропейских этносов следует считать значительную серию, более 350 экз., антропоморфных стел, созданных племенами индоевропейской группы IV–II тыс. до н. э. Основная серия находок связана с северопричерноморскими, приазовскими территориями, но некоторая их часть и со степями Среднедонечья, являющимися как бы отдаленной периферией древних ариев. Однако отметим, что отдельные образцы стел названных территорий в художественно-иконографическом отношении не только не уступают северопричерноморским, но даже уточняют представления об их полифункциональности, что, собственно, составляет основной вопрос научного диалога.

Следующий этап камнерезного ис-

кусства Подонцовья связан с ираноязычными степными племенами раннего железного века I тыс. до н. э.

Созданные ими образы выглядят во многом более совершенными, нежели прежние стелы, благодаря художественно-иконографические приемы создают скульптурные формы с различным уровнем реального антропоподобия. Глубину исполненного образа определяют: социальная и сакральная значимость персонажа, характер материала, технические и иконографические навыки статуарного искусства. Основным вопросом скульптурного дела их времени, как и прежде – семантика. Однако, нельзя не заметить факт – художественное мастерство варваров (киммерийцев-скифо-сарматов) в статуарном деле заметно уступает антике. В этой связи очевидность культурного диалога племен варварских сообществ с эллинами весьма относительная. Отсутствие в них значимых элементов подражания античным статуарным формам – убедительное свидетельство несостоявшихся культурных контактов, несмотря на столь длительный по времени, более 300 лет, и территориальный контакт обоюдно заинтересованных друг в друге народов. На всем протяжении существования статуарного искусства ираноязычных кочевников, «идолы» оставались основными иконографическими образами варваризированной культуры.

Средневековая история восточноевропейских степей в пределах II тыс. н. э.

немыслима вне присутствия тюркоязычных кочевников, наследников племени «тюрк». Среди них особое место занимают кипчаки, по поводу которых на протяжении ряда столетий не умолкают литературные, документально-исторические, былинно-эпические предания, как со стороны близким к ним соседям – славян, так и отдаленных народов Евразии. Примером тому этнонимические варианты: славяне – половцы, греко-латиняне – команы, куманы, арабы – кипчаки, кафчаки, армяне – хардеми, венгры – кумы, кююты, китайцы – сирами и другие определения. Однако при всем многообразии сведений мало что известно из собственных комано-кипчакских, половецких источников, поэтому знания о них в основном происходят из государств, с которыми половцы находились в различных формах взаимоотношений. Но необходимо учитывать тот факт, что во взглядах авторов, в первую очередь, касающихся событий того времени, присутствует личностный субъективизм. Достоверными же источниками по истории народов принято считать данные археологического происхождения, полученные из раскрытых раскопками погребений. К сожалению, знания о них, в силу огромной разбросанности в пределах страны Дешт-и-Кипчак и практически фрагментарной степени изученности находок, заставляют пользоваться ими с некоторой степенью осторожности.

Достоверными артефактами истории и культуры половцев принято считать созданные ими каменные изваяния, число которых, в восточноевропейском массиве, по сведениям XIX – начала XX ст., составило около 1600 ед. Во второй половине XX в. их уже не более 950 ед. Естественно, в обоих случаях статистика относительная, так как никто и никогда ни в прошлом, ни теперь не сможет «переписью» подтвердить численность по отношению к XIII в. В рамках нашей темы

важно обозначить тот факт, что кипчаки, мигрировавшие из Азии в западном направлении, прибыли в восточноевропейские степи не как новоявленная дикая орда, а привнесли с собой сложившиеся предшествующими столетиями раннего средневековья Азии культурные традиции камнерезного искусства и языческих верований.

Скульптурные артефакты засвидетельствовали территориально-хронологические и иконографические этапы статуарного культуругенеза народа тюрк: VI–VIII ст. – Центральная Азия (Южная Сибирь), IX–XI ст. – Средняя Азия (Семиречье, Казахстан), XI–XIII ст. восточноевропейские степи (Донецкий кряж, Степное Подонцовье, Приазовье, Нижнее Подонье, Поволжье).

Наиболее результативным оказалось время в два столетия, в течение которого тюркское статуарное искусство обрело «европейский» образ. В XII–XIII вв. заметную роль в деле становления культуругенеза обозначил симбиоз отдаленного во времени постантичного искусства и искусства древних тюрков на общем для них восточноевропейском пространстве.

Среди «приглянувшихся» кочевникам массивов в Приазовье, Нижнем Дону, Причерноморье более всего оказались удобными плоскогорья Донецкого кряжа, которые по природо-ландшафтным напоминали юг Сибири. Здесь же в донецких степях кочевой уклад кипчаков приобрел формы относительной оседлости. Орды расселялись по им же приобретенным территориям. Трансгрессивные природные условия рубежа I–II тысячелетий способствовали произрастанию кормов, следовательно, экстенсивному скотоводству, обеспечивающему возникновение в среде кочевников феодализма, что наглядно отображено в художественно-статуарных образах элиты из числа гражданских и военных аристократов.

Исследователи изваяний поздних ко-

Панорамы, стенды и фрагменты экспозиции археолого-этнографического музея >

чевников (С. А. Уваров, Н. И. Веселовский, С. А. Плетнева, Г. А. Федоров-Давыдов и другие) однозначно считают установленным фактом, что вся серия средневековых монументальных скульптур восточноевропейских степей принадлежит половцам, типологические варианты которых – результат иконографической эволюции, возникшей в условиях изменения социосреды и сакралитета. В тоже время нельзя не обратить внимание на различия авторами типолого-иконографических критериев. Фактором, ограничивающим возможность исследования динамики статурного дела номадов, считаем тот, что большинство рассматриваемых изваяний традиционно представлены выборкой лучших художественно-выразительных, зрелищных образцов, теперь являющихся не более чем музейными экспонатами. В этой связи статурные артефакты давно, еще в прошлом, как минимум в XVIII–XIX вв., утратила источниковедческую первозданность.

В предлагаемой монографии приведены скульптурные изделия с адресными, а порой и полевыми археологическими привязками в пределах географического пространства Степного Подонцовья, в частности, вдоль северного склона средней части Донецкого кряжа. Их автотонность подтверждают геолого-петрографические данные каждой отдельно взятой скульптуры. В ряде случаев с помощью петрографии удастся «привязать» изваяния к карьерам и, благодаря этому, получить информацию о мастер-

ских по изготовлению скульптур, направлении их транспортировок к местам предназначений.

Наглядными проявлениями статуарного культурогенеза восточноевропейского этапа тюркского искусства являются: монументальность, художественная выразительность исполненных образов, в отдельных случаях портретность, композиционные разнообразия поз, совершенство исполнения образа человека, словом, признаки, характерные европейскому скульптурному уровню.

Разгром страны Дешт-и-Кипчак сопровождался упадком хозяйственных и социальных структур, уничтожением половецкой знати, идеи сакралитета, исчезновением скульптурных изображений и следов обрядов, связанных с ними. Завоевание изменило хозяйственную и организационную системы половецкого общества, которые прежде обеспечивали ему естественную феодализацию, взамен привнеся населению Дешт-и-Кипчак улусную государственность, сопровождаемую распрями, военными конфликтами и войнами, являющими прологом к возникновению «Дикого поля». К примеру, Фран Маура из Италии, во второй половине XIII ст. посетив степи, с сожалением констатирует: «Кумания была некогда обширной землей и широко распространяла свои границы, но ныне куманы так истощены, что на них мало кто обращает внимание».

Военно-политическая обстановка, упадок скотоводческой отрасли породили депрессивные тенденции культуры,

*< Луганского университета
в ожидании пространственных и
композиционных реконструкций*

в частности, исчез обычай изготовления скульптур и обряды, связанные с ними, опустели сакральные места, низвергнуты и нередко разрушены их символы – идо­лы.

К XV ст. ситуация в степи еще более изменилась. К примеру, исчезают обы­чаи подкурганных захоронений, следо­вательно, и обряды связанные с ними, кипчакский этнос практически раство­ряется в среде завоевателей, возникают новые этногруппы – татары, ногайцы. Значительная часть половцев переме­стилась на различные, причем порой от­даленные, территории, как, например, Малая Азия, даже Африка (Египет), где они окончательно утратили свою, харак­терную им, идентичность. Та же часть команно-кипчаков, которая осталась в степях юго-востока Восточной Евро­пы, несмотря на общий упадок и утрату исторического облика, отчасти сохрани­ла духовный потенциал, при этом даже оказывала культурное воздействие на монголов, которые, к тому же, как бы

«растворялись» в среде кипчаков. Кстати, отметим тот факт, что государственным языком Орды был язык тюрко-кипчаков.

Итак, мы рассмотрели памятники камнерезного искусства, относящиеся к трем историческим периодам и сосре­доченные в пространстве степей Подон­цовья. Первые два периода, имеющие отношение к стелам и менгировидным формам, в этой части восточноевро­пейских степей, пока что представлены ограниченным числом находок. В ва­рианте тюркских изваяний, наблюдаем статуарное искусство народа, который к середине XIII ст. оказался под властью золотоордынских ханов. Сложившаяся в степи улусная система – новый, явно неприемлемый команно-кипчакам уклад, не более чем вынужденное сосущество­вание двух стихий – золотоордынской государственности со всеми ее струк­турными формами и степной кочевни­ческой, но уже без значимых признаков тюркского традиционного этнокультурно­генеза.

ПАРК-МУЗЕЙ СТАТУАРНОГО ИСКУССТВА В ЛУГАНСКЕ

Официально парк-музей камнерезного искусства в г. Луганске ведет отсчет времени от распоряжения Исполкома Ворошиловградского Областного Совета депутатов трудящихся №144 от 23 марта 1972г. (рис. 2, 1). К этому времени число выявленных нами скульптур составляло более полутора десятка. Местом временного сосредоточения статуй стал двор педагогического института (ВГПИ) г. Ворошиловграда (Луганска). Интерес к идее создания музея-скансена, поддержку в реализации задуманного нами парка оказал Всеволод Григорьевич Пичугин, ректор пединститута в 70–80-е годы.

Поиски статуй осуществлялись в процессе тотальных археологических разведок, проводимых нами на территории Луганской области. По селам и поселкам, у дворов, в заборах и огородах, по углам домов и улиц, в ямах разрушенных курганов и оврагах, в качестве опор мостов, в фундаментах старых построек и на заросших кустарниками берегах заброшенных прудов, у колодцев и на хоздворах, иных местах, никак не связанных с историческим предназначением скульптур, находились каменные изваяния, не зафиксированные ни в краеведческих описаниях, ни в музейных каталогах (рис.4). Именно такие статуи доставляли в парк-музей. Без малого 50 лет продолжаются поисковые работы, в результате которых найдено, перевезено и установлено около 90 «бесхозных» стел и скульптур. Еще 35 статуарных произведений, или их фрагменты хранятся в коллекциях Свердловского, Лисичанского, Луганского, Первомайско-

го, Смоляниновского музеев Луганской области, в университете им. Владимира Даля в г. Луганске. Незначительная часть статуй, правда только в виде постаментов, продолжает оставаться на курганах. Ни в одном случае снятия изваяний и стел непосредственно с курганов нами допущено не было.

Практически все статуи парка-музея происходят из северного склона средней части Донецкого кряжа, охватывающей Свердловский, Краснодонский, Антрацитовский, Лутугинский, Перевальский, Попаснянский районы. Очень мало, буквально единицы, статуй найдены в центральных частях Луганщины – Станично-Луганском, Беловодском, Славяносербском, Старобельском, Новоайдарском, Кременском районах. Однако их происхождение на названных территориях необъяснимо, и мы вправе считать, что в равнинные места левобережья их привезли позднее, в ближайшие два-три столетия. Совершенно нет статуй в северных массивах области – Белокуракинском, Троицком, Марковском, Новопсковском районах (рис.5).

Естественно, в процессе поисков и картографирования статуарных памятников желательным вариантом было зафиксировать скульптуры в состоянии *in situ*, то есть с ненарушенным первоначальным местонахождением. Как известно, определяющим признаком того, что изваяния, как и прочие древности, никто и никогда не перемещал, является их присутствие в неза тронутых захоронениях, или в горизонтах насыпей курганов. Однако, среди сохранившихся в степи статуй, либо их облом-

Рис. 4. Непредсказуемость судеб (с. Сокольники, пос. Бирюково, Новоалександровка)

ков, только незначительная часть может претендовать на идентичность с исторической первоосновой. Эти же замечания касаются плит со следами обработки, антропоморфных стел и менгирообразных столбов, иногда обнаруживаемых на распахиваемых курганах.

Статистика древнейших стеловидных форм, выявленных в подкурганых захоронениях в здешних степях перешагнула во второй десяток. В частности, они обнаружены в окрестностях городов Свердловск, Александровск, Зимогорье, Лисичанск, Ровеньки, Сватово, а также близ сел Астахово, Говоруха, Новоникольское, Пионерское, Новодачное (рис.6). Альтернативой каменным монументальным стелам из погребений явились миниатюрные скульптуры из дерева. Например, в кургане у с. Преображенное Сватовского рай-

она погребальную камеру с захоронением III тыс. до н. э. как бы «оберегали» вырезанные из древесины миниатюрные антропоморфные «идолы», которые, к тому же, прежде могли являться навершиями посохов (Альбом иллюстраций. Часть I, 1).

Менее достоверны сведения о местах, на которых 800–900 лет тому назад находились каменные изваяния средневекового периода. Лишь на поверхности курганов или в их насыпях (ур. с. Провалье, Астахово, Платоновка Свердловского р-на) и теперь еще можно наблюдать постаменты скульптур или фрагментарные их обломки. Возможно, здесь и находились сакральные места кочевников, однако кем-то когда-то они были умышленно разрушены. Факты преднамеренного уничтожения скульптур выявлены в курганах вблизи с. Каменка Лутугинского

Дело всей жизни

р-на, пос. Новотошковка Славяносербского р-на, пос. Краснодон Краснодонского р-на, города Первомайска. Здесь статуи оказались в заваленном, как бы «поверженном», либо расколотом – «умерщвленном» состояниях. В остальных случаях по данным петрографии, имеют место факты массовых перемещений скульптур – порой на значительные расстояния как от возможных мест их изготовления, так и от мест утилизации. Кстати, информация о местонахождении изваяний в прошлом могла бы быть надежным источником при рассмотрении вопросов о зонах расселения половецких орд, определении мастерских по изготовлению скульптур, а, главное, сакральных мест, для которых они предназначались.

В поисках, выявлении, транспортировке и установке скульптур принимало участие

не только студенчество исторического факультета. Успешному проведению этих работ содействовали энтузиасты, среди которых и сотрудники УВД Лутугинского р-на А. А. Пужайко и В. И. Кравченко, и представители администрации Новоалександровского (Краснодонский р-н), Городищенского, Фащевского (Перевальский р-н), Краснополянского (Антрацитовский р-н), Каменского (Лутугинский р-н) сельских советов, и учащиеся и учителя Должанской, Краснопартизанской, Новоборовицкой школ (Свердловский р-н), и работники шахт «Бежановская» и «Чернухинская», дирекция Деркульского конезавода №63 (Беловодский р-н), а также сотрудники автоучкомбинатов городов Лутугино и Зимогорье, музея г. Свердловска, его директор Л. В. Бедин, многие волонтеры краеведения. Они предостав-

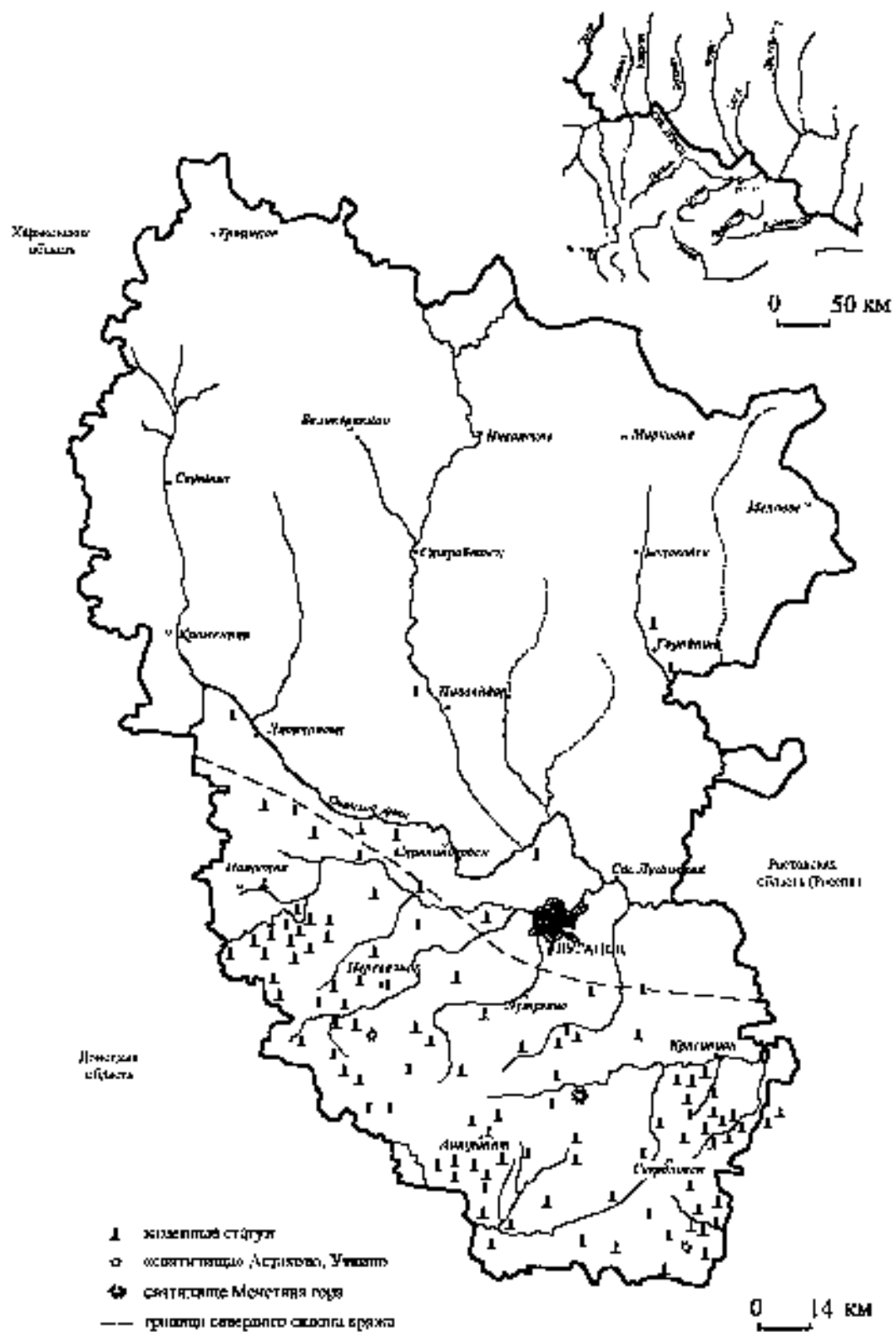

Рис. 5. Местонахождение изваяний и сакральных объектов номадов XI-XIII столетий.

Рис. 6. Местонахождение менгиров и антропоморфных стел IV-I тыс. до н.э.

*Мемориал. Они прежде были с нами.
Антрополог А.А. Руженко, студентка
Л. Балабан, археолог Рашо Рашев.*

ляли сведения о статуях, оказывали содействие в их доставке. Особую признательность за поисковый и трудовой вклад выражаем студентам истфака 1970–80-х гг.: С. Лосенко, А. Жданову, С. Апарееву, С. Князеву, Н. Бурякову, А. Левченкову, В. Малахову, С. Макогону, В. Моисееву, В. Карпунову, В. Пикулику, А. Тимукину, Н. Любимову, Е. Степанову, В. Назарову, А. Каныгину, Р. Зарицкому, К. Краснонососу, Е. Краснякову, А. Стояну, М. Бурьяну, А. Луконину, Н. Тарасенко, Н. Пасеке, Г. Заблоцкому, О. Башкатову, С. Михайлюку, С. Букаренко и многим другим, с кем непосредственно приходилось отыскивать, грузить, транспортировать статуи, неоднократно перепланировать парк-музей. Без совместных усилий многих краеведов, прежде всего: Н. И. Тарасенко, О. В. Башкатова, Г. М. Заблоцкого, С. Н. Лосенко поисковые экспедиции были бы менее результативными.

В отрезке 45-летней истории, после утвержденного в 1972 г. статуса парка-музея, нами проведены четыре частичных и столько же полных его реконструкции. Причины перемещений изваяний не только в изменении архитектурного ансамбля университетского подворья, но и в жела-

Елена Апареева (Красильникова)

нии улучшить дизайн парка в ситуации пополнения его коллекции новыми скульптурными артефактами.

К примеру, в первоначальном виде-варианте 1970 – начала 1980-х годов, обустроена лишь аллея с тремя десятками изваяний.

Последующий – второй вариант, возник в 80–90-х годах. Он представлен не только заметно большим количеством изваяний, но несколько хаотично расположенными скульптурами на ограниченном пространстве.

На следующем этапе, 90-е годы XX – начало XXI вв. – вариант 3, – изваяния «перенесены» в более обширное местонахождение, что и позволило расставить их в системе линейно-округлого концентризма (рис. 129. 1-2). Однако строительство нового корпуса вновь «позвало скульптуры в дорогу».

Современный вид скансена – вариант 4 (рис. 141). Скульптуры расставлены с учетом оптимального зрелищного эффекта и удобства просмотров как экспозиции в целом, так и отдельных произведений в ней. Не последнюю роль в планировке отведено ситуации, связанной с формирующимися здесь энергетическими пото-

Первые варианты парка-музея 70-80-е годы

*Современный образ музея
(фото А. Евлевского - 2017 г.)*

Последующие «пробы» по обустройству парка-музея в 80-90 гг.

ками и их позитивными воздействиями на посетителей (См. раздел «Неизвестное об известном»).

Прошло без малого 50 лет с того времени, когда во дворе пединститута г. Луганска появились первые скульптуры. В научных кругах о них отчасти узнали благодаря Своду археологических источников под названием «Половецкие каменные изваяния», опубликованному в 1974 г. С. А. Плетневой (рис. 7), в который, не более чем, в списочном и адресном форматах включены сведения о статуарных находках и коллекциях г. Луганска и Луганской области. Позднее, в 1999 г. самиздатом под названием «Древнее камнерезное искусство Луганщины» был опубликован каталог всех известных на тот период скульптур [74]. Сведения о них далеко не во всех случаях сопровождались качественными иллюстрациями и комментариями адресного и исторического направлений, но, благодаря каталогу, информация о

Парк-музей в 90-е годы (вариант 3)

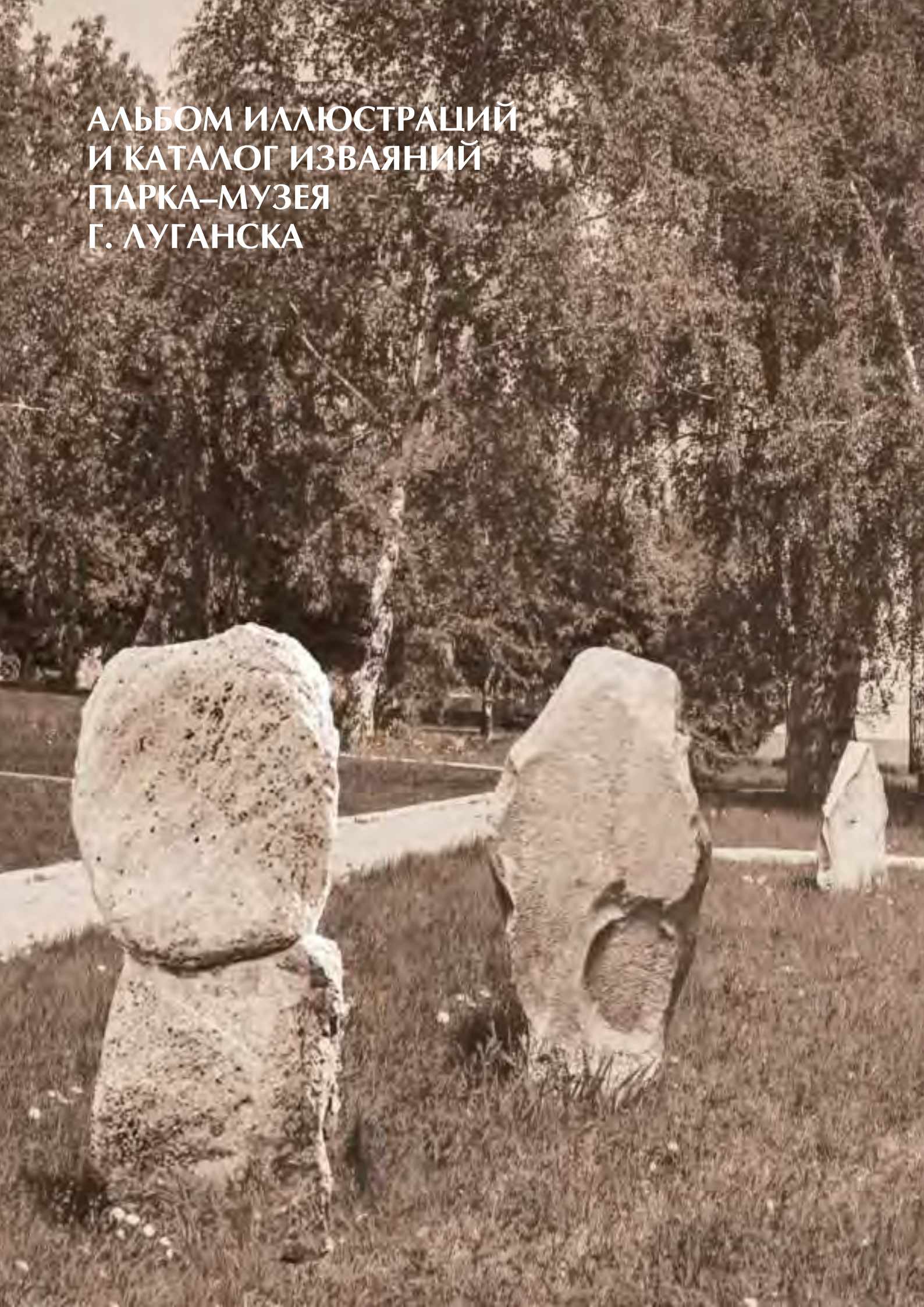
луганском собрании статуарных древностей вышла за пределы края [80, с.57–65; 83, с.18–23; 89, с.159–178 и др.]. Однако сами луганчане, в первую очередь, учителя и студенты истфака, посещающие парк-музей, зачастую не осведомлены об исторической и художественной ценности, собранных в комплекс древнейших скульптур, справедливо названных «Дива Луганщини» (рис. 3). До настоящего времени уникальный объект статуарного искусства, занимающий вторую после Днепропетровской коллекции скульптур позицию, все еще неведомый объект знаний о культурогенезе индоевропейских и древнетюркских племен в условиях их обитания в восточноевропейских степях. В этой связи камнерезные произведения, являясь «участниками» событий тысячелетних давностей в степном Подонцовье, пока еще остаются лишь безмолвными свидетелями [83].

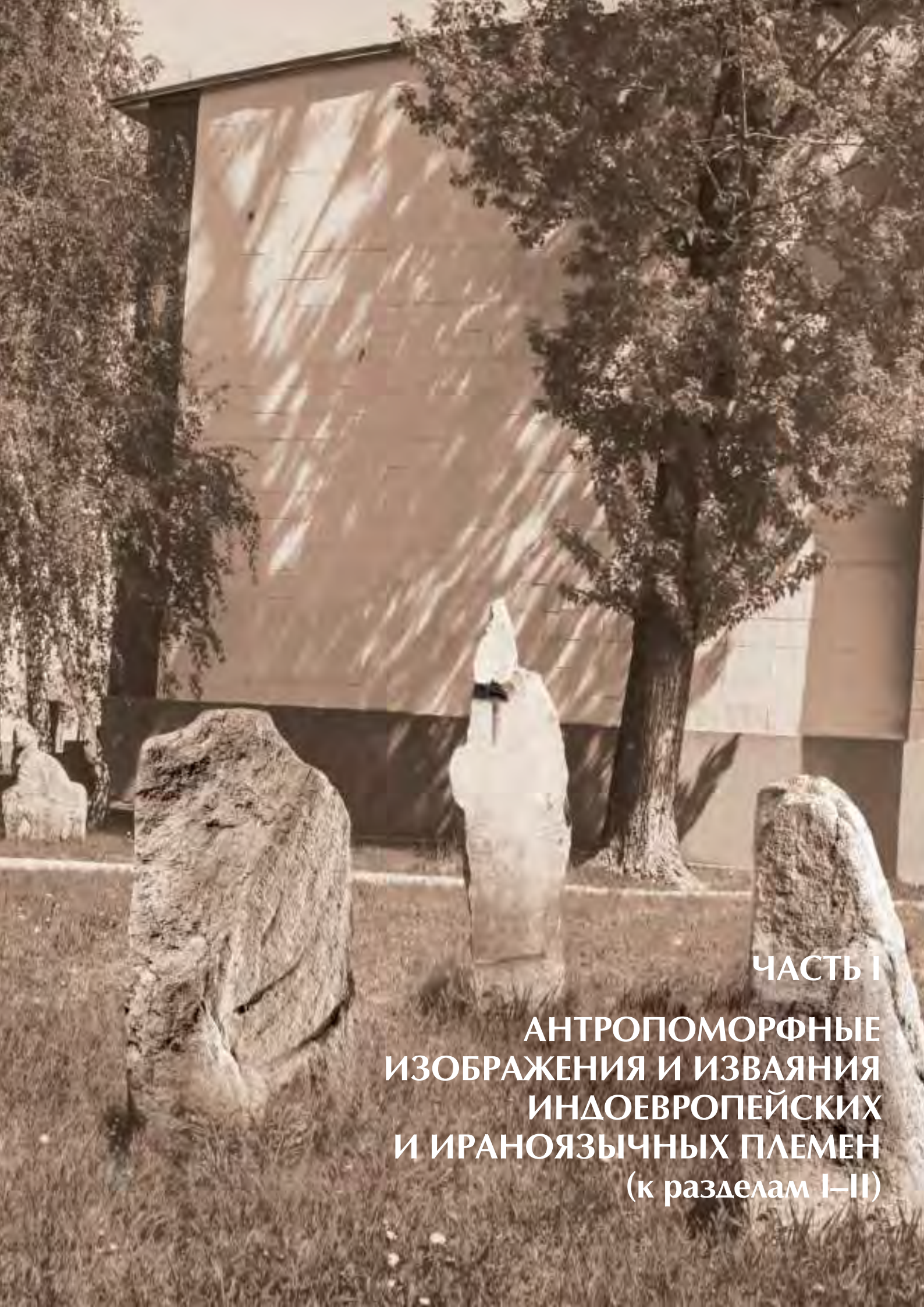
Изваяние «in situ» в усадьбе XIX ст. Елин Бор, г. Брянка (октябрь, 1969 г.)

**АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
И КАТАЛОГ ИЗВАЯНИЙ
ПАРКА-МУЗЕЯ
Г. ЛУГАНСКА**

ЧАСТЬ I
АНТРОПОМОРФНЫЕ
ИЗОБРАЖЕНИЯ И ИЗВАЯНИЯ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
И ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН
(к разделам I–II)

1. АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Из дерева в виде наконечников «посохов», обнаружены в системе плах, перекрывающих вход в камеру погребения катакомбной культуры, датированного рубежом III–II тыс. до н. э.

Высота «посохов» 0,8–1,2 м, их число не менее 6 ед. Низ древков заострен, верх оформлен округлыми наконечниками в виде головок высотой от 8 до 16 см с утолщением от 4,5 до 5,5 см. Формы индивидуальные: овальные, конусовидные, подпрямоугольные. Очевидных признаков личин, тем более лиц, не наблюдаем, но на одном изделии все же прослеживаем контуры образа.

Изделия изготовлены методом обтески и состругивания, следы которых прослеживаем на их поверхностях, сами же наконечники залощены. Удалось сохранить лишь 3 артефакта, еще 3 от времени истлели.

Аналогий выявить не удалось. В катакомбе найдены: листовидный черенковый обоюдоострый, односторонне выпуклый бронзовый нож, лезвие которого в 5 оборотов перевязано шнуром из кожи, округлобокий и реповидный горшки, кости жертвенных животных.

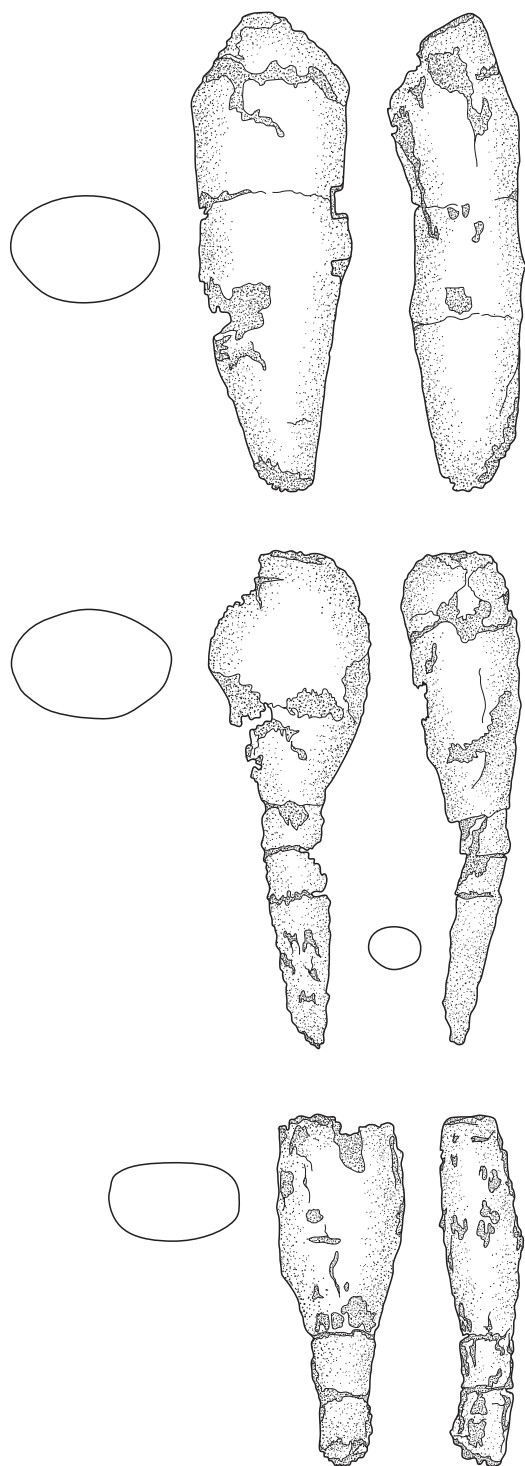
Артефакты хранятся в экспозиции археолого-этнографического музея ЛНУ города Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 3805 А3704; ЛАЭМ КП3806 А3705; ЛАЭМ КП3807 А3706

Публикуются впервые

Источник:

Отчет о проведении спасательных работ кургана на землях колхоза «Большевик» с. Преображенное Сватовского района Ворошиловградской области. Составители: Красильников К.И., Тельнова Л.И., Ворошиловград, 1990. // Архив ЛАЭМ. Ф. 2. Оп. 02-03. Дело 18. Стр. 81. Док 1. С. 65. Рис. 18, 12.

0 4 см

2. АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА

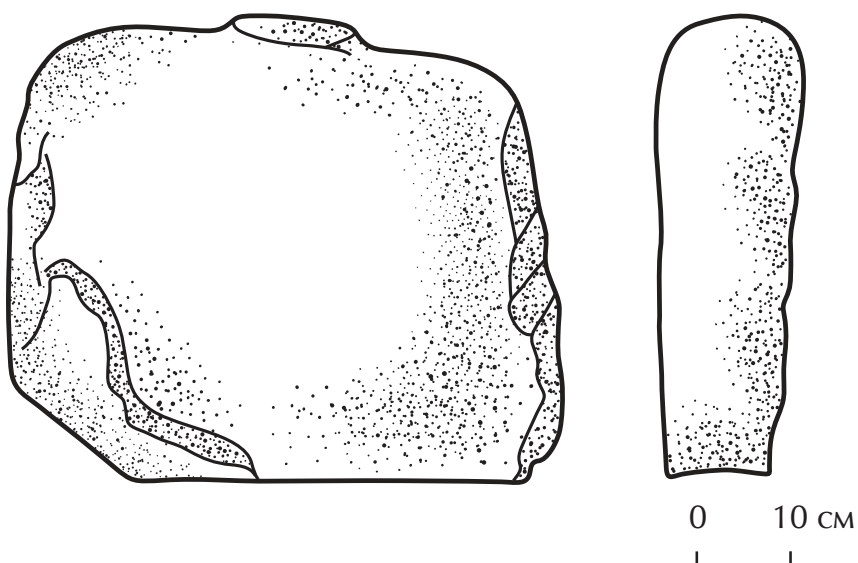
Датируемая около V–IV тыс. до н. э., изготовлена из плиты плотного мелкозернистого песчаника Донецкого происхождения. Размеры изделия: высота – 0,5 м, ширина – 0,6 м, толщина до 0,15 м. Обе плоские стороны тщательно заполированы, в верхней части плиты, в центре проработана «голова», поднятая над плечами на 3–4 см. Верх головы плоский, признаки личины отсутствуют.

Древнее местонахождение стелы не известно, случайно обнаружена засыпанной грунтом во дворе бывшего краеведческого музея по ул. К. Маркса, № 30 г. Луганска. Есть основание считать, что стела была доставлена в музей в 70-х годах прошлого столетия и она, видимо, происходит из раскопок, проводимых Северско-Донецкой археологической экспедицией ИА НАН Украины в зонах строительства оросительных систем на юге Луганщины.

Отчетной документацией не располагаем.

Состояние стелы хорошее, в настоящее время находится в экспозиции музея истории г. Луганска. Публикуется впервые.

Инв. № ЛМИКИТМ КП1-284 Р1-17.

3. СТЕЛА

Из впускного погребения 2, кургана 1 некрополя у с. Пионерское Станично-Луганского района Луганской области. Находилась в заполнении входной шахты, в средней ее части. Вход в камеру закрыт четырьмя плахами, стела же в вертикальном положении оставлена в засыпке в 1,5 м выше лаза.

Стела ромбовидная, обе стороны плоские, исходная заготовка – кварцитовая желто-оранжевого цвета плита высотой 0,7 м, шириной 0,45 м, толщиной 0,15-0,2 м. Ее боковые стороны подтесаны и этим создают образ антропоидности. «Голова», в виде усеченного конуса, плавно переходит в расширяющееся «тулово», к низу же наблюдается сужение «фигуры».

Датируется рубежом III–II тыс. до н. эры.

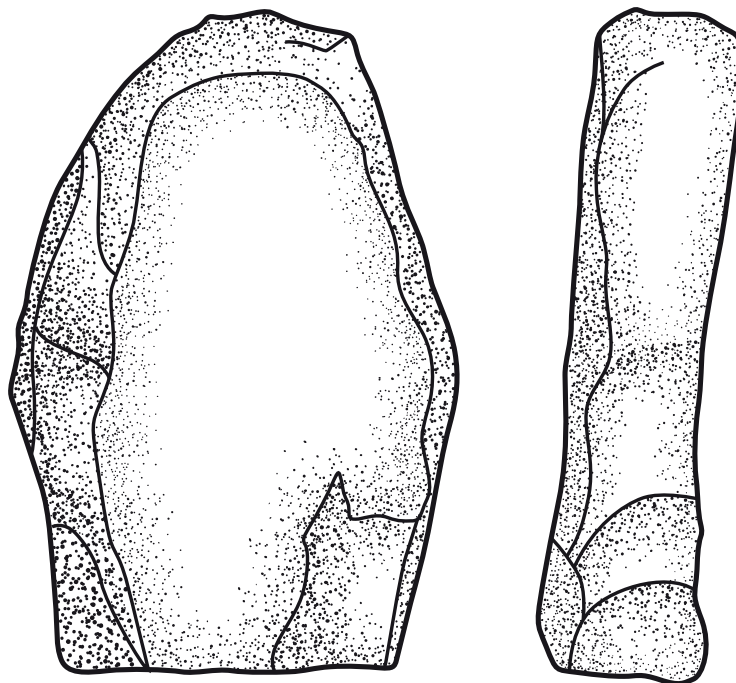
Сохранность хорошая. Хранится в экспозиции археолого-этнографического музея ЛНУ г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП5729 А5198

[84, рис. 7, 1-2]

[74, с. 9, 68. Табл. 2,2]

[76, с. 136. Рис. 2]

0 20 см

4. АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА

Луганская обл., Станично-Луганский р-н, с. Пионерское.

Обнаружена в 1988г. при раскопках курганного могильника экспедицией Луганского пединститута.

Находилась в колодце катакомбного захоронения кургана 8, погр. 3, плотно закрывала вход в камеру.

Монолит, светлый кварцит, происходит из карьера в 500м к востоку, северо-востоку от кургана.

Заготовкой послужила плита высотой – 1 м, шириной – 1,06 м, толщиной – 0,2 м, которая в общих контурах передает признаки антропоморфности. Для усиления образа и соразмерности пропорций древний мастер частично сколол правую сторону плиты, посредством выемки, как бы обозначил «ноги» и частично подработал верх «головы». В результате доработок в целом сформирован антропоидный вид.

Сохранность, из-за расслоения кварцита, неудовлетворительная, находится в парке-музее г. Луганска.

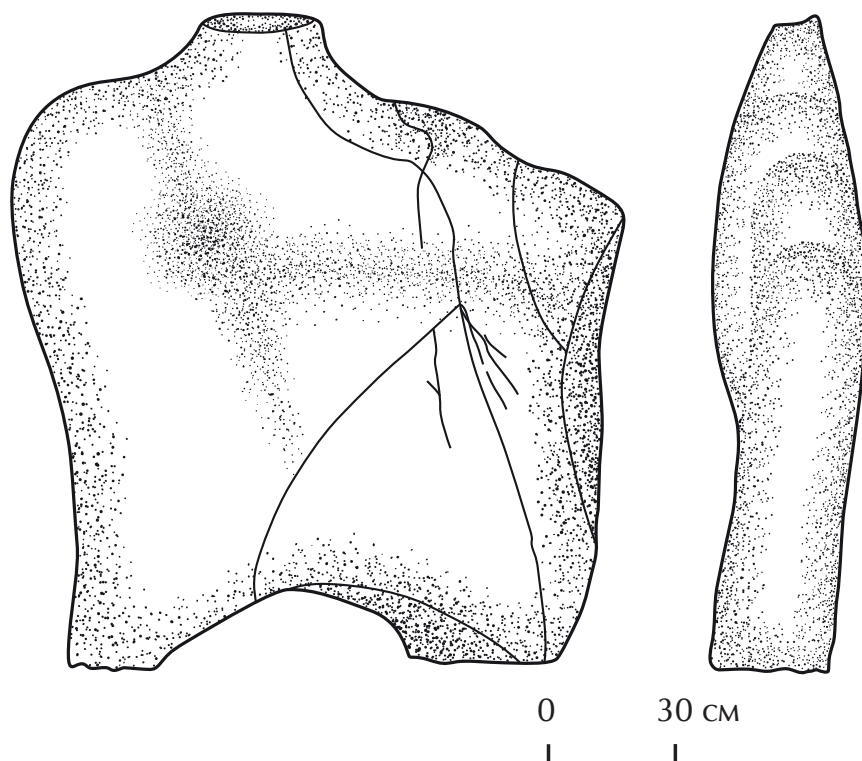
Инв. № ЛАЭМ КП 5730 А5199

[74, с. 68. Табл. 3, 1]

[77, с. 134-143]

[78, с. 88-98]

[84, с. 30-31]

5. СТЕЛООБРАЗНАЯ ОКРУГЛАЯ АНТРОПОМОРФНОСТЬ

Луганская обл., Славяносербский р-н, г. Зимогорье.

Обнаружена в 2011 г. при проведении раскопок кургана на левом берегу р. Лугани.

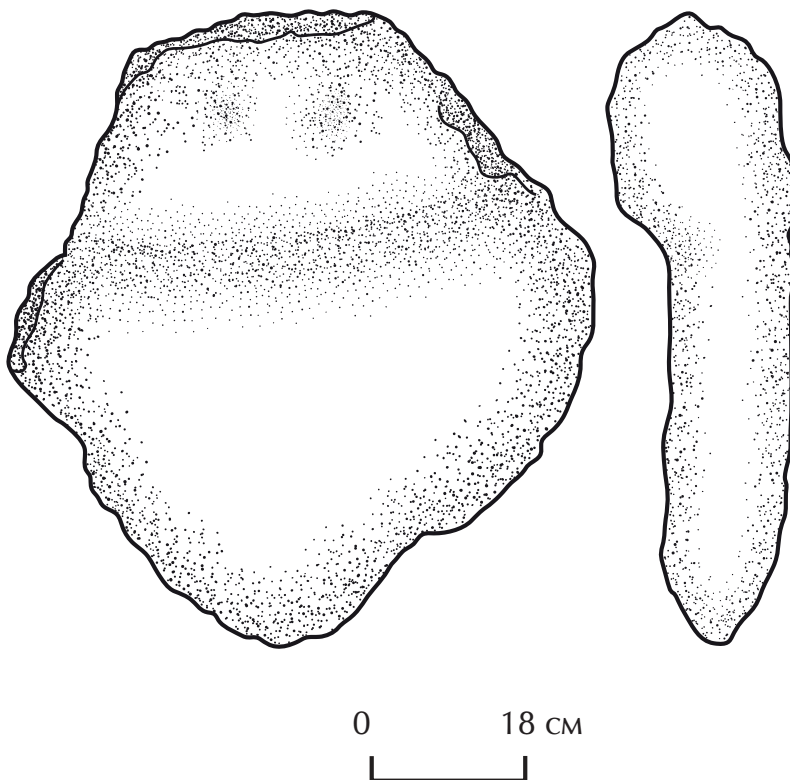
Находилась в вертикальном положении в верхней части колодцев-шахт двух погребений катакомбной культуры, внутри общего им кромлеха.

Плита плотного мергеля местного происхождения, округлая, без очевидных признаков обработки, однако, в общих контурах передает гипертрофированный образ фигуры человека и его личины с обозначением глазничных углублений.

Размеры: в окружности – 0,75×0,85 м, толщина – 0,2 м.

Сохранность хорошая, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 5731 А5200
[136, с. 162, 168. Рис. 92, 5, 98]
[93, с. 130. Рис. 1,5]

6. СТОЛБООБРАЗНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА

Луганская обл., Свердловский район, пос. Бирюково. Найдена в 1979 г., выпажана из кургана в окрестностях поселка.

Стела из цельного монолита плотного местного песчаника. Признаки обработки заметны лишь в верхней ее части. Здесь выделены голова, покатые плечи, едва прослеживаемая личина. Остальные участки выглядят окатанными.

Размер стелы: высота 1,4 м, ширина 0,6 м, толщина 0,3 м.

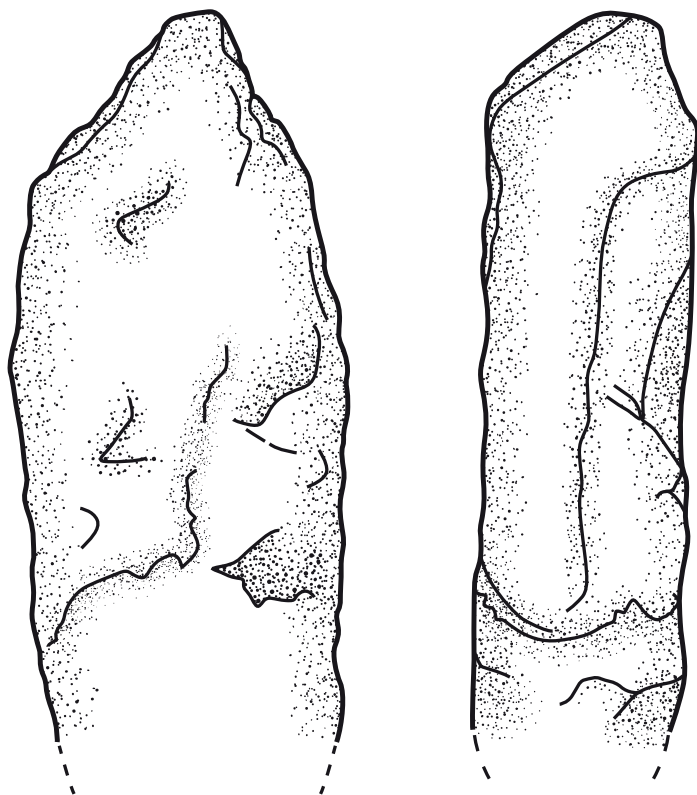
Сохранность хорошая, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП1567 А1456

[74, с. 68. Табл. 2, 1]

[39, с. 171]

[76, с. 140. Рис. 7,1]

0 20 см

7. СТОЛБООБРАЗНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА

Луганская обл., Свердловский р-н, пос. Бирюково.

Найдена в 1979 г. в черте поселка, у частного дома, использовалась как ограждение проезда. Первоначальное местонахождение не установлено.

Стела из плотного местного песчаника внешне напоминает природного происхождения столб, стороны которого округлены. В верхней части наблюдается искусственное снятие материала и этим обозначены голова и плечи. На туловище очевидных следов обработки не наблюдаем, но заметны продольные борозды, выполненные механическими приемами.

Размеры: высота – 1,3 м, ширина – 0,55 м, толщина – 0,25-0,35 м.

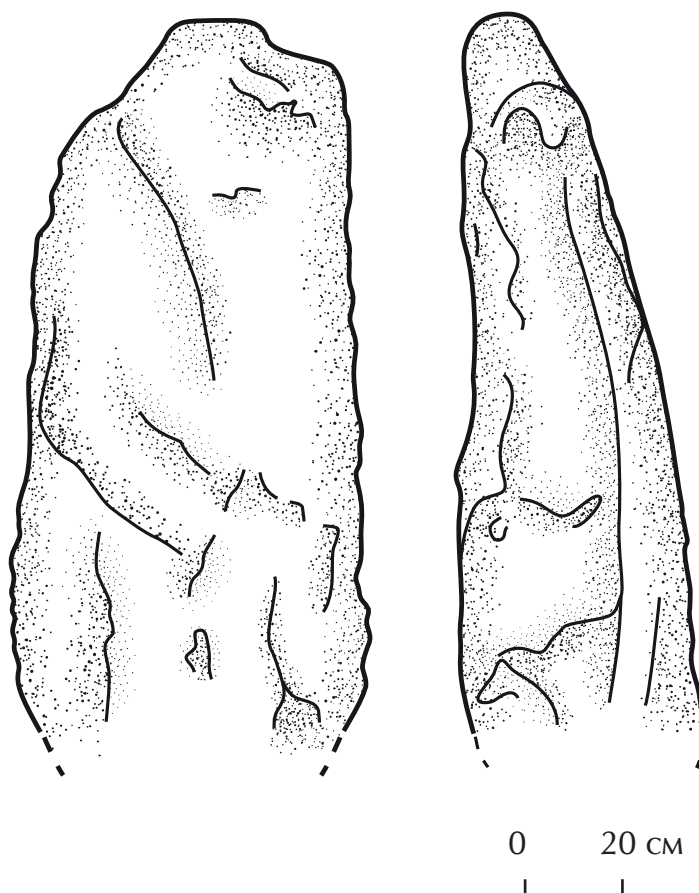
Сохранность удовлетворительная, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП1568 А1457

[74, с. 68, Табл. 3,2]

[39, с. 169]

[76, с. 140. Рис. 7,2]

8. АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА

Середина, вторая половина II тыс. до н. эры.

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Каменка, ур. Мечетная гора.

Обнаружена в 2006 г. при проведении спасательных работ на кургане 1, погребении 2 могильника поздней бронзы.

Стела выполнена на плите высотой 0,9 м, шириной до 0,35 м, толщиной 0,05 м. Плоские стороны и боковые грани тщательно заглажены, в верхней части проработана голова. Других деталей проследить не удастся. Стела, в горизонтальном положении перекрывала каменный ящик с погребением срубного времени.

Плита расколота на две части, но в целом сохранность удовлетворительная, хранится в экспозиции археолого-этнографического музея ЛНУ г. Луганска.

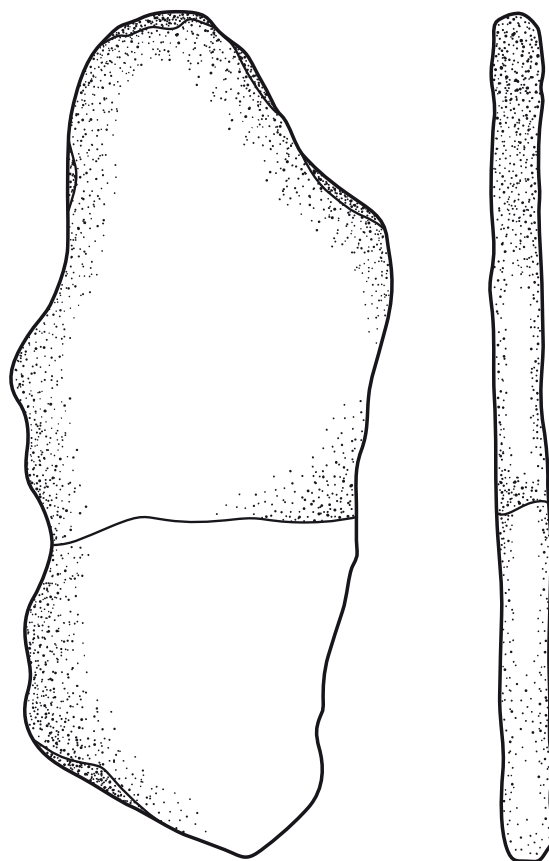
Инв. №ЛАЭМ КП5732 А5201

Источники:

Отчет об археологических исследованиях на территории Луганской области в 2006 г. Составители: Красильников К.И., Апареев С.М., Пробейголова А.С. // Архив ЛАЭМ. Ф. 2. Оп. 02-03. Дело 60. Стр. 115. Док. 1. С. 22-23. Рис. 54, 1-3.

[91, с. 228-230. Рис. 4, 3-4]

[39, с. 147]

0 10 см
└───┘

9. МЕНГИРОВИДНАЯ АНТРОПОДОБНАЯ СКИФСКАЯ СТАТУЯ (?)

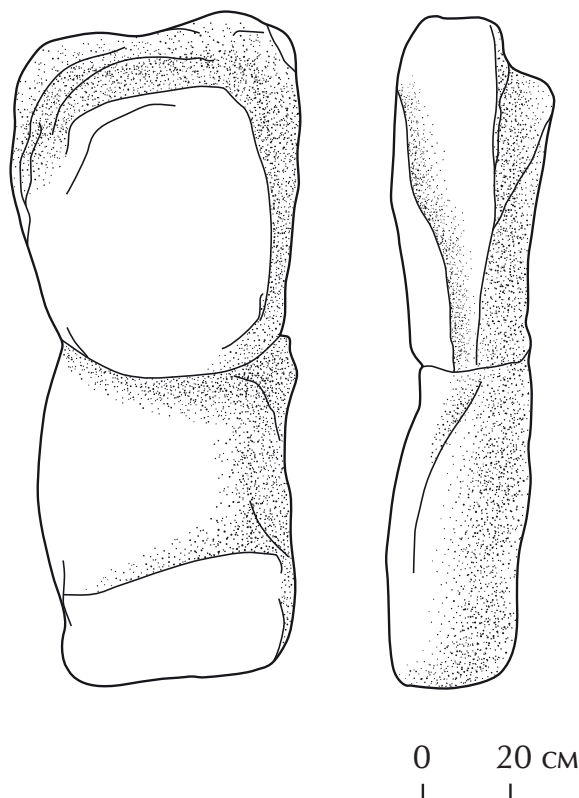
Найдена в 2013 году на вершине одного из курганов некрополя, обустроенного на высокой гряде у с. Дьяково Антрацитовского района Луганской области.

Массивная округлая глыба, расколотая на две почти ровные части, находилась в горизонтальном состоянии в углублении в центре основной насыпи высотой около 3 м. Поверхности менгира, в том числе и место раскола, выветрены и округлены. Признаки обработки прослеживаем: в округлой форме головы, разделительном углублении между туловищем и головой, плоской поверхности фронтальной части «скульптуры», в особенности слабовыпуклой личине.

Общие пропорции менгира подпрямоугольные, соразмеренность верхней и нижней частей почти равные. При высоте 1,50 м, голова 0,8×0,6 м, туловище 0,7×0,6 м. Толщина монолита 0,25–0,35 м, вес около 800–850 кг. Материал – среднезернистый, плотный, местный железистый песчаник. Сохранность удовлетворительная, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № КП5733 А5202

Информация о менгирообразных формах скифских изваяний раннего типа ограничена [135]. Данное изображение публикуется впервые.

10. СТЕЛА С РИСУНОЧЬЯМИ

Луганская обл., гор. Ровеньки

Обнаружена разведками А.Р. Смоляка в 1984 году на поверхности задернованного кургана (15×0,5 м). Находилась в центре насыпи почти в вертикальном положении.

В основе формы плита плотного, мелкозернистого, местного происхождения песчаника светлого оттенка. Поверхности окатаны, углы и боковые стороны округлены, плоская, лицевая сторона, видимо подшлифована, на оборотной обработка маловероятна, к тому же поверхность со следами расслоения породы. В верхней части четыре рукотворных углубления, в средней скол механического происхождения.

На фронтальной стороне в технике графики исполнены восемь различной длины от 0,4 до 1 м извилистых линий в виде стилизованных змей. Некоторые из них с головками. Их движения однонаправленные, устремлены кверху, здесь, в левой части плиты в той же технике, изображен овал с горизонтальной линией посередине. В нашем представлении рисунок передает стилизованный вид глаза, или змеиное яйцо с зародышем.

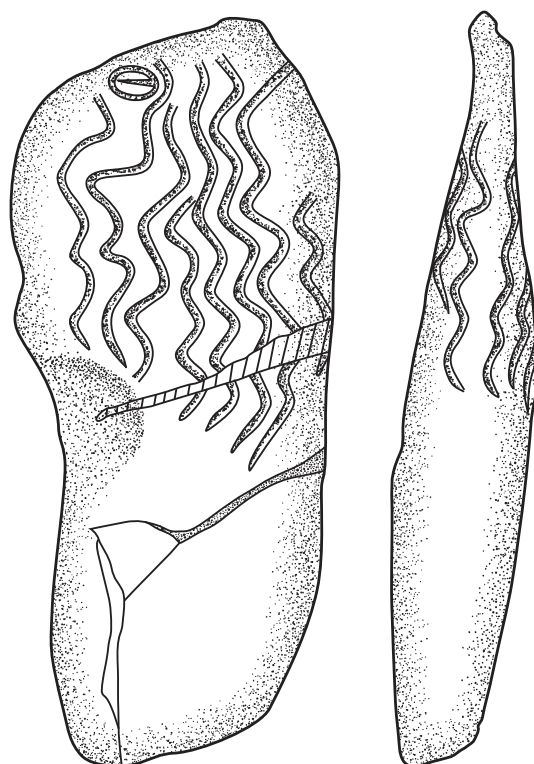
Змеевидные линии фрагментарно просматриваются и на боковых сторонах.

Размеры стелы: высота – 1,9 м, ширина – 0,75 м до 0,8 м, толщина – 0,1 м верх до 0,35 м низ.

Сохранность хорошая, хранится в экспозиции Свердловского городского краеведческого музея.

Инв №: 667, ЛОКМ А-1700, КП-14428

[145, с. 5. табл. V-VI; 76, с. 139-140; 57, с. 60]

**11. СТОЛБОВИДНАЯ
АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА
ИЗ КУРГАНА, ДАТИРУЕМОГО 2 ТЫС.
ДО Н. Э.**

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Каменка ур. Мечетная гора.

Обнаружена в 2008 г. в кургане могильника поздней бронзы.

Столбовидная плита из плотного песчаника местного происхождения с природной антропоморфностью. Правая сторона обломлена, верх в виде остроконечной головы. Убедительных следов обработки не наблюдаем.

Плита использовалась для перекрытия погребальной ямы обустроенной в виде ящика. находки из захоронения датируются серединой 2 тыс. до н. э.

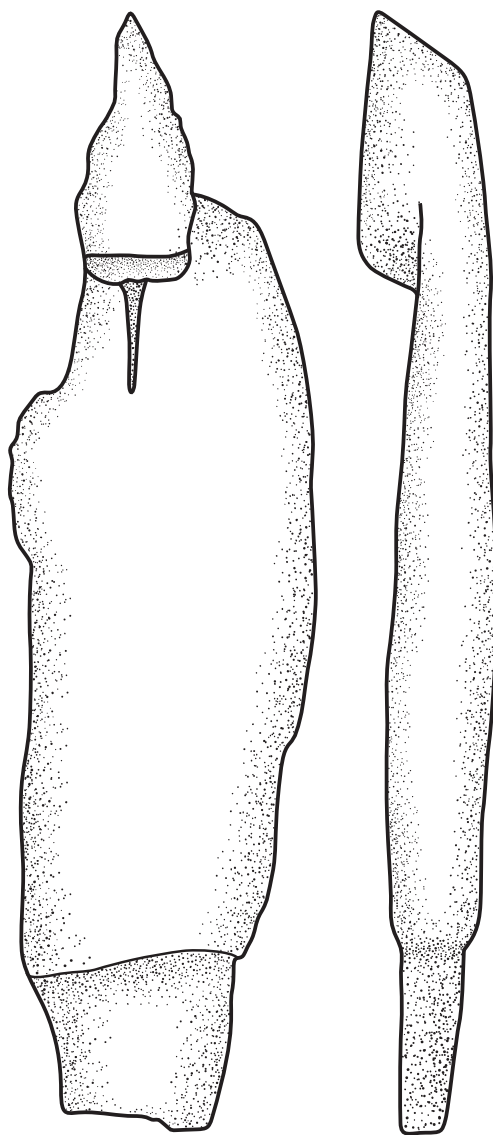
Размеры: высота – 1,57 м, сохранившаяся ширина – 0,45 м, толщина – 0,14-0,17 м.

Сохранность хорошая, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП5734 А5203

Публикуется впервые

А.С. Пробейголова, К.И. Красильников.
Отчет о раскопках кургана эпохи бронзы у с. Каменка в 2008 г. – Луганск, 2009. – С.8. – Науковий архів ІА НАН України.

0 20 см
└──────────┘

12. СТЕЛОВИДНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ЗАГОТОВКА

Луганская обл., г. Стаханов, пос. Борисовка.

Найдена в 1989 г. О.В. Башкатовым.

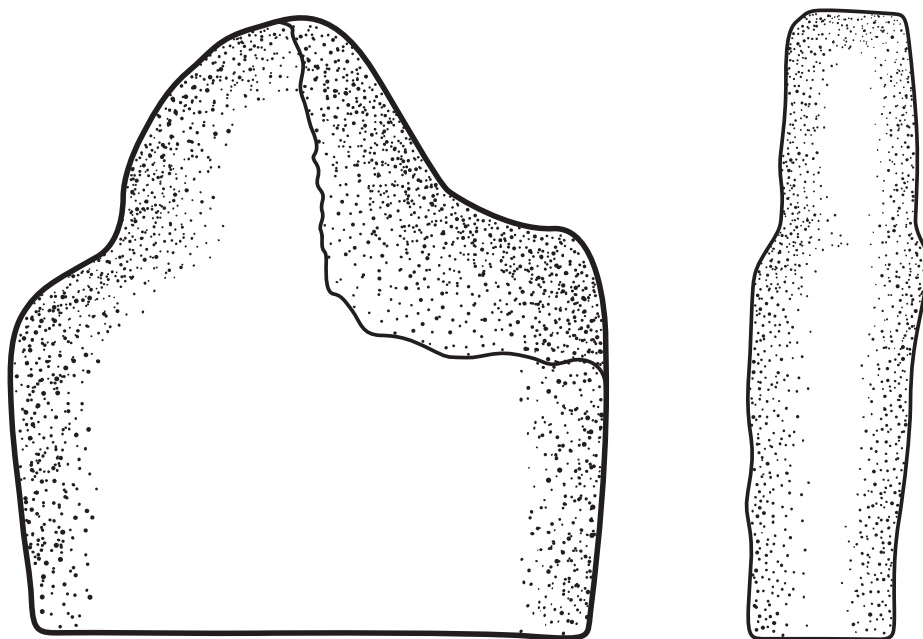
Исходная форма – плита крупнозернистого плотного кварцевого песчаника со следами очевидной проработки головы, плеч, остальная поверхность обработана оббивкой и заглаживанием, углы округлены, часть стелы повреждена большим сколом.

Размеры: высота – 0,76 м, ширина – 0,74 м, толщина – 0,2 м.

Сохранность удовлетворительная, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП5723 А5193

К.И. Красильников [54], 1999. – С. 85, 133. – Табл. 38, 2.

0 20 см

13. СТЕЛОВИДНО – СТОЛБООБРАЗНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ЗАГОТОВКА

Луганская обл., Попаснянский р-н,
с. Долиновка.

Находилась на поверхности частично
разрушенного кургана. Обнаружена Г.М.
Заблоцким в 1989 г.

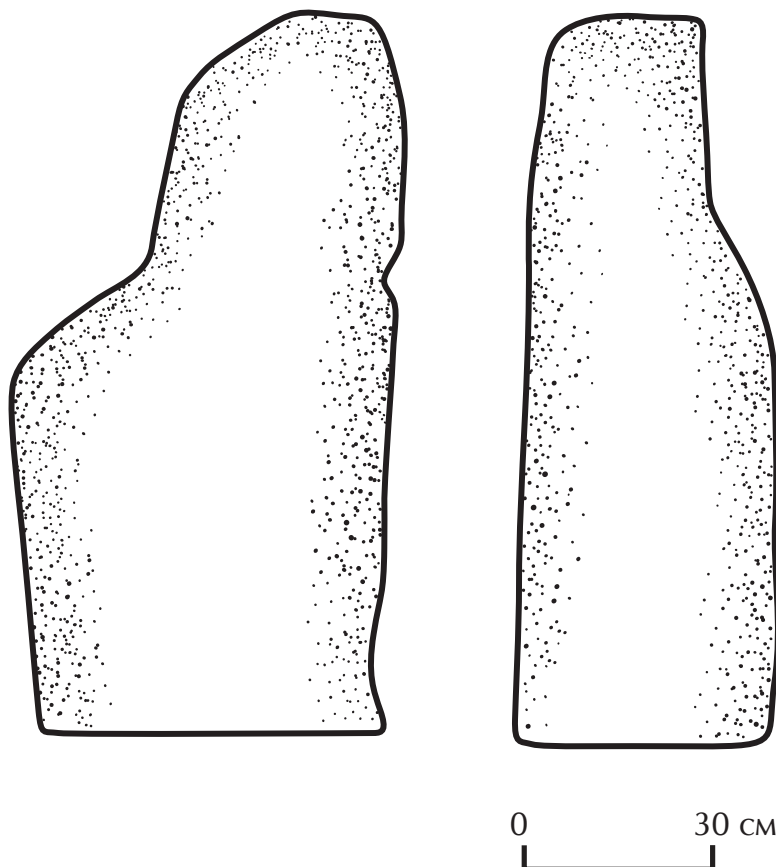
Заготовка из плотного кварцитового
песчаника, по всей поверхности обрабо-
тана техникой сколов и заглаженности,
стороны округлены. Голова выполнена
объемно. По высоте заготовка расколота
на две части, левая сторона отсутствует.

Размеры: высота – 0,65 м, ширина –
0,3 м, толщина – 0,35 м.

Сохранность удовлетворительная, на-
ходится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 5724 А5194

К.И. Красильников [54], 1999. – С. 85,
133. – Табл. 38, 3.

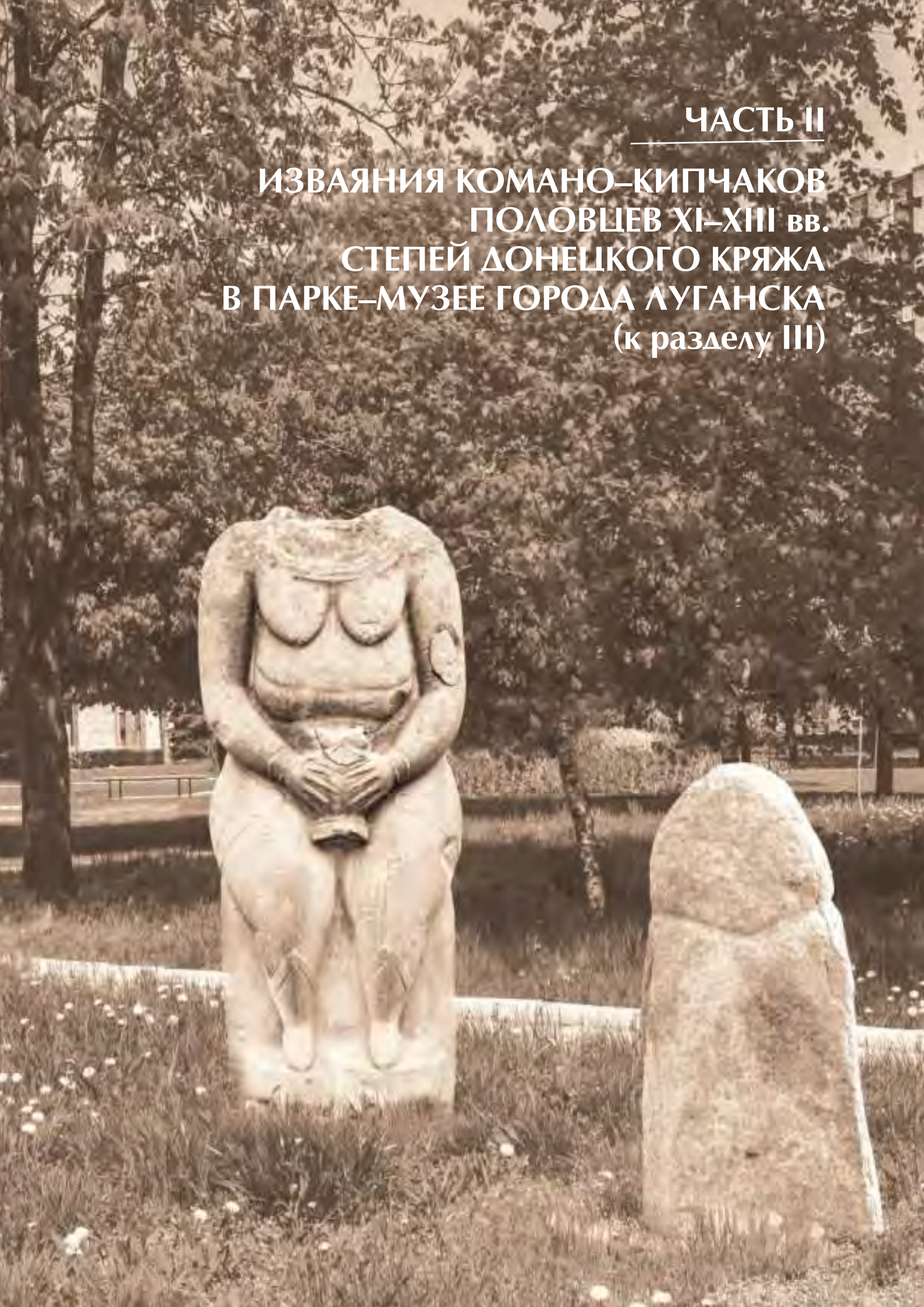

ЧАСТЬ II

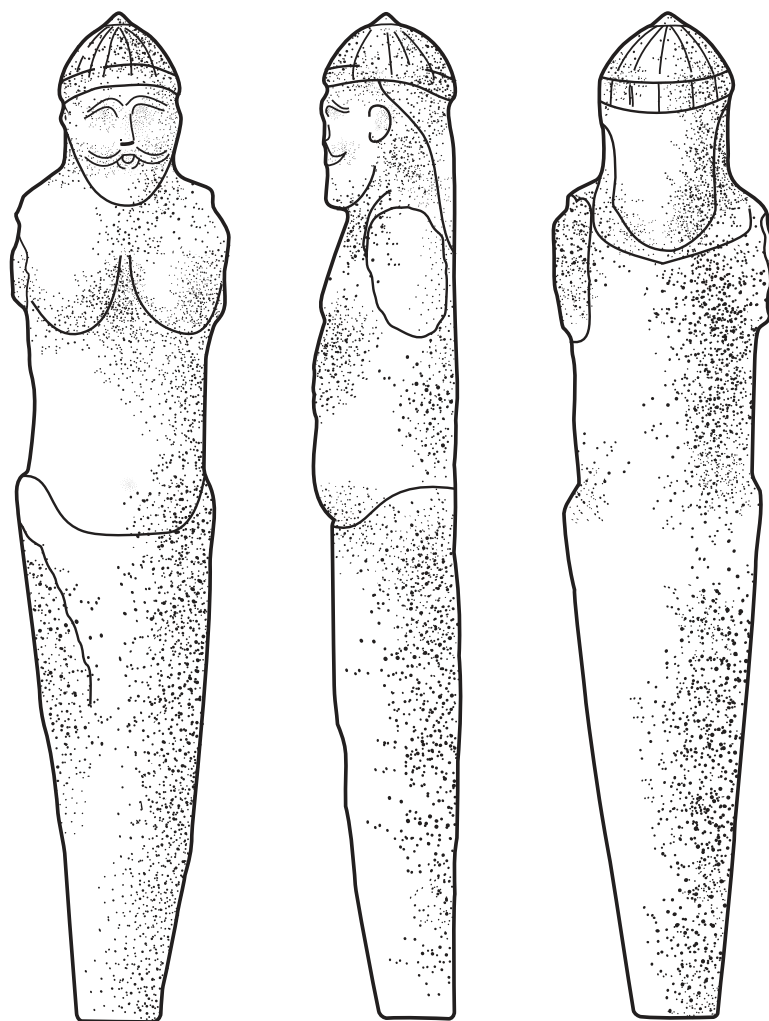
ИЗВАЯНИЯ КОМАНО–КИПЧАКОВ
ПОЛОВЦЕВ XI–XIII вв.
СТЕПЕЙ ДОНЕЦКОГО КРЯЖА
В ПАРКЕ–МУЗЕЕ ГОРОДА ЛУГАНСКА
(к разделу III)

0 15 см

1. ИЗВАЯНИЕ 1, СТОЛБОВИДНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII ВВ.

Луганская обл., Перевальский р-н, г. Брянка, ур. Елино, в заброшенной усадьбе XIX в., в дамбе пруда.

Перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1970 г.

Скульптура мужская, композиция «стоящая». Голова и личина овальные, лицо портретное, европеоидное. На голове шлем, составленный из полос, у основания налобный ободок, на затылке и шее прослежена защитная накидка. Туловище атлетического вида, исполнено в классической традиции антики. Нижняя часть, в виде удлиненного (около 2 м) конусообразного столба. Скульптура изготовлена техникой скалывания, пикетажа и шлифовки. Следы обработок видны по всей её поверхности. Абрис тип II.

Размеры: высота — 3,6 м, ширина — 0,7 м, толщина — 0,5 м.

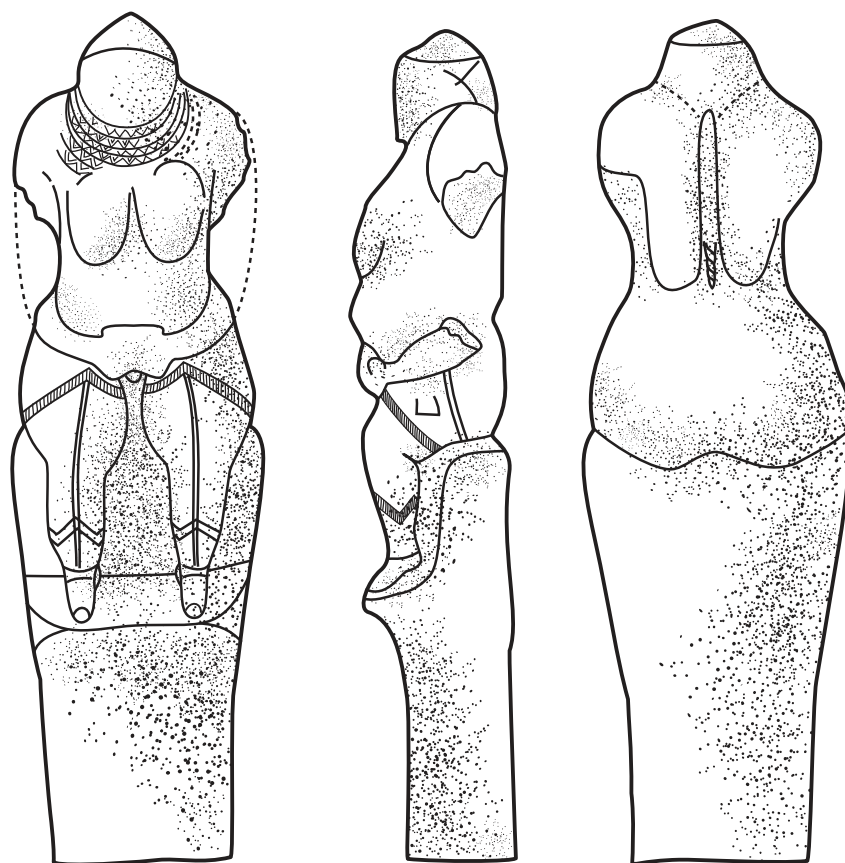
Сохранность хорошая, без существенных повреждений, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 478 А 446

Плетнева, 1974а, — С. 96 (845)

Красильников, 1999. — С. 68 (1), 101. — Табл. 6, 1.

0 20 см

2. ИЗВАЯНИЕ 2, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Перевальский р-н, пос. Фащевка. Использовалось как опора пешеходного моста.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура женская, композиция «сидящая». Голова и личина круглые, образ безликий, лицо, вероятно, чadroпокрытое, на голове низкая шапочка. Сзади на спине две лопасти. На груди около 5-6 ярусов ожерелий, на плечах пелерина. На туловище свисающая грудь, в руках, под объемным животом, изображен сосуд. Поясная часть статуи приталена, возможно при наличии рук, здесь могли бы быть просветы. Нижняя, тазобедренная часть туловища выглядит гипертрофированно, и как бы «одета» в облегающие шаровары. На ногах короткие сапожки, от них к поясу направлены ремни поножей, на поясе кошелек, нож. Ноги опираются на подножку, исполненую на массивном постаменте. Абрис тип I.

Размеры: высота — 3,65 м, ширина — 1 м, толщина — 0,76 м.

Сохранность хорошая, но местами, в основном на боковых сторонах, видны механические повреждения в виде сколов. В целом же поверхность статуи окатана, даже отполирована водой. Находится в парке музея г. Луганска.

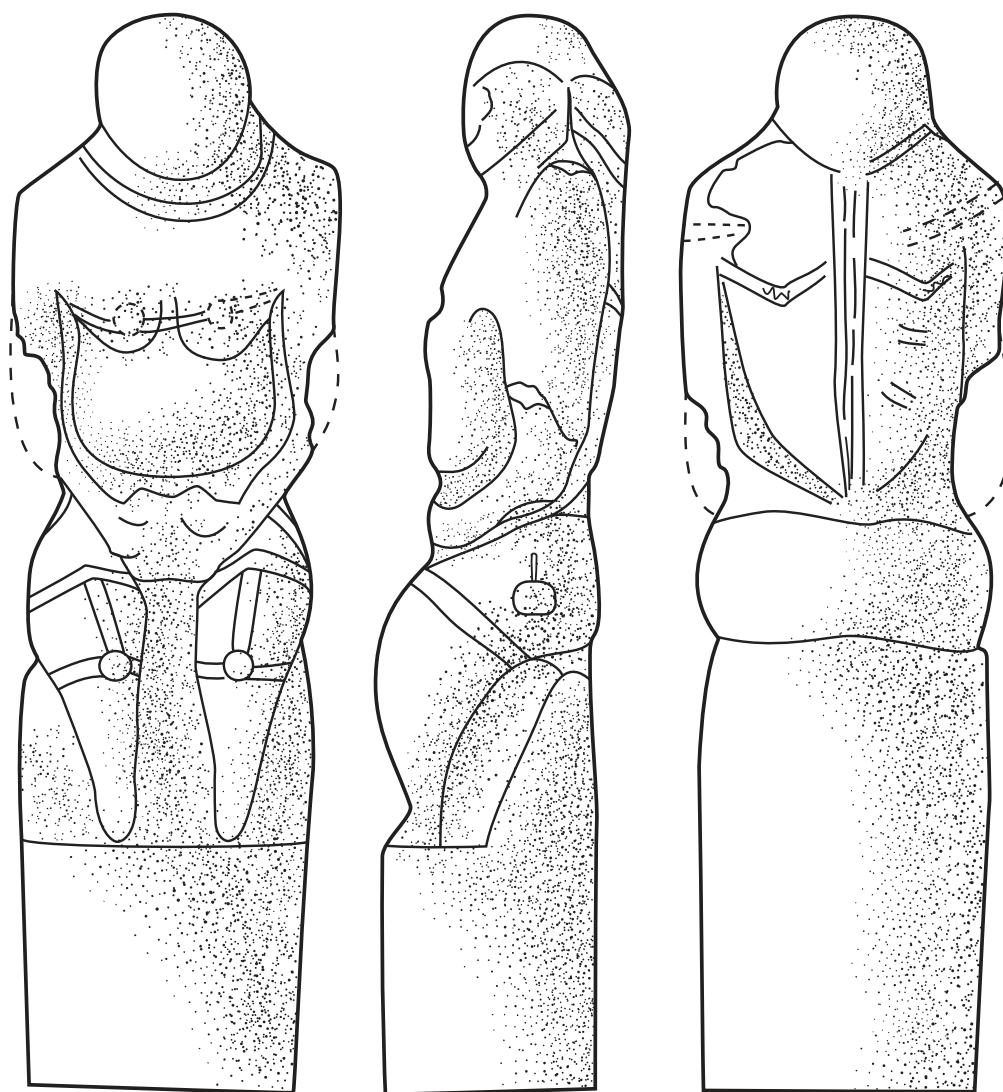
Инв. № ЛАЭМ КП 774 А 698

Плетнева, 1974а. — С. 95? 96 (825)

Красильников, 1999. — С. 69 (2), 101. — Табл. 6, 2.

0 12 см

3. ИЗВАЯНИЕ 3, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Попаснянский р-н, с. Рубашкино.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1971 г.

Скульптура «сидящей» композиции. Голова и личина круглые, обезличенные. На голове шапка-тюбетейка, сзади на спину свисают три косы. На туловище изображены: гривна, вероятно, женская грудь, поверх ее бляхи, ремни, на бедрах зеркало и контуры других предметов (?). В руках сосуд. Ноги опираются на подножку Абрис тип I.

Размеры: высота — 3,1 м, ширина — 0,7 м, толщина — 0,4 м.

Сохранность, из-за естественного выветривания и расслоения песчаника, огнестрельных выбоин, прочих повреждений, неудовлетворительная. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 710 А 650

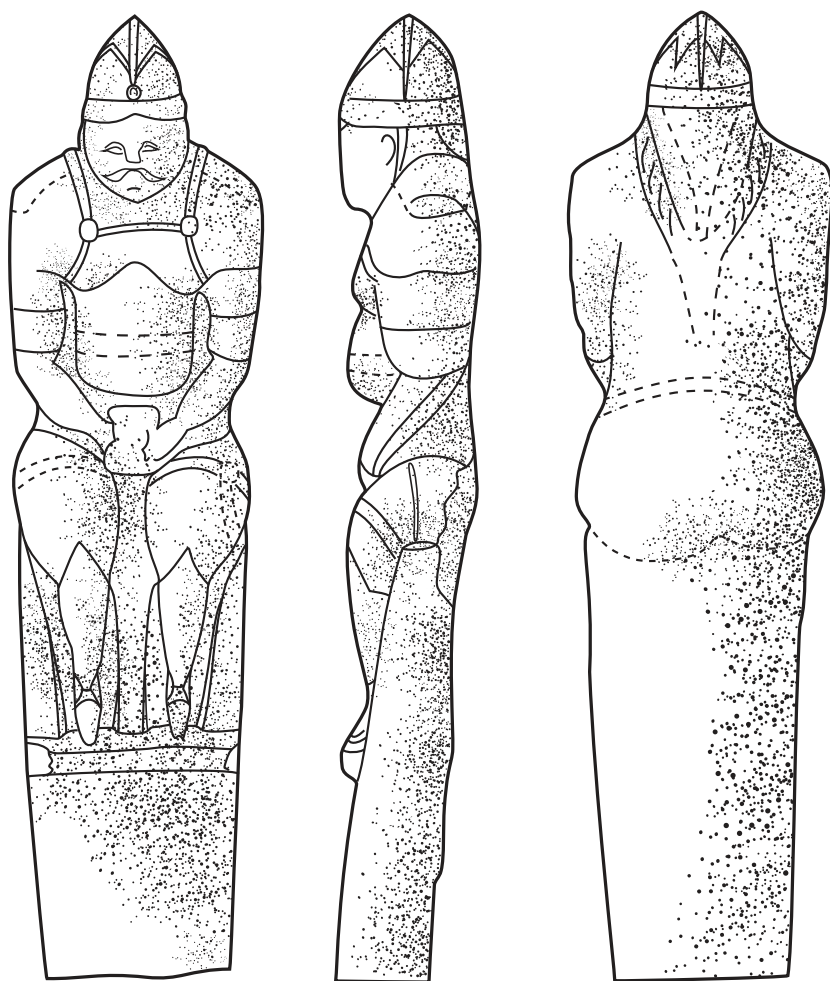
Плетнева, 1974а. — С. 96 (851)

Красильников, 1999. — С. 69 (3), 102. — Табл. 7, 1.

0 15 см

4. ИЗВАЯНИЕ 4, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Беловодский р-н, с. Даниловка, на территории Деркульского конезавода. Две скульптуры привезены в конце XIX в., но их происхождение неизвестно. Перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура мужская, композиция «сидящая» на сравнительно тонком постаменте. Голова и личина округлые, подбородок слабо заострен. Лицо портретное тюркоидное. На голове сложносоставной с ободком конусовидный шлем, сзади на спине прослеживаются две (?) косы, ниже сплетенных в одну. Туловище в защитном доспехе, дооформленном ремнями и бляхами, на предплечьях защитные ободки. Грудь мускулистая, рельефная. Живот выпуклый, под ним в руках банковидный сосуд, ниже поножи, на ногах, опирающиеся на подножку, высокие сапоги. Абрис тип I. Постамент удлиненный, тонкий.

Размеры: высота — 3,3 м, ширина — 0,95 м, толщина — 0,5 м.

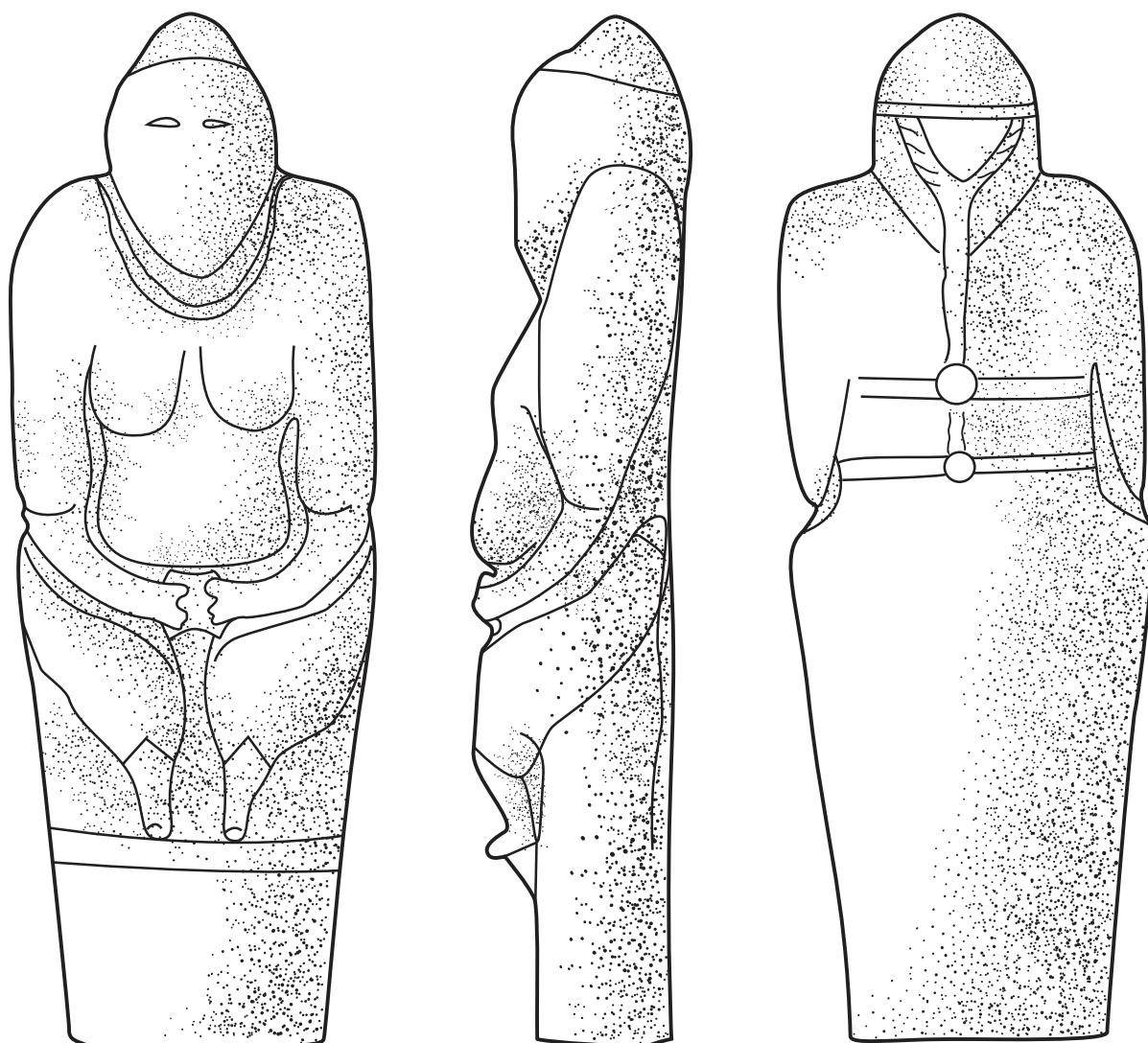
Сохранность удовлетворительная, излом в области талии реставрирован. Статуя находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 890 А 798

Плетнева, 1974а. — С. 96 (854)

Красильников, 1999. — С. 69 (4), 102. — Табл. 7, 2.

5. ИЗВАЯНИЕ 5, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП IV, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Славяносербский р-н, с. Сокольники, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1970 г.

Скульптура женская, композиция «полусидящая», проработана в деталях. Голова и личина овальные, лицо с выветрившейся портретностью. Головной убор в виде низкой шапочки, сзади, со стороны спины, две косы соединены в одну, здесь же изображена лопасть, двойной пояс. На туловище исполнены: гривна, свисающая округлая грудь, заметно выпуклый живот, в руках миниатюрный сосуд. Очень короткие ноги в сапожках опираются на постамент. Поверхность статуи заглажена. Абрис тип I.

Размеры: высота — 2,3 м, ширина — 0,8 м, толщина — 0,4 м.

Сохранность хорошая, находится в парке-музее г. Луганска.

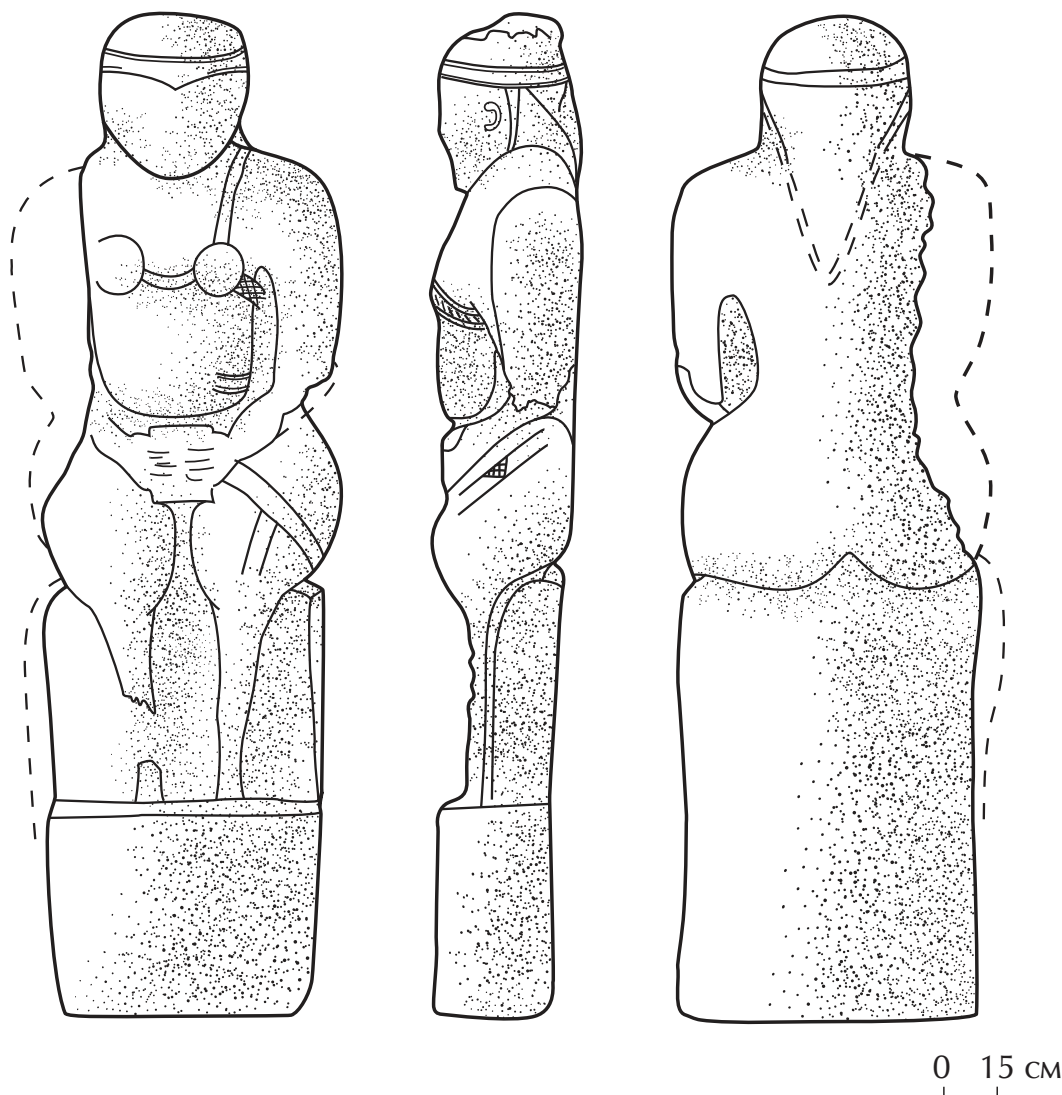
Инв. № ЛАЭМ КП 479 А 447

Плетнева, 1974а. — С. 96-97 (857)

Красильников, 1999. — С. 69 (5), 103. —Табл. 8, 1.

6. ИЗВАЯНИЕ 6, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Дьяково, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1971 г.

Скульптура мужская, композиция «сидящая». Голова и личина округлые. Лицо плоское, поверхность повреждена (сбита). На голове шапка-тюбетейка, возможно, шлем с ободком, из-под которого на спину свисают косы. На туловище, как элементы доспеха, прослеживаются фрагменты ремней, блях и пояса. Руки, ниже живота удерживают невысокий, широкой пропорции сосуд. Гипертрофированные в бедрах, но к низу тонкие, укороченные ноги, опираются на подножку, прослежены фрагменты поножей. Абрис тип II.

Размеры: высота — 2,5 м, ширина — 0,7 м, толщина — 0,35 м.

Скульптура с явными повреждениями механического характера, но в целом сохранность удовлетворительная. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 711 А 651

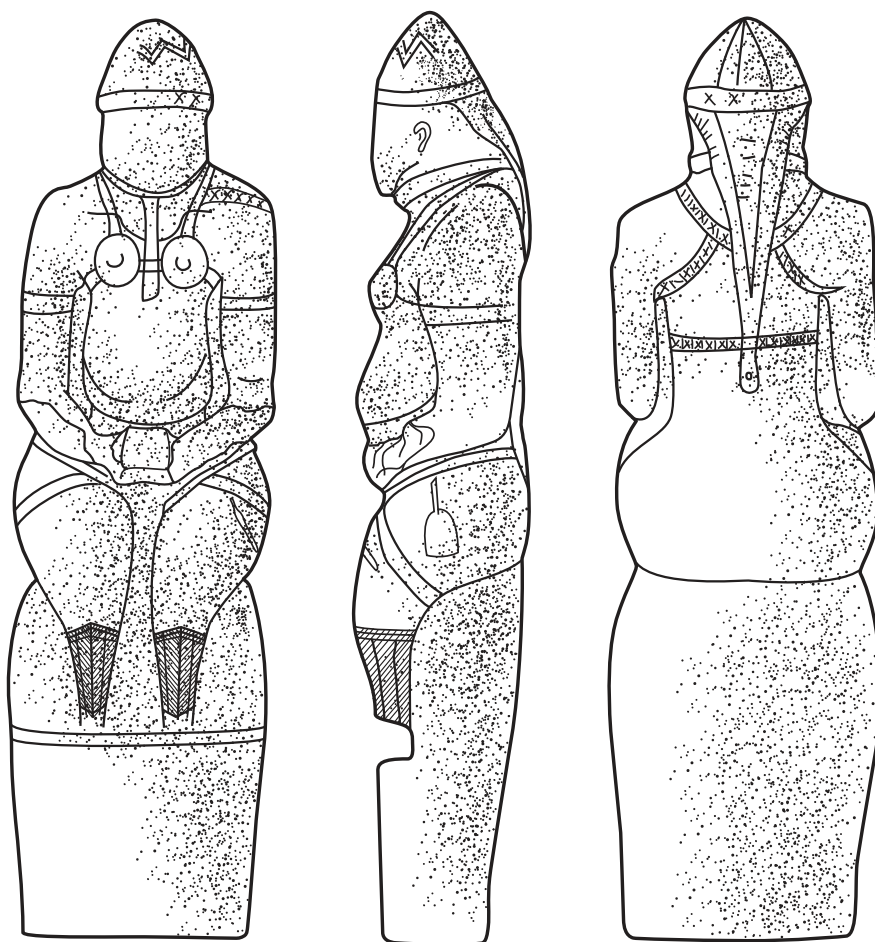
Плетнева, 1974а. — С. 95 (820)

Красильников, 1999. — С. 69 (б), 103. — Табл. 8, 2.

0 10 см

7. ИЗВАЯНИЕ 7, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Ивановка, в черте села.

Обнаружено и перевезено К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура мужская, композиция «сидящая». Голова и личина овальные. Лицо с элементами портретности, но заметно выветрено. На голове высокий округло-конусовидный шлем с ободком, его верх с орнаментами. Из-под шлема прослеживаются три косы, на спине сплетенные в одну. На туловище сохранились изображения доспеха: накладки, бляхи, переброшенные через плечи и под руки ремни. Здесь же слева на поясе кошелек, нож. Живот выпуклый, под ним в руках изображен банковидный сосуд. На ногах миниатюрные, орнаментированные ёлочной графикой, высокие сапоги, над ними ремни и кольца поножей, подсоединенных к поясу. Укороченные ноги опираются в подставку на постаменте. Поверхность статуи зашлифована, но со следами повреждений в виде механических сколов. Абрис тип II.

Размеры: высота — 2,4 м, ширина — 0,65 м, толщина — 0,45 м.

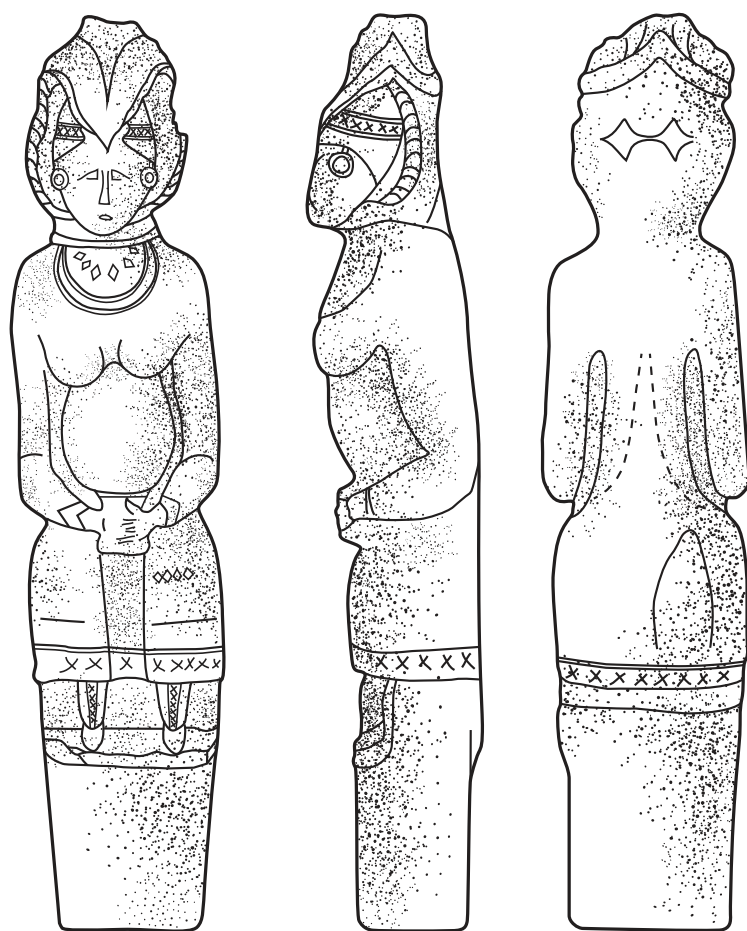
Сохранность хорошая, находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 775 А 699

Плетнева, 1974а. — С. 96 (821)

Красильников, 1999. — С. 69 (7), 104. — Табл. 9, 1.

0 10 см

8. ИЗВАЯНИЕ 8, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП III, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Попаснянский р-н, с. Рубашкино.

Обнаружено К.И. Красильниковым в 1969 г. в изломанном на три части состоянии в насыпи кургана, нарушенном установкой знака ГУГК. Тогда же было перевезено в парк-музей г. Луганска.

Скульптура женская, композиция «стоящая», иконография и техника исполнения классические. Личина овальная, лицо портретное, евротюркское. На голове сложный набор аксессуаров, повязок, валиков высокого убора. На висках кольчатые серьги. Грациальная фигура, одетая в халат с рисуночьими, дооформлена аксессуарами, украшениями — гривнами, ожерельями, запястными накладками. Грудь обнажена, живот выпуклый. Руки исполнены в горилефе, кисти удерживают сосуд. На ногах сапожки. Подол халата и сапожки с орнаментами, на лопасти изображена застежка. Поверхность статуи заполирована. Абрис тип III.

Размеры: высота — 2,5 м, ширина — 0,46 м, толщина — 0,55 м.

Сохранность хорошая, полностью реставрирована, находится в парке-музее г. Луганска.

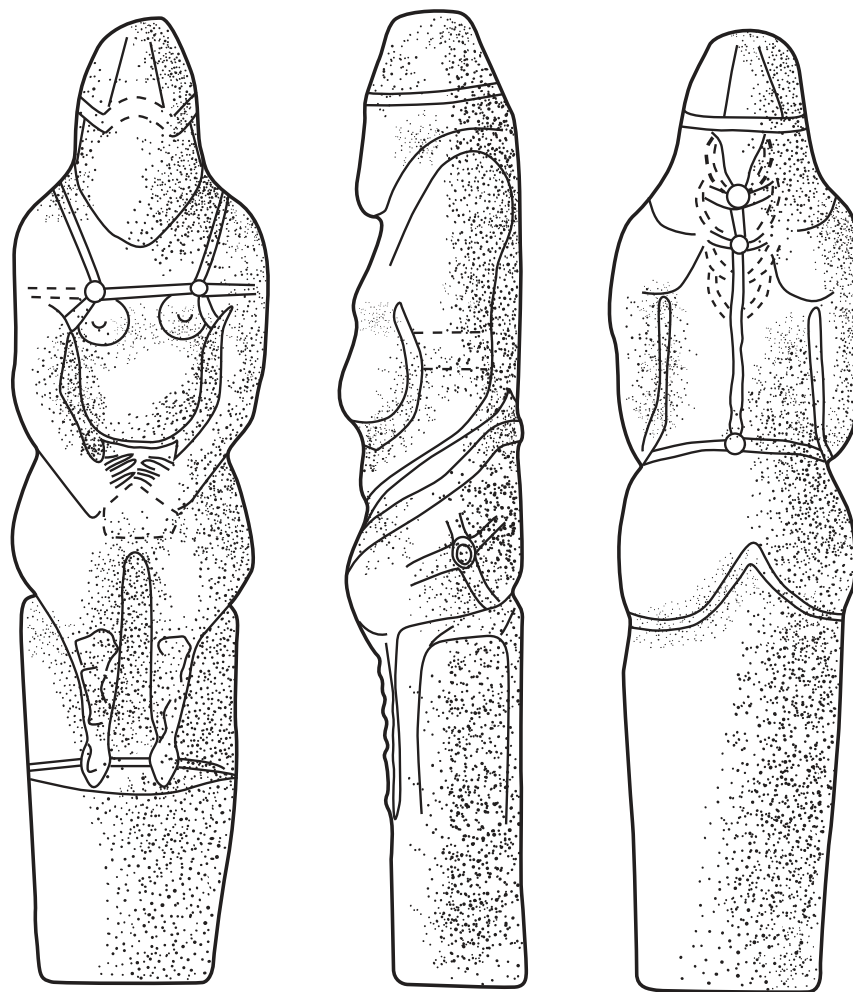
Инв. № ЛАЭМ КП 289 А 268

Плетнева, 1974а. — С. 96 (852)

Красильников, 1999. — С. 69-70 (8), 104. — Табл. 9, 2.

0 12 см

9. ИЗВАЯНИЕ 9, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Каменка, на хоздворе в центре села.

Обнаружено Н.И. Тарасенко, перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1969 г.

Скульптура мужская, безликая, композиция «сидящая». На голове высокий с ободком шлем конусовидной формы, составленный из нескольких секторов. На туловище амуниция: перекинутые через плечи и продетые под руки ремни, бляхи, пояс, со стороны спины косы. Живот выпуклый, ниже его в руках сосуд. На ногах поножи, ниже сапоги, их носки упрутся в подставку постамента. Абрис тип I.

Скульптура проработана тщательно, поверхность заглажена.

Размеры: высота — 2,2 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,45 м.

Сохранность хорошая, но местами наблюдаются выветренности и механические повреждения. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 290 А 269

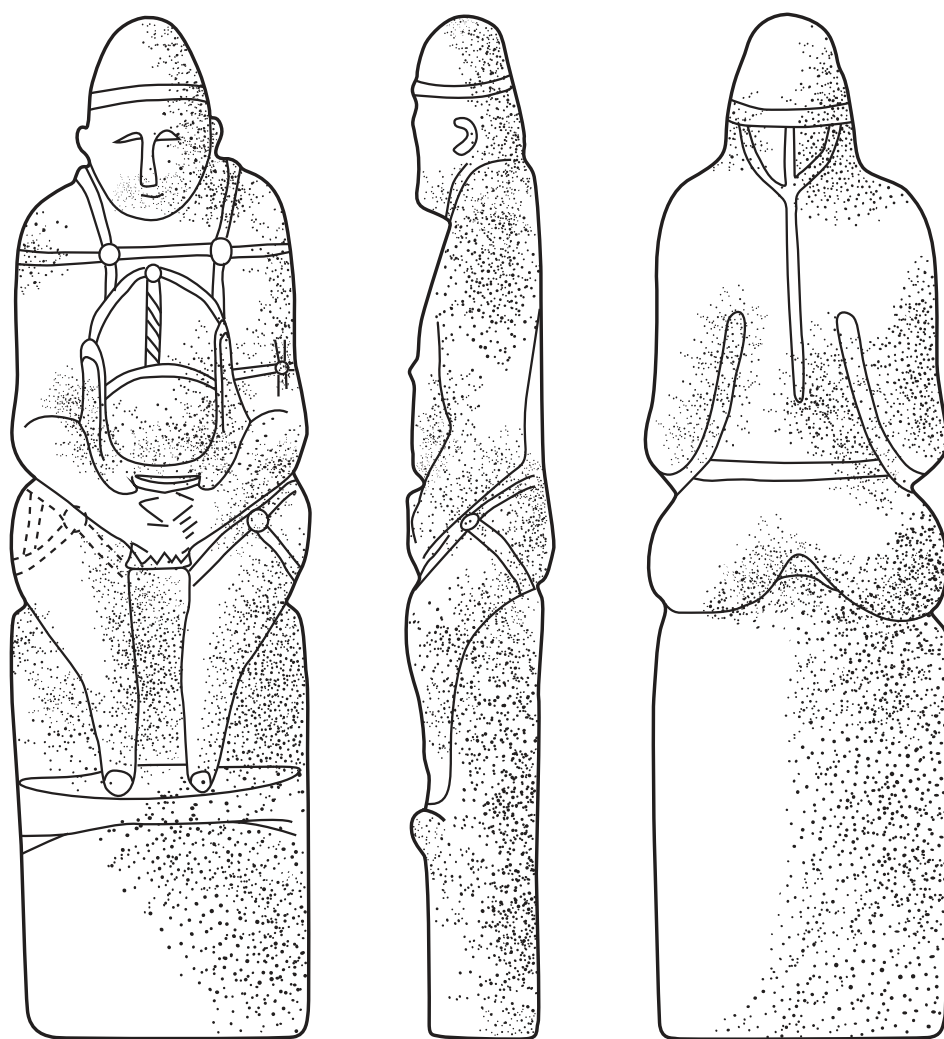
Плетнева, 1974а. — С.96 (842)

Красильников, 1999. — с. 70 (9), 105. — Табл. 10, 1.

0 12 см
└───┘

10. ИЗВАЯНИЕ 10, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП IV, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Краснодонский р-н, с. Новоалександровка, в селе.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1970 г.

Скульптура мужская, композиция «полусидящая». Голова и личина овальные, лицо с элементами портретности. На голове шлем округло-овальной формы с налобным ободом. Сзади из-под шлема на спину спускаются три косы, ниже сплетенные в одну. На туловище сохранились детали амуниции, ремни, бляхи, кольца, от пояса книзу поножи. Под животом в руках сосуд, на поясе изображен нож. На нагрудной части прослеживаемая серия ремней доспеха. Ноги опираются на ступеньку постамента. Абрис тип I.

Размеры: высота — 2,2 м, ширина — 0,75 м, толщина — 0,35 м.

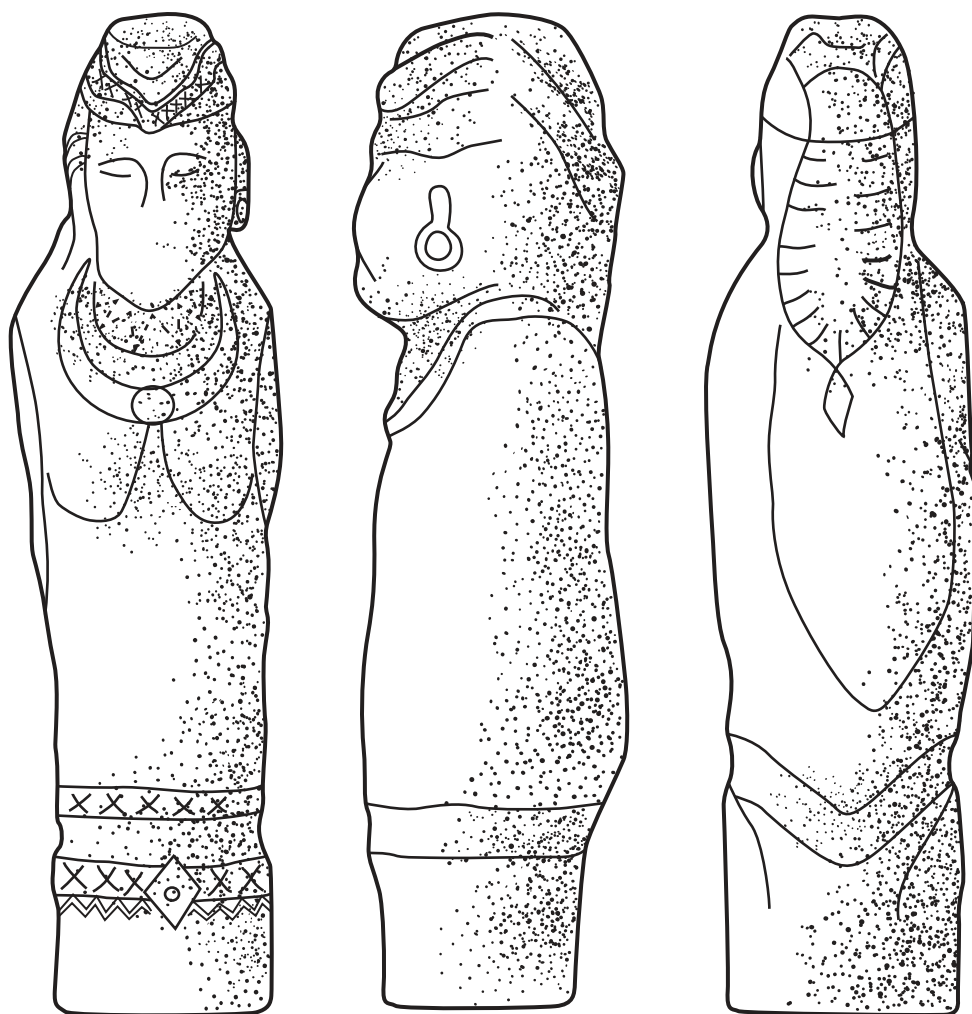
Сохранность удовлетворительная, но песчаник подвержен выветриванию. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 480 А 448

Плетнева, 1974а. — С. 96 (846)

Красильников, 1999. — С. 70 (10), 105. — Табл 10,2.

0 13 см

11. ИЗВЯЯНИЕ 11, ОБЪЕМНОЕ, СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII В.

Луганская обл, Краснодонский р-н, с. Новоалександровка, в центре села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова и личина удлинненно-овальные, подбородок заострен, лицо портретное, образ европеоидный. На голове фигурная шляпа с плоским верхом, из-под нее на спину опускается футляр треугольной формы, там же прослеживается удлиненная накидка. В ушах кольчатые серьги, на груди две массивные гривны и медальон. Туловище столбообразное, в сечении подквадратное, поверхность выветрена, руки отсутствуют, сосуд (?) изображен в виде ромба, здесь же поясная канавка и три яруса графической орнаментальности. Абрис тип II.

Размеры: высота — 2,1 м, ширина — 0,55 м, толщина — 0,5 м.

Сохранность удовлетворительная, но песчанистая порода расслаивается. Находится в парке-музее г. Луганска.

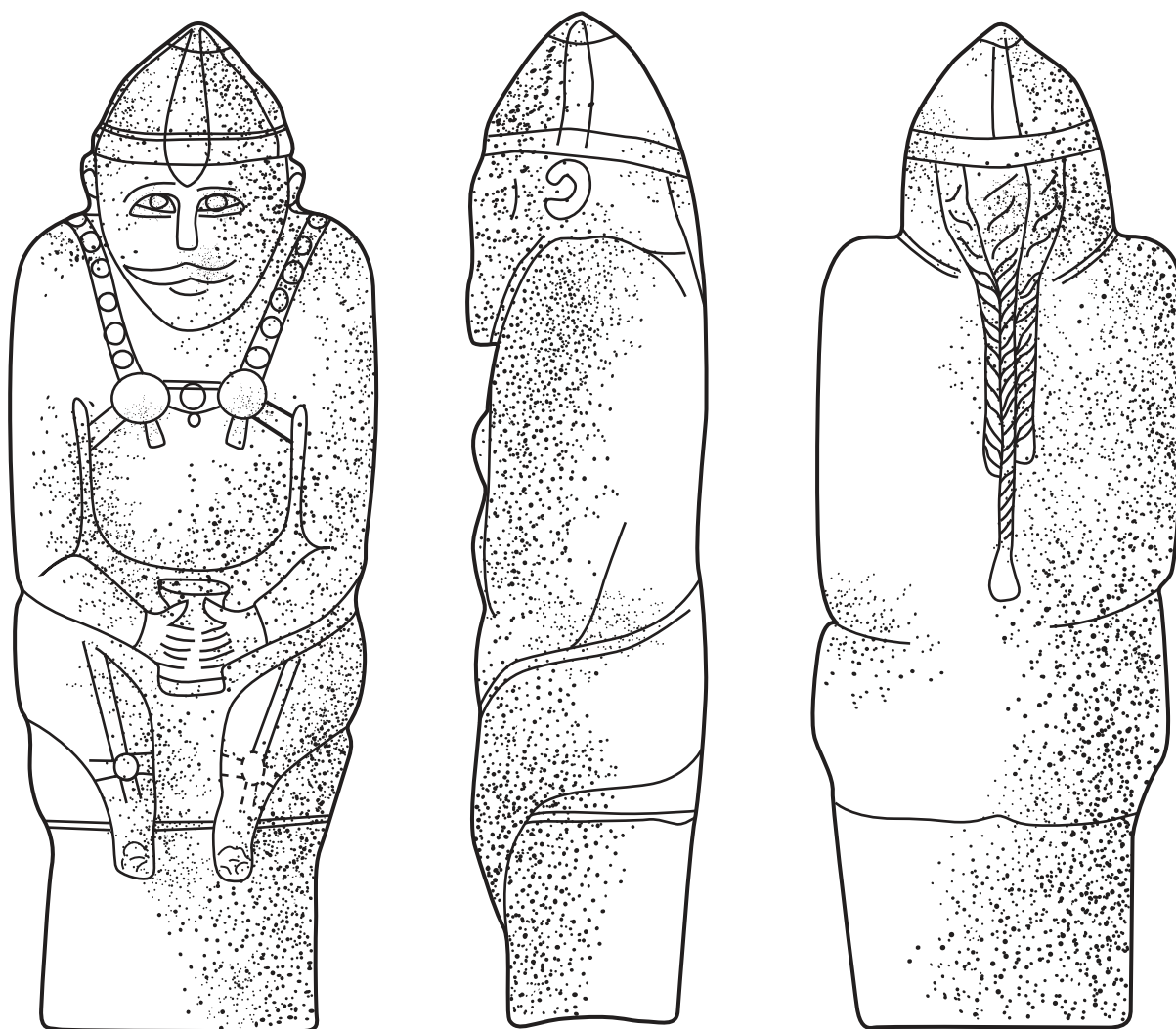
Инв. № ЛАЭМ КП 891 А 799

Плетнева, 1974а. — С. 96 (846)

Красильников, 1999. — С. 70 (11), 106. — Табл. 11, 1.

12. ИЗВАЯНИЕ 12, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., г. Ровеньки.

Обнаружено и перевезено в парк-музей К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура мужская, композиция «сидящая». Голова и личина овальные, лицо портретное с образом тюркского этнотипа.

На голове сфероконический, состоящий из четырех пластин с шишаком и ободком, шлем, из-под которого на спину спускаются три рядом расположенные косы. На туловище изображена амуниция воина: переброшенные через плечи и продетые под руки ремни, бляхи, кольца, на ногах поножи. В руках под животом изображен кубковидный сосуд, кисти рук проработаны особенно детально. Ноги существенно укорочены. Абрис тип I.

Размеры: высота — 1,8 м, ширина — 0,8 м, толщина — 0,5 м.

Сохранность хорошая, поверхность зашлифована. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 901 А 809

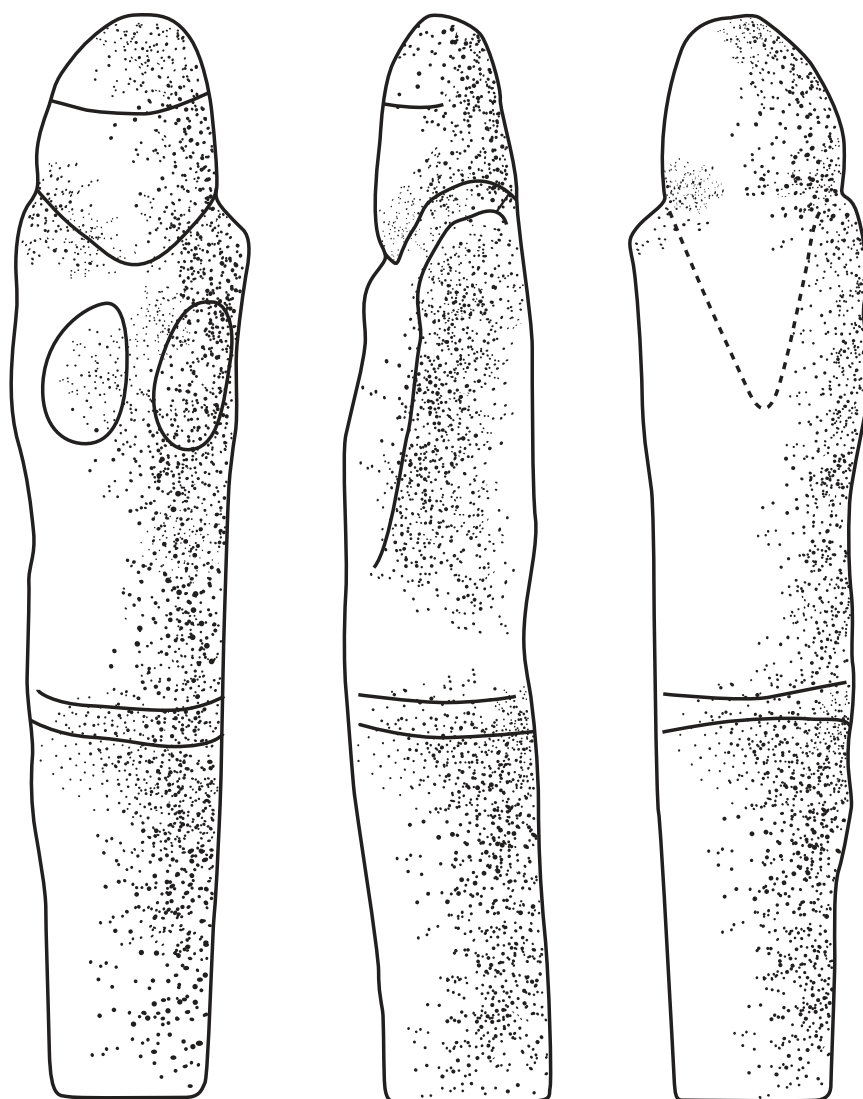
Плетнева, 1974а. — с. 96 (856)

Красильников, 1999. — с. 70 (12), 106. — Табл. 11, 2.

0 10 см

13. ИЗВАЯНИЕ 13, СТОЛБОВИДНО-ОКРУГЛОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., Свердловский р-н, пос. Бирюково, в черте села, в кладке забора.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая», вероятно безлика. Голова и личина овальные, дооформлены шапочкой, на спине прослеживается треугольной формы футляр. На передней стороне туловища изображены две овальной формы выпуклости, напоминающие женскую грудь. В нижней части тулова техникой прочерченности выделен пояс. Низ статуи не обработан. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,76 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,3 м.

Сохранность удовлетворительная, но песчаник в состоянии выветренности.

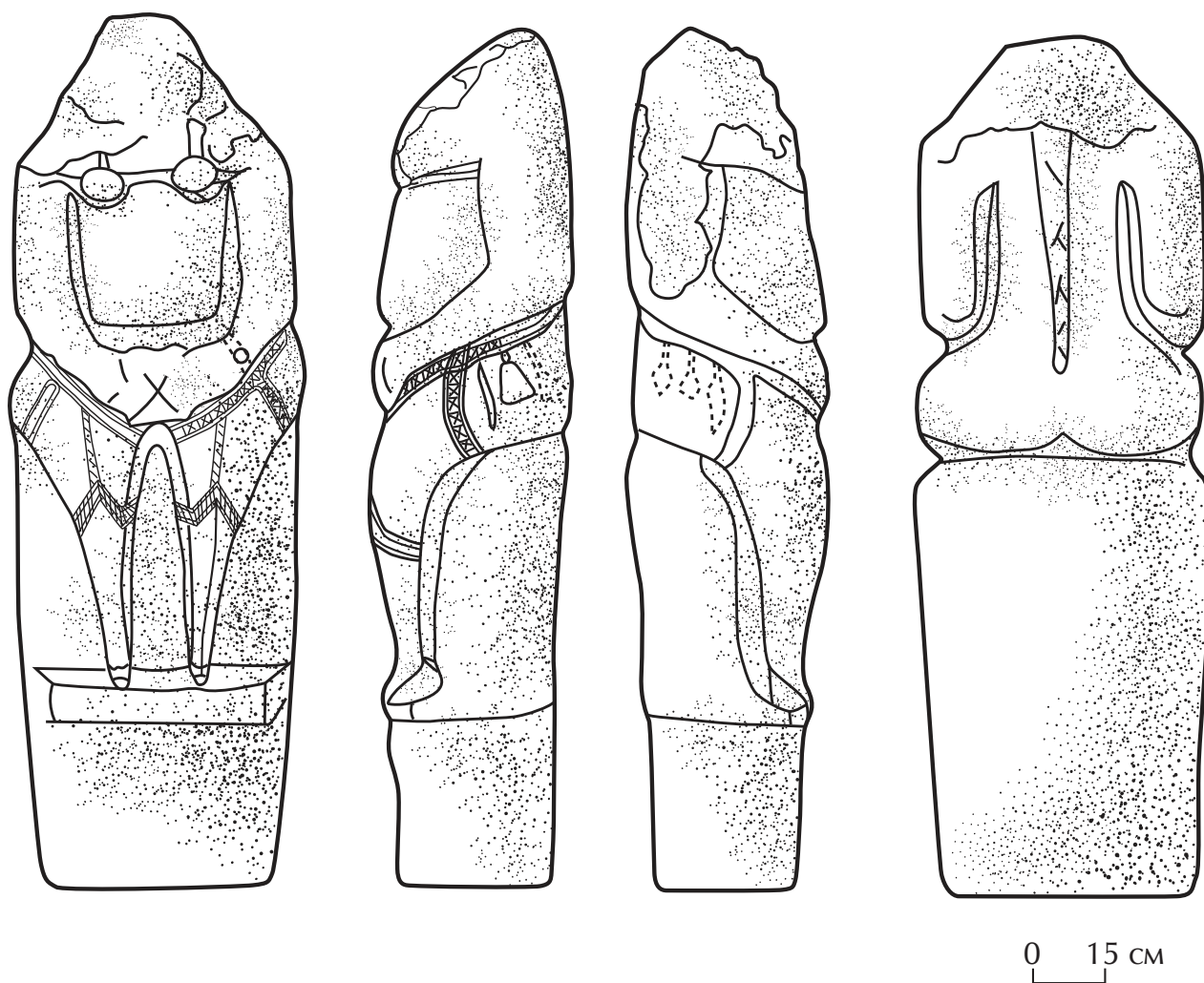
Скульптура в 1990 г. передана на временное хранение в народный музей с. Смоляниново Новоайдарского р-на Луганской обл.

Инв. № ЛАЭМ КП 1496 А 1385

Плетнева, 1974а. — С. 96 (833)

Красильников, 1999. — С. 70 (13), 107. — Табл. 12, 1.

14. ИЗВАЯНИЕ 14, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Перевальский р-н, с. Селезневка, в центре села, в кладке каменного забора.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура мужская, композиция «сидящая». Голова отбита в древности. На туловище виден доспех с ремнями и бляхами. Живот прикрыт доспехом, под ним в обеих руках банковидный сосуд. На поясе с правой и левой сторон прослеживаются нож и кинжал, кошелек и другие предметы быта. Скульптура, вероятно, изображена в одежде и шароварах, поверх них ремни с орнаментами, кольца поножей. Спина ровная, здесь же ниже пояса свисает коса. Ноги, «обутые» в сапоги, опираются в выступ постамента. Постамент массивный, со следами обработки мелкими сколами, остальная поверхность скульптуры заглажена. Абрис не определяем.

Размеры: сохранившаяся высота — 1,7 м, ширина — 0,7 м, толщина — 0,45 м.

Сохранность удовлетворительная, однако, поверхность песчаника шелушится и отслаивается. Находится в парке-музее г. Луганска.

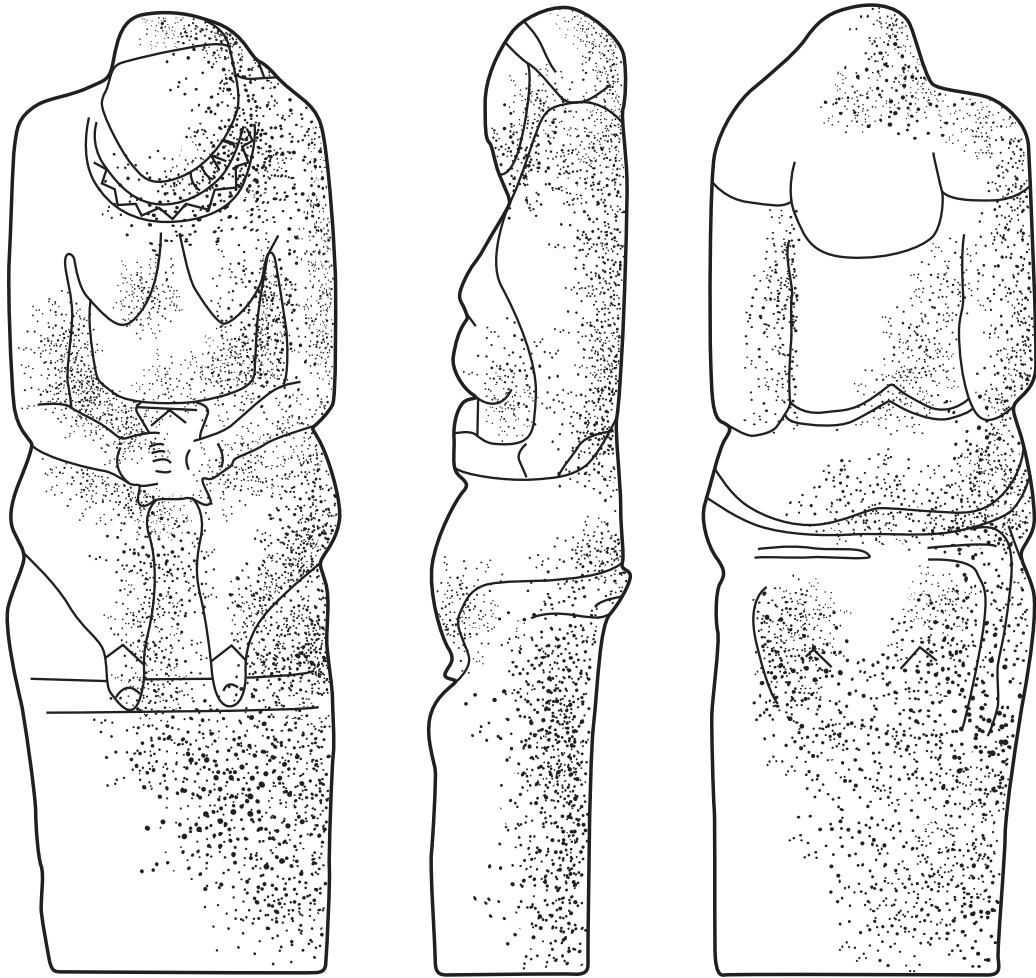
Инв. № ЛАЭМ КП 776 А 700

Плетнева, 1974а. — С. 96 (827)

Красильников, 1999. — С. 71 (14), 107. — Табл. 12, 2.

0 13 см

15. ИЗВАЯНИЕ 15, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Бобриково, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «сидящая». Личина овальная, лицо безликое. Голова покрыта накидкой и низкой шапочкой. Накидка покрывает плечи и часть спины. На нагрудной стороне туловища изображены два ряда ожерелий, ниже свисающая женская грудь. Под выпуклым животом в руках кубкообразный сосуд. Нижняя часть скульптуры, по всей ее высоте, не пропорционально уменьшена. Например, совершенно укороченные ноги в обуви (низких сапогах), едва прикасаются подставки постамента. Абрис очень низкий, тип I.

Размеры: высота — 2,25 м, ширина — 0,75 м, толщина — 0,45 м.

Сохранность удовлетворительная, изготовлена из плотного мелкозернистого песка. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 892 А 800

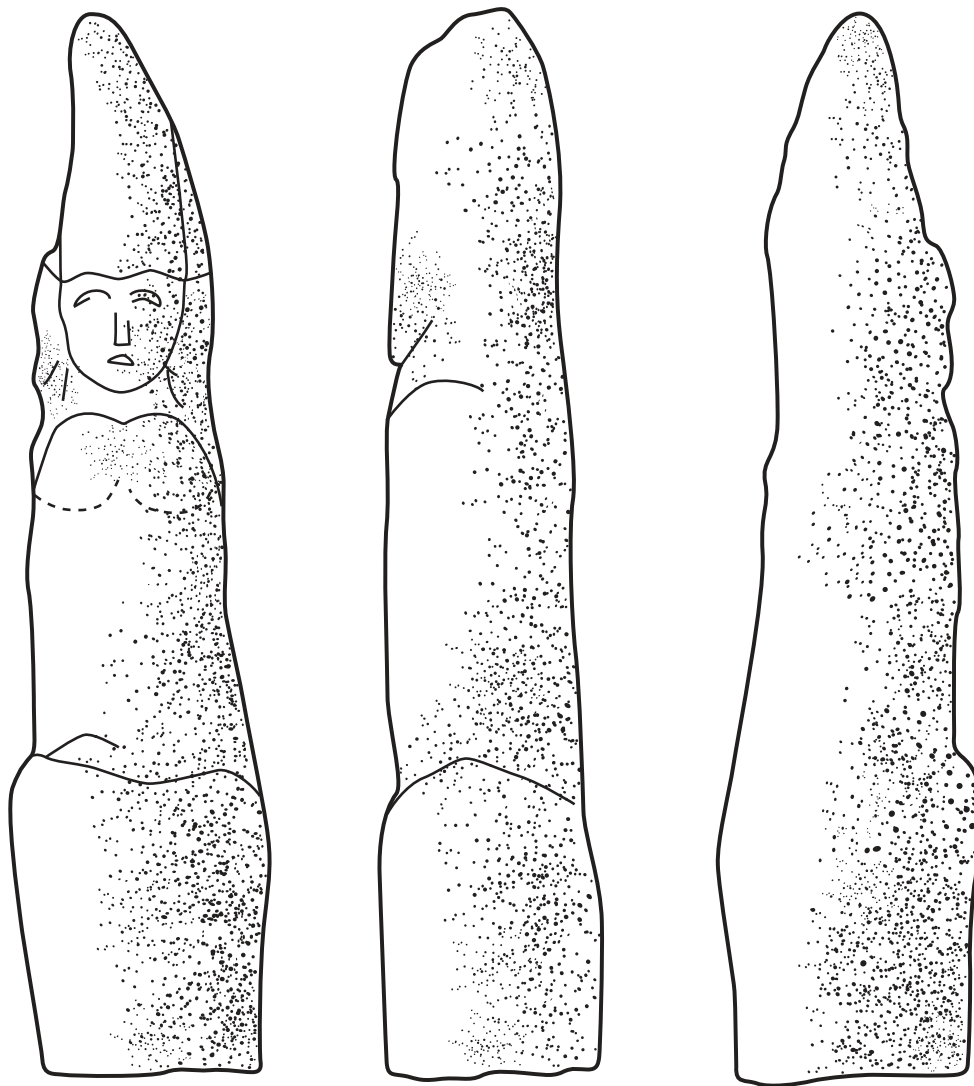
Плетнева, 1974а. — С. 95 (823)

Красильников, 1999. — С. 71 (15), 108. — Табл. 13, 1.

0 10 см

16. ИЗВАЯНИЕ 16, СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП II, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Свердловский район, пос. Должанский, в черте поселка.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая», личина овальная, округлая. Лицо с портретностью, исполненной низким барельефом, переход от головы к туловищу выразительный. Голова увенчана высокой конусовидностью. На туловище едва уловимые контуры округлой груди девы. Абрис тип III.

Размеры: высота — 1,7 м, ширина — 0,27 м, толщина — 0,25 м.

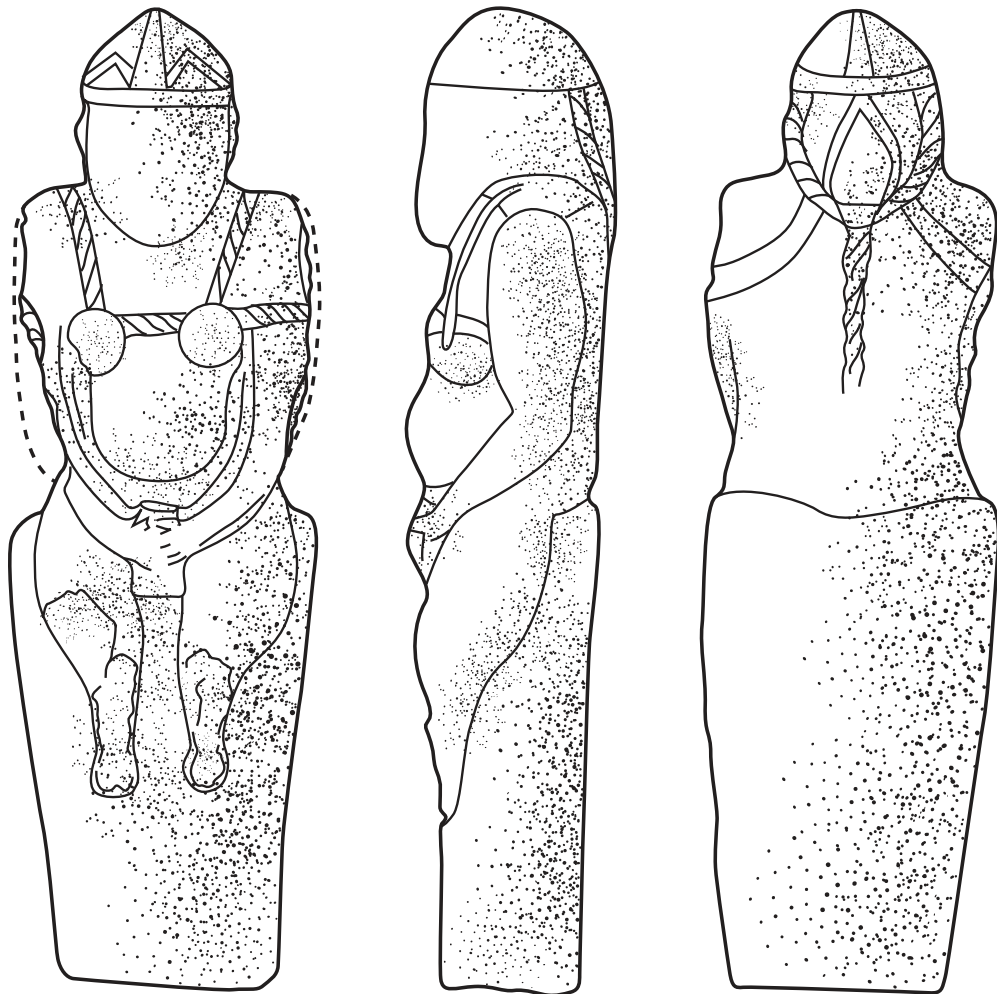
Сохранность хорошая, песчаник мелкозернистый, плотный. Находится в парк-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 893 А 801

Плетнева, 1974а.— С.96(836)

Красильников, 1999.— С.71(16), 108.—Табл.13,2.

0 13 см

17. ИЗВАЯНИЕ 17, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП III, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Свердловский район, г. Червонопартизанск.

Обнаружено на территории школьного двора, перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1969 г.

Скульптура мужская, композиция «стоящая». Голова овальная, покрыта шлемом, из-под которого прослеживаются косы, сплетенные в одну. Личина сбита, боковые стороны статуи также повреждены механическим путем. Руки с сосудом на уровне выпуклого живота, от локтей до предплечья частично сколоты. На туловище изображены ремни и бляхи амуниции. На поясе едва сохранились изображения предметов(?). Укороченные ноги, изображенные непосредственно с постаментом, в нижней части одинаково разрушены. Абрис тип II.

Размеры: высота — 2,3 м, ширина — 0,7 м, толщина — 0,5 м.

Сохранность в целом все же удовлетворительная. Находится в парке-музее г. Луганска.

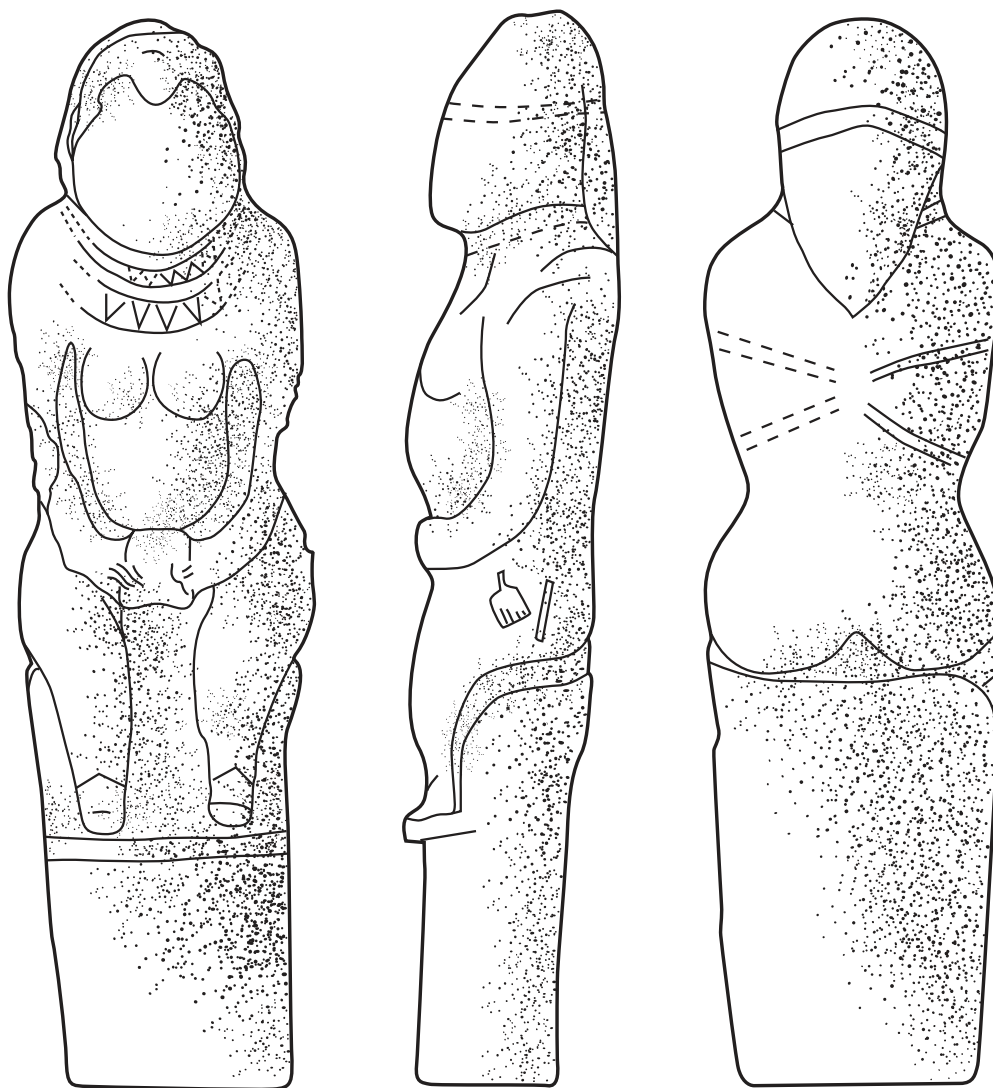
Инв. № ЛАЭМ КП 291 А 270

Плетнева, 1974а. — С. 96 (838)

Красильников, 1999. — С. 71 (17), 109. —Табл. 14, 1.

18. ИЗВАЯНИЕ 18, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, РУБЕЖ XII — XIII ВВ.

Луганская обл., Перевальский р-н, пос. Городище.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура женская, композиция «сидящая». Голова и личина округлые, лицо отсутствует, безликое, вероятно чадропокрытое. На голове видна накидка-футляр, которая со стороны спины в виде треугольника. На туловище два ряда ожерелий, ниже округлая грудь, слева на бедре изображены нож и расческа, на спине в X-образном виде ремни. Живот выпуклый, под ним в руках сосуд банковидной формы. Фигура в тазобедренной части несоразмерна, укороченные ноги упираются в подножку. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,6 м, ширина — 0,45 м, толщина — 0,3 м.

Сохранность удовлетворительная, но имеют место повреждения механического характера. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 777 А 701

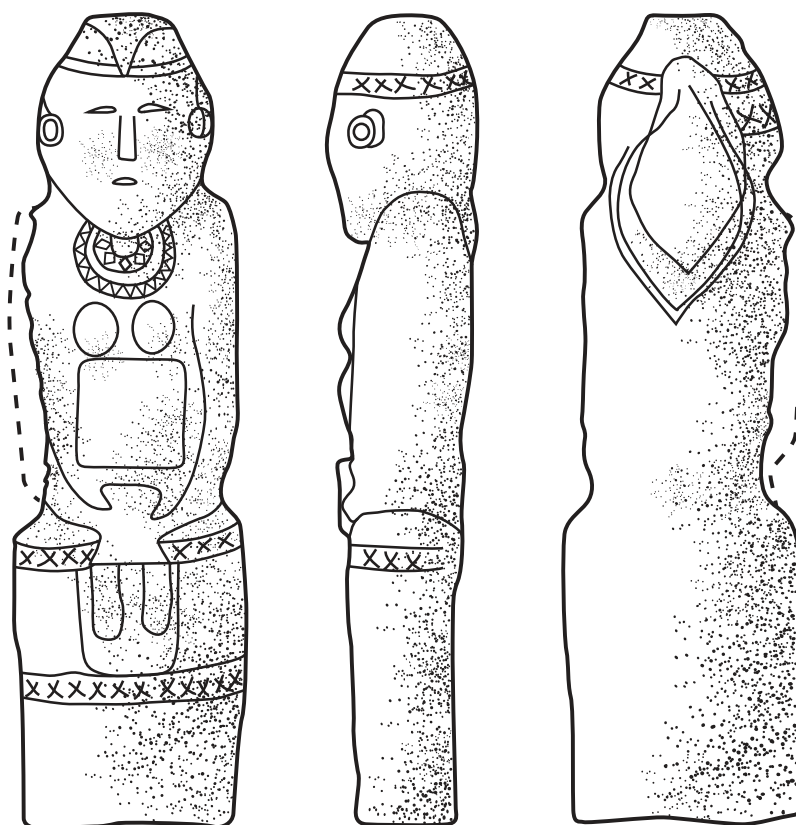
Плетнева, 1974а. — С. 96 (829)

Красильников, 1999. — С. 71 (18), 109. — Табл. 14, 2.

0 10 см

19. ИЗВАЯНИЕ 19, ОБЪЕМНОЕ, СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII В.

Луганская обл., Перевальский р-н, с. Селезневка, в центре села, врытое в землю, что и определило достаточно хорошую ему сохранность.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова и личина овальные, лицо портретное, широкоскулое, плоское, монголоидное. Нос и брови соотносятся Т-образно, узкие глазницы расположены близко в переносице. Голова исполнена объемно. Головной убор это невысокая шапочка, верх плоский, бока конусовидные, низ с ободковым валиком, орнаментированным прочерченными крестовидными изображениями. На височных отделах головы кольцообразные серьги. На грудной части туловища украшения в виде двух небольших округлых гривен, дооформленных орнаментами. Ниже их округлости девичьей груди, на животе небольшая выпуклость квадратной формы. На бедренной части туловища изображен пояс с орнаментальной насечкой, в невероятно удлиненных руках биконической формы сосуд, под ним, в виде столбиков длиной 15-18 см, ноги. На спине изображены лопасти, предназначенные для укладки волос. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,7 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,25 м.

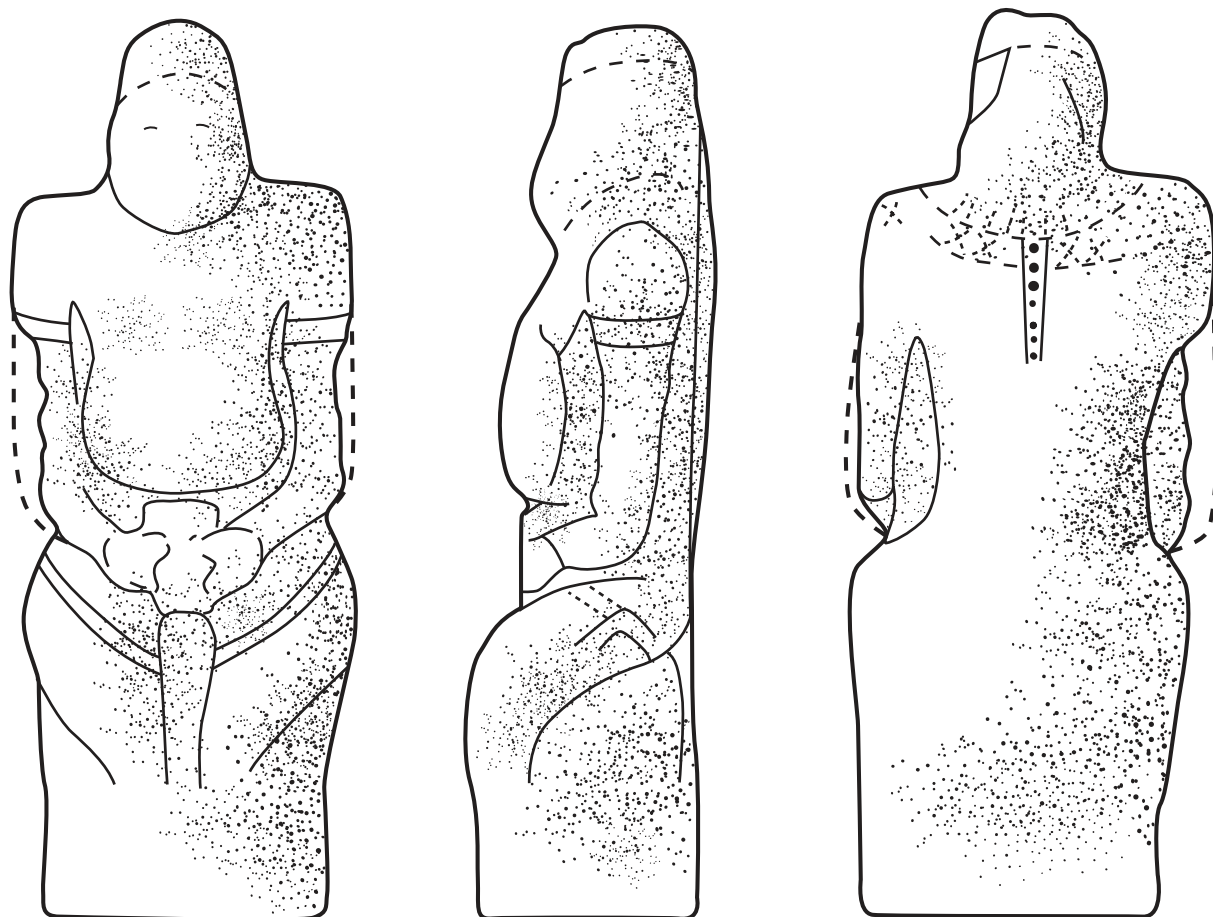
Сохранность удовлетворительная, но правая сторона статуи со значительным повреждением механического характера. Изваяние находится в парк-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 894 А 802

Плетнева, 1974а. — С. 96 (828)

Красильников, 1999. — С. 71–72 (19), 110. — Табл. 15, 1.

0 10 см

20. ИЗВАЯНИЕ 20, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Славяносербский р-н, г. Зимогорье, в черте города.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1970 г.

Скульптура мужская (?), композиция «сидящая». Голова и личина округлые, лицо безликое. Головной убор в виде низкой шапки. Верхняя часть туловища без очевидных деталей одежды и гарнитуры, лишь на предплечьях наблюдаются признаки «накладки». В руках под выпуклым животом изображен сосуд, на ногах ремни поножей. Постамент отсутствует. Абрис тип II.

Размеры сохранившейся части статуи: высота — 1,5 м, ширина — 0,56 м, толщина — 0,35 м.

Состояние неудовлетворительное. Скульптура была разбита на три части, затем «реставрирована» цементом, в результате чего искажены голова, личина, руки, спина и другие элементы. Находится в парке-музее г. Луганска.

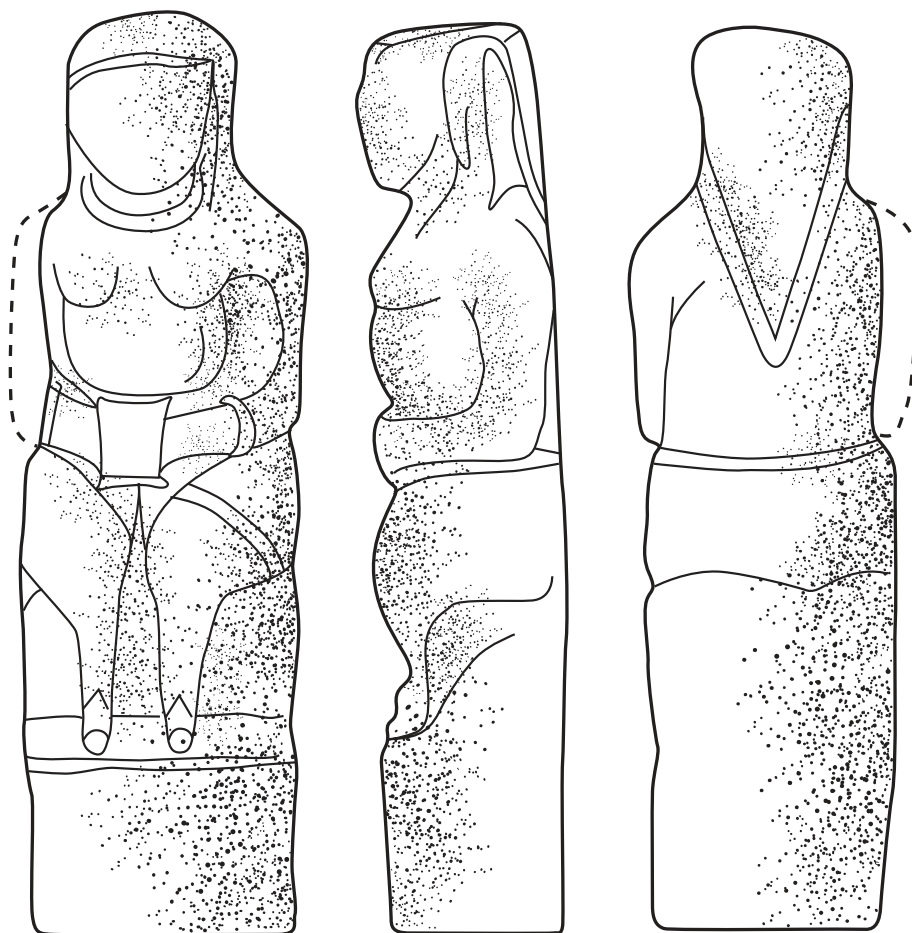
Инв. № ЛАЭМ КП 481 А 449

Плетнева, 1974а. — С. 97 (858)

Красильников, 1999. — С. 71 (20), 128. — Табл. 33, 4.

0 10 см

21. ИЗВАЯНИЕ 21, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, РУБЕЖ XII — XIII ВВ.

Луганская обл, Перевальский р-н, пос. Чернухино, в черте поселка.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура женская, композиция «сидящая». Голова, с уплощенной теменной частью, покрыта накидкой от которой на спину спускается треугольной формы лопасть. Лицо безликое, вероятно, чадропокрытое. На туловище изображены гривна и округлая грудь девы, живот и бедра исполнены объемно. На лучевых частях рук видны запястные браслеты. В руках, согнутых под углом около 90°, изображен сосуд цилиндрической формы с поддоном. Общая композиция скульптуры приземистая, как бы изображает низкорослую особь. На это же указывают низкая тазобедренная часть туловища и укороченные ноги, дооформленные поножами и сапожками, опирающимися в ступеньку постамента. Скульптура как бы «усажена» на массивный постамент. Абрис тип II — III.

Размеры: высота — 1,5 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,35 м.

Сохранность неудовлетворительная, правая сторона скульптуры повреждена механическим путем, часть руки сбита, песчаник рыхлый, активно разрушается. В 1996 г. скульптура похищена.

Инв. № ЛАЭМ КП 5713 А 5183

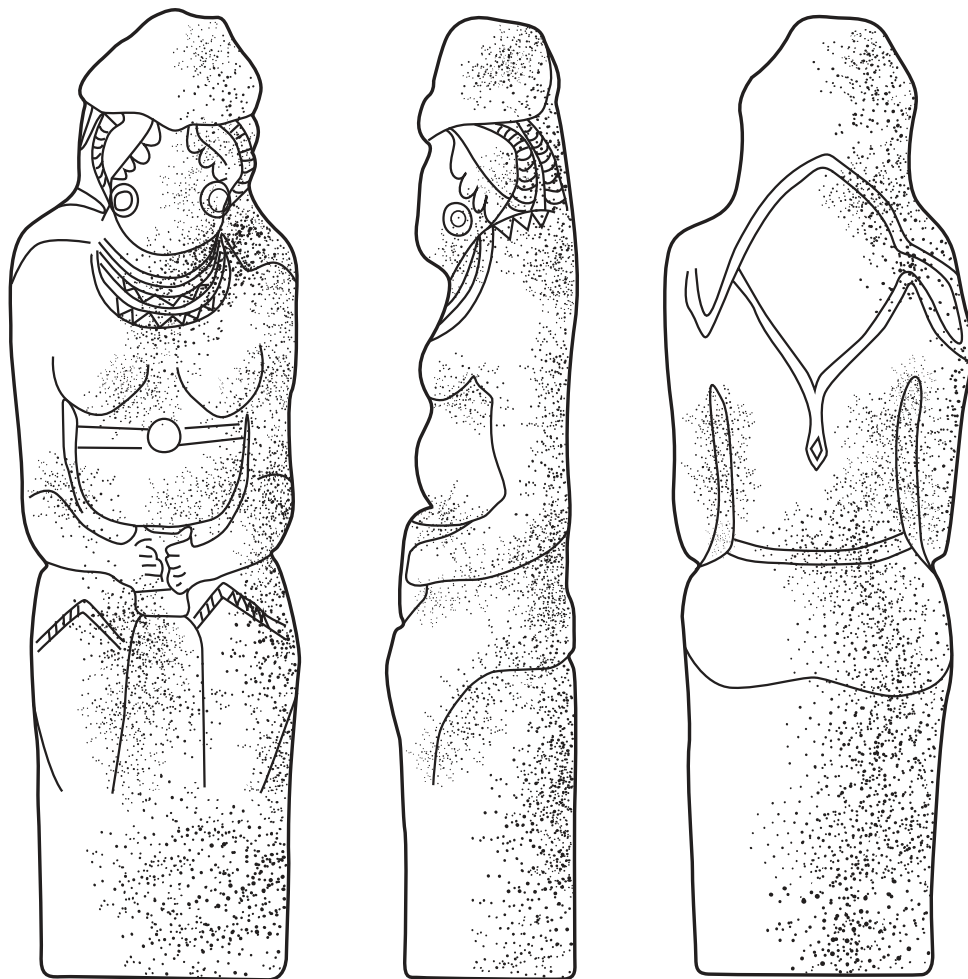
Плетнева, 1974а. — С.96 (832)

Красильников, 1999. — С. 71 (21), 110. —Табл. 15, 2.

0 11 см

22. ИЗВАЯНИЕ 22, ЖЕНСКОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII.

Луганская обл, Перевальский р-н, пос. Чернухино, в черте поселка, использовалось в качестве опоры забора.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура женская, композиция «сидящая». Голова и личина округлые, лицо безликое. На голове высокая шляпа, из-под нее опущена ожурная накидка, сбоку изображены витые валики, кольчатые височные кольца, на спине накидка-пелерина с раздувающимися лопастями, ниже их на талии пояс. На тулове прослеживаем: округлую гривну, два ряда художественно оформленных ожерелий, ниже небольшую грудь матроны. Умеренно выпуклые живот в верхней части обозначен поясом с круглой пряжкой. Объемно исполненные руки с изгибом 90° , держат кубкообразно-цилиндрической формы сосуд. На ногах изображены орнаментально оформленные ремни поножей. Скульптура «усажена» на массивные постамент. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,46 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,3 м.

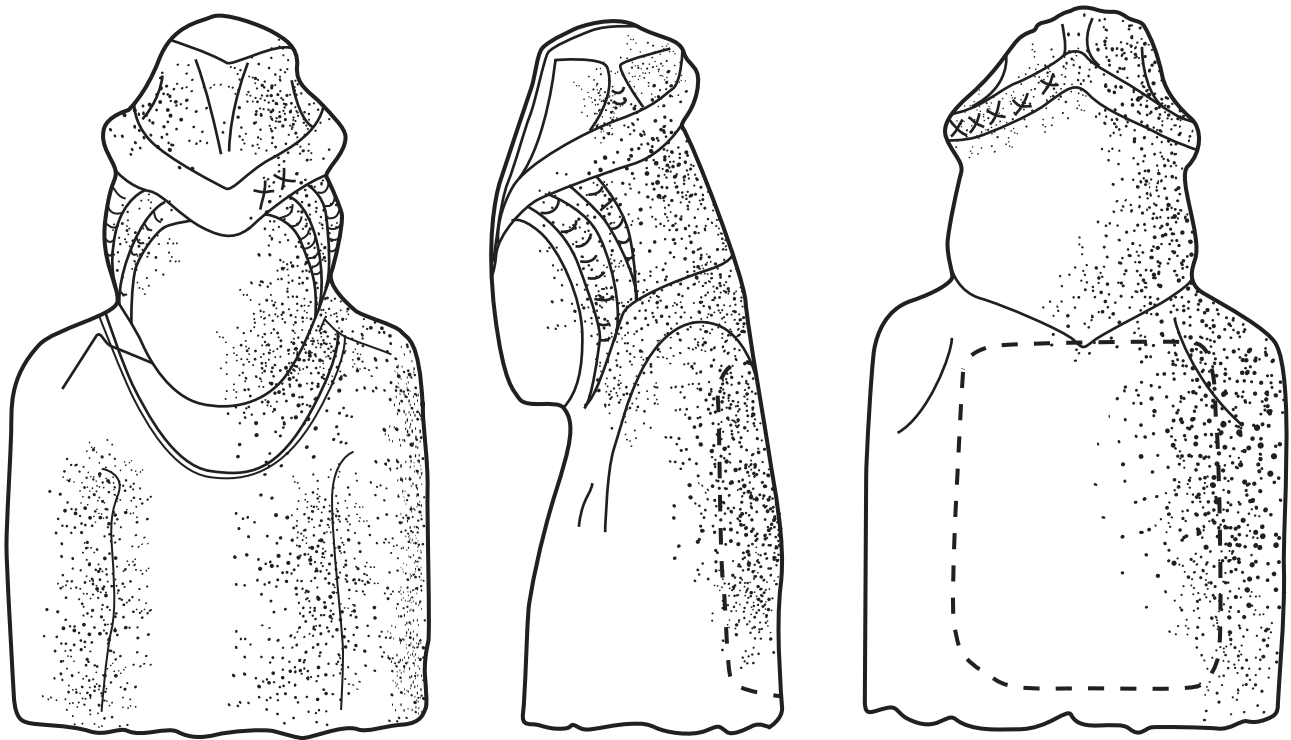
Состояние удовлетворительное. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 778 А 702

Плетнева, 1974а. — С. 96 (831)

Красильников, 1999. — С. 72 (22), 110. —Табл. 15, 3.

0 10 см

23. ИЗВАЯНИЕ 23, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., Попаснянский р-н, пос. Шипилово, в окрестностях железнодорожной станции.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1971 г.

Скульптура женская. Голова и личина округлые. Лицо выпуклое, овальное, безликое, видимо, чадропокрытое. По контуру овала лица, с обеих сторон, изображены по два роговидных валика, оформленных насечками. На голове высокая, сложной формы шляпа, из-под нее на спину свисает накидка-лопасть, на плечах наблюдаются контуры пелерины. На груди прослежено украшение, вероятно, гривна, едва уловимы контуры рук. Поверхность статуи заглажена. Абрис тип I.

Размеры сохранившейся части изваяния: высота — 1,25 м, ширина — 0,75 м, толщина — 0,45 м. Излом по линии пояса.

Сохранность фрагмента удовлетворительная, со стороны спины выбрано углубление — кормушка для скота. Находится в парке-музее г. Луганска.

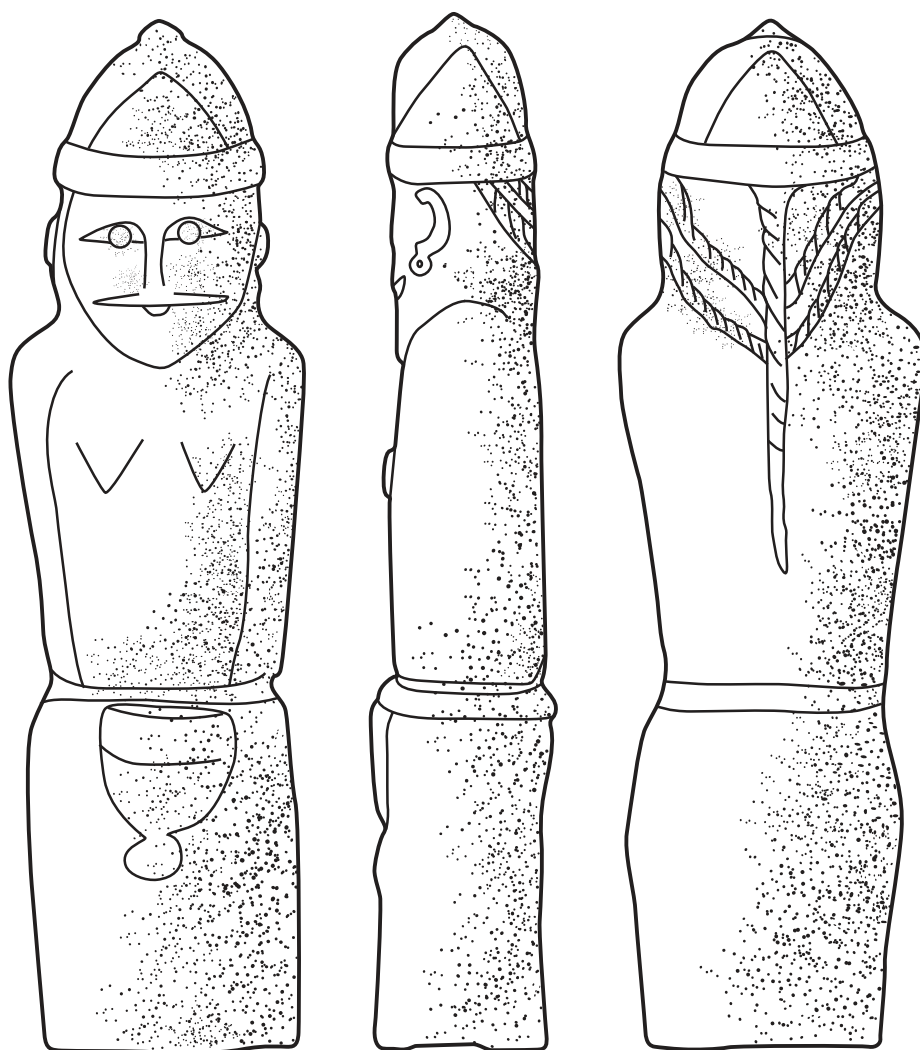
Инв. № ЛАЭМ КП 292 А 271

Плетнева, 1974а. — С. 96 (853)

Красильников, 1999. — С. 72 (23), 111. — Табл. 16, 1.

0 10 см

24. ИЗВЯЯНИЕ 24, СТЕЛОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., Краснодонский р-н, с. Новоалександровка, в заборе заброшенного подворья.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1970 г.

Статуя мужская, композиция «стоящая». Голова и личина овальные, подбородок подзаострен. Лицо портретное, брови, глазницы, усы, нос, исполненные Т-образно, подчеркивают монголоидный этнотип. На голове сложносоставной из полос шлем с ободком, из-под которого опускаются пять кос, на спине соединенные в одну. Туловище уплощенное, на нем стилизованно изображена женская грудь, ниже пояса кубковидный сосуд с шаровидным поддоном. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,4 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,2 м.

Сохранность хорошая. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 482 А 450

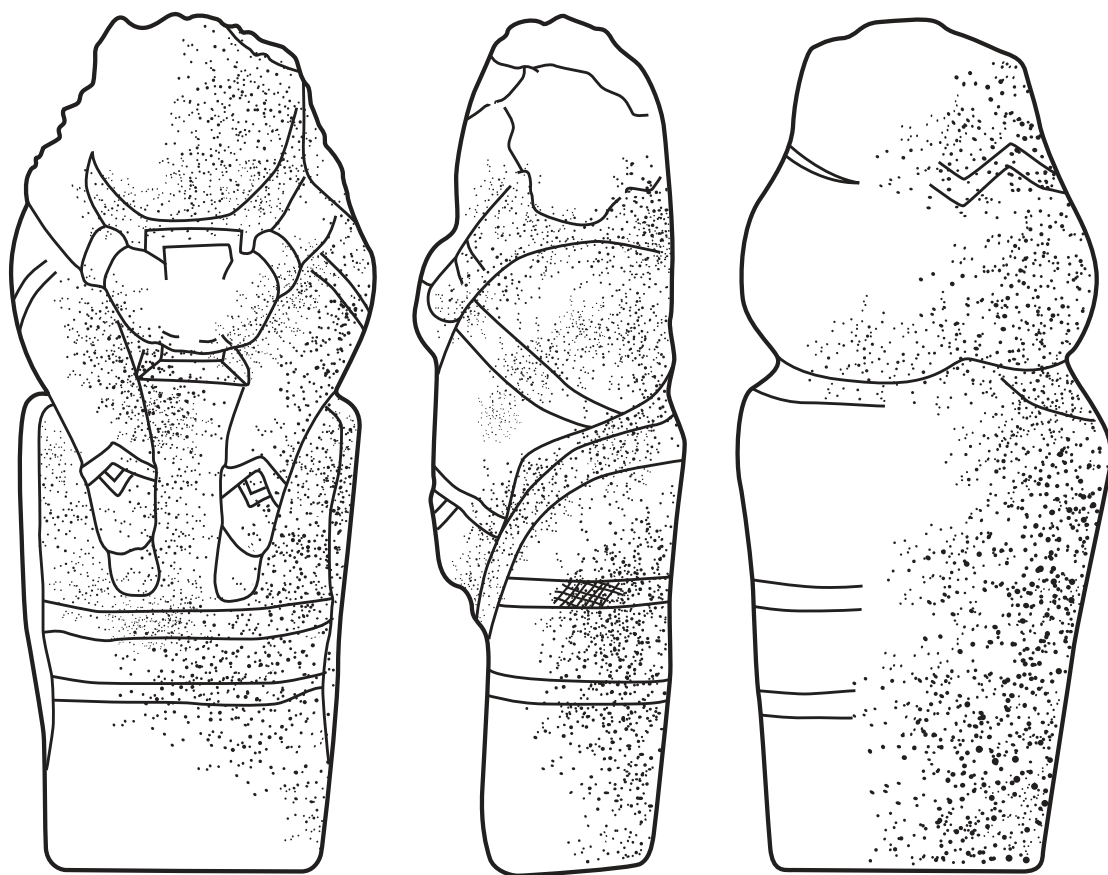
Плетнева, 1974а, — С. 96 (848)

Красильников, 1999. — С. 72 (24), 111. — Табл. 16, 2.

0 11 см

25. ИЗВАЯНИЕ 25, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, РУБЕЖ XII — XIII ВВ.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Ивановка, у села в овраге.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура женская, композиция «сидящая», верхняя до поясная часть отсутствует. Сохранившаяся нижняя часть изваяния констатирует: в руках массивный сосуд кубковидной формы, горельефом исполненные ноги обуты в короткие сапожки, на бедрах ремни поножей, тазобедренная часть скульптуры в гипертрофированном виде, у кистей рук запястья. Постамент высокий, с подножкой, его поверхность со следами работы зубилом, остальные части скульптуры заглажены..

Размеры по факту: высота — 1,2 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,35 м.

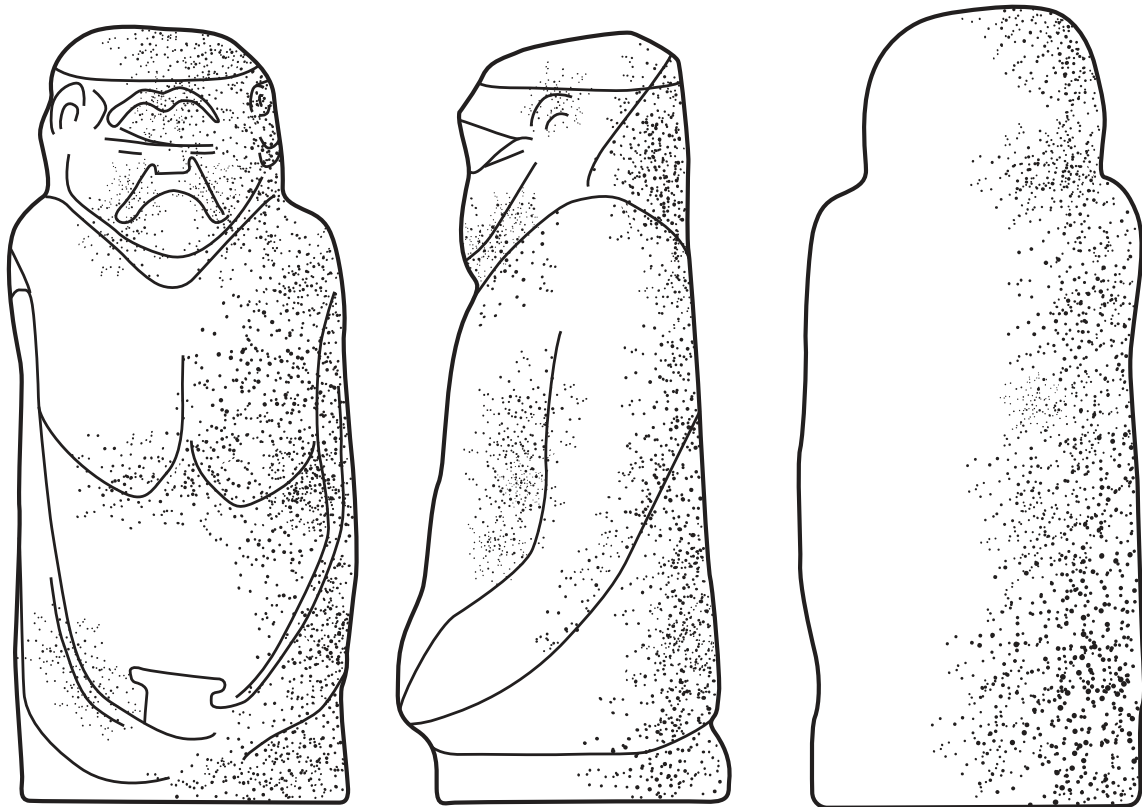
Сохранность неудовлетворительная. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 779 А 703

Плетнева, 1974а. — С.95 (822)

Красильников, 1999. — С. 72–73 (25), 111. — Табл. 16, 3.

0 10 см

26. ИЗВАЯНИЕ 26, МУЖСКОЕ, ОБЪЕМНОЕ, СТОЛБООБРАЗНОЕ, ТИП VI, НАЧАЛО XIII В.

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Пятигоровка, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1970 г.

Скульптура мужская, композиция «стоящая» (?). Голова округлая, лицо близкое к портретности, в грубом стиле изображены глаза, нос, усы, уши. На голове, вероятно, тюрбетейка. На фронтальной стороне статуи свисающая женская грудь (?), выпуклый живот, сосуд, на ее боковых сторонах, в стиле барельефа, удлиненные, его удерживающие руки. Основание скульптуры ровная плоскость. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,35 м, ширина — 0,55 м, толщина — 0,45 м.

Сохранность хорошая. Находится в парке-музее г. Луганска.

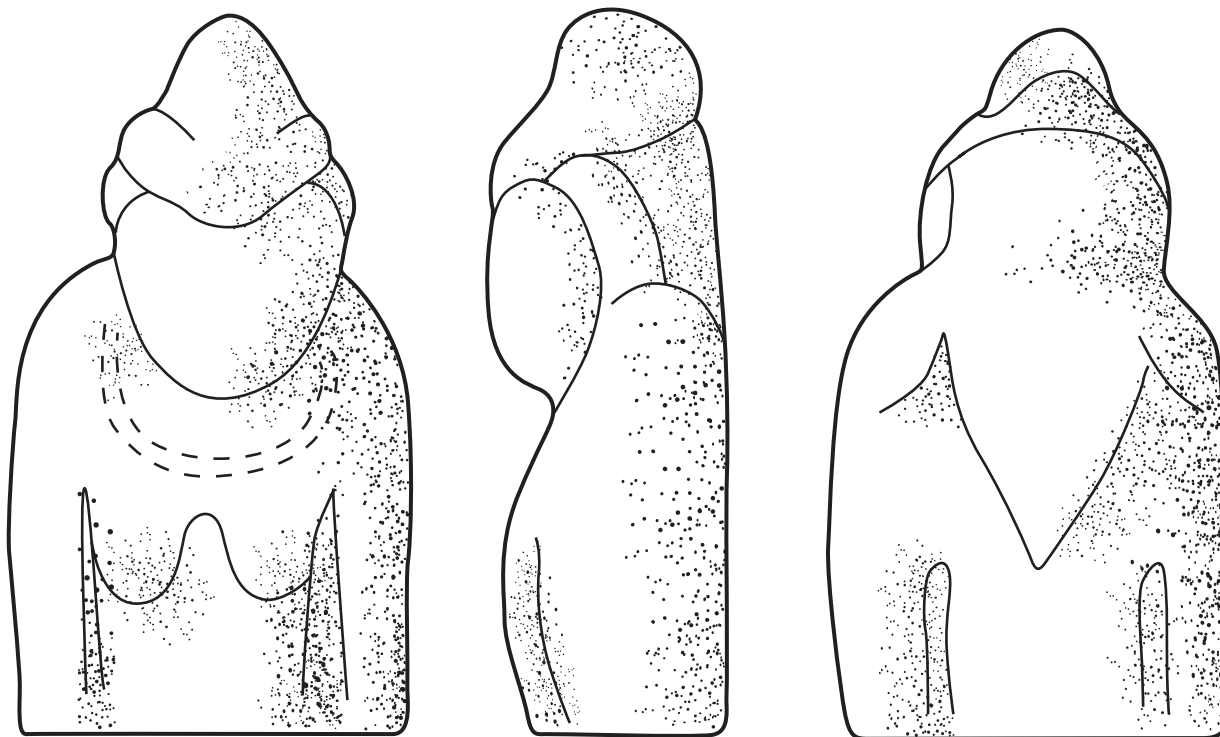
Инв. № ЛАЭМ КП 483 А 451

Плетнева, 1974а. — С. 96 (843)

Красильников, 1999. — С. 73 (26), 112. — Табл. 17, 1.

0 15 см

27. ИЗВАЯНИЕ 27, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, РУБЕЖ XII — XIII ВВ.

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Пятигоровка, в черте села. Фрагмент допоясной части обнаружен и перевезен в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1969 г.

Изваяние женское, безликое, видимо, с чадропокрытием. На голове высокая шляпа сложной формы с утолщенным валиком. Со стороны спины трехлопастная пелерина-накидка накрывающая плечи и спину. На туловище прослеживаем гривну, свисающую грудь, руки. Абрис тип I.

Размеры сохранившейся части: высота — 1,3 м, ширина — 0,75 м, толщина — 0,4 м.

В целом же состояние удовлетворительная, излом по линии пояса, линия излома специально выровнена. В настоящее время изделие, как временная экспозиция, находится в народном музее с. Смоляниново Новоайдарского р-на Луганской обл.

Инв. № ЛАЭМ КП 5716 А 5185

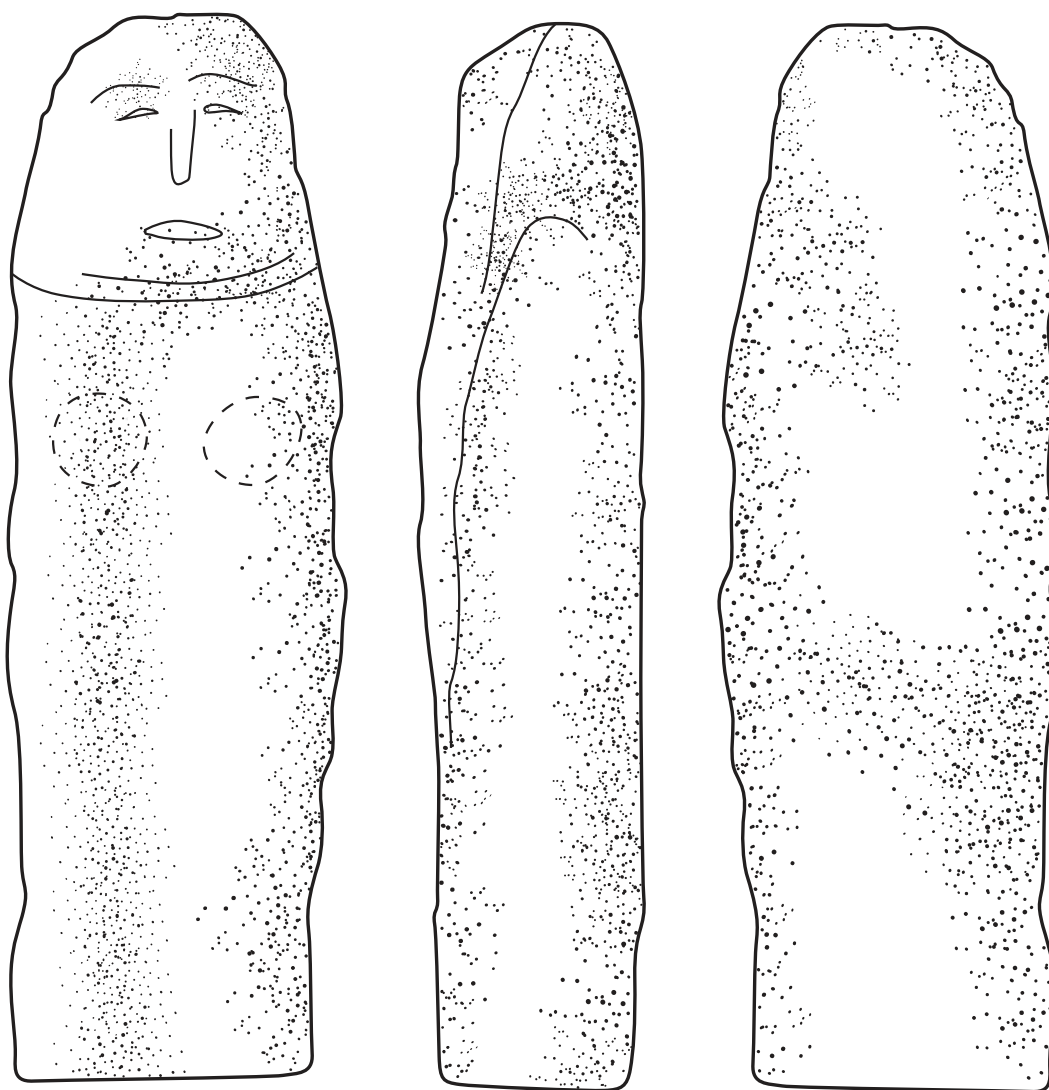
Плетнева, 1974а. — С. 96 (844)

Красильников, 1999. — С. 73 (27), 112. — Табл 16, 1.

0 7 см

28. ИЗВАЯНИЕ 28, СТЕЛОВИДНОЕ, МАЛЫХ ФОРМ, ТИП I, ВЕРОЯТНО XI В.

Луганская обл., Свердловский район, пос. Должанский.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1971 г., использовалось в качестве заградительного столба угла дома.

Возможно новодел.

Скульптура женская (?), композиция «стоящая». Плита обработана лишь в передней части. С помощью углубленной канавки обозначена личина, контуры груди девы. Абрис — тип I.

Размеры: высота — 1,1 м, ширина — 0,3 м, толщина — 0,17 м.

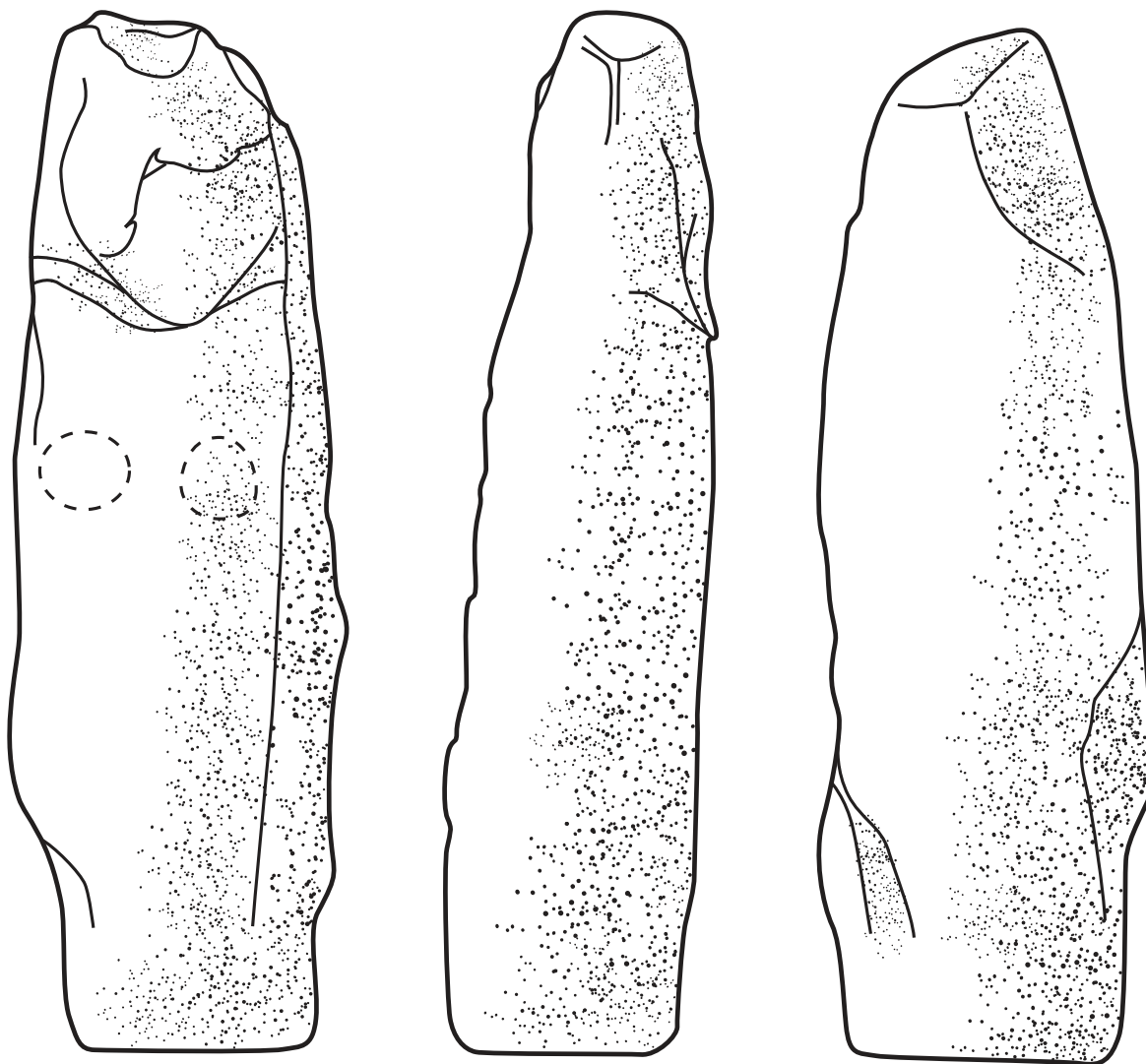
Сохранность неудовлетворительная, поверхность скульптуры выветрена и повреждена механическим путем. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 895 А 803

Плетнёва, 1974а. — С. 96 (837)

Красильников, 1999. — С. 73 (28).

0 10 см

29. ИЗВАЯНИЕ 29, СТЕЛОВИДНОЕ, МАЛЫХ ФОРМ, ТИП I, ВЕРОЯТНО XI В.

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Волнухино, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». На столбообразной глыбе проработаны личина, ниже, на тулове, разделительная канавка, здесь же контуры груди девы. Абрис неопределяемый.

Размеры: высота — 1,4 м, ширина — 0,35 м, толщина — 0,25 м.

Сохранность неудовлетворительная, поверхность выветрена, песчаник разрушается, прослеживаются механические сколы. В настоящее время изделие находится в народном музее с. Смоляниново Новоайдарского р-на Луганской обл.

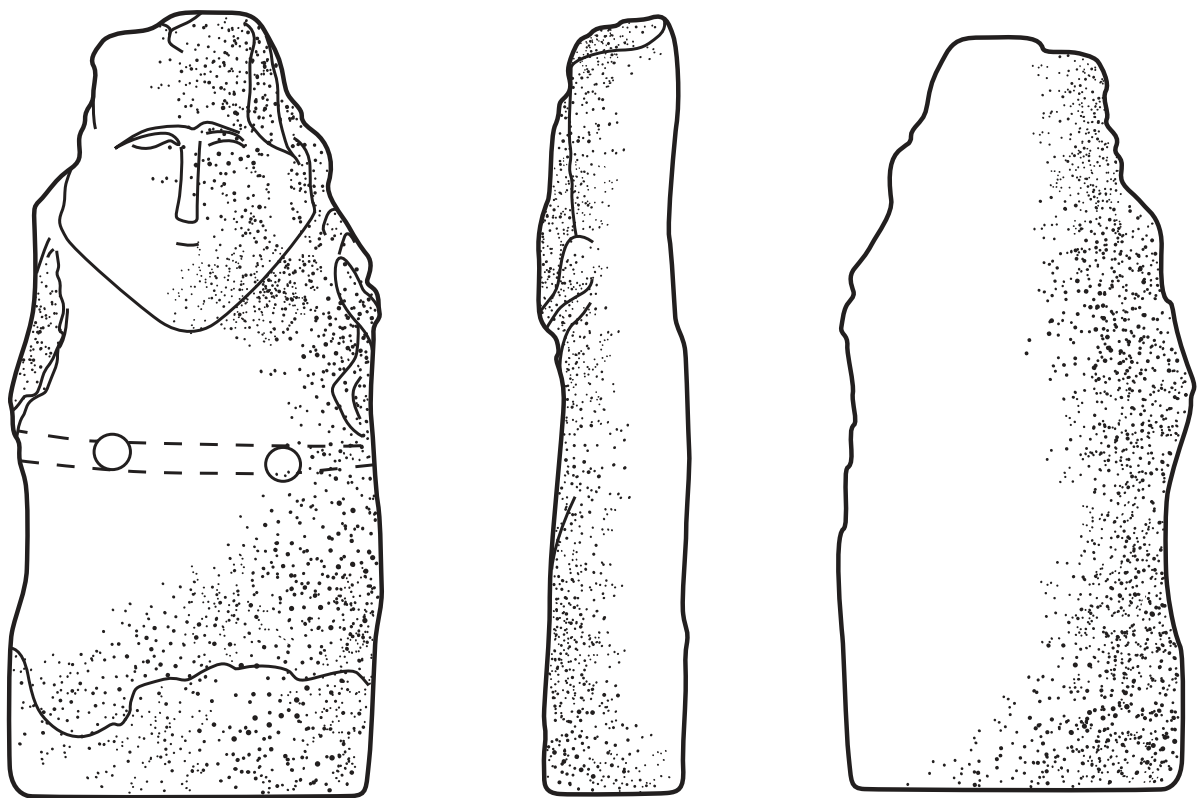
Инв. № ЛАЭМ КП 713 А 653

Плетнева, 1974а. — С. 96 (841)

Красильников, 1999. — С. 73 (29), 112. — Табл. 17, 3.

0 10 см

30. ИЗВАЯНИЕ 30, СТЕЛОВИДНОЕ, МАЛЫХ ФОРМ, ТИП I, ВЕРОЯТНО XI В.

Луганская обл., г. Ровеньки, пос. Большекаменка, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая», допоясная. Плоская личина дополнена деталями лица: брови, глаза, нос в Т-образном сочетании. На лицевой стороне, в виде небольших выпуклых окружностей диаметром 3-4 см, изображена девичья грудь. Здесь же прослеживаем пояс. Тильная сторона, напротив, без признаков обработки, но обе боковые явно со следами обивки. Абрис тип I.

Размеры: высота — 0,9 м, Ширина — 0,35-0,4 м, толщина 0,15—0,2 м.

Сохранность неудовлетворительная, плита с признаками расслоения. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 712 А 652

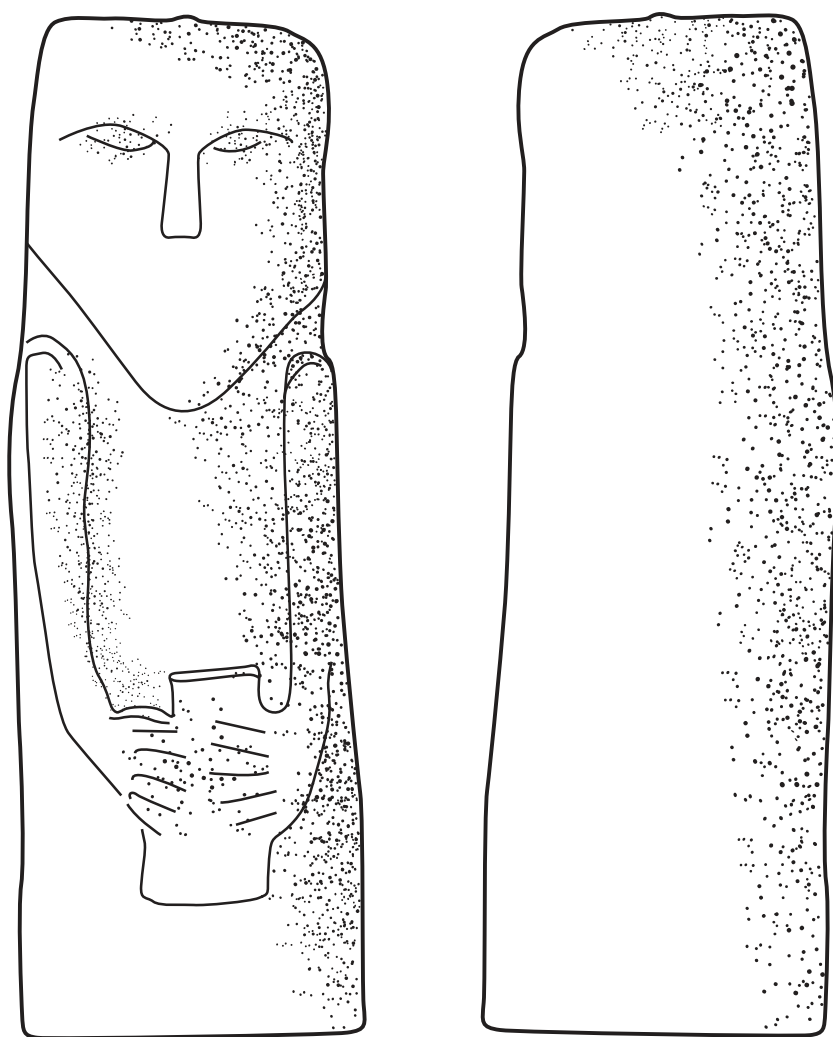
Плетнева, 1974а. — С. 96 (840)

Красильников, 1999. — С. 73 (во), 112. - Табл. 17, 4.

0 10 см

31. ИЗВАЯНИЕ 31, СТОЛБОВИДНОЕ, КВАДРАТНОЕ, МАЛЫХ ФОРМ, ТИП II, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Бобриково, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1970 г.

Скульптура мужская, композиция «стоящая» в форме удлиненного прямоугольника. Личина с заостренным подбородком, лицо портретное, тюркского этнотипа, верх головы плоский. Узкие плечи обозначены канавкой, тонкие, удлиненные, прямые руки опущены вдоль корпуса туловища, пальцы кистей исполнены графикой. Сосуд высокий, банковидной цилиндрической формы. Все стороны столба обработаны, лицевая часть статуи, к тому же, заглажена. Абрис тип I.

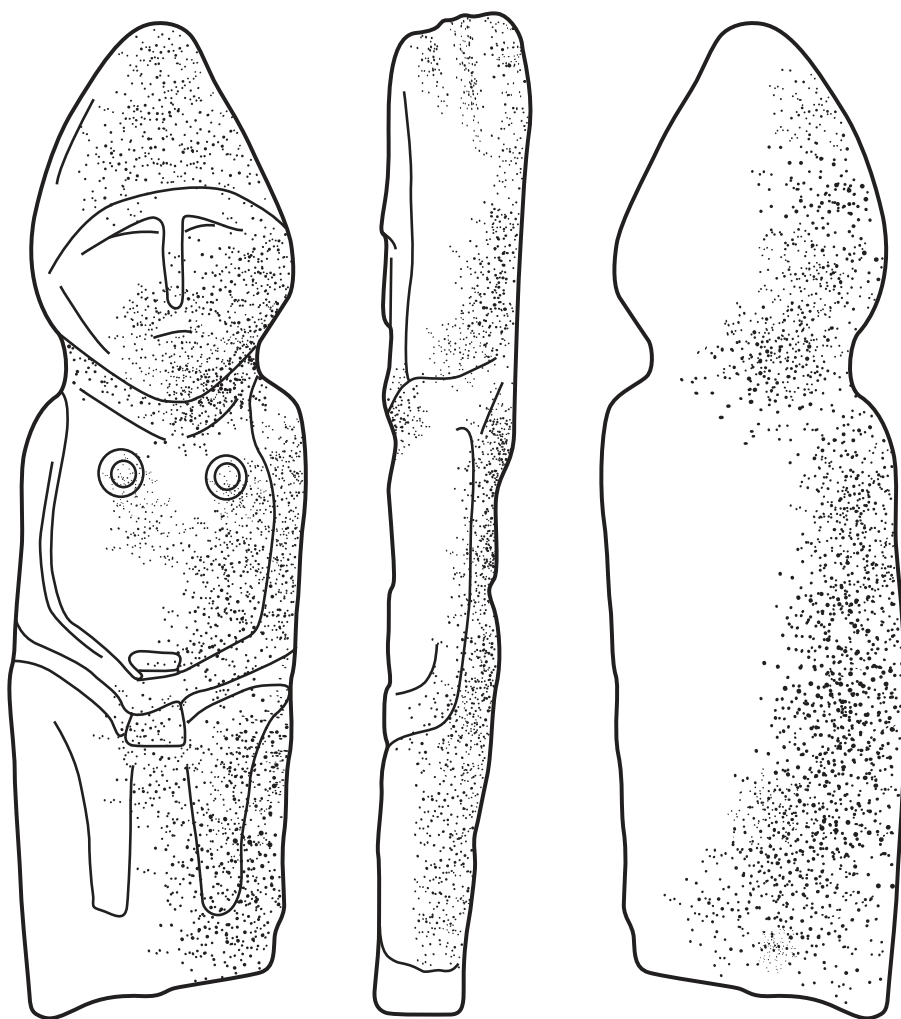
Размеры: высота — 1,35 м, в сечении — 0,4×0,45 м.

Сохранность хорошая. Скульптура похищена и ее местонахождение в настоящий момент не известно.

Плетнева. 1974а. — С. 95 (824)

Красильников, 1999. — С. 73 (31), 113. —Табл. 18,1.

0 11 см

32. ИЗВАЯНИЕ 32, СТЕЛОВИДНОЕ, ТИП I, ВОЗМОЖНО ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Беловодский р-н, с. Ноздревка, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1969 г. Использовалось в виде вымостки у колодца, по преданиям жителей оно происходит из кургана в долине р. Деркул. Местный характер статуи подтверждает материал — кварцит, — порода здешнего происхождения.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Личина портретная. Фронтальная сторона туловища обработана, обозначены руки, миниатюрный биконического вида сосуд, круги диаметром до 5 см, стилизованный образ груди девы. В комплексе приведенных признаков статуя может занимать место в числе скульптур либо раннего, либо, напротив, финального периода половецкого искусства. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,5 м, ширина — 0,4 м.

Сохранность хорошая. В настоящее время изделие во временном пользовании находится в народном музее с. Смоляниново Новоайдарского р-на Луганской обл.

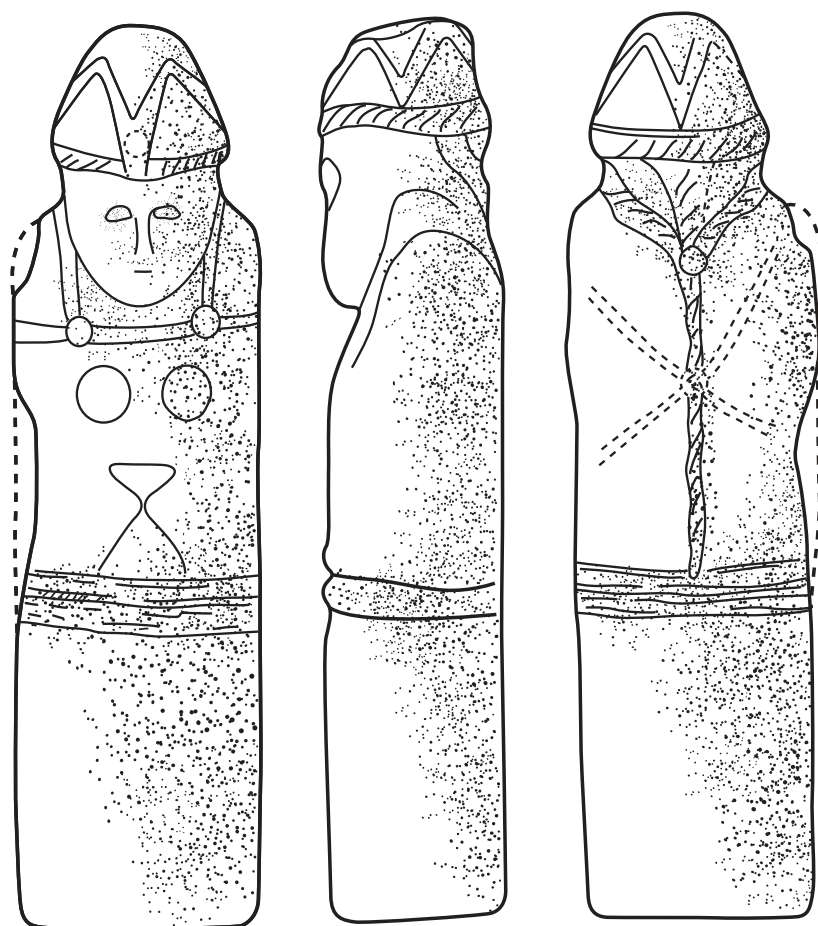
Инв. № ЛАЭМ КП 3944 А 3843

Плетнева, 1974а. — С. 96 (855)

Красильников, 1999. — С. 73-74 (32), 113. — Табл. 18, 2.

0 10 см

33. ИЗВАЯНИЕ 33, МУЖСКОЕ, ОКРУГЛОЕ, СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., Краснодонский р-н, с. Дубовка, в селе, в кладке забора.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Краси́льниковым в 1973 г.

Скульптура мужская, композиция «стоящая». Лицо, видимо, было портретным, сейчас заметно выветрено, но все же прослеживаются глаза и нос. Голова и личина овальные, увенчаны высоким конусовидно-округлым шлемом, составленным из четырех секций. По краю шлема валик, оформленный косой насечкой. Из-под него на шею и затылок свисают три косы, на спине соединенные в одну. На передней и задней сторонах туловища изображена амуниция, включающая ремни и бляхи, две из которых, более крупные, могут символизировать грудь девы. Руки отсутствуют. На корпусе выгравирован в перевернутом состоянии кубок биконической формы, ниже кубка две линии поясов. Постамент столбообразный. Абрис тип I.

Размеры: высота — 1,34 м, ширина — 0,34 м, толщина — 0,26 м.

Сохранность, в целом, хорошая, механические повреждения лишь с правой стороны. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 896 А 804

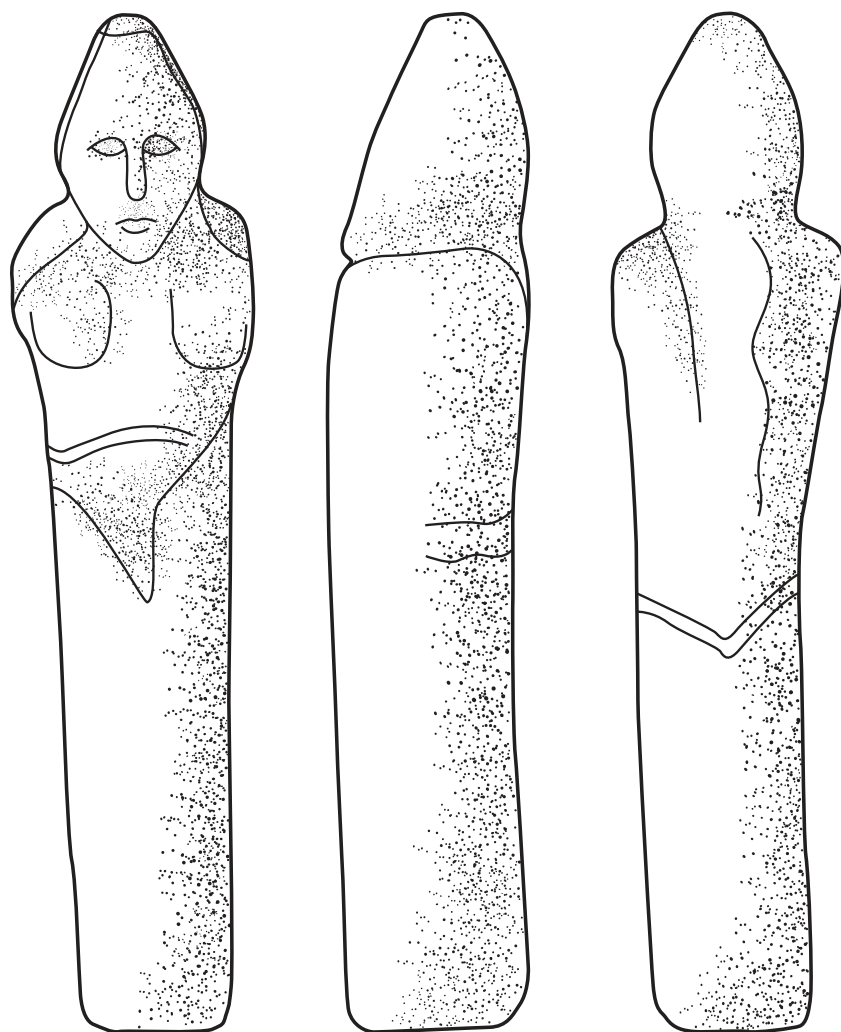
Плетнева, 1974а. — С. 96 (849)

Красильников, 1999. — С. 74 (33), 113. — Табл. 18, 3.

0 10 см

**34. ИЗВАЯНИЕ 34, СТЕЛО-СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП II,
ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XII В., НО ВОЗМОЖНО ТИП VI, НАЧАЛО XIII В.**

Луганская обл., Краснодонский р-н, с. Дубовка, в черте села.

Использовалось как оградительный столб угла дома. Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура мужская, композиция «стоящая». Голова и личина ромбовидные, с конусовидным удлинением, верх конуса плоский. Лицо портретное с образом евро-тюркского этнотипа. На плоском туловище едва прослеживаются выпуклости грудных блях или женская грудь, пояс, неубедительны и контуры кос. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,45 м, ширина грудной части — 0,35 м, толщина столба — до 0,23—0,25 м.

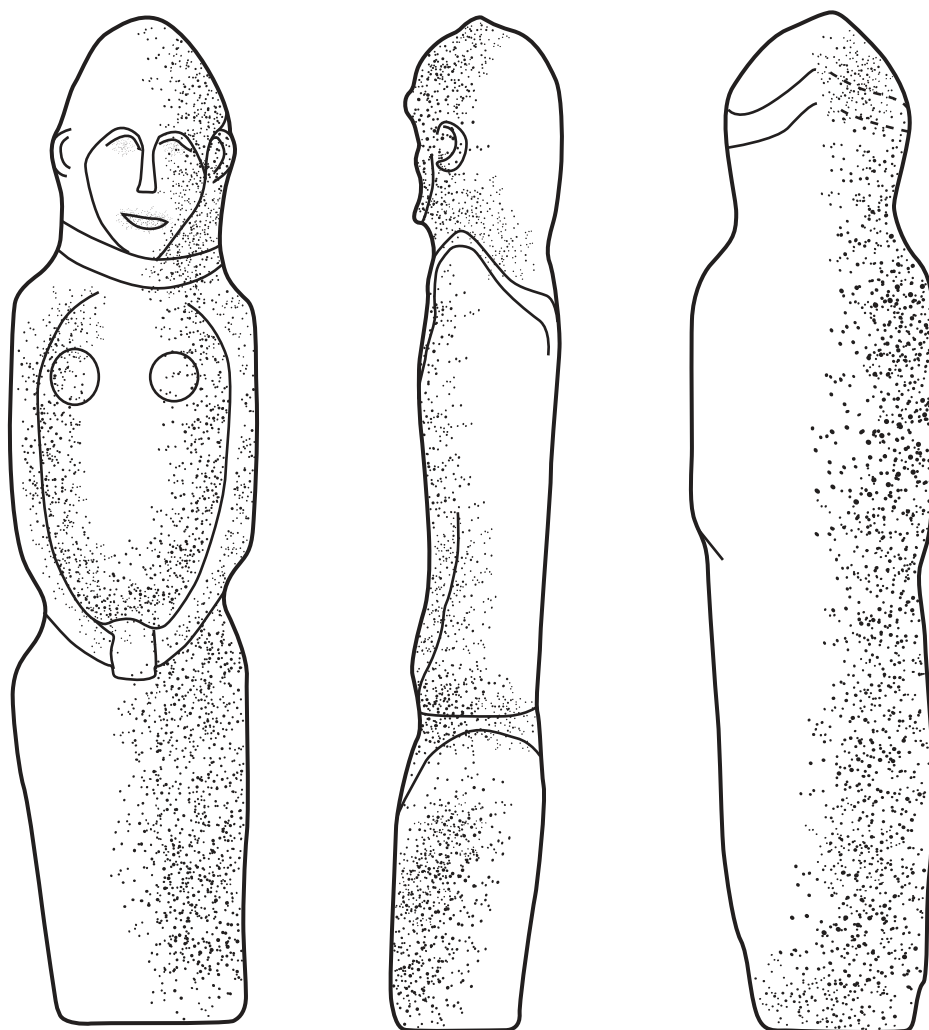
Сохранность удовлетворительная, но прослеживается продольное расслоение плиты. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 897 А 805

Плетнева, 1974а. — С. 96 (850)

Красильников, 1999. — С. 74 (34), 114. — Табл. 19,1.

0 10 см

35. ИЗВАЯНИЕ 35, СТЕЛОВИДНОЕ, ТИП I, НАЧАЛО XII В.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Фашевка, в черте села.

Обнаружено и перевезено К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Техника изготовления и иконография сочетают в себе разные приемы. Голова, исполненная объемно, покрыта накидкой, овал лица сердцевидный с деталями портрета. На стелообразном туловище барельефом обозначены тонкие удлиненные руки, сосуд, на туловище прослеживаются контуры груди девы. Низ, как и спина, обработан техникой мелкого скола, туловище и голова пикетажем со следами заглаженности. Абрис тип III.

Размеры: высота — 1,6 м, ширина — 0,3 м, толщина — 0,2 м.

Сохранность хорошая, находится в парке-музее г. Луганска.

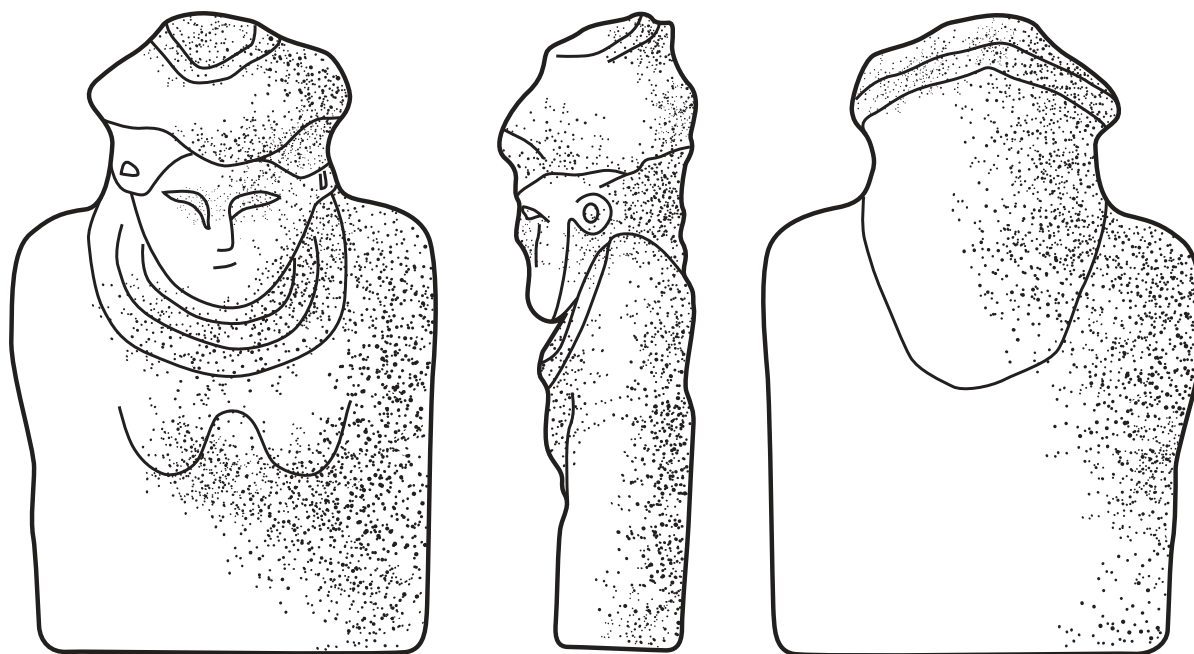
Инв. № ЛАЭМ КП 898 А 806

Плетнева, 1974а. — С. 96 (826)

Красильников, 1999. — С. 74 (35), 114. — Табл. 19, 2.

0 10 см

36. ИЗВАЯНИЕ 36, СТЕЛОВИДНОЕ, ДОПОЯСНОЕ, ТИП VI (?), ОКОЛО СЕРЕДИНЫ XII В.

Луганская обл., Перевальский р-н, с. Городище, на частном подворье.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1974 г.

Скульптура женская. Личина овальная, лицо портретное, молоджавое, европеоидное, исполнено в технике барельефа. На голове «таблетковидная» шляпа под которой наблюдается накидка, здесь же прослеживаем серьги. На спине изображен округлой формы футляр для волос. На туловище небольшая свисающая грудь, над ней два ряда, в виде валиков, гривен. Статуя обработана по всей плоскости, низ плоский и ровный. Скульптура вполне транспортабельна и могла служить сакральным оберегом отдельной семьи или небольшого рода. Абрис тип I.

Размеры: высота — 0,75 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,15–0,22 м.

Сохранность хорошая, передана в экспозицию краеведческого музея пос. Беловодск Луганской области.

Инв. № КП 1215 А 15

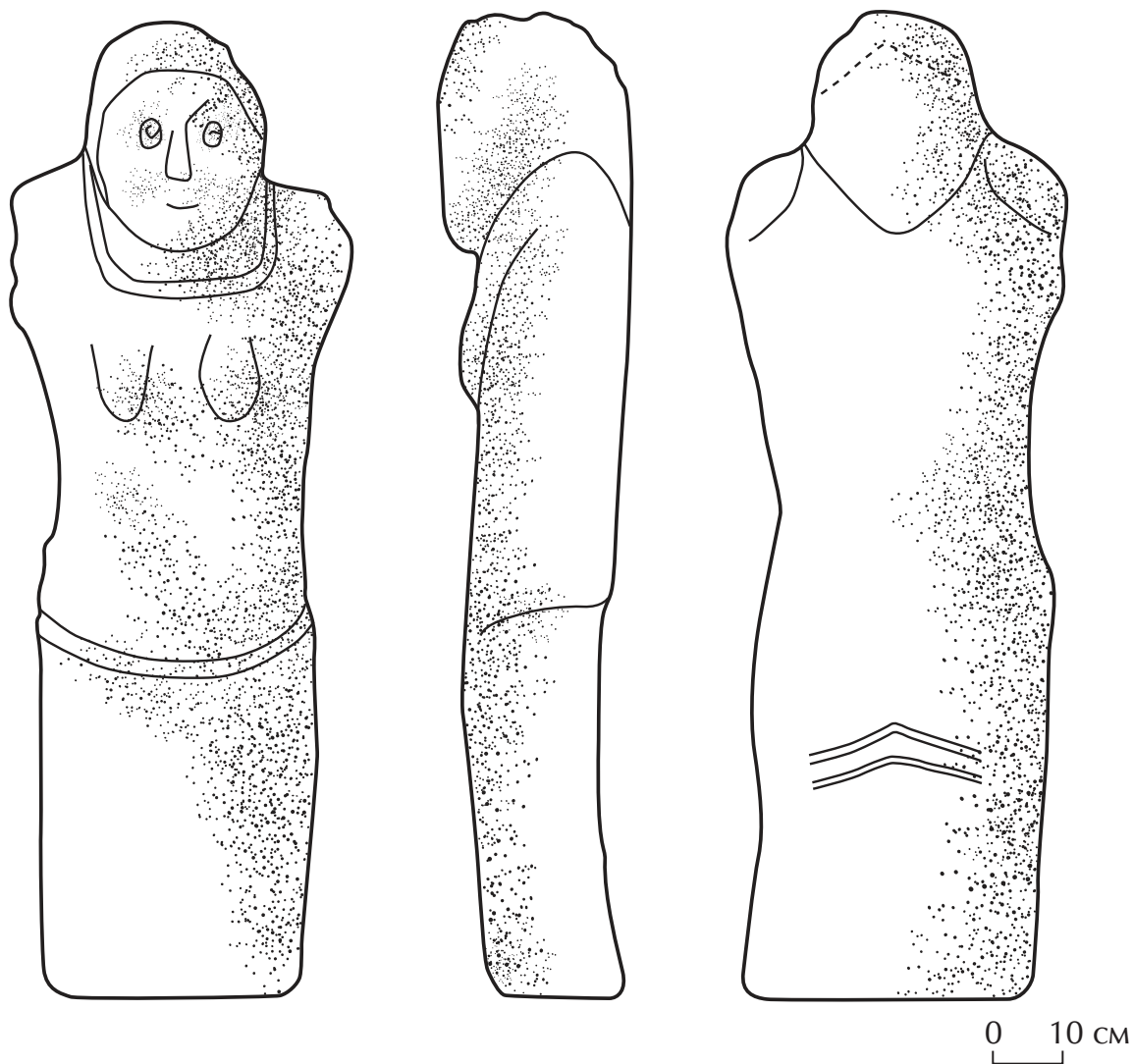
Плетнева, 1974:21. — С. 96 (830)

Красильников, 1999. — С. 74 (36), 114. — Табл. 19, 3.

**37. ИЗВАЯНИЕ 37, СТОЛБОВИДНОЕ, ОКРУГЛОЕ, ТИП VI,
ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.**

Луганская обл., Свердловский р-н, пос. Бирюково, в состоянии углового огради-
тельного столба дома.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова и личина округлые, лицо с
признаками портретности, но оно, вероятно, новодельного характера, в частности в
изображении глаз и носа. Голова покрыта накидкой, с затылочной стороны свисает
небольшая лопасть, на плечах пелерина. На грудной части туловища прослеживают-
ся гривна, ниже небольшая свисающая женская грудь. Руки, сосуд отсутствуют. В
средней части статуи изображен пояс, со стороны спины — контур одежды (халата).
Абрис тип I.

Размеры: высота — 1,35 м, Ширина — 0,45 м, толщина — 0,25 м.

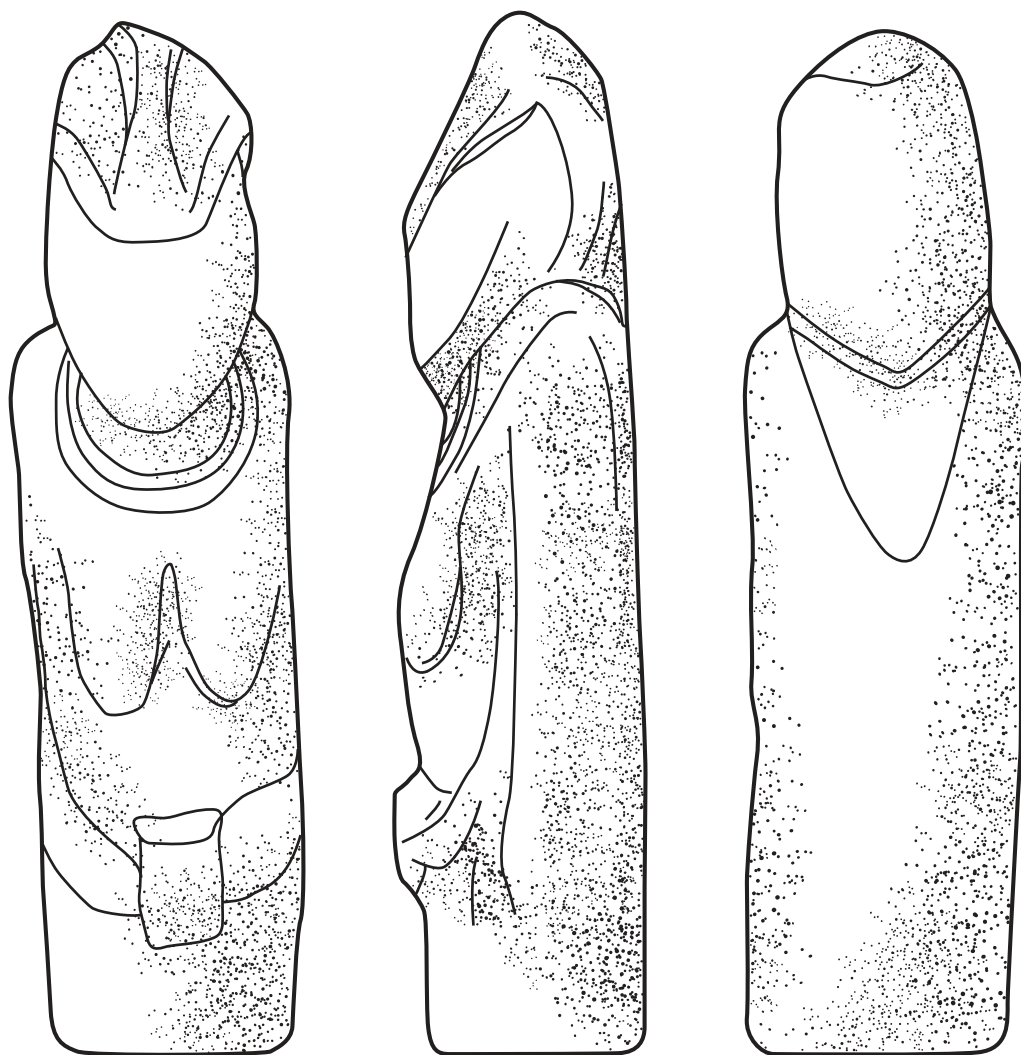
Сохранность неудовлетворительная, поверхность статуи существенно выветрена и
разрушена естественным путем. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 899 А 807

Плетнева, 1974а. — С. 95 (835)

Красильников, 1999. — С. 74 (37), 114. — Табл. 19, 5.

0 10 см

38. ИЗВАЯНИЕ 38, ОБЪЕМНОЕ, СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл, Свердловский р-н, пос. Бирюково, в черте поселка в качестве огра- дительного для проездов препятствия.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1973 г. Скульптура женская, композиция «стоящая», лицо безликое, видимо, в чадре. Голова и личина удлинненно-овальные. На голове высокая шляпа, сзади лопасть-накидка ни- спадающая на спину. На груди три ряда округлых гривен, низко свисающая женская грудь. На туловище, но лишь ниже локтей, исполнены руки, удерживающие на уровне пояса сосуд цилиндрической формы. Низ статуи без очевидных следов обработки, основание плоское. Абрис тип I.

Размеры: высота — 1,3 м, ширина — 0,35 м, толщина — 0,30 м.

Сохранность хорошая. Похищено в 2005 году, ее местонахождение неизвестно.

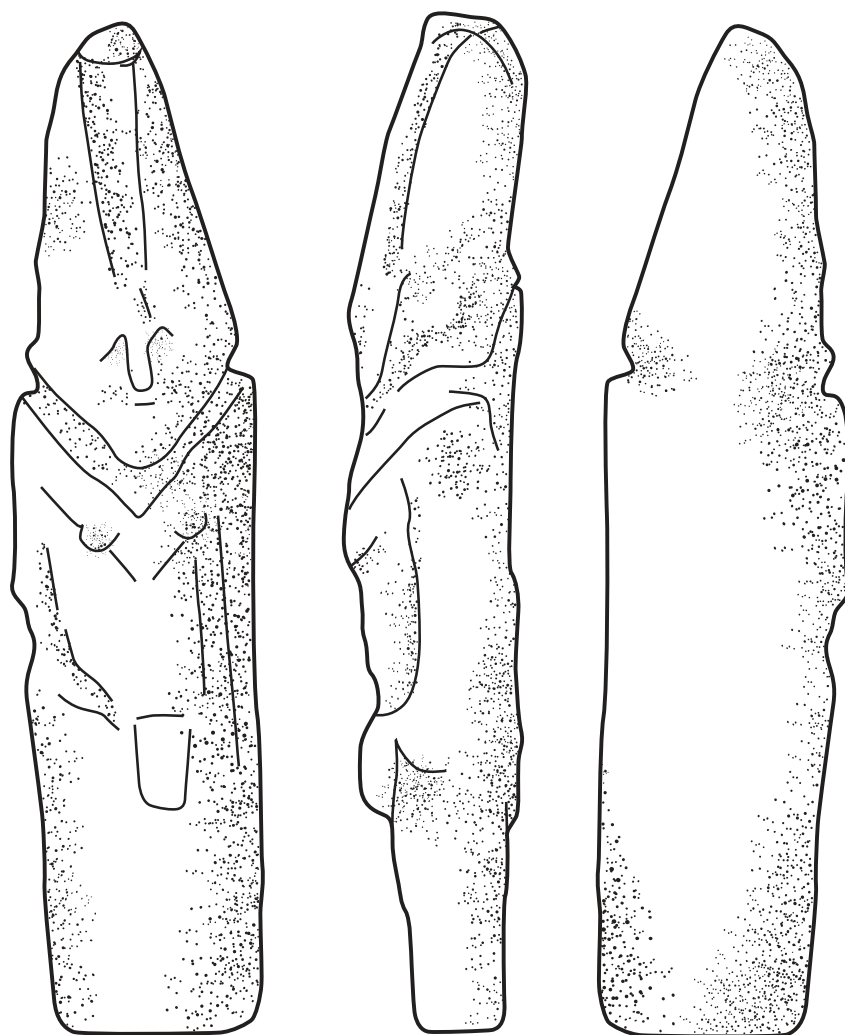
Инв. № ЛАЭМ КП 1496 А 1385

Плетнева, 1974а. — С. 96 (833)

Красильников, 1999. - с. 74 (за), 115. - Табл. 20, 1.

0 5 см

39. ИЗВАЯНИЕ 39, СТОЛБОВИДНОЕ, МАЛЫХ ФОРМ, ТИП II, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Свердловский р-н, с. Астахово.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1972 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова, в высоком конусовидном головном уборе, обозначена глубокой канавкой. Личина удлиненная, с заостренным подбородком. Лицо портретное, евротюркское. На туловище, из-за разрушений, ряд изображенных деталей утрачен, но удается проследить контуры рук, сосуда, украшений, миниатюрную грудь девы. Спина и низ статуи без обработки. Абрис тип II.

Размеры: высота — 0,7 м, Ширина — 0,15 м, толщина — 0,1— 0,12 м, она вполне транспортабельна и уже поэтому могла являться оберегом семьи.

Сохранность удовлетворительная. Скульптура похищена и ее местонахождение в настоящий момент не известно.

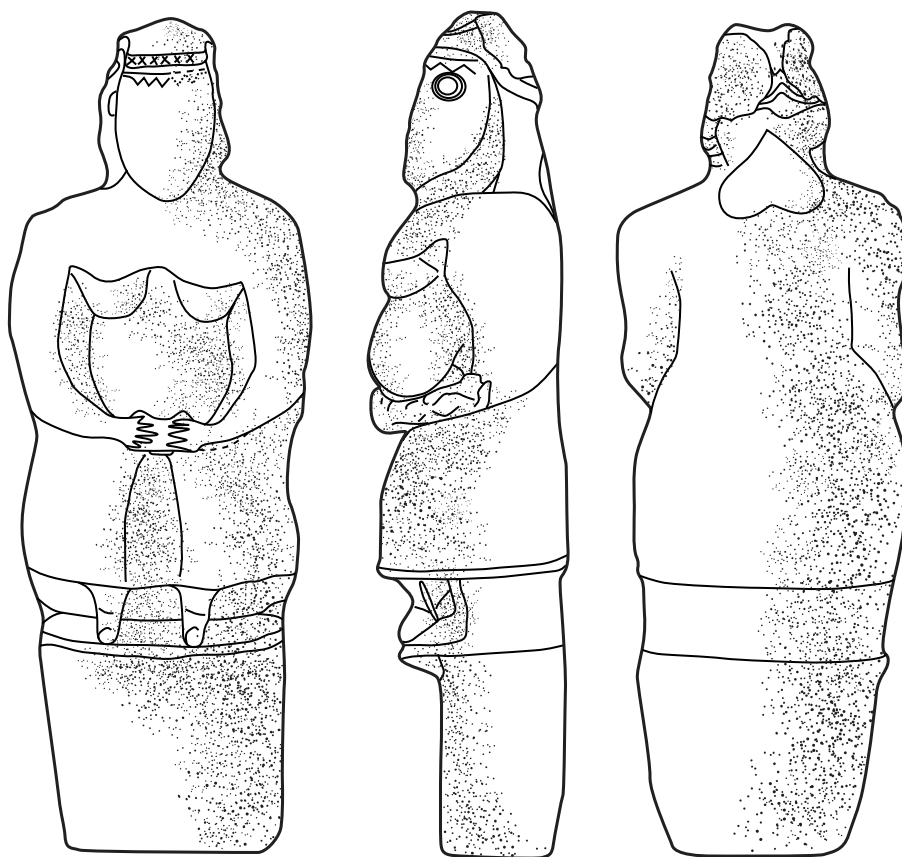
Плетнёва. 1974а. — С. 96 (839)

Красильников, 1999. — С. 74—75 (39), 114. — Табл. 19, 4.

0 15 см

40. ИЗВАЯНИЕ 44, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП III, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Славяносербский р-н, с. Веселая Гора.

На рубеже XIX—XX столетий перевезено в г. Луганск, установлено в центре города в Успенском сквере, позднее в 30-х годах у краеведческого музея в Полтавском переулке, в послевоенное время перевезено к Областному краеведческому музею по ул. Карла Маркса 30, с 1980 г. К.И. Красильниковым установлено в парке-музее на территории пединститута города Луганска.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Личина овально-удлиненная, без убедительных деталей лица. На висках кольцеобразные серьги. Голова, овально-округлой формы, увенчана невысоким убором и накидкой, свисающей на плечи и спину в виде фигурной сердцевидной лопасти. Туловище массивное, «тяжелое», подчеркивающее образ пожилой женщины одетой в длинный халат, но грудь обнажена. Ноги, опирающиеся на специальную площадку постамента, обозначены в состоянии как бы стоящей композиции (?). Руки, изогнуты в локтях, под резко выступающим животом, «удерживают» цилиндрической формы сосуд. Абрис тип II.

Размеры: высота — 2,2 м, ширина — 0,75 м, толщина — 0,5 м.

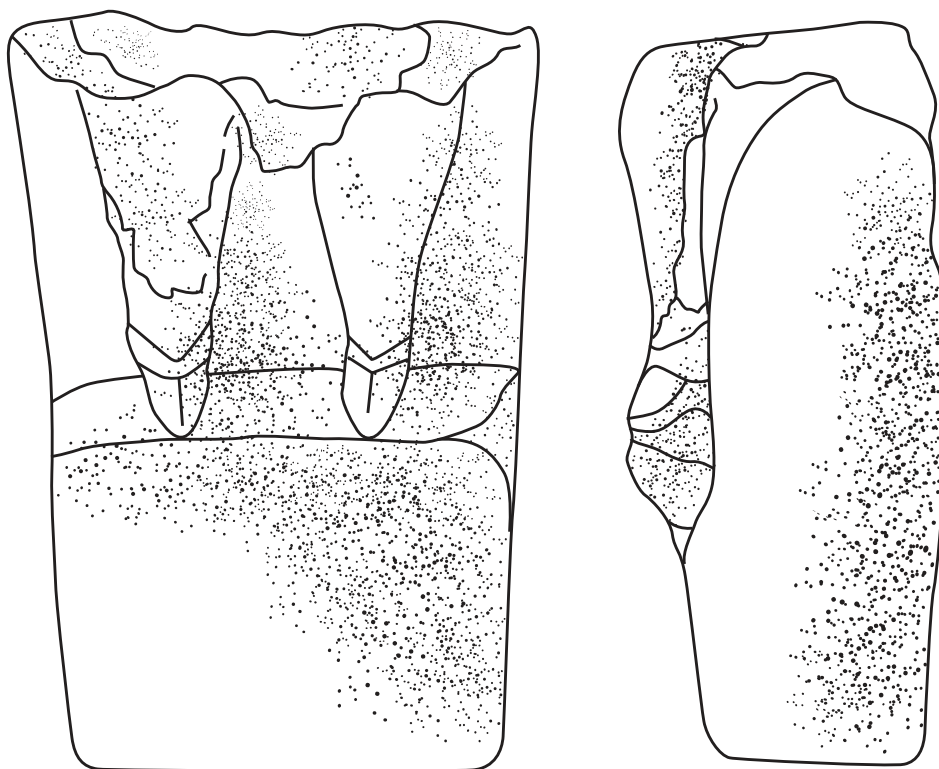
Сохранность удовлетворительная, поверхность тщательно заглажена. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1595 А 1484

Плетнева, 1974а. — С. 95 (816). — Табл. 50.

Красильников, 1999. — С. 75 (44), 116. — Табл. 21, 1.

0 10 см

41. ИЗВАЯНИЕ 45, ВЕРОЯТНО, ОТНОСИТСЯ К ТИПУ КРУГЛЫХ, ОБЪЁМНЫХ, ТИП V, ДАТИРУЕМЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНОЙ XII — НАЧАЛОМ XIII ВВ.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Красное Поле, на поверхности разрушенного кургана.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1980 г.

Фрагмент скульптуры «сидящей» композиции. На сохранившейся части просматриваются доколенные, утолщенные, обутые в сапоги ноги, опирающиеся на широкую подножку. На постаменте прослеживаются следы обработки с помощью зубила шириной 2–2,5 см, часть поверхности заглажена.

Размеры фрагмента статуи: высота — 0,9 м, ширина — 0,6 м, толщина — 0,4 м.

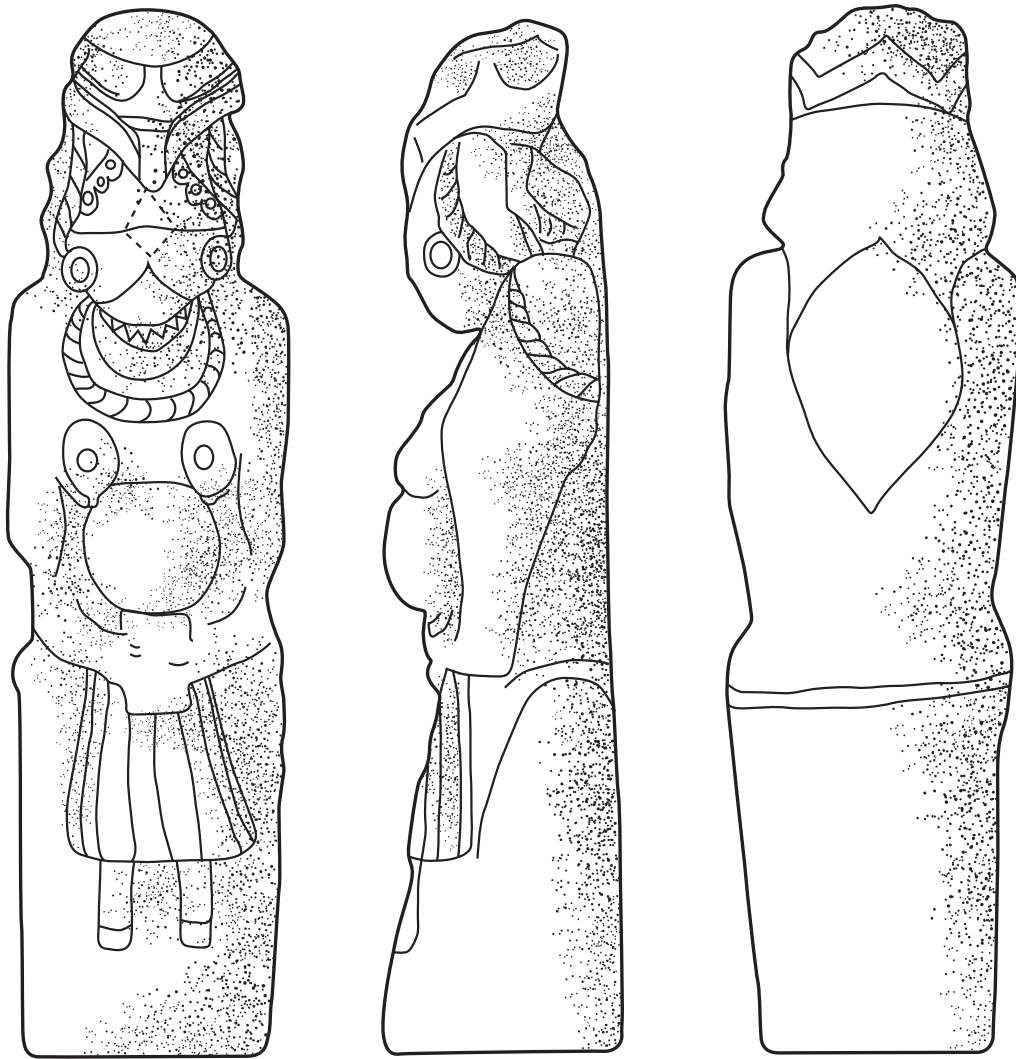
Сохранность скульптуры неудовлетворительная. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 5717 А 5186

Красильников, 1999. — С. 75 (45).

42. ИЗВАЯНИЕ 48, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП III, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл, Антрацитовский р-н, с. Красное Поле, в окрестностях села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1980 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова массивная, в сложном, шляпного вида, уборе и накидке, перекрывающей прическу. Личина овальная, детали лица не уловимы. На висках валики рог, здесь же кольцевидные серьги и ажурная накидка. Со стороны спины двулопастная пелерина. Туловище дооформлено ожерельем, двумя гривнами, ниже них изображена округло-овальная грудь. Живот резко выпуклый, возможно, в состоянии беременности, под ним в руках банковидный сосуд. На предплечье слабо выпуклый жгутовый орнамент. На постаменте изображена деталь одежды типа фартука, из-под него короткие, длиной до 16 см, ноги. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,7 м, ширина — 0,46 м, толщина — 0,3 м.

Сохранность хорошая. Находится в парке-музее г. Луганска.

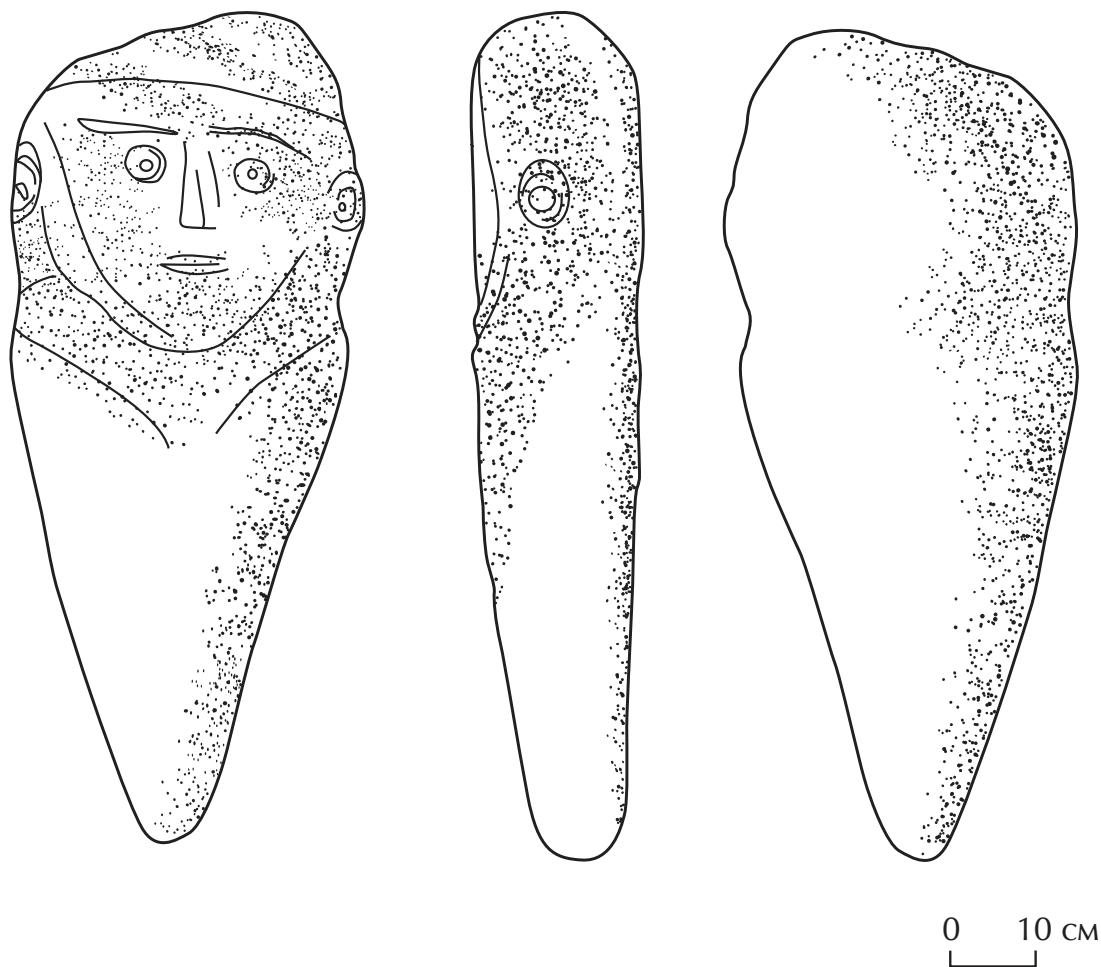
Инв. № ЛАЭМ КП 1596 А 1485

Красильников, 1999. — С, 76 (48), 116. — Табл. 21, 2.

43. ИЗВАЯНИЕ 49, СТЕЛОВИДНОЕ, ПЛОСКОЕ, ТИП I (?)

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Нижний Нагольчик.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1977 г.

Скульптура, вероятно новодел, женская, исполнена в виде округлой, портретной личины на плите-стеле удлиненно-подтреугольной формы. Лицо округлое, но к подбородку зауженное, глаза круглые с выпученными зрачками, нос по отношению к бровям расположен Т-образно, рот овальный.

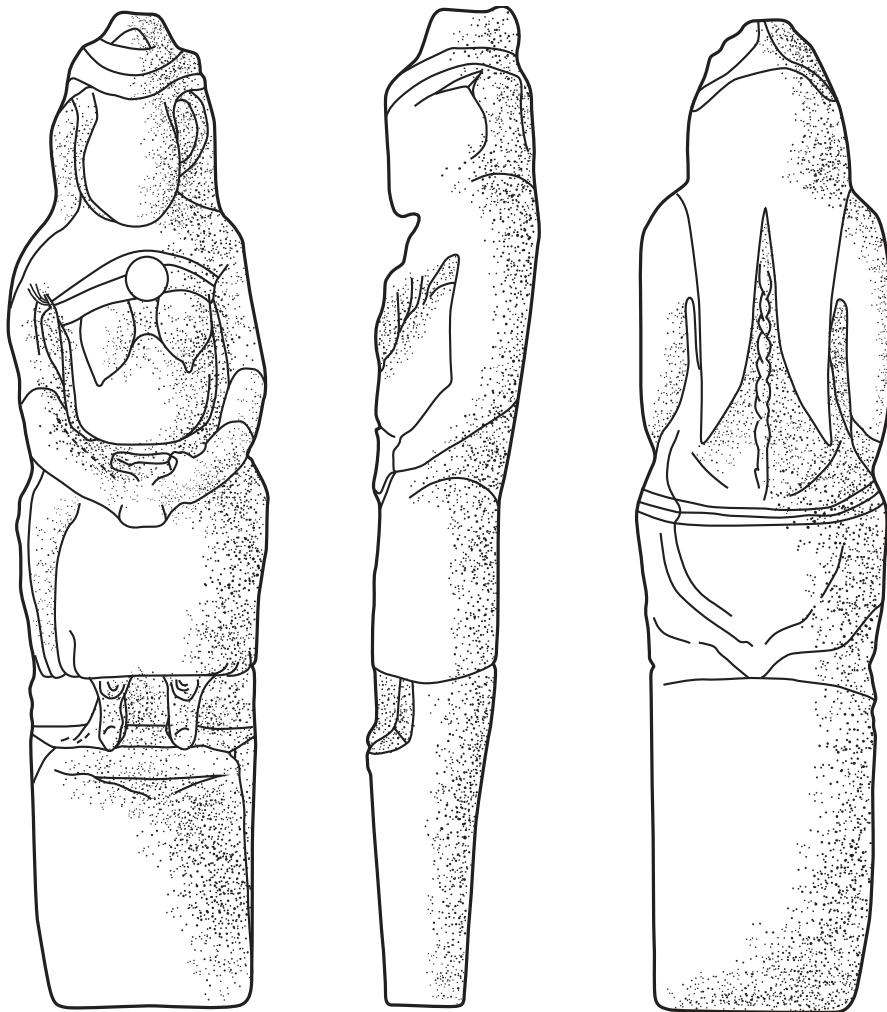
Образ исполнен в технике пикетажа в стиле низкого барельефа. Большая часть поверхности плиты со следами обивки, исполненной зубилом. Этнотип европеоидный. На голове просматривается накидка или тубетейка. На височных сторонах головы наблюдается украшение круглой формы, но, возможно, это ушные раковины. На тулове фиксируем контуры шеи. Абрис тип II.

Размеры: высота — около 1 м, ширина личины — 0,4 м, толщина плиты — 0,2 м.

Сохранность хорошая. Изваяние похищено, местонахождение неизвестно.

Красильников, 1999. — С. 76 (49), 115. — Табл. 20, 4.

0 15 см

44. ИЗВАЯНИЕ 51, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП III, СЕРЕДИНА — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Новоайдарский р-н, с. Чебановка (Суходол), в центре села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г.Луганска К.И. Красильниковым в 1977 г. Обстоятельства появления статуи вне Донецкого края, в степном Приайдарье, не выяснены.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова массивная, личина овальная, лицо плоское, затертое, даже заполированное, следовательно, безликое. Шляпа, невысокой тульей формы, дооформлена накидкой. Со стороны спины две удлиненные, остроконечные лопасти, между ними коса. Из аксессуаров просматриваются «рога», серьги и шейная гривна. Туловище в одежде в виде длинного халата, в области женской груди изображен «пояс» с округлой бляхой. Руки удерживают сосуд цилиндрической формы. Ноги в виде столбиков 0,2 м, опираются в выступ-подставку исполненную на постаменте. Абрис тип II.

Размеры: высота — 3,3 м, ширина — 0,8 м, толщина — 0,5 м.

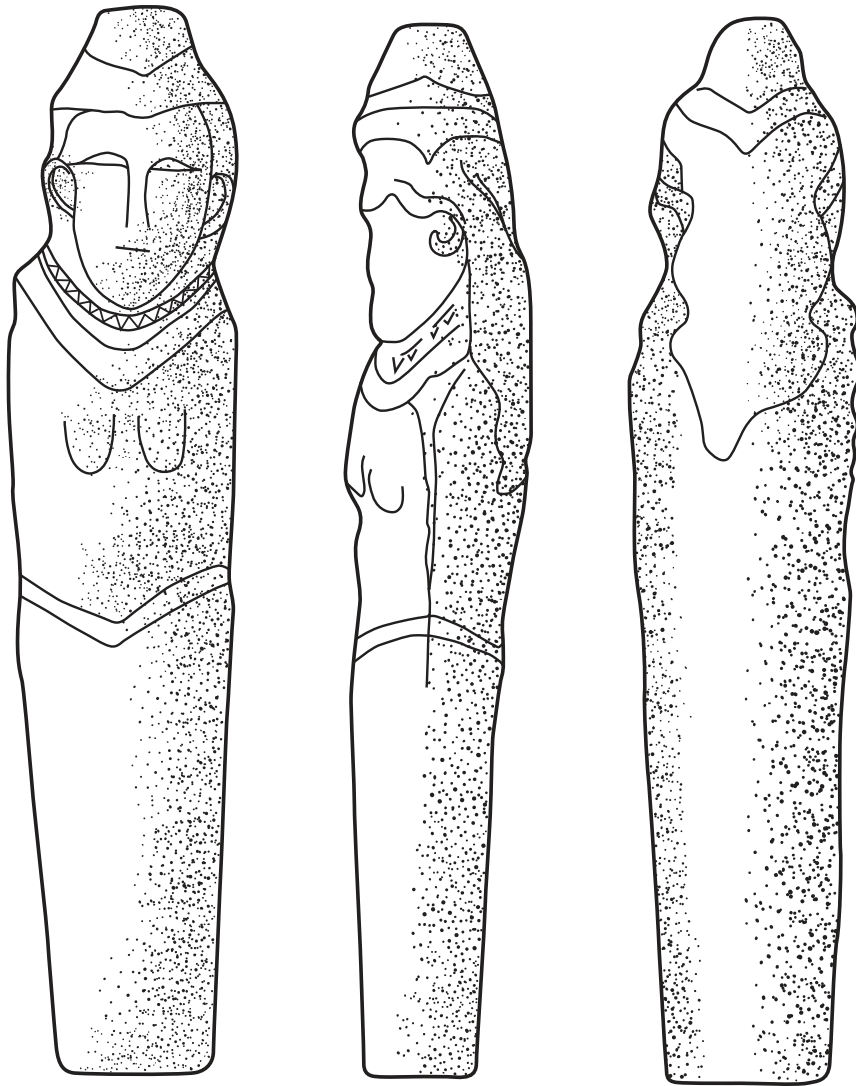
Сохранность удовлетворительная, но, видимо, из-за длительного пребывания в воде поверхность скульптуры с глубокими промоинами. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1433 А 1322

Красильников, 1999. — С. 76 (51), 118. — Табл. 23, 1.

0 10 см

45. ИЗВАЯНИЕ 59. СТОЛБОВИДНОЕ, ОКРУГЛОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Фашевка, в селе у дома в виде оградительного столба.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1976 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова и личина овальные, лицо плоское, портретное, евротюркского типа, удлиненное с заостренным подбородком. На голове тульеобразный убор, на висках кольчатые серьги, сзади свисающая на спину накидка. Туловище удлиненное, в верхней его части, на груди, украшения, одно из них — гривна в виде валика, второе орнаментированное ожерелье, ниже небольшая грудь девы. В средней части столба изображен фигурный пояс, нижняя часть статуи без обработки. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,65 м, ширина — 0,35 м, толщина — 0,27 м.

Сохранность хорошая. Находится в парке-музее г. Луганска

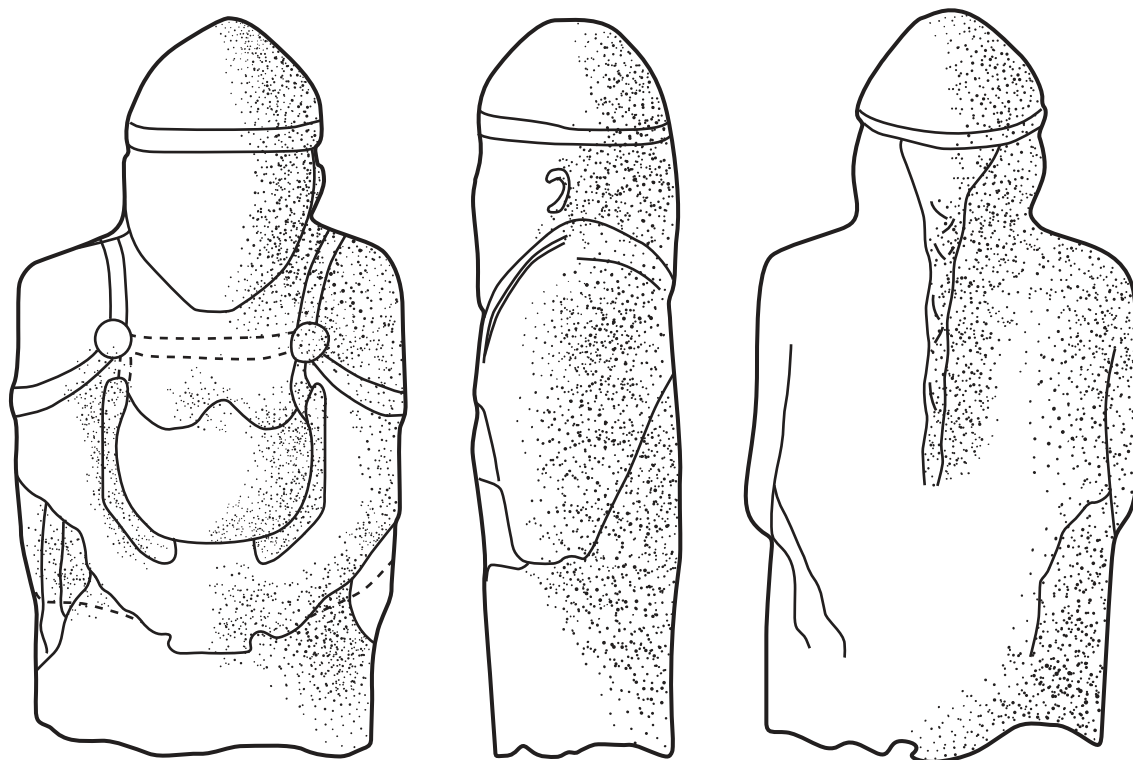
Инв. № ЛАЭМ КП 894 А 802

Красильников, 1999. — С. 77 (59), 120. — Табл. 25, 2.

0 10 см

46. ИЗВАЯНИЕ 61, КРУГЛОЕ, ОБЪЕМНОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Ростовская обл., Каменский р-н, с. Березовка.

Обнаружено К.И. Красильниковым, Н.И. Тарасенко в 1979 г. в окрестностях заброшенной части села, тогда же перевезено в парк-музей г. Луганска.

Скульптура мужская. Голова и личина - овальные, увенчаны сферическим с ободком шлемом из-под которого на спину свисает утолщенная коса. Туловище округлое. Руки, изображенные рельефно в согнутом в локтях состоянии, удерживают банко-видной формы сосуд. В верхней части туловища прослежены детали военной амуниции, включающие систему ремней и небольших нагрудных блях. Ремни наброшены на плечи и предплечья рук. Абрис тип I.

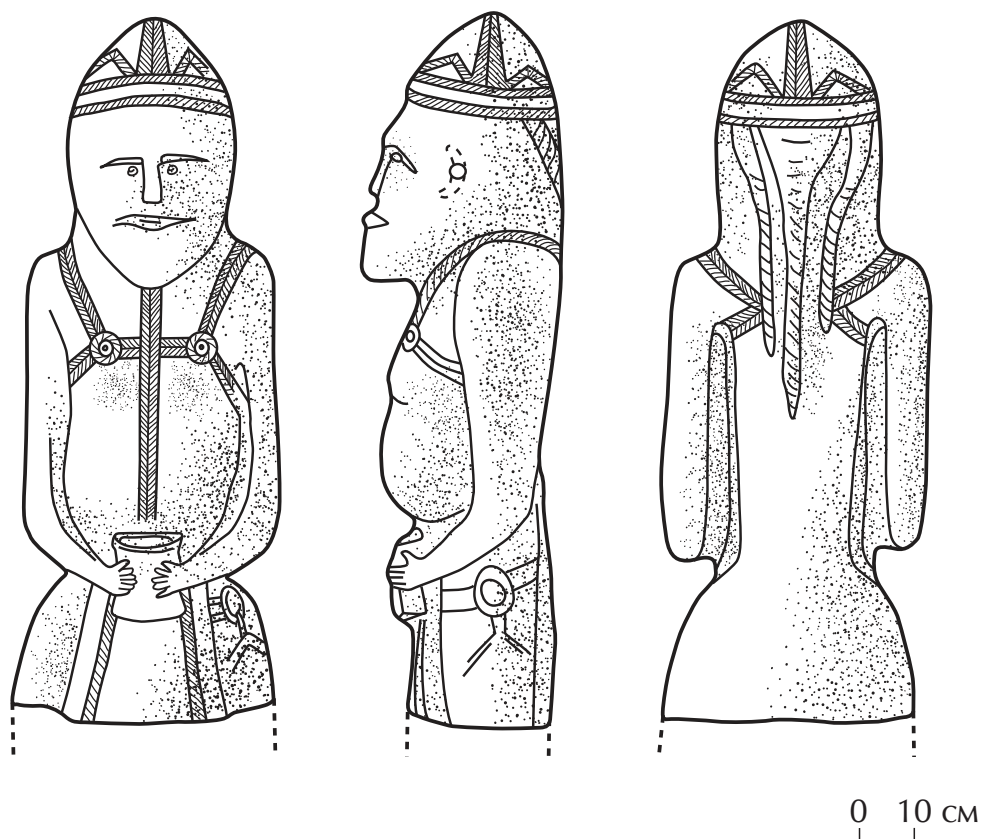
Размеры фрагмента: высота — 1,35 м, ширина — 0,7 м, толщина — 0,34 м.

Сохранность неудовлетворительная, механическими сколами повреждены руки, нижняя часть изваяния отсутствует, к тому же песчаник подвергает выветриванию, шелушению, осыпи. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1569 А 1458

Красильников, 1999. — С. 77-78 (61), 121. — Табл. 26, 2.

47. ИЗВАЯНИЕ 63, КРУГЛОЕ, ОБЪЕМНОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Каменка (Палиевка).

Обнаружено Н.И. Тарасенко в 1972 г. на одном из курганов с каменными панцирями могильника датируемого поздней бронзой.

Крупные фрагменты головы перевезены К.И. Красильниковым в 1975 г., прочие обломки скульптуры собраны в процессе раскопок кургана в 2006 г.

Скульптура мужская, изготовлена из мергеля. Голова и личина овальные, подбородок выдвинут вперед, лицо портретное, молоджавое, аристократическое, выразительное, евротюркского этнотипа. Овально-округлая голова увенчана шлемом, составленным из четырехпластин, соединительные швы оформлены елочными орнаментами. Из-под шлема на спину опускаются три косы. На приталенном туловище сохранились детали амуниции: пояс, бляхи, подвески. Все они оформлены узорочьями. Кисти руки держивают сосуд цилиндро-биконической формы. Абрис тип II.

Размеры сохранившейся части скульптуры: высота — 1,36 м, ширина — 0,45 м, толщина — 0,35 м.

Состояние удовлетворительное, поверхность тщательно заглажена. Реставрированный образ находится в экспозиции археолого-этнографического музея по адресу: г. Луганск, ул. Оборонная 2а, ауд. 451.

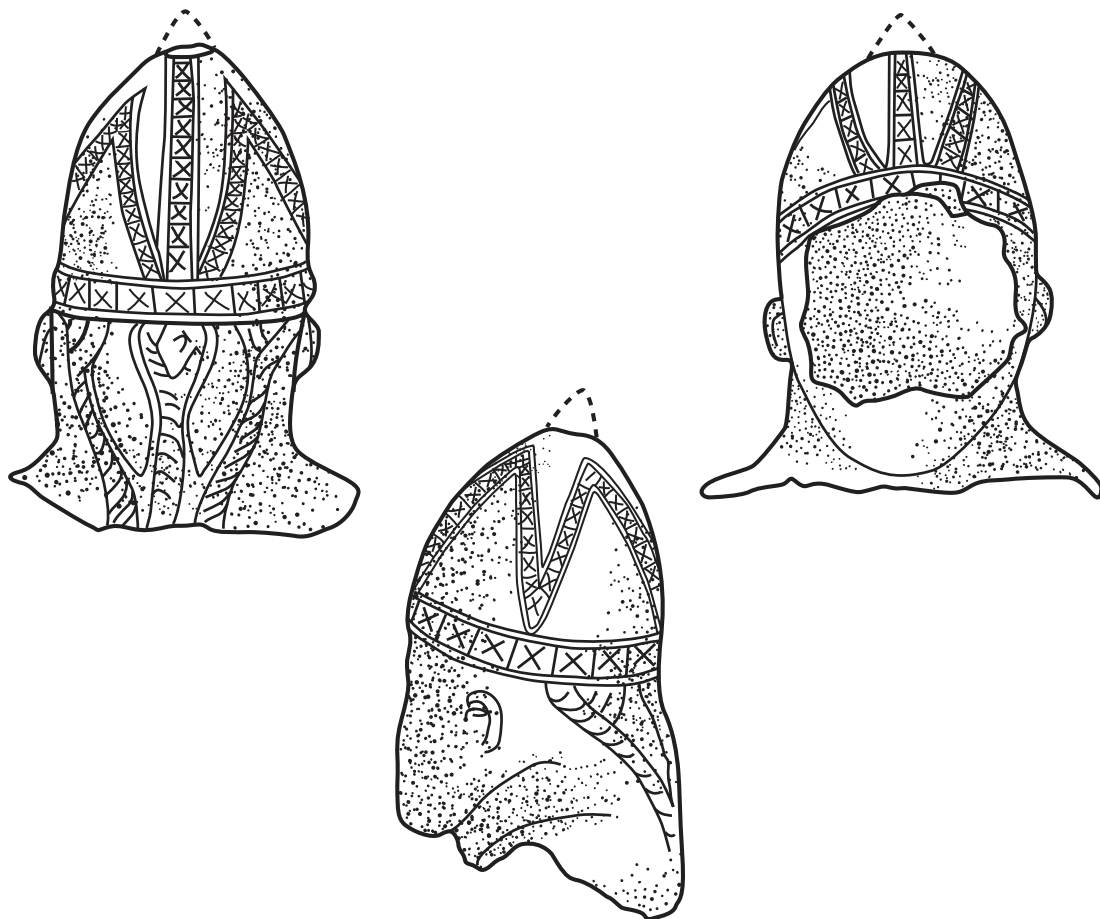
Инв. № ЛАЭМ КП 1197 А 1086

Красильников, 1999. — С. 78 (63), 122. — Табл. 27, 1.

Красильников, Апареев, Пробейголова, Терехина. Отчет об археологических исследованиях Луганской области в 2006 году. // Наук. архив. — ЛАЭМ. Ф. 2. Оп. 02-03. Д.60. Стр. 115. Док. 1. — Луганск, 2007. — С. 10 — 19.

0 10 см

48. ФРАГМЕНТ СТАТУИ 64, ГОЛОВА ОБЪЕМНОГО, КРУГЛОГО ИЗВАЯНИЯ, ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII ВВ.

Луганская обл., Славяносербский р-н, пос. Фрунзе.

Обнаружена в 1965 г. А.П. Дмитриуковым — учителем истории местной школы, у обочины строящейся дороги Сентяновка — Крымское. Здесь же спланирован курган со скульптурой, основная часть которой «погребена» под автодорогой с твердым покрытием. Перевезена К.И. Красильниковым в археолого-этнографический музей пединститута г. Луганска в 1969 г.

Голова мужской особи, как и личина, овальная. Лицо, видимо, было портретным, но основная его часть срезана ножом бульдозера. На голове шлем сфероконической формы, составленный из четырех секторов. Стыковочные швы-накладки орнаментированы прочерченными крестовидными узорами. Нижняя часть шлема оформлена ободком с крестообразными узорочьями, исполненными внутри прямоугольных фигур. Вершина шлема явно была увенчана шишаком. Из-под шлема на спину спускаются три косы ниже соединенные в одну. Абрис тип III. Художественно-иконографическим аналогом является изваяние № 1.

Размер головы по высоте — 0,6 м.

Сохранность фрагмента хорошая, находится в помещении археолого-этнографического музея по адресу: г. Луганск, ул. Оборонная 2а, ауд. 451.

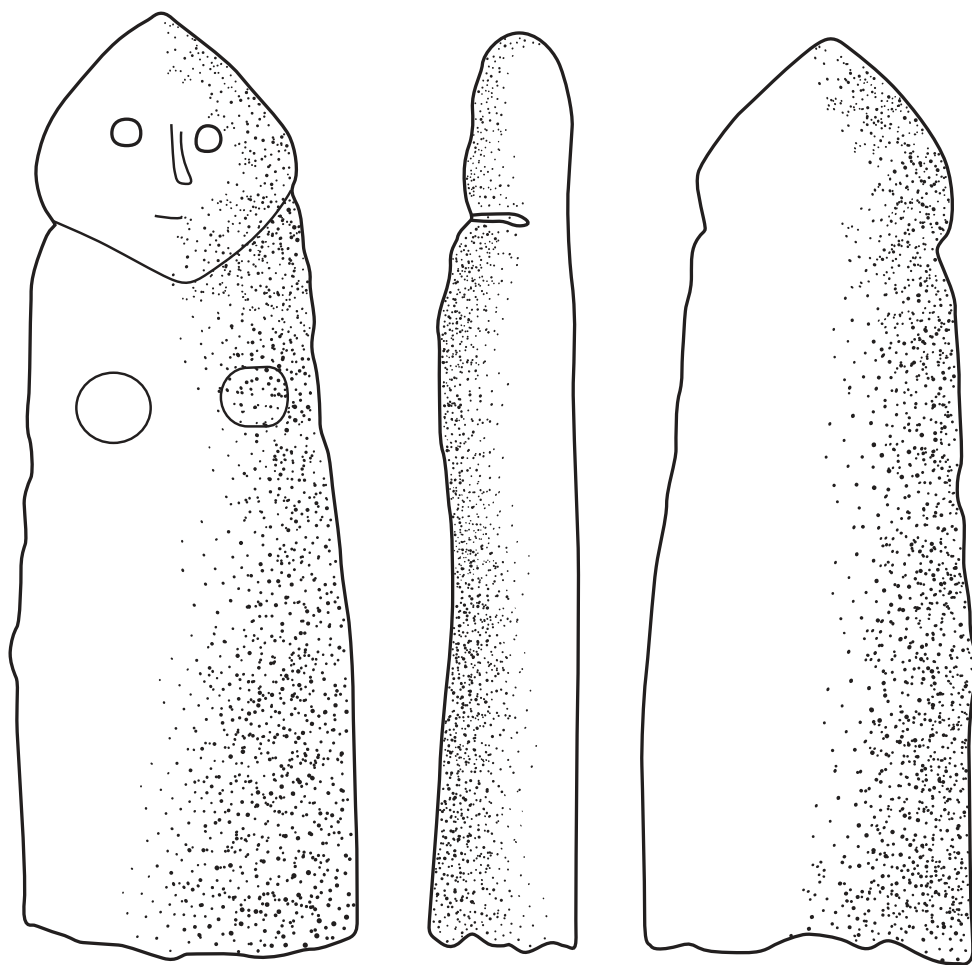
Инв. № ЛАЭМ КП 1198 А 1087

Красильников, 1999. — С. 78 (64), 122. — Табл. 27, 2.

0 10 см

49. ИЗВАЯНИЕ 65, СТЕЛОВИДНОЕ, ТИП I, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI В.

Луганская обл., Свердловский р-н, с. Астахово, в черте села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1975 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая», исполнена на плите в технике оббивки и пикетажа. Голова, выделенная из туловища посредством углубления, по форме ромбовидная с заостренной верхней и нижней ее частью (подбородком). Лицо плоское, с признаками портретности (?), в чем возможен и новодел. На поверхности туловища намечена в виде выпуклых кругов диаметром до 5 см грудь девы. Спина без обработки. Абрис тип I.

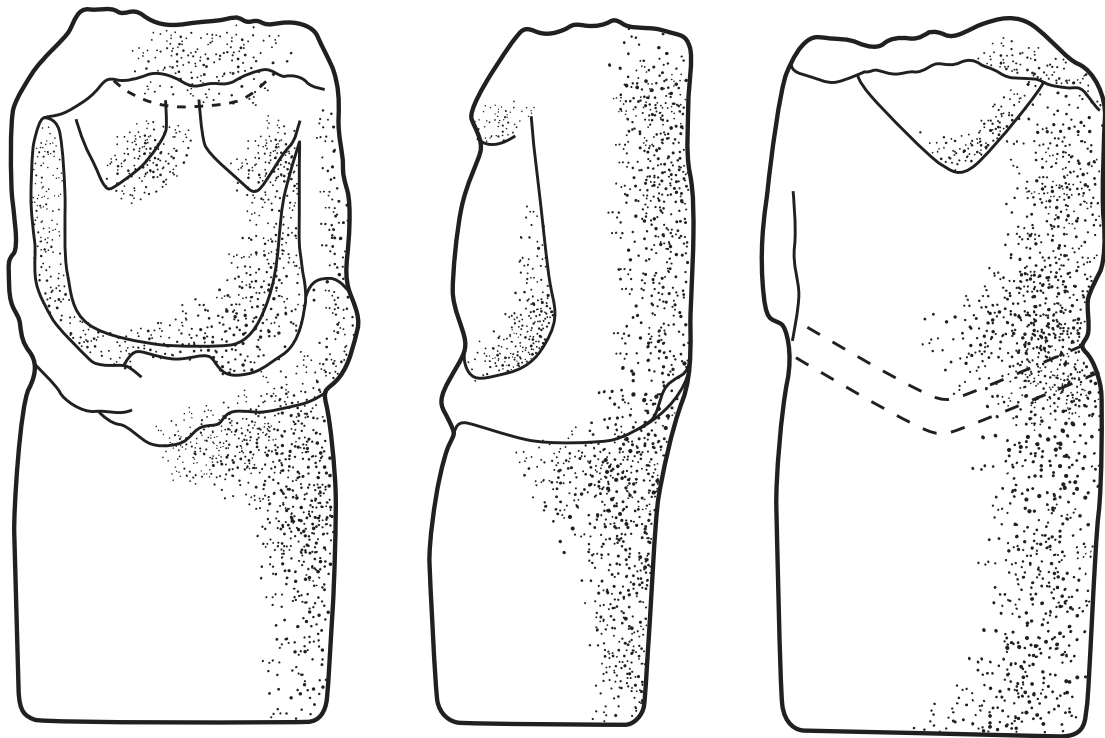
Размеры: высота — 1,35 м, ширина — 0,45 м, толщина — 0,2-0,25 м.

Сохранность пока удовлетворительная, но песчаник выветривается. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1199 А 1088

Красильников, 1999. — С. 78 (65), 120. — Табл. 25, 4.

0 10 см

50. ИЗВАЯНИЕ 68, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, ВЕРОЯТНО СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Свердловский р-н, с. Зеленополье, в лесопосадке у села.

Обнаружено в виде обломков из трех частей, перевезены и реставрированы в парке-музее г. Луганска К.И. Красильниковым в 1976 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая», сохранились средняя часть статуи и постамент. На туловище прослеживается гривна, под ней небольшая обнаженная женская грудь, выпуклый живот туловища, руки, удерживающие округлобокий сосуд. На спине фрагмент лопасти, ниже контуры пояса. Ноги, как бы прикрытые одеждой (халатом), не обозначены.

Поверхность изделия заглажена.

Размеры реставрированной части статуи: высота — 0,8 м, ширина — 0,38 м, толщина до 0,3 м.

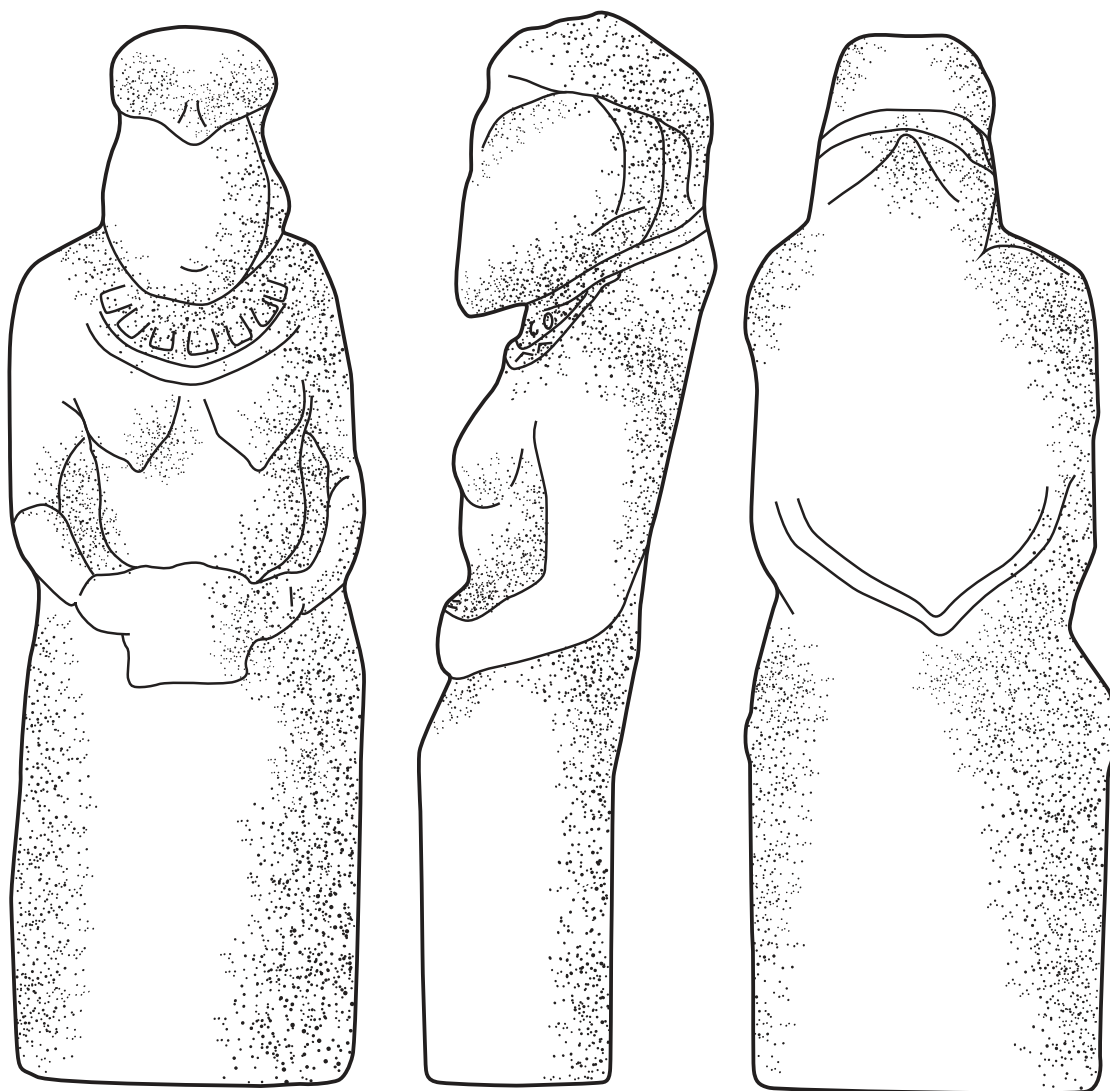
Сохранность неудовлетворительная, песчаник разрушается, подвержен выветриванию и расслоению. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1125 А 1114

Красильников, 1999. — С. 79 (68), 120. — Табл. 25, 5.

51. ИЗВАЯНИЕ 72, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП III, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Славяносербский р-н, с. Криничное, заброшенной части села. Обнаружено и перевезено К.И. Красильниковым в 1979 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Овальная голова с выдвинутым подбородком покрыта низкой шапочкой, личина без признаков портретности. Туловище в «одежде», в верхней части оформлено сложным орнаментальным набором, включающим гривну, внутри которой размещено ожерелье из «пирамид». Ниже аксессуаров изображена грудь матроны. Руки под животом держат сосуд, но возможно изображена муфта. На спине прослеживается низко свисающая накидка. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,4 м, ширина — 0,45 м, толщина — 0,3 м.

Сохранность неудовлетворительная, песчаник заметно выветрен, поверхность отслаивается. Находится в парке-музее г. Луганска.

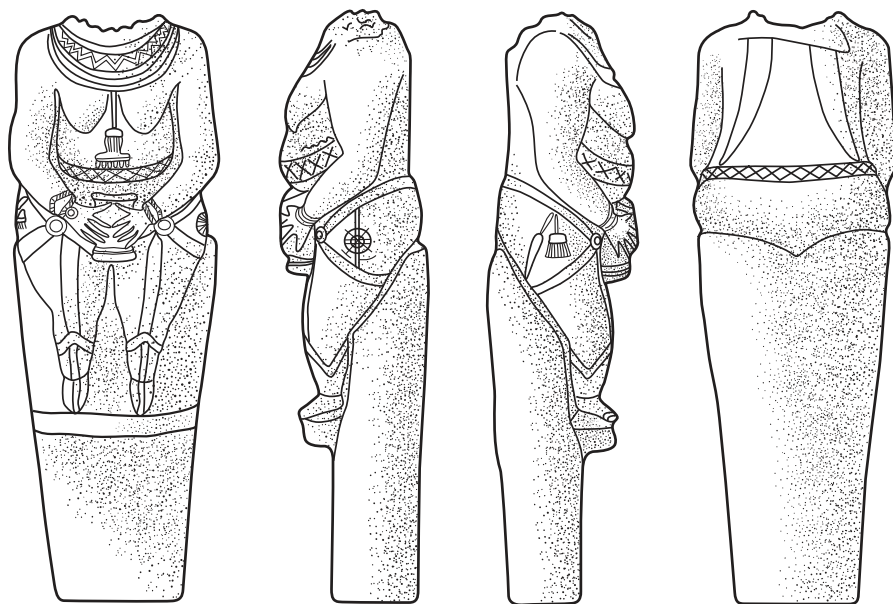
Инв. № ЛАЭМ КП 1570 А 1459

Красильников, 1999. — С. 79 (72), 123. — Табл. 28, 1.

0 15 см

52. ИЗВАЯНИЕ 73, КРУГЛОЕ, ОБЪЕМНОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП III, «СТОЯЩЕЕ», СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Славяносербский р-н, пос. Новотошковка.

Обнаружено в 1974 г. в насыпи кургана Горским отрядом Северско-Донецкой археологической экспедиции Руководитель отряда В.А. Сафронов (г. Москва). Тогда же К.И. Красильниковым перевезено в парк-музей г. Луганска.

Скульптура удивительной сохранности, но голова отсутствует, вероятно, сбита в отдаленном прошлом.

Изображение женское, композиция «стоящая», в технике высокого горельефа исполнены туловище, руки, ноги, постамент. Детали гарнитуры, аксессуаров, предметов бытового назначения изображены барельефом. На туловище пять ярусов украшений, состоящих из гривен и ожерелий, под ними в обнаженном состоянии женская грудь и украшение в виде художественно оформленной планки. Живот выпуклый. Тазобедренная часть и ноги с признаками плотно облегающей одежды, поверх которой изображен пояс, ремни поножей, кольца. На набедренных сторонах прикрепленными к поясу слева изображено зеркало, справа нож и расческа. выразительно исполнены руки, кисти которых удерживают удлиненной, цилиндрической формы сосуд с валиками у дна и венчика. На запястье кистей рук накладки. Одинаково выразительно изображены укороченные ноги, обутые в сапожки. Стопы ног опираются в специальную ступеньку на постаменте. Со стороны спины прослеживаем две лопасти, фрагмент накидки и пояс.

Поверхность скульптуры тщательно заглажена, постамент обработан мелкоструйчатой оббивкой. Абрис, видимо, тип III (?).

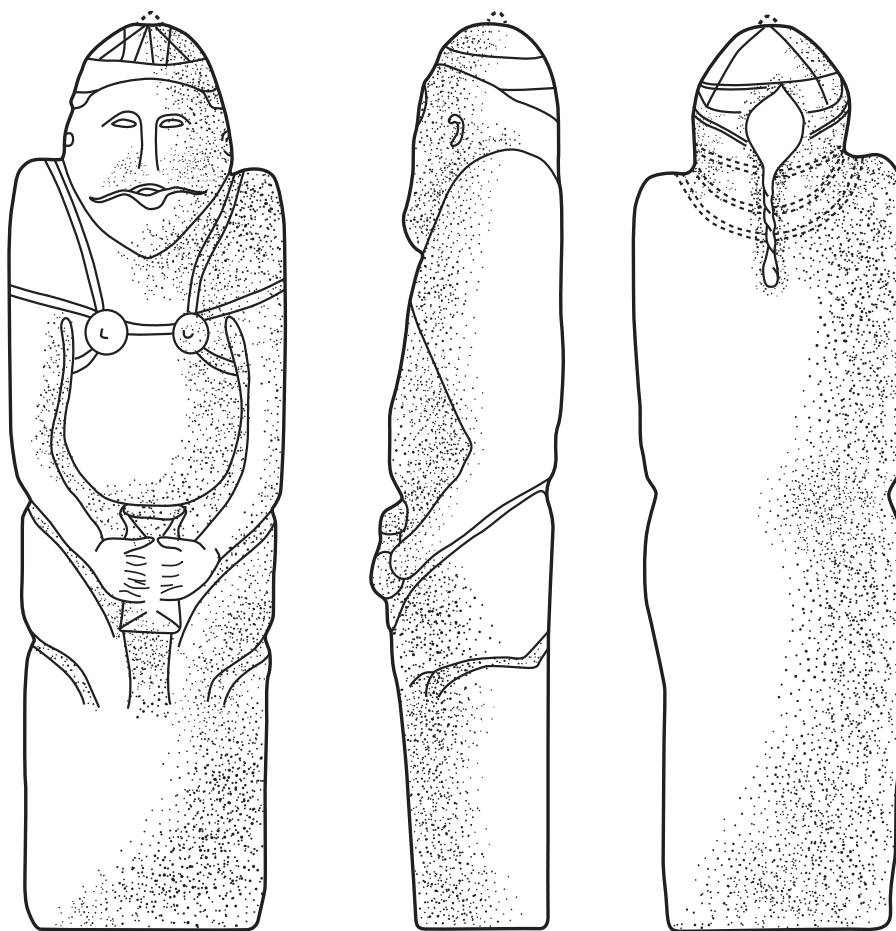
Размеры: высота — 2,2 м, ширина — 0,75 м, толщина — 0,5 м.

Техническое состояние сохранившейся части изваяния хорошее, что обеспечено высокой пластичностью песчаника и пребыванием статуи в насыпи кургана. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1200 А 1089

Красильников, 1999. — С. 79–80 (73), 125. — Табл. 30, 1.

0 12 см

**53. ИЗВАЯНИЕ 74, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V,
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII ВВ.**

Ростовская обл., Каменский р-н, с. Березовка, в заброшенной части села.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым, Н.И. Тарасенко в 1977 г.

Скульптура мужская, композиция «сидящая». Голова овальная, личина плоская с заостренным подбородком, широкими скулами, брови и нос в Т-образном сочетании. Лицо портретное. Глаза заужены, близко расположены к переносице, что, как и усы, соответствует тюркскому этнотипу статуарного образа. На голове убор в виде тюбетейки, или низком округлой формы шлеме. Из-под него на спину свисает небольшая тонкая коса. На туловище с поднятыми плечами, видна амуниция — ремни, бляхи. Ремни переброшены через плечи, предплечья под руки. Согнутые в локтях под углом 160° руки, ниже живота удерживают сосуд, ноги по отношению к тулову существенно уменьшены. Статуя «сидит» на небольшом постаменте. Абрис тип I.

Размеры: высота — 2,0 м, ширина — 0,6 м, толщина — 0,4 м.

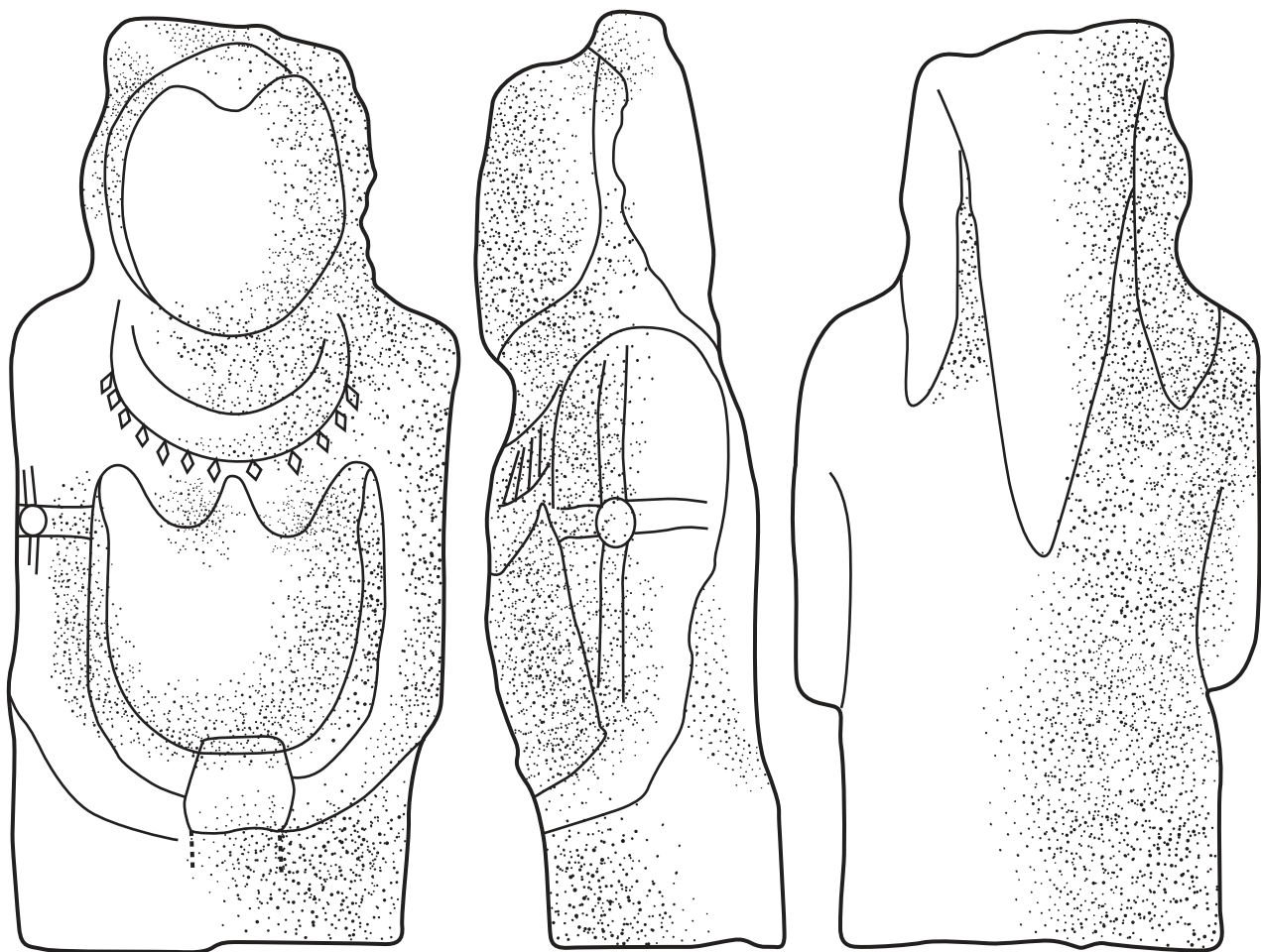
Сохранность хорошая, изготовлена из окварцеваного песчаника. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1434 А 1323

Красильников, 1999. — С. 80 (74), 125. — Табл. 30, 2.

0 10 см

54. ИЗВАЯНИЕ 76, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП НЕ ОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, ВЕРОЯТНО, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., г. Лисичанск (пос. Новодружеск) на территории двора школы № 23. Скульптура женская, голова и личина овальные, лицо, вероятно, чадропокрытое. На голове низкий убор, накидка, со стороны спины изображены лопасти, футляр для волос. На туловище массивная шейная гривна и ожерелье, ниже небольшая женская грудь. В изогнутых в локтях руках находится биконический сосуд, на предплечьях накладки. Нижняя часть статуи не сохранилась. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,2 м, ширина — 0,56 м, толщина — 0,36 м.

Сохранность скульптуры неудовлетворительная, поверхность существенно выветрена, видны сколы механического характера, прочие нарушения. Находится в парке-музее г. Луганска.

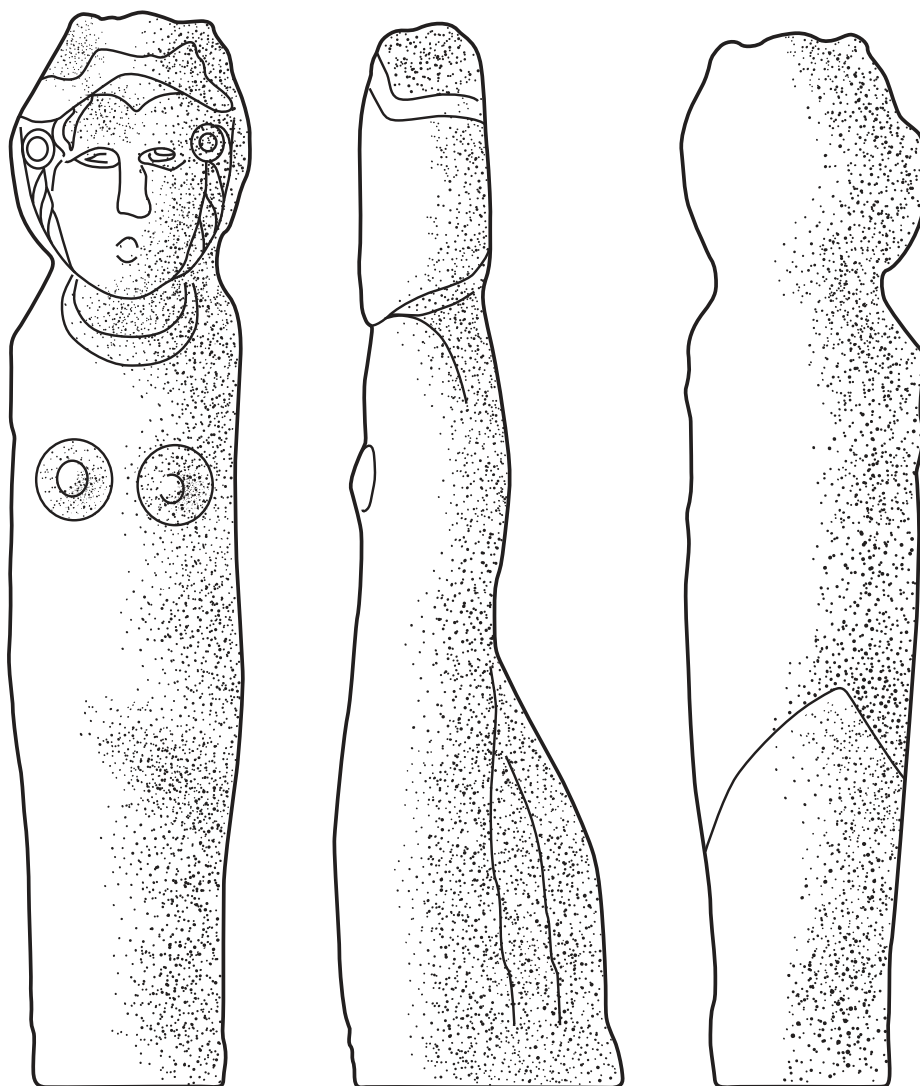
Инв. № ЛАЭМ КП 5718 А 5188

Красильников, 1999. — С. 80 (76), 132. — Табл. 37, 4.

0 10 см

56. ИЗВАЯНИЕ 79, СТОЛБОВИДНОЕ, ВОЗМОЖНО ТИП VI, НАЧАЛО XIII В.

Луганская обл., Перевальский р-н, с. Михайловка, под забором усадьбы.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1977 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова покрыта накидкой, из-под которой видны витые роговидные валики, прическа, кольчатые круглые серьги. Лицо овальная, лицо портретное, тюрко-европеоидное. На туловище изображены гривна, два круга диаметром до 10 см, внутри них малые 3 см круги, символизирующие грудь девы. Остальные плоскости столба без обработки. В целом техника и мастерство изготовления изваяния упрощенные. Абрис тип II.

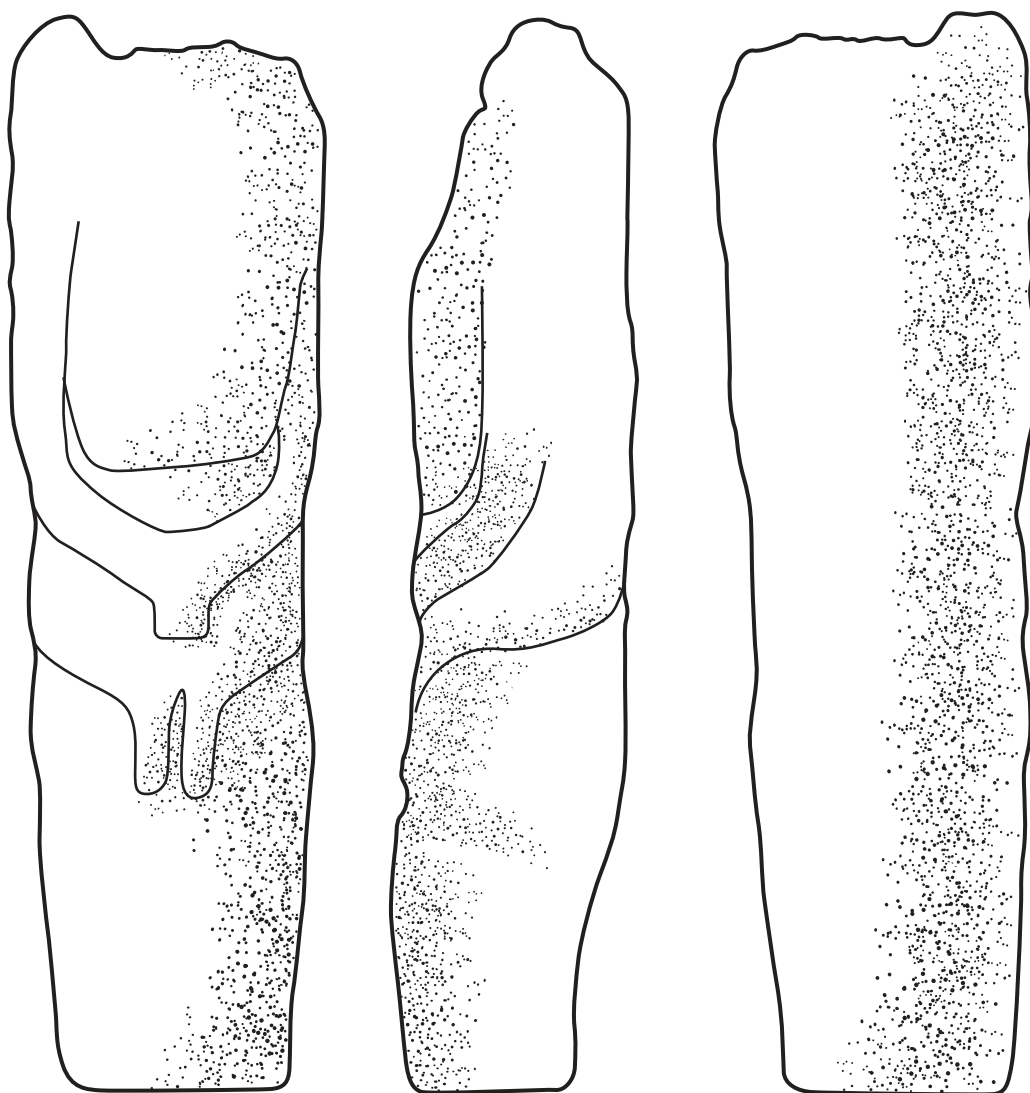
Размеры: высота — 1,50 м, ширина — 0,35 м, толщина — 0,25 м.

Сохранность хорошая. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1435 А 1324.

Красильников, 1999. — С. 80-81 (79), 126. — Табл. 31, 2.

0 11 см

57. ИЗВАЯНИЕ 83, СТОЛБОВИДНОЕ, МОНУМЕНТАЛЬНОЕ, ТИП VI, НАЧАЛО XIII В.

Луганская обл., Попаснянский р-н, с. Калиново.

Обнаружено О.В. Башкатовым, в 1990 г. перевезено К.И. Красильниковым в народный музей с. Смоляниново Новоайдарского р-на в 1990 г.

Инв. № ЛАЭМ КП 3946 А 3845.

Скульптура, вероятно, «сидящей» композиции. Голова обломлена, что видимо, произошло на стадии изготовления статуи. Руки, слабоизогнутые в локтях, возможно, удерживают сосуд, но его форма не определяема. Ноги в виде столбиков, изображены чрезвычайно укороченными, не более 15 см. В целом статуарное изделие выглядит незаконченным.

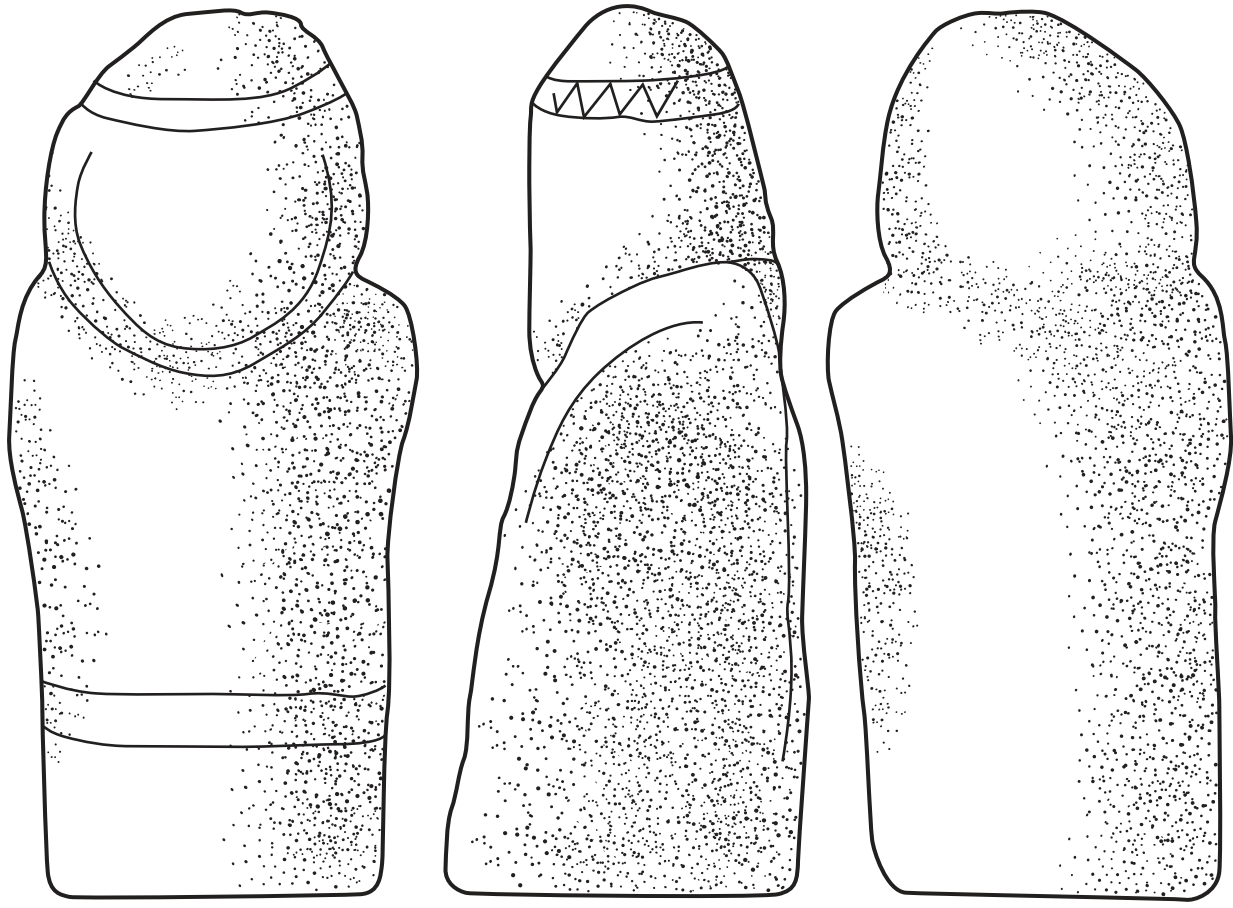
Размеры сохранившейся части: высота — 2,15 м, ширина — 0,6 м, толщина — 0,4 м.

Состояние неудовлетворительное, песчаник рыхлый, значительная часть поверхности отслоилась и осыпалась, имеют место механические повреждения.

Красильников, 1999. — С. 81 (83), 126. —Табл. 31, 4.

0 9 см

58. ИЗВАЯНИЕ 84, КРУГЛОЕ, ТИП VI, ВЕРОЯТНО НАЧАЛО XIII В.

Луганская обл., Попаснянский р-н, с. Калиново.

Обнаружено О.В. Башкатовым в карьере у села, в 1989 г. перевезено К.И. Красильниковым в народный музей с. Смоляниново Новоайдарского р-на.

Инв. № ЛАЭМ КП 3957 А 3856.

Скульптура столбовидная, «тумбообразная». Голова и личина округлые, лицо плоское без детализовки образа, но здесь же прослеживается головной убор — шапочка-тюбетейка с ободком по краю. На туловище, в виде двух прочерченных горизонтальных линий, изображен пояс. Абрис тип I.

Размеры: высота — 1 м, ширина — 0,45 м, толщина — 0,28 — 0,38 м.

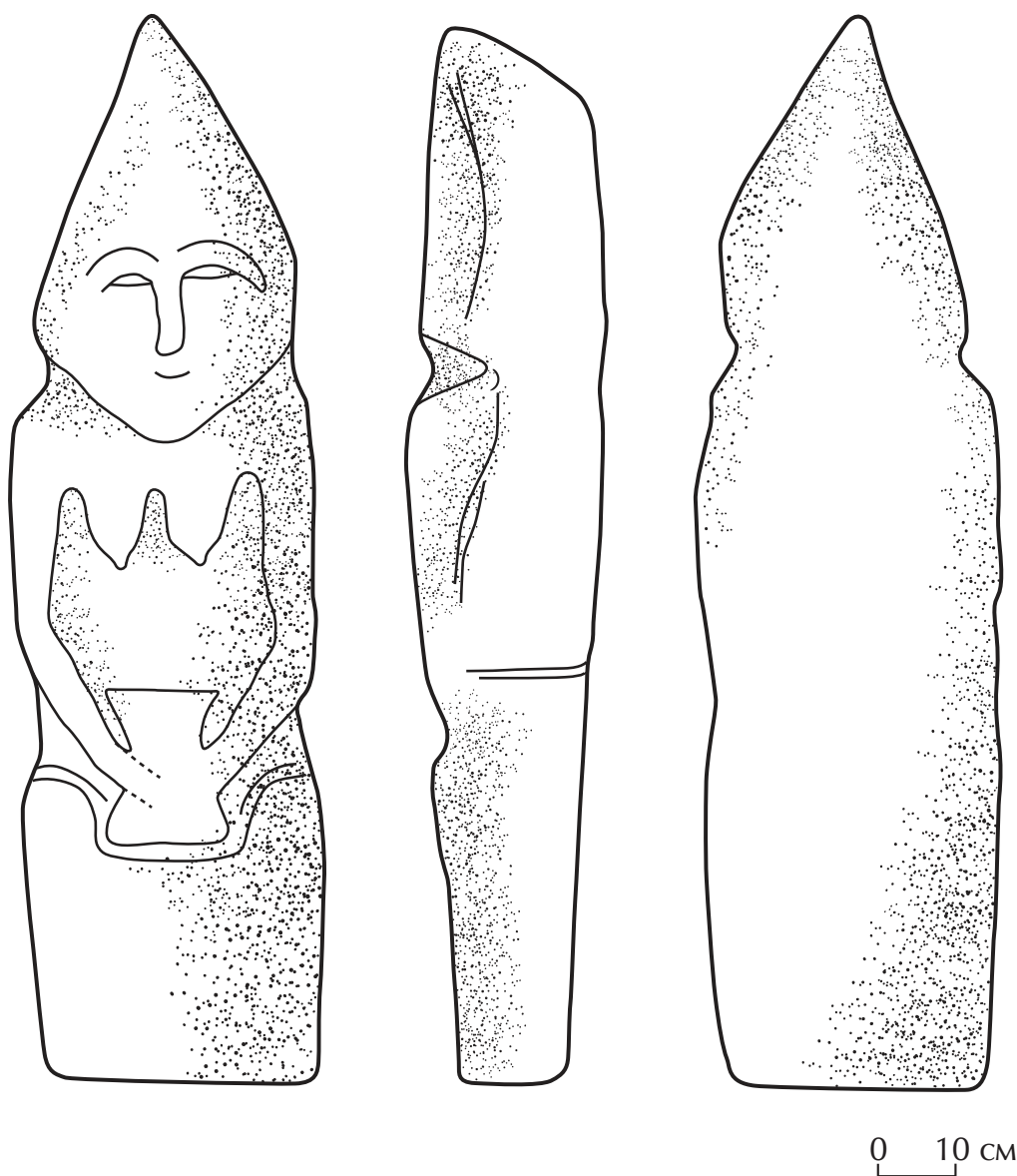
Сохранность неудовлетворительная, скульптура сильно выветрена и механически подоразрушена. Технология изготовления упрощенная, возможно статуарный образ не завершен оттого и выглядит глыбообразно.

Красильников, 1999. — С. 81 (84).

59. ИЗВАЯНИЕ 88, СТЕЛОВИДНОЕ, ТИП I, НАЧАЛО XII В.

Луганская обл., Свердловский район, с. Зимовники.

Обнаружено в 1990 г. К.И. Красильниковым среди завала камней на кургане, тогда же перевезено в парк-музей г. Луганска.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова, за счет высокой конусовидной шапки и заостренного подбородка, почти ромбовидная. Лицо портретное тюркоидное, скулы широкие, подбородок острый, брови дугообразные, сочетаются с носом Т-образно. На туловище в технике низкого барельефа исполнена небольшая свисающая грудь матроны, по контуру туловища руки, изогнутые в локтях до 160° , «держат» крупный кубковидной биконической формы сосуд. Стела исполнена в технике пикетажа и мелкоструйчатого скалывания, спина и низ изваяния без следов обработки. Абрис тип I.

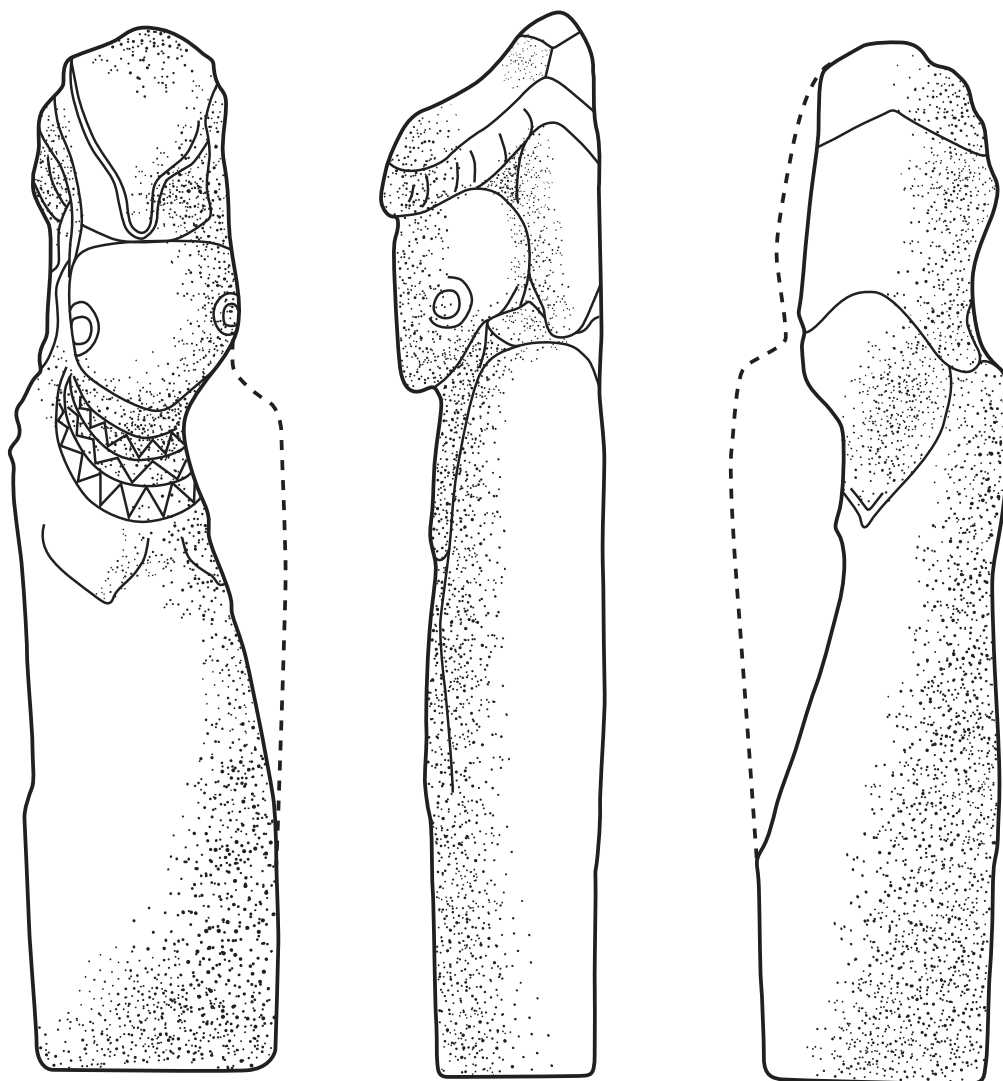
Размеры: высота — 1,38 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,2-0,25 м.

Сохранность хорошая. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 5711 А 5181

Красильников, 1999. — С. 81–82 (88), 127. — Табл. 32, 1.

0 10 см

60. ИЗВАЯНИЕ 89, СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., Антрацитовский р-н, с. Бобриково, на территории школьного двора. Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1979 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова и личина округло-овальные, лицо плоское, без признаков портретности, возможно, чadroпокрытое. На голове высокая, сложной конфигурации шляпа, из-под нее видна прическа, со стороны спины пелерина в виде треугольника и две лопасти. На височных сторонах головы изображены валики прически, здесь же украшения в виде круглых кольчатых колец. Туловище столбовидное, на нагрудной части прослеживаются три яруса художественно оформленных ожерелий, ниже грудь девы. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,55 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,25 м.

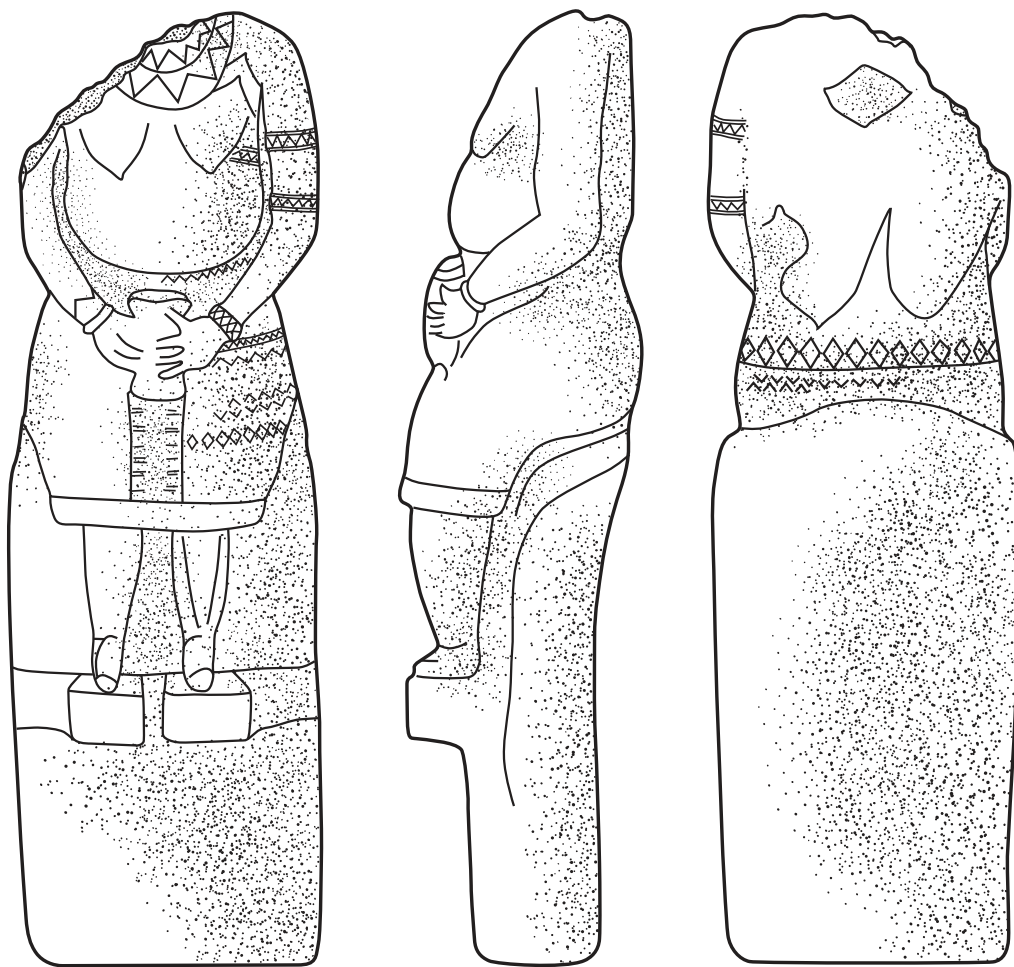
Сохранность неудовлетворительная, левая часть статуи отслоилась и утеряна. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1572 А 1461

Красильников, 1999. — С. 82 (89), 127. — Табл. 32, 2.

0 9 см

61. ИЗВЯЯНИЕ 91, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, РУБЕЖ XII-XIII ВВ.

Луганская обл., Краснодонский р-н, пос. Краснодон.

Обнаружено в 1990 г. Н.И. Пассекой в глубокой, до 2,5 м, яме, в центре кургана. Находилось в наклонно вертикальном положении. Перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1991 году.

Скульптура женская, композиция «полусидящая». В отдаленном прошлом была разбита на две разноразмерные половины, а затем, сброшена в яму. Сохранилось туловище и нижняя часть. Одежда в виде укороченного до колен халата. Его полы разъемные, подол и рукава оформлены нашивками с орнаментами. На запястьях накладки. На туловище небольшая женская грудь, над ней два ряда ожерелий. Под выпуклым животом в руках сосуд удлиненной цилиндрической формы, на спине изображен ромб и двулопастный футляр. Прямые, стройные ноги обуты в сапожки, стопы упираются на выступающие из постамента тумбы. Абрис не определяем, но, вероятно, тип III.

Размеры: высота — 1,75 м, ширина — 0,53 м, толщина — 0,4 м.

Находящаяся в насыпи кургана статуя сохранила удовлетворительное состояние, лишь верхняя её часть (плечи, часть правой руки, голова) разрушены механическим путем. Находится в парке-музее г. Луганска.

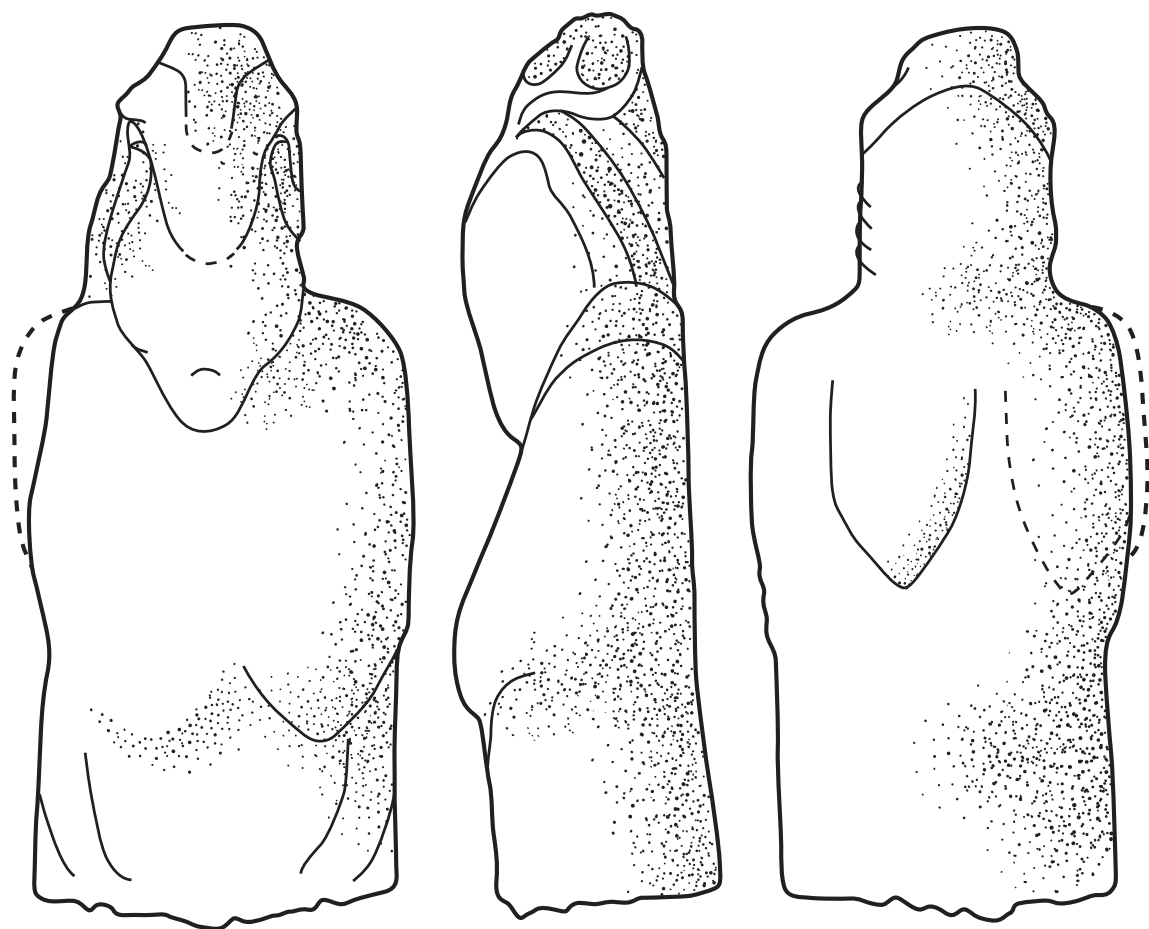
Инв. № ЛАЭМ КП 5180 А 4652

Красильников, 1999. — С. 82 (91), 128. — Табл. 33, 1.

0 12 см

62. ИЗВАЯНИЕ 92, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII В.

Луганская обл., Славяносербский р-н, с. Крымское, в центре села, в разбитом на три части состоянии.

Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1984 г.

Скульптура женская, безликая, голова и личина фигурно-овальные, объемные с резко выступающими одутловатыми щеками и зауженным, округлым подбородком. На височных участках едва прослежены серьги, но убедительна прическа. На голове высокая тулья шляпа сложной конфигурации, от нее на спину свисают две лопасти или пелерина. Плечи несколько заужены, на туловище едва просматриваются руки, низко свисающая женская грудь. Абрис тип I.

Размеры статуи по факту: высота — 1,5 м, ширина — 0,65 м, толщина — 0,5 м.

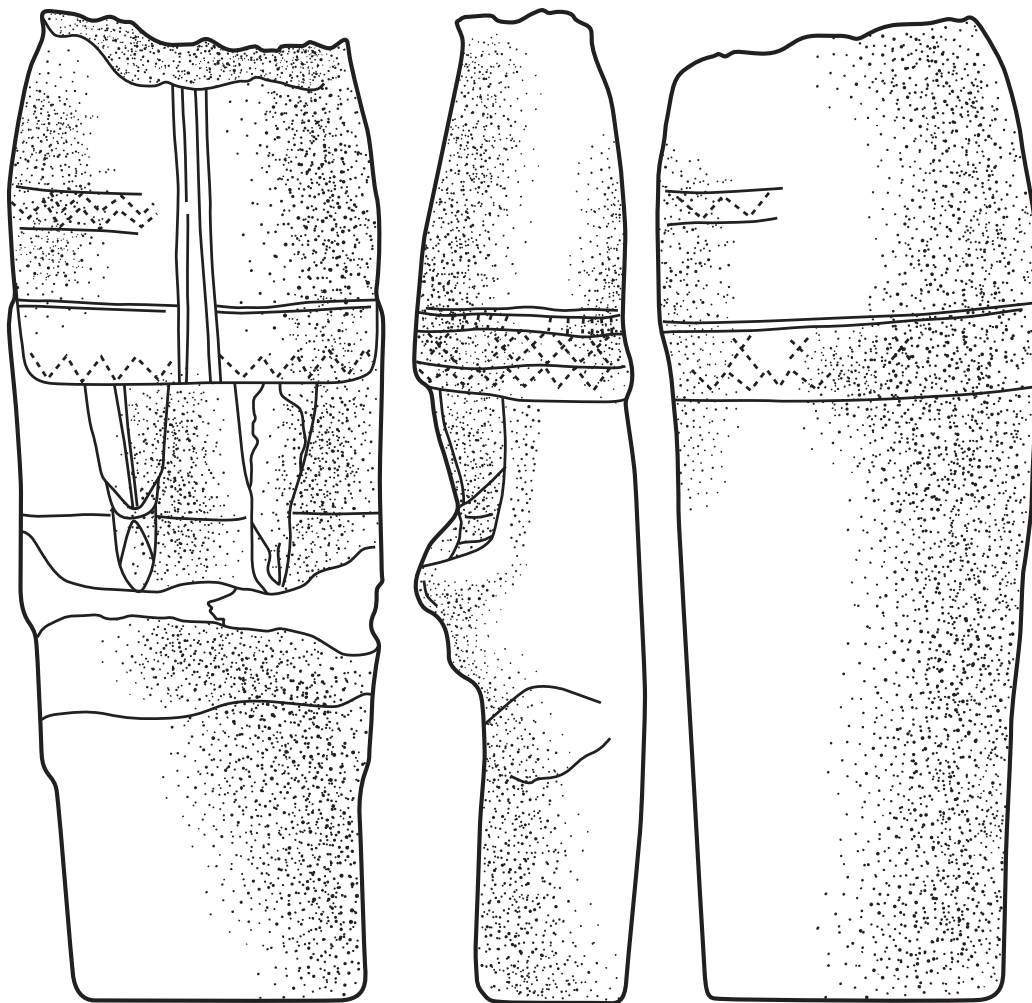
Сохранность неудовлетворительная, песчаник выветрен, правая сторона верхней части туловища отслоилась, голова частично реставрирована, но поверхность в целом продолжает активно разрушаться.

Статуя состоит на учете ГИМ г. Москва/ Архив ГИМ, 47/152.153, но находится в парке-музее г. Луганска.

Плетнева, 1974а. — С. 97 (862)

Красильников, 1999. — С. 82 (92), 128. — Табл. 33, 2.

0 10 см
└───┘

63. ИЗВАЯНИЕ 95, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП III, РУБЕЖ XII — XIII ВВ.

Луганская обл., Попаснянский р-н, с. Долиновка.

Обнаружено в 1990 г. О.В. Башкатовым в разрушенном кургане. Перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1991 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Сохранилась нижняя, от пояса, часть статуи. Излом давний. На туловище обозначен халат с разъемными полами, их низ оформлен орнаментальными нашивками. Прямые укороченные ноги в сапожках как бы «стоят» на подножке постамента.

Размер сохранившейся части: высота — 1,67 м, ширина — 0,6 м, толщина — 0,35 м.

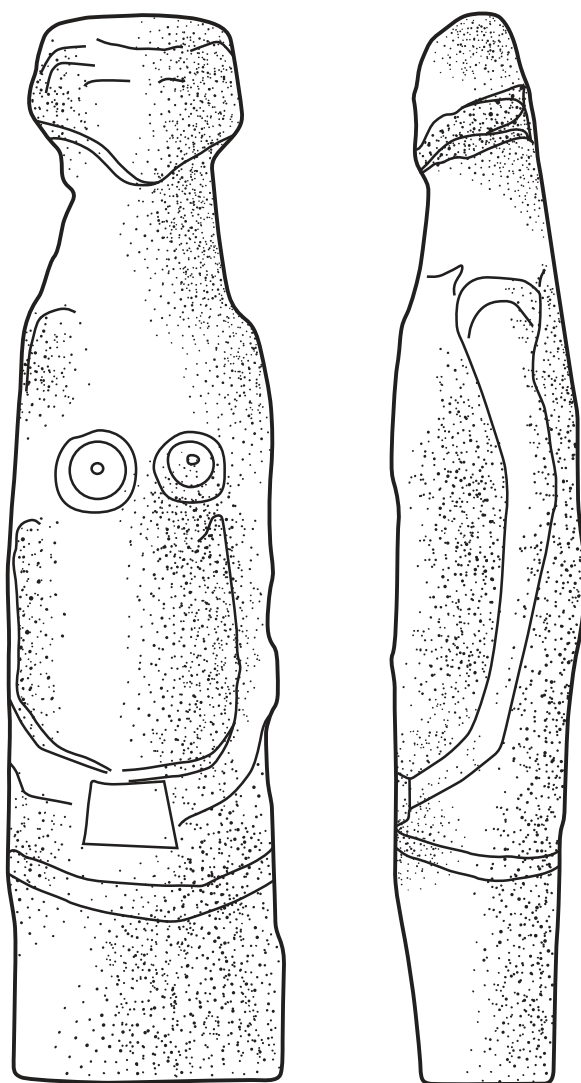
Сохранность фрагмента изваяния удовлетворительная, хотя имеют место повреждения механического характера. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 5710 А 5180

Красильников, 1999. — С. 83 (95), 127. — Табл. 32, 3.

0 10 см

64. ИЗВАЯНИЕ 97, СТОЛБОВИДНОЕ, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., г. Стаханов (пос. Борисовка).

Обнаружено О.В. Башкатовым в 1988 г. Перевезено в парк-музей г. Луганска

К.И. Красильниковым в 1990 г.

Первозданный вид скульптуры во многом утрачен. Голова, шея со следами поздней подтески, существенно изменившей формат статуи. Туловище столбовидное, на фронтальной его стороне прочерчены два двойных круга, имитирующие девичью грудь, плечи заужены. На боковых сторонах столба выделены тонкие согнутые в локтях руки, в которых «исполнен» сосуд, ниже его, в виде углубленности, изображен пояс.

Размеры: высота — 1,75 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,35 м.

Техническое состояние удовлетворительное. Изделие передано на временное хранение в народный музей с. Смоляниново Новоайдарского р-на Луганской обл.

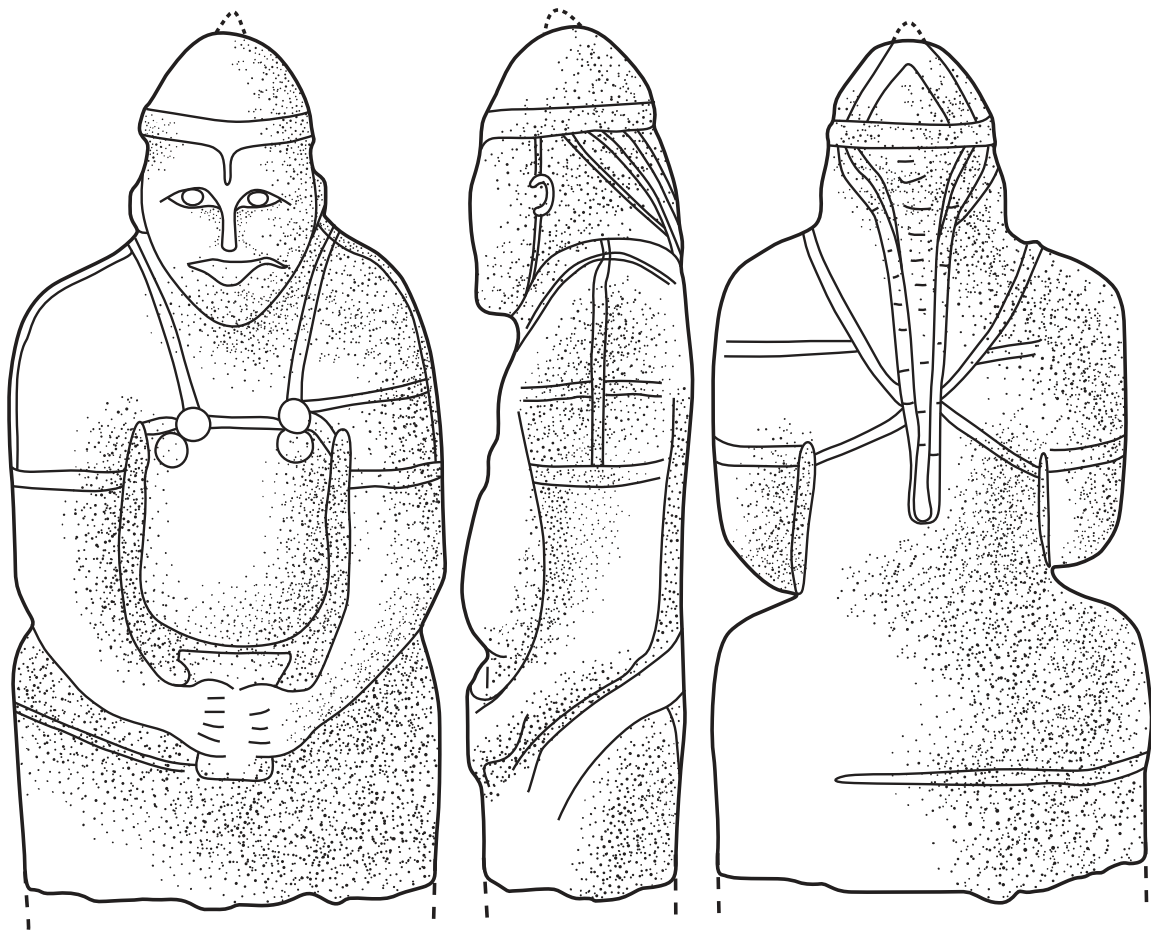
Инв. № ЛАЭМ КП 3957 А 3856

Красильников, 1999. — С. 83.(97).

0 10 см

65. ИЗВАЯНИЕ 99, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП III, СЕРЕДИНА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Славяносербский р-н, пос. Хорошее, находилась на насыпи разрушенного кургана.

Обнаружено и перевезено К.И. Красильниковым в 1975 г.

Скульптура мужская, композиция, видимо, «стоящая» (?). Личина овальная, портретная, лицо азиатского этнического вида. Голова округло-овальной формы, с специфической тюркской скуластостью и заостренным подбородком. На голове округлый шлем, вероятно был с навершием, по краю обрамлен ободом с налобной пластиной. Из-под шлема на спину свисают три косы, ниже соединенные в одну. На туловище видны ремни и бляхи амуниции, ее признаки прослежены и на спине. Живот выпуклый, под ним прослеживается, удерживаемый в руках, кубковидный сосуд. Нижняя часть статуи отбита, повреждения механического характера видны и в поясной области фигуры. В целом же поверхность тщательно заглажена. Абрис тип I.

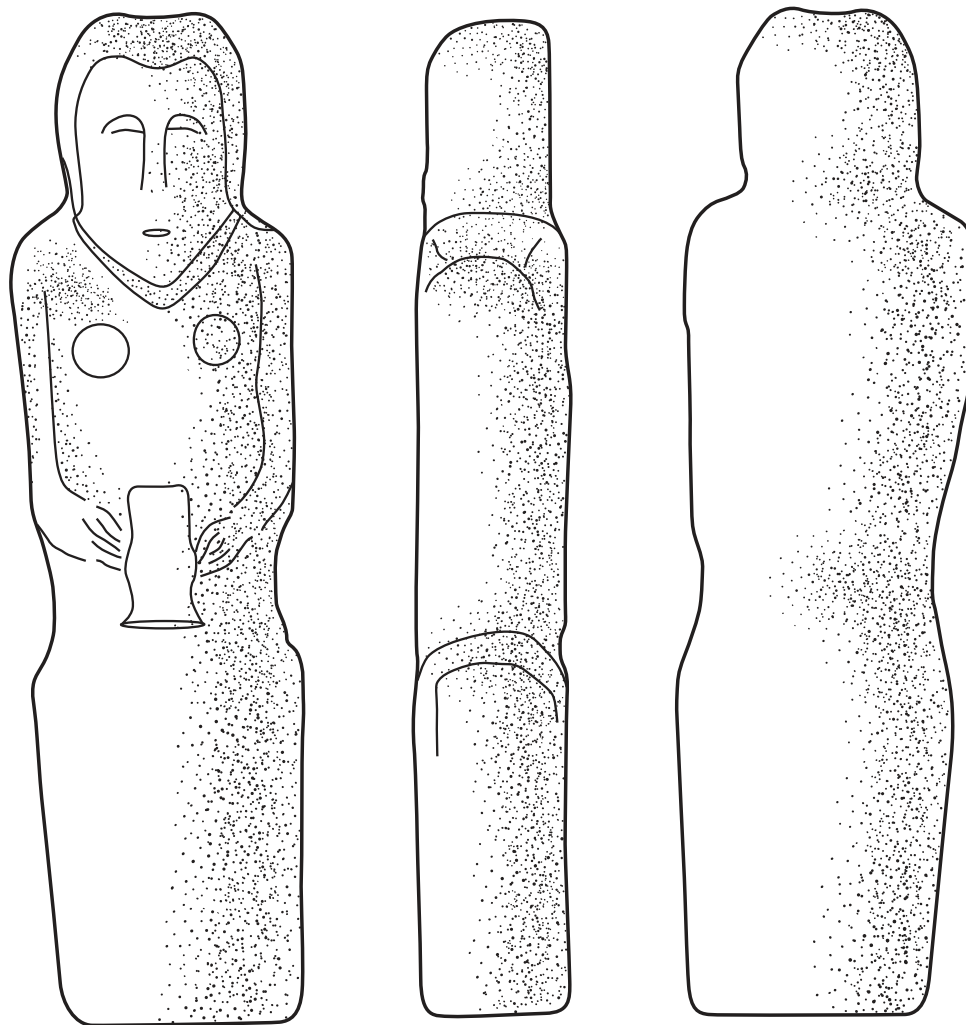
Размеры сохранившейся части: высота — 1,3 м, ширина — 0,6 м, толщина — 0,3 м.

Технические составляющие удовлетворительные. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 1201 А 1090

Красильников, 1999. — С, 83 (99), 129. — Табл. 34, 3.

0 10 см

66. ИЗВАЯНИЕ 101, СТЕЛО-СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII В.

Луганская область, точный адрес местонахождения утерян, но статуя из местных кварцитовых пород, одинаково, как и песчаники, известных в Подонцовье в основном на его левобережье.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова и личина подквадратных форм с плоским верхом, покрытым накидкой. Подбородок личины заострен. Лицо плоское, портретное, евротюркского этнотипа, брови дуговидные, глаза, нос и брови в Т-образном сочетании. Туловище в поясе приталенное. На груди выделены два круглых изображения диаметром 10 см, символизирующих девичью грудь, вдоль боковых сторон плиты контурно обозначены руки. Их кисти, на уровне пояса, «удерживают» удлинненно-цилиндрической формы сосуд. Нижняя часть статуи обработана, но изображений здесь нет. Это замечание касается и спины. Абрис тип II.

Размеры: высота — 1,48 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,2-0,23 м.

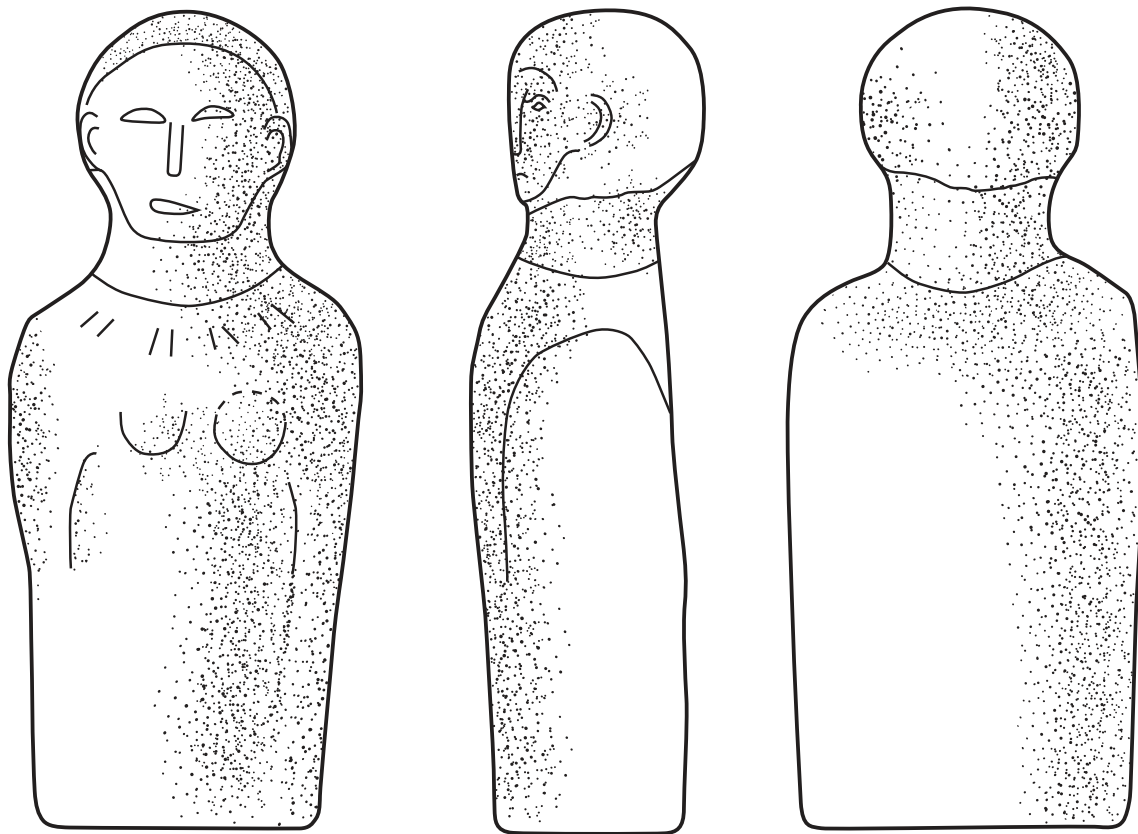
Состояние хорошее. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 5715 А 5185

Красильников, 1999. — С. 83 — 84 (101), 130. —Табл. 35, 1.

0 8 см

67. ИЗВАЯНИЕ 102, СТОЛБООБРАЗНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., Попаснянский р-н, с. Троицкое, в старой заброшенной части села. Обнаружено и перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1975 г.

Скульптура женская, композиция «стоящая». Голова округлая с признаками головного убора в виде накидки. Лицо с признаками портретности: рот, нос и брови в Т-образном сочетании. Туловище миниатюрное, на нагрудной части просматриваются ожерелье, ниже выпуклые округлости девичьей груди, обозначены контуры рук. Скульптуру, видимо, следует отнести к изделию сакралитета семейного статуса, изготовленном в упрощенном варианте. Об этом же свидетельствуют её размеры: высота — 0,7 м, ширина — 0,3 м, толщина — 0,2 м. Абрис тип III.

Сохранность неудовлетворительная, рыхлый песчаник существенно выветрен. Скульптура реставрирована и находится в парке-музее г. Луганска.

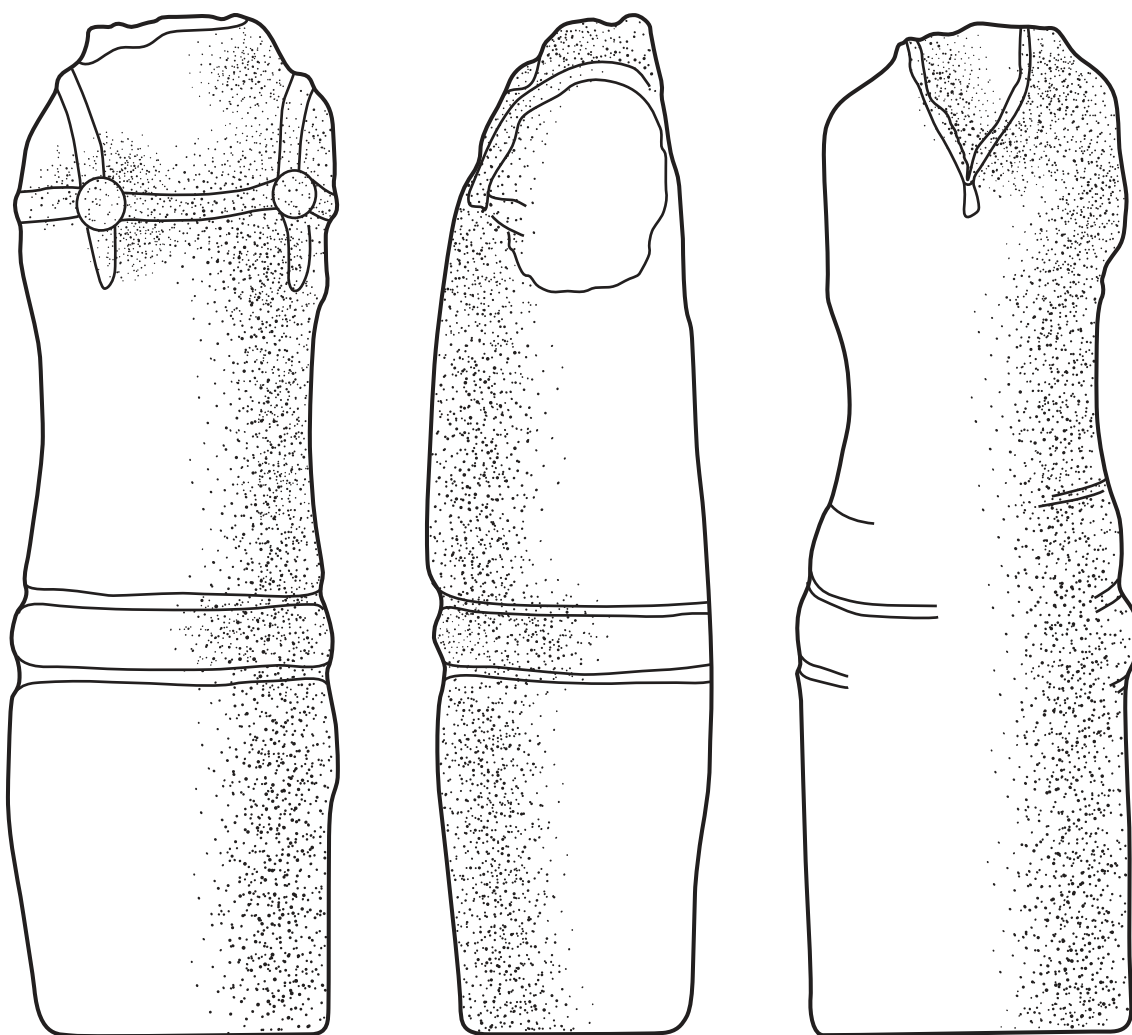
Инв. № ЛАЭМ КП 1202 А 1091

Красильников, 1999. — С. 84 (102), 133. — Табл. 38, 4.

0 11 см

68. ИЗВАЯНИЕ 111, СТОЛБОВИДНОЕ, ТИП VI, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII В.

Луганская обл., Попаснянский р-н, адресная привязка отсутствует.

Случайная находка в ходе разведок К.И. Красильникова в 1975 г. Тогда же перевезена в парк-музей г. Луганска.

Скульптура мужская, голова отсутствует, отбита в отдаленном прошлом, излом заметно окатан. На туловище изображена амуниция, включающая ремни и бляхи. Поясная часть слегка приталена, здесь же широкий, до 10 см, обозначенный двумя углубленными канавками пояс. Руки не прослеживаются, на спине две, соединенных в одну, косы. Абрис, вероятно, тип III.

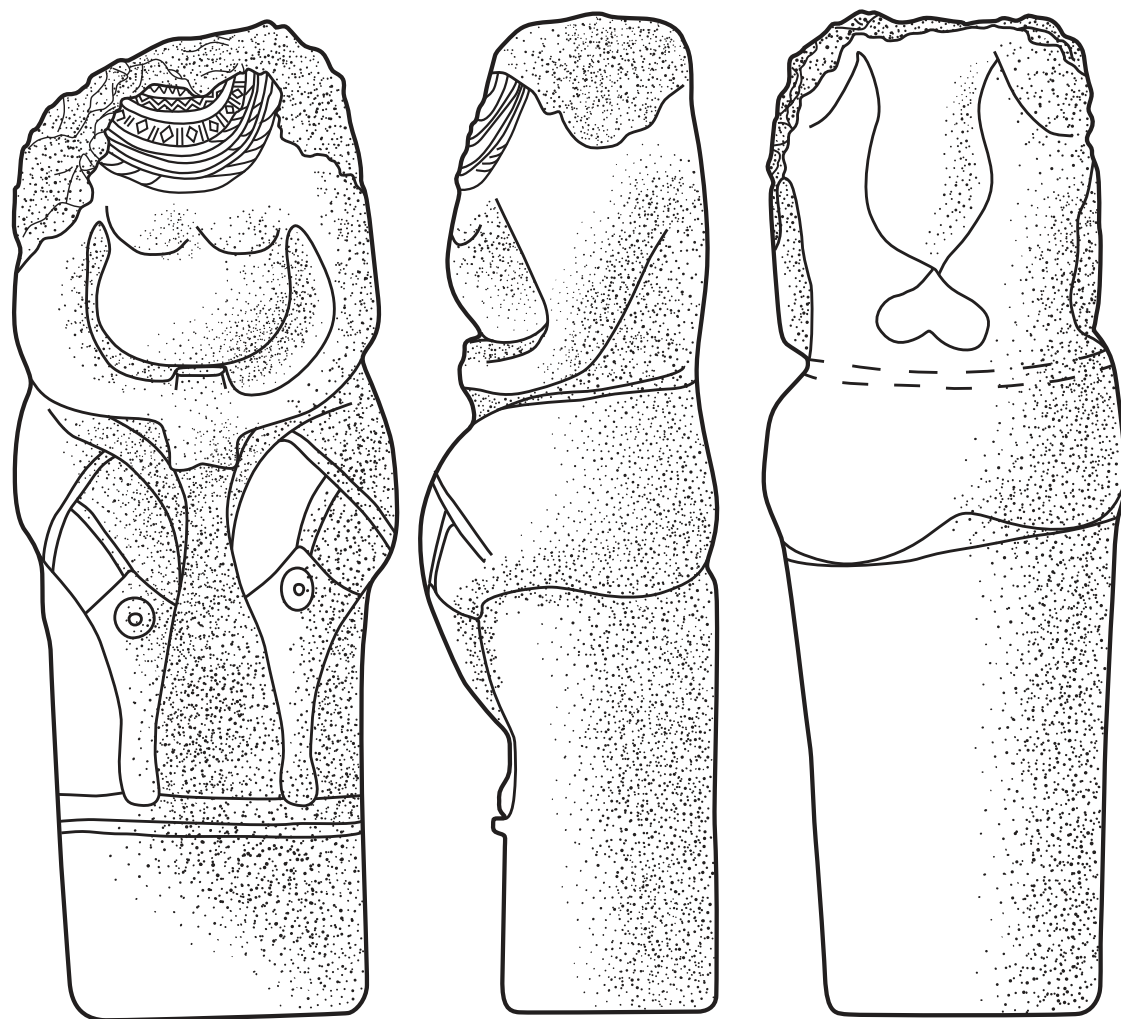
Сохранность рассматриваемой части статуи удовлетворительная, поверхность, плотного окварцеваного песчаника, заглажена.

Размеры сохранившейся части: высота — 1,4 м, ширина — 0,45 м, наибольшая толщина — 0,38 м. Находится в парке-музее г. Луганска.

Инв. № ЛАЭМ КП 5179 А 4651

Красильников, 1999. — С. 85 (111), 134. — Табл. 40.

0 10 см

69. ИЗВАЯНИЕ 116, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП V, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., Свердловский р-н. Точная привязка отсутствует

Перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 1997 г.

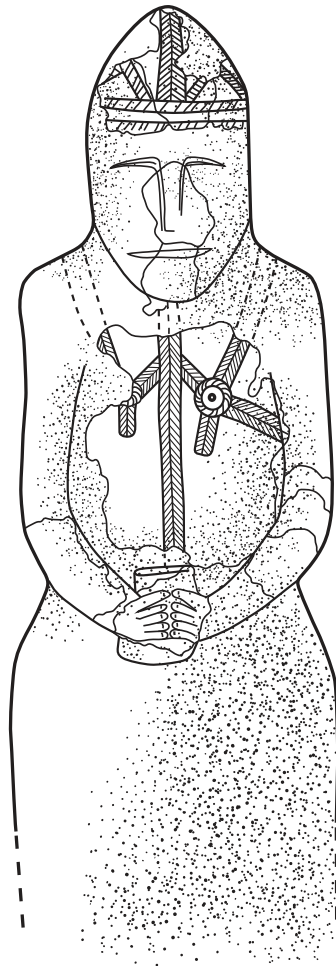
Скульптура женская, композиция классически «сидящая». Голова сбита в отдаленном прошлом. На грудной части исполнены серия ожерелий или шейных гривен, ниже обозначена небольшая женская грудь. Живот округлый, выпуклый, ниже его в обеих руках сосуд цилиндрической формы. Ноги, в тазобедренной части массивные, но укороченные, на них от пояса опущены поножи, удлиненные в голенищах сапожки. На спине накидка и лопасть фигурной формы. Статуя «сидит» на массивном постаменте. Абрис неопределяемый, но приподнятость головы над туловищем очевидна.

Размеры по факту: высота — 1,75 м, ширина — 0,58-0,66 м, толщина — 0,48 м.

Сохранность неудовлетворительная, верхняя и средняя части повреждены, песок подвержен выветриванию. Находится в парке-музее г. Луганска. Публикуется впервые. Инв. № ЛАЭМ КП 5714 А 5184

70. ИЗВАЯНИЕ 117, ОБЪЕМНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ХІІВ.

Луганская обл., Лутугинский р-н, с. Каменка (Палиевка). Изготовлено из мергеля.

Обнаружено в 1972 г. Н.И. Тарасенко на кургане с каменным панцирем, относящемся к поздней бронзе. Часть фрагментов головы и туловища из мергеля привезены К.И. Красильниковым в 1975 г. Исследования места сосредоточения обломков скульптуры, осуществленные в 2006 г. экспедицией ЛНУ, тогда же выявили еще серию фрагментов.

Реставрация определила мужской образ молодавого воина с портретным, тюркского этнотипа, выразительным лицом. Овально-округлая голова увенчана составным сфероконическим, оформленным узорочьем, шлемом. На туловище изображены детали амуниции, ремни, бляхи, украшенные елочным узорочьем. Руки, под выпуклым животом, удерживают сосуд биконической формы. По аналогии с изваянием 65, абрис определяем как тип II.

По результатам реставрации ее высота составила около 1,3 м.

Фрагменты изваяния хранятся в фондах археолого-этнографического музея ЛНУ г. Луганска. Публикуется впервые.

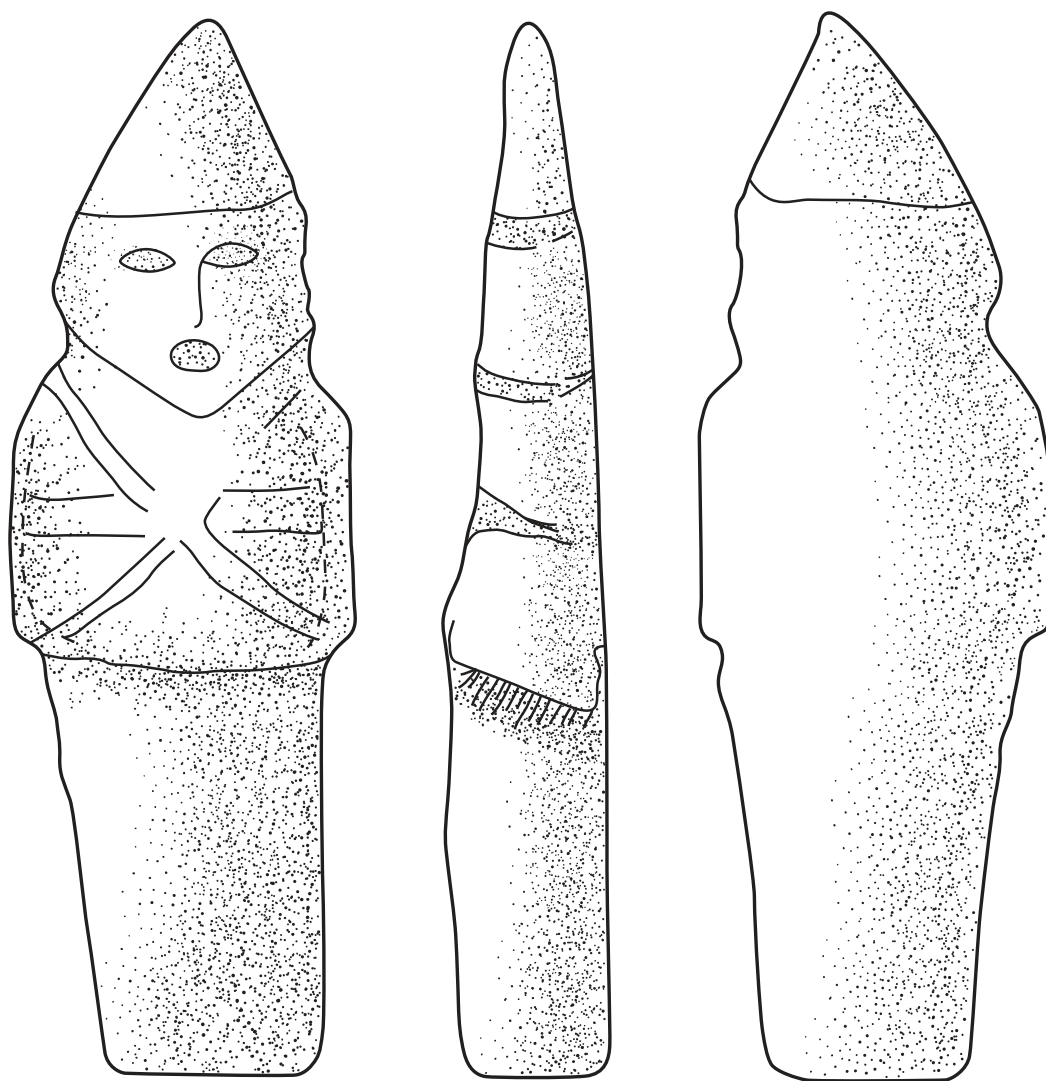
Инв. № ЛАЭМ КП 5720 А 5190

Красильников, Апареев, Пробейголова, Терехина. Отчет об археологических исследованиях Луганской области в 2006 году. // Наук. архів ЛАЭМ. — Ф. 2. Оп. 02-03. Д.60. Стр. 115. Док. 1. — Луганск, 2007. — С. 10–19.

71. ИЗВАЯНИЕ 118, ПЛОСКОЕ, СТЕЛОВИДНОЕ, МАЛЫХ ФОРМ, ТИП I, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., г. Вахрушево, в поле на восточной его окраине.

Обнаружено в 2004 г. местным жителем, перевезено в парк-музей г. Луганска К.И. Красильниковым в 2005 г.

Скульптура женская (?). Личина с заостренным подбородком и высоким, треугольной формы, головным убором. Лицо с элементами портретности. На туловище прослеживаем X-образное перекрестие ремней, нагрудный пояс, едва намечены контуры рук. Нижняя часть тулова в виде постамента. Абрис тип II.

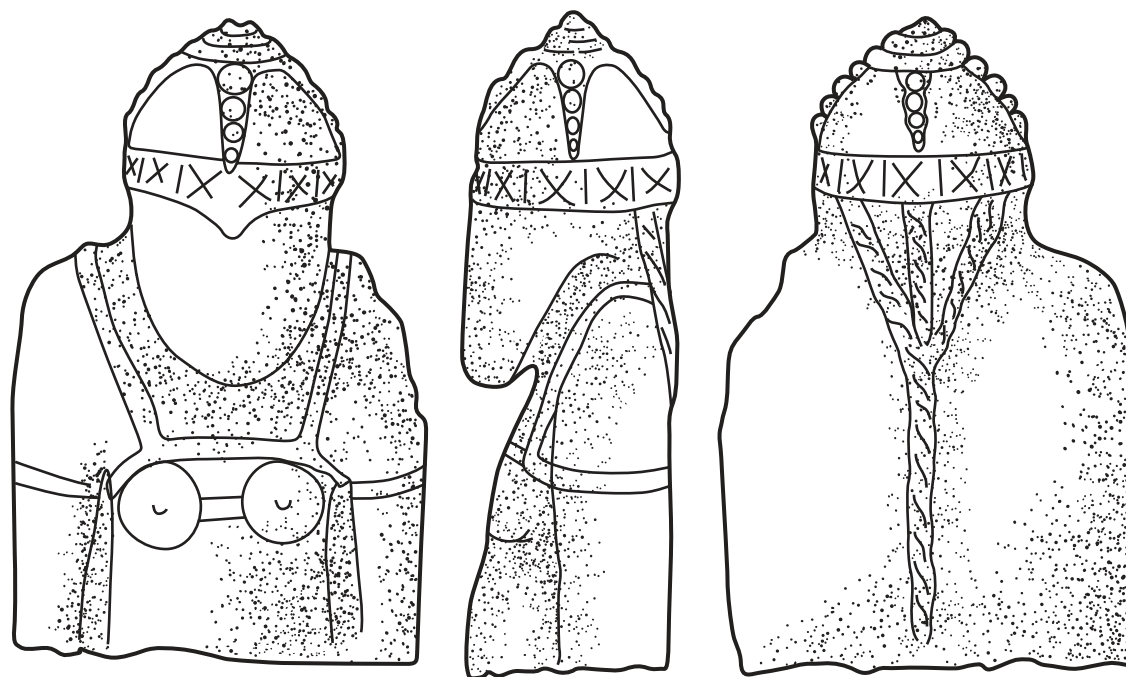
Размеры: высота — 1,05 м, ширина — 0,34 м, толщина — 0,15 м.

Сохранность удовлетворительная. Находится в парке-музее г. Луганска.

Публикуется впервые.

Инв. № ЛАЭМ КП 5712 А 5182

0 10 см

72. ИЗВАЯНИЕ 120, СТОЛБОВИДНОЕ, КРУГЛОЕ, ТИП НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЙ, ВЕРОЯТНО, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Луганская обл., г. Ровеньки.

Обнаружено местным краеведом С.Н. Лосенко, привезено в парк-музей г. Луганска К.И.Красильниковым в 2013 г.

Скульптура мужская, личина плоская овальная, без признаков портретности. Голова увенчана шлемом сфероконической формы, составленным из четырех секторов. Соединительные швы оформлены выпуклыми орнаментами-валиками. Ободок с носником дооформлен прямоугольниками, внутри которых крестовидные изображения. Из-под шлема на спину опускаются три косы, сплетенные в одну. На нагрудной стороне изображена амуниция, переброшенные через плечи и продетые под руки ремни, здесь же две защитные бляхи, но, возможно, и грудь девы. Абрис тип I.

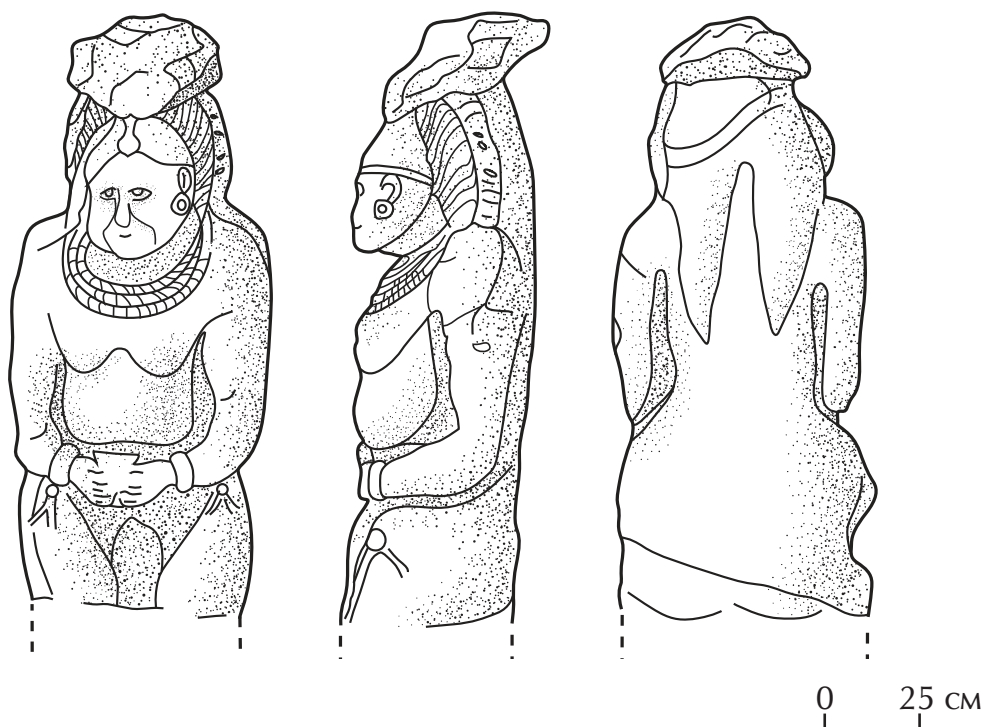
Размеры по факту сохранности: высота — 0,8 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,25 м. Инв.

Состояние допоясного фрагмента скульптуры удовлетворительное, но имеют место повреждения механического характера — шелушения и расслоения песчаника. Находится в парке-музее г. Луганска. Публикуется впервые.

№ ЛАЭМ КП 5721 А 5191

73. ИЗВЯЯНИЕ 122, КРУГЛОЕ, ТИП V, XII — НАЧАЛО XIII ВВ.

Луганская обл., г. Золотое 1 (Карбонит), ул. Луначарского, 35 у входа в кафе «Багира» (собственник Багиров И.Д.).

Привезено из с. Камышеваха (с. Бабивка), Попаснянского р-на. По преданиям из 30-х годов XX ст. на высоком всхолмлении с. Бабивка находилось около 20 «каменных баб», от того и этноним «Бабивка».

Скульптура женская, композиция «сидящая», с традиционной для XII — начало XIII вв. иконографией фигуры и гарнитурно-аксессуарными, бытовыми наборами. Поверхность статуи тщательно заглажена.

Голова со средним абрисом, подбородок выступающий. Личина округлая, образ с чертами европейской портретности взрослой персоны. Головной убор включает плоскую биретообразную шляпу, под ней облегающая голову шапочка, дополненная медальоном.

Боковые стороны личины обрамлены «рогообразными валиками», с косыми насечками, кольчатыми серьгами. На спину почти до пояса, опущены две остроконечные лопасти.

В передней стороне туловища, в технике высокого барельефа, проработаны руки, обнаженная грудь, над ней серия из трех ярусов украшений. Одежда в виде халата (кафтана), с запястными накладками. Руки удерживают сосуд банковидной формы с раструбообразным венчиком. На ногах ремни поножей. Спина, ровная и на ней изображены лишь лопасти.

Статуя грациальна, технически и художественно выполнена с высоким мастерством.

Размеры: высота по факту сохранности около 1,5 м, ширина тулова 0,6 м, толщина — 0,45 м. Изготовлена из местного песчаника в технике высокого горельефа. Заготовка, очевидно, происходит из карьера близ с. Калиново, г. Первомайска.

Сохранность удовлетворительная.

Данные о скульптуре публикуются впервые. Авторы публикации Г.М. Заблоцкий, К.И. Красильников, А. Толстоус (художник).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Апареева Е. К., Красильников К. И. Обрядовая практика половецкого святилища Донецкого кряжа. Степи Восточной Европы в средние века // Сб. памяти Плетнёвой С. А. М. «Авторская книга». 2016. С. 327–341.
- 1.a Аристов Н.О. О земле половецкой : (историко-географический очерк). К.: Тип. В. И. Давиденко, 1877. 26 с.
2. Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220–235.
3. Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. Л., 1961. С. 57–87.
4. Багалея Д.И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Тр. XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г. Т. 1. / Под ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. 751 с.
5. Багрянородный Константин. Об управлении империей // Изв. ГАИМК. Вып. 91. Л., 1934.
6. Баскаков Н.А. Река Каяла в «Слове» и река Сюурлий в русских летописях // «Слово о полку Игореве и его время». М.: Наука, 1985а. С. 241–248.
7. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985б. 211 с.
8. Безертинов Р.Н. Татары, тюрки – потрясатели Вселенной (История великих империй). Луганск, 2009. 752 с.
9. Бейлис В.М. Ал-Идриси о Восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1982. С. 208–228.
10. Братченко С.Н. Лук і стріли доби енеоліту-бронзи // Археологія. 1989. № 4. С. 70–82.
11. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. 196 с.
12. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–III. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1953. 1200 с.
13. Великая Скифия: Учеб. пособие для спец. курса лекций по археологии / Отв. ред. В. Мурзин, Г. Н. Тощев и др. Запорожье, 2002. 338 с.
14. Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // ЗООИД. Т. XXXII. Одесса, 1915. С. 408–444.
15. Гаврилюк Н.О., Красильников К.І. Поховання перед скіфського часу біля сел Піонерське, Передільське і Кіровське у Північному Приазов'ї // АДУ за 2005 р. Київ-Запоріжжя, 2006. С. 423–424.
16. Гераськова Л.С. Половецкая статуя из с. Чернухино // СА. 1974. № 3. С. 256–257.
17. Гераськова Л.С. О материалах средневековой кочевнической скульптуры Евразийских степей // Археол. исслед. на Украине в 1978–1979 гг.: Тез. докл. конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980. С. 161.
18. Гераськова Л.С., Багно Г.Ф. К проблеме локализации центров изготовления скульптур половец на основе геологических данных // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. К., 1981. 140 с.
19. Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.: Наукова думка, 1991. 132 с.
20. Гераськова Л.С. Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья // STRATUM-plus. Неславянское в славянском мире. Санкт-Петербург-Кишинёв-Одесса, 1999. № 5. С. 408–430.

- 20а. Гераськова Л.С., Писларий И.А. Работы в Провальской степи // АО – 1978. М., 1979. С. 316–317.
21. Геродот. История в 9 книгах. Кн. 4. Мельпомена. Л., 1972. 600 с.
22. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
23. Горелик А.Ф., Тарасенко Н.И. Женское изображение на ретушере из палеолитического местонахождения Рогалик VIII на Северском Донце // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1. Луганск, 1993. С. 28–34.
24. Горбунов В.В. Наследие тюркских каганатов в военном деле средневековых кочевников Евразийских степей // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009. 308 с.
25. Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 1. / Под ред. П. С Уваровой. М., 1905. С. 226–340.
26. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, в 1903г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. Т. 1. / Под ред. П. С. Уваровой. М., 1907. С. 211–285.
27. Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк / Под ред. В. Я. Янина. М.: МГУ, 1971. 200 с.
28. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 96 с.
- 28.а. Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы, в связи с некоторыми новыми данными. СА. XII М–Л. 1950. С. 128–156.
29. Гугуев Ю.К. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2001. № 3–4 (12–13). С. 72–83.
30. Гугуев Ю.К., Гуркин С.В. Половецкое святилище середины XI – начала XIII вв. на правобережье Нижнего Дона // Донские древности Вып. 1 / Под ред. В.Я. Кияшко, В.Е. Максименко. Азов, 1992. С. 114–143.
31. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. 504 с.
32. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2002. 527 с.
33. Гуревич А.Я. Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 350 с.
34. Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. 1987. № 4. С. 100–109.
35. Гуркин С.В. К вопросу о семантике половецких святилищ // Историко-археологические исследования в г. Азове и Нижнем Дону в 1987г. Азов, 1989. С. 39–43.
36. Гуркин С.В. Святилище половецкого времени с каменными изваяниями на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и Нижнем Дону в 1990г. Вып. 10. Азов, 1991. С. 103–113.
37. Давня історія України / Редкол. П.П. Толочко (голова) та ін. Т. 1. К.: Наук. думка, 1997. 558 с.
38. Давня історія України / Редкол. П.П. Толочко (голова) та ін. Т. 2. К.: Наук. думка, 1998. 238 с.
39. Давня скульптура і пластика України: в 5 томах. Т. II. Доба бронзи. К.: Родовід, 2009. 176 с.
40. Дашкевич Я.Р, Трыярски Э. Каменные бабы Причерноморских степей: коллекция из Аскании – Нова. Вроцлав: Институт истории материальной культуры ПАН, 1982. 370 с.
41. Довженко Н.Д. Поховання з антропоморфними стелами у світлі етнографічних матеріалів // Археологія. 1979. № 32. С. 27–35.
42. Довженко Н.Д. Проблеми дослідження мегалітичних пам'яток України // Праці Центру пам'яткознавства. Вип. 2. К., 1993. С. 21–31.
43. Довженко Н.Д., Рычков Н.А. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. К., 1988. С. 27–40.

44. Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века // СА. 1985. №2. С. 166–171.
45. Евглевский А.В. Культурное захоронение половецких каменных изваяний в святилище на Мечетном поле в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. Луганск: ВУГУ, 1996. С. 214–224.
46. Евглевский А.В. Культурные комплексы средневековых тюрков с каменными изваяниями животных: распространение, датировка, семантика // Археология восточноевропейских степей. Материалы научной конференции (Воронеж, 18–20 декабря 2015 г.). Воронеж, 2016. (в печати.)
47. Евдокимов Г.Л. Памятники скифского монументального искусства // Новейшие открытия советских археологов: Тезисы доклада на конференции Ч. 2 / Отв. ред. В. Д. Баран. К., 1975. 182 с.
48. Евдокимов Г.Л. Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К., 1991. С.187–213.
49. Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.И. Отчет о раскопках курганов у с. Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975г. // Науковий архів ІА НАН України. Ф. 6. Од.зб. 1975/50.
50. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М.; Л., 1952. № 24. С. 72–120.
51. Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СА. 1959. №2. С. 187–197.
52. Елкина А.К. Редчайшие образцы византийского шитья и ткачества // Наука и жизнь. 1983. № 7. С. 80–82.
53. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Бородка в иконографии древнетюркских изваяний // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Тр. САИПИ. Вып. IX. Москва–Кемерово, 2012. С. 97–110.
54. Ефремов А.С., Курило В.С., Бровченко И.Ю. и др. История Луганского края: Учеб. пособие. Луганск: Альма-матер, 2003. 432 с.
55. Зуев В.Ф. Путешественные записки Василя Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. СПб.: Императорская академия наук, 1787. 273с.
56. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988. 92 с.
57. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Луганск–Свердловск, 2003. 78 с.
58. Квітницький М.В. Поховання кочівника XII ст. в с. Зеленьки // АДУ за 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 159–160.
59. Кисилев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.; Л., 1949. 364 с.
60. Ключнева И.Н., Ключнев М.Н. Курган эпохи бронзы – средневековья у с. Лимаревка // Древности Северского Донца. Вып.5. / Ред. В.О. Манько. Луганск: Шлях, 2001. 107 с.
61. Книга Большому чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
62. Княжевич Д. Каменные бабы // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844. С. 596–598.
63. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу 921–922 гг. Харьков: ХГУ, 1956. 343 с.
64. Ковпоненко Г.Т., Гаврилюк Н.А., Евдокимов Г.Л. Курганы у с. Ковалёвка // АДУ за 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 363–388.
65. Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. М.: Индрик, 2004. 312 с.
66. Комнин Анна. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина. Ч.І. СПб.: Типография департамента уделов, 1859. 455 с.

67. Копыл А.Г., Татаринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 52–71.
68. Корзухина Г.Ф. Еще раз о Тмутараканском болване // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 25–29.
69. Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойко А.А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая Гора» на юге Воронежской области // Донская археология. Ростов н/Дону, 2000. № 3–4. Рис. 4–6.
70. Кравченко Э.Е. Мусульманские поселения среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 153–187.
71. Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах. Донецк, 1998. № 7. С. 113–140.
72. Кравцова Н.А., Стадник О.В. Грунтовый могильник периода Золотой орды у с. Передельское на Луганщине // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: СНУ, 2005. № 4. С. 300–317.
73. Красильников К.И. Раннепеченежское погребение в с. Горшковка // СА. 1978. № 4. С. 261–263.
74. Красильников К.И. Древнее камнерезное искусство Луганщины. Луганск: Шлях, 1999. 136 с.
75. Красильников К.И. Половецкие изваяния среднего Подонцовья: Типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 227–244.
76. Красильников К.И. Антропоморфні стели доби середньої бронзи із Подонців'я // Археологія. 2001а. № 3. С. 132–143.
77. Красильников К.И. К вопросу о монгольском периоде на среднем Подонцовье // Средневековые древности Евразийских степей. Вып. 15. Воронеж: ВГУ, 2001б. С. 214–224.
78. Красильников К.И. О семантике антропоморфных стел из степного Подонцовья // Матеріали Міжнародної наукової конференції. Луганськ: СНУ, 2002. С. 88–98.
79. Красильников К.И. Тюркское камнерезное искусство в степях Юго-Восточной Украины // Изобразительные памятники. Материалы V научной конференции. Санкт-Петербург, 2004. С. 181–188.
80. Красильников К.И. Камнерезное искусство Азии в степях восточной Украины // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2005. № 5. С. 57–65.
81. Красильников К.И. Средневековый сакральный комплекс в степном Подонцовье // Дън слово. К., 2008а. С. 304–310.
82. Красильников К.И. Новые артефакты к истории восточноевропейских степей I тыс. до н. эры – начала II тыс. н. эры // Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока. Луганск: ЛНУ им.Т.Шевченко, 2008б. С. 89–114.
83. Красильников К.И. Безмолвные свидетели истории // Достояние поколений. М., 2010. № 1 (8). С. 18–23.
84. Красильников К.И., Гурин Ю.Г. Отчет о проведении спасательных работ в зоне разрушаемого могильника у с. Пионерское Станично-Луганского района Ворошиловградской области в 1987–1988 гг. Ворошиловград 1988. / Науковий архів ІА НАН України. Од. зб. 1987-88/61, 23061–62. 79 с.
85. Красильников К.И., Тельнова Л.И. Древние изваяния из Подонцовья эпохи меди-бронзы // Вісник ЛДПУ ім. Тараса Шевченка. Луганськ, 1999. № 9 (19). С. 65–74.
86. Красильников К.И., Апареева Е.К. Парк-музей древнего камнерезного искусства // Освіта Донбасу. Луганськ, 2002. № 1 (91). С. 20–26.

87. Красильников К.И., Апареева Е.К. История края XI–XIII вв. в камнерезном искусстве Донецких половцев // Освіта Донбасу. Луганськ, 2002. № 2 (92). С. 30–39.
88. Красильников К.И., Красильникова Л.И. Могильник у с. Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005. С. 187–244.
89. Красильников К.И., Красильникова Л.И. К вопросу о строительных тенденциях форта Красное городище // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. / Отв. Ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ФГБОУ «ЛГПУ», 2014. С. 416–422.
90. Красильникова Л.И., Красильников К.И. Комплексное святилище в степном Подонцовье // Дивногорский сборник. Вып. 1. Воронеж, 2009. С. 179–193.
91. Красильников К.И., Пробейголова А.С. Курганы у с. Каменка на Донецком кряже // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: СНУ, 2009. № 9. С. 226–250.
92. Красильников К.И., Красильникова Л.И., Терёхина В.В. Изделия искусства кочевнических комплексов XII–XIV веков Подонцовья // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 10. Луганськ: СНУ, 2010. С. 257–262.
93. Красильников К.И., Пробейголова А.С., Худякова О.В. Некрополь катакомбного времени и антропологический образ погребенных // Матеріали та дослідження археології Східної України. Луганськ: СНУ, 2013. № 12. С. 128–137.
94. Крылов А.Л. Сведения о каменных бабах, находящихся в области Войска Донского // Архив ГИМ. 47/434, 436. Его же. О старине Донской области / Тр. VI Археологического съезда. Т. IV. Одесса: Типография А. Шульца, 1889. С. 26–78.
95. Крылова Л.П. Каменные бабы. Каталог. Днепропетровск, 1976а. 101 с.
96. Крылова Л.П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. К.: Наук. думка, 1976б. С. 36–46.
97. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 77с.
98. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. 170 с.
99. Кулаков В.И. Ирзекапинис. Неславянское в славянском мире // Stratum plus. Санкт–Петербург–Кишинев–Одесса, 1999. С. 211–273.
100. Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний изображающих людей // СА. 1964. № 2. С. 27–40.
101. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.
102. Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980. С. 135–164.
103. Кызласов И.Л. Мечи из Прииртышья на фоне рубящего оружия степей Евразии // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 72–79.
104. Кызласов И.Л. Ряд особенностей археологического изучения тюркских народов в России // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2010. 337 с.
105. Ларенок В.А. Половецкие изваяния из фондов Таганрогского музея-заповедника // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2001. С. 79–89.
106. Лашук Л.П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. 1967. № 4. С. 25–39.
107. Леваковский И.Ф. Об ископаемых медных изделиях, найденных в Бахмутском и Славяно-сербском уездах // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в Екатеринославе. Сборник Харьковского историко-филологического общества: Т. 16. Харьков, 1905. С. 578–581.
108. Лисянский А.С. Конец Дикого поля. Донецк: Донбасс, 1973. 127 с.

109. Лукашенко Л. «Проклятие печенежского шамана» // Газета «XXI век». Луганск, 1996. № 16.
110. Луцкий П.И., Пичугин Б.В., Татоли И.А., Федченко Ю.И. Тайны минералов. Донецк, 1980. 96 с.
111. Лясота Э. Дневник Эриха Лясоты из Стеблева // Мемуары относящиеся к истории Южной Руси / Под ред. В. Антоновича. Вып. I (XVI ст.). К., 1890. 141 с.
112. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.
113. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. Т. XXIII. С. 131–168.
114. Михайлов Борис. Каменная могила – подземный «Эрмитаж» Приазовья. К., 2007. 159с.
115. Монгайт А.Л. Надпись на камне. М., 1969. 111 с.
116. Низами Гянджеви. Искандер-намэ. Пять поэм. М.: Худ. лит-ра, 1968. 863 с.
117. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 41–43.
118. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры (памятники) Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 4–26.
119. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Горские барельефы и проблема выделения раннекатакомбного горизонта на юге Восточной Европы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: ИПК ун-т, 2014. С. 96–111. Рис. 2; 3.
120. Отрощенко В.В. З приводу незабутньої містифікації // Донецький археологічний збірник. Донецьк, 2011. №15. С. 184–188.
121. Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. Половецкий комплекс Чингурського кургану // Археологія. 1986. Вип. 53. С. 14–36.
122. Пассек В. Курганы и городища в Харьковском, Васильковском, Полтавском уездах // Русский исторический сборник. Санкт-Петербург, 1838–1840. Т. 3, кн. 2. С. 201–229.
123. Пискарев А.И. О местонахождении каменных баб в России // ЗРАО. Санкт-Петербург, 1851. С. 205–220.
124. Писларий И.А., Дубовская О.Р. Отчет Северскодонецкой экспедиции об исследовании кургана у с. Преображенное Сватовского района в 1977 г. // Научный архив ИА НАН Украины. Ф. 1977/13. Ед. хр. 8324.
125. Писларий И.А., Филатов А.П. Тайны степных курганов. Историко-краеведческий очерк / Под ред. С.Н. Братченко. Донецк: Донбасс, 1972. 137 с.
126. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. 62 / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226.
127. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ Е 4–2 / Под. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1974а. 200 с.
128. Плетнева С.А. Женская половецкая статуя с ребенком // СА. 1974б. № 3. С. 258–261.
129. Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. С. 260–300.
130. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. 190 с.
131. Плетнева С.А. Донецкие половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 249–281.
132. Плетнева С.А. Половцы / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1990. 206 с.
133. Плетнева С.А. Половцы у себя дома // Татар археологиясе. Вып. № 1–2 (6–7). Казань, 2000. С. 132–168.

134. Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж: ВГУ, 2003. 248 с.
135. Попова Е.А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1. С. 108–121.
136. Пробейголова А.С., Красильников К.И. Отчет о раскопках поселений конца эпохи бронзы, раннего средневековья возле г. Зимогорье Славяносербского района и с. Давыдо-Никольское Краснодонского района Луганской области в 2012 г. // Архив ЛАЭМ Ф.2. ОП.02-03. СПР.66. АРК.186. ДОК.1.
137. Пятышева Н.В. Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ. М.; Л., 1946. С. 175–181.
138. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.
139. Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенег, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. Серия «Материалы и исследования». Т. I. М., 2012. 238 с.
140. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 295 с.
141. Рычков Н.А. К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979. С. 14–20.
142. Санжаров С.Н. Лисичанская антропоморфная стела // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 2009. № 9. С. 32–43.
143. Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньчжурии. Саратов, 1978. 21 с.
144. Скрипов А.И. На просторах Дикого поля. Ростов н/Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. 136 с.
145. Смоляк А.Р., Красильников К.И. Отчет Свердловского отряда ВГПИ об охранных раскопках на территории Свердловского района Ворошиловградской области. Ворошиловград, 1984. // Архив ЛОКМ Р. 2. ОП. 02–23–1. ОПР. 3.
146. Снегирев В. В. «Немые свидетели» // Газета «Комсомольское знамя» (от 30 апреля 1990 г.). Луганск, 1990. №7.
147. Советова О.С. К семантике двупольных персонажей в наскальном искусстве // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Тр. САИПИ. Вып. IX. Москва–Кемерово, 2012. С. 56–67.
148. «Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнин (1068–1118)». Труды Анны Комнин. Серия «Византийские истории» Ч. I. 13 / Ред. Карпова В.И. Санкт-Петербург, 1859. 1005 с.
149. Соколова З.П. Культ животных в религии. М., 1972. 215 с.
150. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М., 1981. 304 с.
151. Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.: Наука, 1964. 438 с.
152. Татаринов С.И. Новое каменное изваяние из Донецкой области // СА. 1977. № 3. С. 281–282.
153. Телегін Д.Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. № 4. С. 3–17.
154. Телегін Д.Я. Вартові тисячоліть. К.: Наук.думка, 1991. 79 с.
155. Тереножкин А.И. Киммерийцы. К.: Наук. думка, 1976. 223 с.
156. Терещенко А.В. О могильных насыпях и каменных бабах Екатеринославской и Таврической губерниях // Чтение в Общ. истории и древн. Российских. Т. 4. М.: Университетская типография, 1866. С. 1–37.
157. Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.: Абрис, 1999. С. 108–158.
158. Толочко А.П. Тмутараканский болван // Ruthenica. Т. 7. К., 2008. С. 193–201.

159. Трефилюев Е.П. Курганы с каменными бабами Купянского уезда // Тр. XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. Т. I / Под. ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. С. 141–145.
160. Тур Хейердал. Аку-Аку. Тайна острова пасхи. К.: Молодая гвардия, 1959. 398 с.
161. Уваров А.С. Сведения о каменных бабах / Труды I Археологического съезда Т. II / Под ред. А.С. Уварова. М.: Синодальная Типография на Никольской улице, 1871. С. 501–521.
162. Уварова П.С. К вопросу о каменных бабах // Тр. XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905 г. Т. 2 / Под. ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1908. С. 92–97.
163. Удовиченко А.І. Стели з розвідок у Тельманівському районі Донецької області // АДУ за 2002–2003 рр. К.: ІА НАН України. С. 59–60. Рис. 1.
164. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 276 с.
165. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой орды // Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
166. Фири О., Дэн С. Скифские изваяния – святое место Луганска // Газета «Жизнь Луганска» (от 29 сентября 1995 г.). Луганск, 1995. № 40 (247).
167. Фисуненко О.П., Жадан В.И. Природа Луганской области. Луганск, 1994. 227 с.
168. Формозов А.А. Материалы к изучению эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 137–143.
169. Формозов А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6. С. 177–184.
170. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // МИА. №165. М., 1969. 254 с.
171. Фурдуй Р., Швайдай Ю. Прелесть тайны. К.: Либідь, 1992. 192 с.
172. Халиков А.Х. Лесостепные и степные племена и народы Среднего Поволжья в эпохи раннего и развитого средневековья. Казань, 1982. 156 с.
173. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань, 1986. 160 с.
174. Харламов В.А. О каменных бабах Донской области // Тр. XIII. Археологического съезда в г. Екатеринославе 1905 г. Том II / Под ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типогр. А.И. Мамонтова, 1908. С. 236–239.
175. Хлебников В. «Каменная баба» // Сб. произв. Владимира Хлебникова. Т. IV. Ленинград, 1930.
176. Храпачевский Р.П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) // МИА. Том II. Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей. М., 2013. 126 с.
177. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 175 с.
178. Черных Е.А., Санжаров С.Н. Раннекатакомбный курган из п. Березова (г. Лисичанск) на Северском Донце // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 10. Луганськ: СЛУ, 2010. С. 123–141.
179. Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. №4. С. 153–166.
180. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. 1979. №2. С. 179–191.
181. Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980. С. 213–234.

182. Чариков А.А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // СА. 1986. №1. С. 87–103.
183. Чариков А.А. Половецкое каменное изваяние из Тверского государственного музея // Средневековые древности Евразийских степей. Вып. 15. Воронеж, 2001. С. 18–194.
- 183а. Черненко Е.В. Поход Дария в Скифию // Древности степной Скифии: сб. науч. ст. К.: Наук.думка, 1982. С. 13, 18–20, 26–32.
184. Чириков Г.С. Указатель книг и брошюр, напечатанных в Харькове с 1805 по 1879 год. Харків: Типографія Харьковського губернского правления, 1890. 61 с.
185. Чириков Г.С. Каменные бабы в Харьковской губернии. Харьков, 1901. 24 с.
186. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ. Вып. 1–3. К.: Наук. думка, 1986. 160 с.
187. Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1. С. 199–210.
188. Швецов М.Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. 1984. № 13. С. 192–202.
189. Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: АН СССР, 1966. 140 с.
190. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков: ХГУ, 1962. 404 с.
191. Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1967. С. 225–237.
192. Щепинский А.А. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму // СА. 1958. № 2. С. 143–149.
193. Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 3–61.
194. Щепинський А.А. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія. 1973. № 9. С. 20–27.
195. Эварницкий Д.И. Каменные бабы // Исторический вестник. Т. 41. М., 1890. С. 184–194.
196. Эварницкий Д.И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Тр. XIII Археологического съезда в Екатеринославле. 1905. Т. I. / Под редакцией П.С. Уваровой. М.: Типогр. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. С. 108–158.
197. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Собр. соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 28–178.
198. Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки / Ред. Баскаков Н.А. и др. М., 1966. 348 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

АВУ	-	Археологічні відкриття на Україні
АДУ	-	Археологічні дослідження на Україні
АО	-	Археологические открытия
АСГЭ	-	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВГУ	-	Воронежский государственный университет
ВДИ	-	Вестник древней истории
ГАИМК	-	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	-	Государственный исторический музей
ЗООИД	-	Записки Одесского общества истории и древности
ЗРАО	-	Записки русского археологического общества
ИОЛЕАЭ	-	Известия Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии при МГУ
ЛАЭМ	-	Луганский археолого-этнографический музей
ЛДПУ	-	Луганський державний педагогічний університет
ЛНУ	-	Луганський національний університет імені Тараса Шевченка
ЛОКМ	-	Луганский областной краеведческий музей
МГУ	-	Московский государственный университет
МИА	-	Материалы и исследования по археологии СССР
СА	-	Советская археология
САИ	-	Свод археологических источников
Сб	-	Сборник
СНУ	-	Східноукраїнський університет імені В. Даля
СОГУ	-	Северо-осетинский государственный университет
СЭ	-	Советская этнография
СП-б	-	Санкт-Петербург
Тр.АС	-	Труды археологического съезда
Тр. САИПИ	-	Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства
УОИДР	-	Украинское общество истории Древней Руси
ХГУ	-	Харьковский государственный университет

Красильников К.И., Апареева Е.К.
Диалог культур в камнерезном искусстве.
По материалам статуарных комплексов Степного Подонцовья

Научное издание
Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.12.2021 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная Усл.печ.л. 42,78
Заказ Тираж 300 экз.